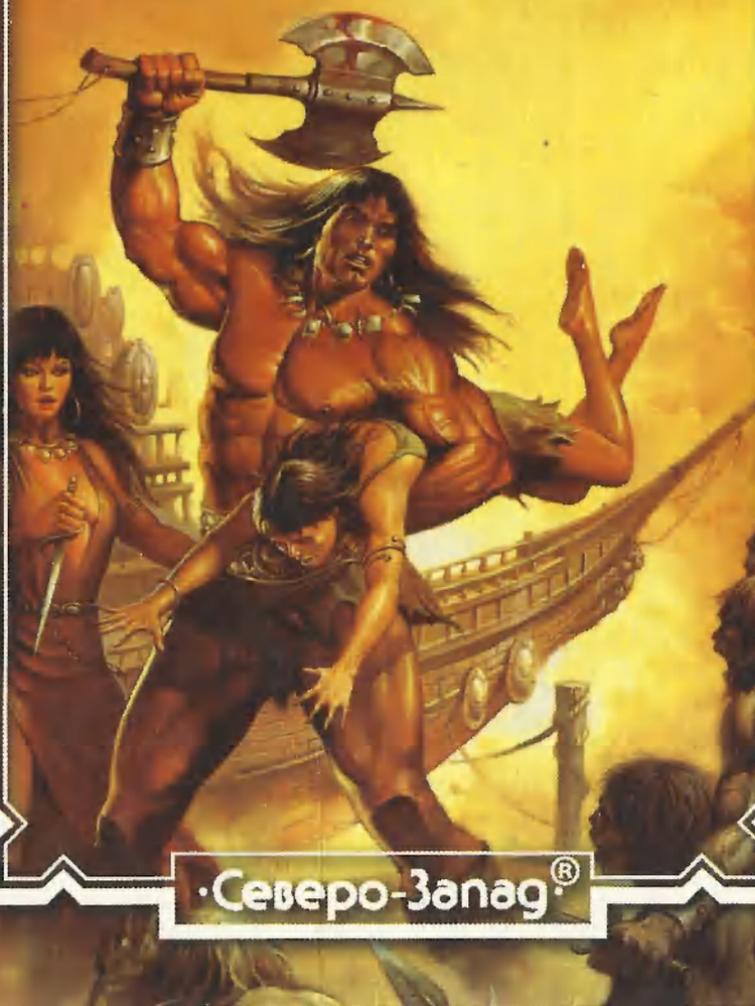

КОНАН И АЛМАЗНЫЙ ЛАБИРИНТ

Северо-Запад®

МОРЕ ЗАПАДА

ПУСТОШИ ПИКТОВ
р. Черная
БОССОНСКИЕ ГОЛЫ
ТАУРАН
р. Широкая

ВАНАХЕЙМ

КИММЕРИЯ

ПОГРАНИЧНОЕ
КОРОЛЕВСТВО

АСТАГАРД
Халого
ГИПЕРБОРЕЯ

ТУНДРА

БРИТУНИЯ

ПУСТЫНИ

ГИРКАНИЯ

ГАНДЕРЛАНД

ЗЕМЛЯ

АКВИЛОНИЯ

КОРИНФИЯ

ЗАМОРА

Султанепур

ПУАНТЕН

ОФИР

ХАУРАН

КХИТАЙ

МОРЕ ВИЛАЙЕТ

Кордева
Баракские острова

ЗИНГАРА

АРГОС

ШЕМ

ХОРАИЯ

ПУСТЫНИ

Анит

Остров Железных Идолов

Черный остров

Мессантия

Асгалун

Эрук

Замбула

Агрелур

Остров Ксапур

р. Стикс

Птейон

Кутлемес

**ХЛЕБОТОРИЙСКАЯ
ЭРЯ**
ИРАНИСТАН

Кеми

Луксур

Сузмет

Алкменон

Кассали

КУШ ДАРФАР КЕШАН

Кешла

ПУНТ

Ксулал

Ксухотл

ЗЕМБАБВЕ

р. Зархеба

ВЕНДИЯ

р. Зороония

Остров Сиптаха

КОНАН
И АЛМАЗНЫЙ
ЛАБИРИНТ

Санкт-Петербург
"СЕВЕРО-ЗАПАД"
1997

ББК 84(7США)
К 64
УДК 820(73)

К 64 Конан и Алмазный лабиринт: Роман и повести.—
СПб, «Северо-Запад», 1997.— 448 с.

ISBN 5-7906-0010-7

Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой
форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения
закона будут преследоваться в судебном порядке.

*В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.*

К 8200000000

© К. Kelly, обложка, 1986
© «Северо-Запад», составление и подготовка
текста, серийное оформление обложки и форзаца

Глава первая

Западный Океан, борт «Вестрела»

Маленький двухмачтовый кораблик, подгоняемый слабым восточным ветром, неторопливо двигался вдоль берегов Аргоса. Шторм, бушевавший накануне над Западным Океаном, оставил на память о себе тяжелые мерные валы с грязно-белыми пенными гривами, плавно поднимавшие и опускавшие корабль. Море несло грязь и обломки: расколотые стволы деревьев, сорванные со дна лохматые водоросли, образовавшие на серо-зеленоватой поверхности воды бурые пятна, расщепленные доски — то ли от бывших прибрежных домов, то ли от судов, не переживших бурю.

Кораблю повезло — он уцелел и сравнительно дешево отделался: внезапно налетевший шквал сорвал и унес с собой верхние паруса, волны вдребезги разбили толстое слюдяное стекло в кормовом фонаре — на пробоине теперь красовалась наскоро наложенная заплата — да выломали несколько досок в фальшборте. Судно, низко осевшее из-за чрезмерного груза и попавшей в трюм воды, спешило к порту.

Судя по плавной линии обводов, высоко поднятой корме, украшенной некогда позолоченными резными завитками, и двум довольно высоким мачтам, корабль был караком, построенным на верфях Зингары. Подобные суда все чаще появлялись на просторах океана, сменяя привычные тихоходные (хотя и более вместительные) галеры. Стрем-

тельные, верткие караки теперь постоянно шныряли между гаванями четырех морских держав, а единственным их серьезным недостатком было то, что при отсутствии ветра небольшие быстрые корабли немедля уподоблялись увязшей в смоле мухе и терпеливо ждали, когда небеса сменят гнев на милость. Но случалось подобное нечасто — даже слабого ветерка было достаточно для многочисленных квадратных парусов.

Новые суда оценили по достоинству не только купцы — обитателям Барахских островов они тоже пришлось по вкусу. Пусть карак не мог взять на борт столько же людей, сколько длинная галера, зато ему не было равных в молниеносном нападении и бегстве, в возможности подкрасться ночью к ничего не подозревающему поселку или вытащить на берег «купцу», а затем так же незаметно исчезнуть в океане. Пусть тяжелые бронзовые тараны на носу галер порой пробивали тонкие борта караков насквозь, но зато скольких трудов стоило гребцам галеры развернуть свое неповоротливое судно, в то время как карак успевал несколько раз поменять курс и описать вокруг судорожно бьющей веслами галеры полный круг.

Но над кормой корабля не развевалось злое темно-алое полотнище — знак принадлежности к Красному Братству вольных Барахских островов, наводящий ужас на всех купцов от побережья Черных Королевств до Зингары. Изрядно поблекшие, выведенные некогда белой краской на темных досках буквы складывались в название корабля — «Вестрел».

Ветер и волны сделали свое дело — имя судна было почти незаметно, а выписанное чуть ниже название порта приписки стерлось полностью, оставив на память о себе несколько неразборчивых знаков. Все эти странности, включая и серо-синий цвет парусов, сливающихся с небом и морем, могли навести капитанов встречных судов на нехорошие размышления... Но океан ныне был пуст, как в те дни, когда вода и земля только отделились друг от друга.

Палуба карака носила следы упорной борьбы со штормом — обрывки парусов, разлохмаченные канаты. Сорвав-

шийся с креплений бочонок, внутри которого что-то плескалось, перекатывался от борта к борту. На сваленных в кучу мешках спали несколько человек, и, судя по громоподобному храпу, разбудить их могло только явление атакующего военного флота в полном составе или конец света. Вахтенный на юте клевал носом, явно пренебрегая своими обязанностями, порой внезапно просыпался, осматривал осоловелыми глазами пустынный горизонт и снова ронял голову.

Впрочем, были и те, кто не спал после минувшей беспокойной ночи, — рулевой да еще двое, устроившиеся на нижней палубе. Плоская крыша кают-компания, выступавшая над мокро поблескивавшими досками палубы, была застлана несколькими небрежно брошенными звериными шкурами. Поверх них лежал пообтрепавшийся кусок пронзительно-желтого бархата, а на нем, поджав ноги и кутаясь от свежего ветра в меховой плащ, сидела девушка. Темноволосая, темноглазая, с капризным и надменным выражением на хорошеньком личике.

Умело подкрашенные губы и подведенные глазки, а также количество украшений наводили на мысль, что подобная красotka была бы куда более уместна в дворцовых гостиных Кордавы, чем на потрепанном бурей корабле неопределенной принадлежности. Одних длинных покачивающихся серег с алыми капельками рубинов хватило бы небогатому семейству на год безбедной жизни. Девушка мрачно смотрела на затянутый низкими серыми тучами далекий горизонт, словно он был виноват во всех ее несчастьях, нынешних, прошедших и грядущих.

Ее спутник — не вышедший ростом, тощий и слегка напоминающий хищного и пронырливого зверька вроде хорька или ласки — сидел позади красотки, прислонившись к мачте, и перебирал струны инструмента с длинным грифом и округлой декой, мурлыкая себе под нос какую-то песенку. Девушка чуть повернула голову и прислушалась.

Как роскоши осеннего полыхания
Ждет лист, весною пробужденный,
Так негаснущему жару желания
Грезится друг, ей судьбою врученный...

— Помолчи, — недовольно бросила девушка. — Надоел со своими нескладными балладами! Ни ритма, ни рифмы, как обычно... Если так уж хочется терзать чужие уши — пойди спой что-нибудь Сигурду.

Молодой человек сделал вид, что не расслышал, и затылком погромче:

Вокруг него кружились черные тени,
Черные пасти скалили жестокие клыки,
И кровь текла, как вода...
Но любовь сильнее смерти.
Из бездны вырвалась и смерти злые чары победила,
Чтобы на зов его явиться...

— Да примолкнешь ты наконец? — зло спросила девушка, оборачиваясь.

— А что, тебе не нравится? — невинным голосом осведомился певец, опуская инструмент.

— Да, не нравится!

Она отвернулась, поджав губы и всем видом показывая, что не намерена продолжать разговор.

— Это же происходило десять лет назад, — примирительно заметил парень. — Или даже больше. Кто знает, как все было на самом деле и что вообще произошло?.. Ну зачем ты злишься, Санча? Подумаешь, шторм, мало мы их пережили? Потрепало немного, так не потонули же! Скоро в Кордаву придем...

— Надоело мне все, — угрюмо отозвалась Санча. — Море, лоханка, которой давно пора на дно, орава головорезов, каждый вечер пьяных до поросычьего визга...

— Побрякушки, золото, камешки красивые, — подражая раздраженному голосу девушки, с готовностью подхватил собеседник. — И еще варвар, который тебе их дарит едва ли не сундуками, да только и знает, что пить и... За что?

Он вовремя откинулся назад, и занесенная для оплеухи рука девушки не достигла цели.

— ...А как только мы доберемся до берега, ты мигом побежишь в ближайший храм Митры и попросишь, чтобы тебя научили бороться с плотскими соблазнами, правда, Санча? — Он издевательски подмигнул побелевшей от зло-

сти девушке. Конечно, только полный идиот рискнет ссориться с подружкой капитана, но пока подобные шутки сходили ему с рук.

— Змееныш ты, Вайд, — сквозь зубы процедила Санча. — И вместо языка у тебя жало.

— Неправда! — возразил Вайд. — Показать?

— Поди ты... — Санча подробно, но не очень умело указала, куда потребно идти некоторым не в меру болтливым бездельникам. Как следует научиться корсарским речениям Санча так и не сумела — благородная по рождению, как-никак. Вайд с деланным изумлением поднял брови, выслушав ее горячую речь, а потом заметил:

— Порядочные девушки таких слов, между прочим, не должны знать...

— Вот и поищи... порядочную! — И Санча отвернулась, завернувшись в плащ чуть ли не с головой.

Дело принимало серьезный оборот — не на шутку обиженная девушка вполне могла исполнить давнюю угрозу и пожаловаться на болтуна капитану, а у него рука тяжелая...

— Санча, — медоточивым голоском позвал Вайд. — Санча! Я же пошутил, честное слово...

— Отвяжись, — глухо сказала красавица. — Болтун.

— Конечно, болтун, — с готовностью согласился Вайд. — Ты не сердись? Хочешь, я тебе серенаду сочиню? Санча...

— Отстань же, плебей! — капризно отозвалась та. — Топай отсюда побыстрее.

— Да пожалуйста... — Вайд сполз с бархатной подстилки, подобрав свой инструмент. Все, выволочка обеспечена, и хорошо, если ограничится только этим. Что стоило лишней раз помолчать? Но кто же знал, что вчерашний шторм вместе с парусами унес у Санчи и способность понимать шутки? Да и что плохого, в сущности, он сказал? Ничего особенного, если разобраться. Но капитан точно разбираться не будет... Спрятаться теперь, что ли? Да разве спрячешься на маленьком караке?

Вайд прошелся по палубе, переступая через разбросанные канаты и обрывки снастей, заглянул в черный провал

люка, ведущего в недра корабля, прислушался — и оттуда доносилось похрапывание, — подошел к дверям капитанской каюты, оглянулся и приложил ухо к щели между решетчатыми створками. Тихо, и это неудивительно — вчера всем досталось, так что даже неспящий капитан непробудно спит. Причем в одиночестве; может, поэтому Санча злится? Он оглянулся на девушку, но та по-прежнему сидела неподвижно, уподобясь статуэтке из черного дымчатого камня, и мириться не желала.

Тяжело вздохнув над своей нелегкой судьбой, Вайд взобрался по узкой лестнице с высокими ступеньками на корму.

— Опять? — ехидно поинтересовался рулевой, рыжий и постоянно небритый Сигурд, ванахеймец, неведомо какими ветрами занесенный на Южное побережье. До того как стать рулевым на «Вестреле», Сигурд успел побывать на Барахских островах и даже командовал кораблем, разбившимся впоследствии у зловещего Безымянного острова. Тогда-то произошло его знакомство с экипажем карака, подобравшим потерпевшего крушение ванахеймца. — А ты представляешь, что с тобой капитан сделает, если эта зингарская кошка нажалуется ему?

— Знаю. Кишки на уши наматает. — Вайд не вовремя припомнил любимую присказку капитана и поежился, представив, как может происходить подобное действие. — Или печень вырежет и съест заставит. А то и вовсе сам съест, если Санча ее сперва пожарит. На оливковом масле.

— Вот именно. — Сигурд чуть повернул рулевое колесо с блестящими, отполированными множеством ладоней медными рукоятками. — Конечно, здесь не место женщине, но тебе следовало быть поумнее, Крысенок.

— Следовало, — согласился Вайд. — Но что-то не получается. Я тут посижу, ладно?

— Сиди, — кивнул Сигурд. — Дыши, пока живой.

Вайд присел возле резных перил, ограждавших верхнюю палубу, и взглянул на медленно катящиеся вниз волны и остающийся за кораблем пенный след. Ветер усиливался, обложившие все небо тучи постепенно расплзались,

на воде заплескали солнечные блики, а далеко на горизонте показалась едва различимая тонкая черная полоска берега.

— Сигурд!

— Чего тебе? — недовольно отозвался рулевой.

— Когда в Кордаву доберемся?

— Если ветер не переменится и никто по дороге не встретится, то через пару дней будем там.

— Ага... — задумчиво протянул Вайд. — Пара дней...

* * *

Вайд, которого со дня его появления на «Вестреле» прозвали Крысенком, был по происхождению тауранцем. Во всяком случае, его мать утверждала, что родилась именно в этой провинции Аквилонии, а позже переехала в Кордаву. В это Вайд склонен был поверить, хотя матушка Акма частенько несла непредставимую чушь, особенно в вечера, когда у нее появлялись деньги, а с ними — выпивка. Послушать ее, так она не стала аквилонской королевой по чистому недоразумению и потому, что уж больно хлопотное это занятие.

Вайд скептически хмыкал, слушая плаксивые разглагольствования расчувствовавшейся матушки о ее погубленной и пропащей жизни. Когда-то Акма была довольно милой девушкой, но с годами опустилась, растолстела и стала одной из многих уличных потаскушек в Кордаве. Больше всего Вайда удивляло то, что матушка умудрялась находить клиентов достаточно часто. Видимо, людские вкусы действительно бесконечно разнообразны... Или непритязательны.

Какого бедолагу угораздило стать его отцом — Вайд не знал, а все попытки вызнать у матери, кто наградил ее эдаким подарочком, успехом не увенчались — она сразу начинала хныкать и жаловаться на судьбу. Наконец Вайд смирился с тем, что его происхождение навсегда останется загадкой. Впрочем, ему было наплевать. Наверняка кто-нибудь из матушкиных «друзей» не слишком бы обрадовался неожиданному появлению неизвестно откуда взявшегося отпрыска.

Для самого Вайда родиной была Кордава, с ее узкими улочками, выложенными шершавыми гранитными плитами; с гаванями и верфями, занявшими берега вдоль залива и устья Черной реки; Морским рынком, необъятным и шумящим целый день; кораблями из всех стран Южного побережья и величественным королевским замком на скале над городом. Мальчишки носились по длинным пристаням, нанимались перетаскивать груз с прибывающих кораблей, виртуозно срезали кошельки у зевак в толпе и не задумывались о том, что будет завтра.

Пятнадцати лет от роду Вайд заслуженно получил прозвище «Рифмоплет» — никто из портовых подростков не умел так быстро складывать забавные и не слишком приличные вирши обо всем, что только попадалось на глаза. Умение оказалось выгодным — особо удачные строчки можно было продать морякам, желавшим поразить своих подружек. Однажды у него приобрела свеженький стишок компания молодых дворян, и кто-то из них в качестве оплаты подарил старую виолу. Инструмент многое повидал на своем веку — не хватало двух струн, некогда блестящий лак на корпусе пошел трещинами и облупился, но все же это была настоящая виола, и Вайд внезапно решил рискнуть и попробовать сделать случайные заработки своим постоянным ремеслом. Через три года хозяева портовых таверн и кабачков с удовольствием приглашали его развлекать посетителей, безошибочно сообразив, что под незамысловатое жизнерадостное брэнчание жуется и пьется куда веселее и, что гораздо важнее для торговли и процветания заведений, — посетители остаются довольны.

Последние три-четыре месяца Вайд постоянно обретался в таверне «Бездонная бочка», находившейся поблизости от Новой гавани. Однако то ли год был неудачным, то ли пираты с островов разбуянились сильнее обычного, но некогда многолюдная и шумная «Бочка» все чаще стояла пустой, и Вайд уже начал подумывать о том, что придется перебираться на другое место. Однажды вечером он решил, что немедленно скажет хозяину о своем уходе — искусство, так сказать, искусством, а желудок тоже своего требует.

С этой мыслью Вайд вошел в низкое, прокопченное и пропахшее горелым жиром помещение таверны, где его встретили громкие вопли посетителей, визгливый смех девиц и взъерошенный, задерганный хозяин, с неподдельным ужасом прошипевший: «Далайо и его сброд! Пойди сыграй им что-нибудь, пока они все не разнесли!» О Далайо, капитане каравеллы «Королева Юга», человеку, который, по слухам, потерял счет своим предательствам и преступлениям, Вайд был наслышан, но никогда его не видел. Сейчас, как утверждали, Далайо присягнул на верность зингарской короне, но стоило ли этому верить? Ведь совсем недавно над «Королевой» развеялся флаг Красного Братства, за ней всю гонялись аргосские и зингарские боевые галеры, а теперь — пожалуйста... Интересно, что такое стряслось на Барахском архипелаге, что Далайо поспешил унести оттуда свою драгоценную задницу?

Теряясь в догадках, Вайд, перешагивая через чьи-то вытянутые ноги и не подающие признаков жизни тела перебравших вина гуляк, пробрался к своему месту — пустому бочонку, установленному на небольшом деревянном помосте возле входа на кухню. Усевшись поудобнее, он оглядел собравшихся в таверне пиратов, сокрушенно вздохнув про себя — «ну и рожи...», подтянул ослабевшую струну и негромко запел одну из самых любимых в Кордаве песен — «А что нам море — чужое горе, а что свобода — путь до восхода...». Попытаться перекричать посетителей «Бочки» было совершенно бесполезно. Вайд по собственному опыту знал — постепенно до их затуманенных темным зингарским вином голов дойдет, что в зале присутствует посторонний звук, они волей-неволей заинтересуются... А там и слушать начнут да денежки платить, если пение трактирного музыканта понравится.

Так, собственно, и получилось — вскоре нестройный, заплетающийся, но дружный хор с увлечением подтягивал припев к старой истории об олухе боцмане и его молодой и чрезмерно любвеобильной супруге. Горка монет в поставленной для этой цели большой глиняной кружке из-под пива росла, веселье всю продолжалось, со всех сторон

выкрикивали названия песен — знакомые и не очень, и время, если судить по большой свече-часам, приближалось к полуночи. Вайд уже немного охрип, сбил подушечки пальцев на левой руке и стал подумывать о том, что на сегодня, пожалуй, хватит и пора сматываться, пока перепившиеся моряки не взялись за любимое дело — громить трактир. А в том, что гулянка закончится доброй дракой, он не сомневался — уж больно много бочонков и кружек было сегодня опустошено.

— Все, все! — с этими словами Вайд спрыгнул со своего бочонка, поднял изрядно потяжелевшую кружку и поискал взглядом хозяина — дал бы пожрать чего-нибудь, жмот... — Завтра, завтра! Нет, благодарю! — это относилось к почти не владеющей языком компании, настойчиво приглашавшей его выпить. — Всем приятного вечера!

Подставленную ногу он заметил слишком поздно — только когда запнулся об нее и растянулся на заплыванном и залитом вином полу. Несколько монет вылетели из кружки, которую Вайд, даже падая, не выпустил из рук, и укатились, звеня, куда-то под столы.

«Начинается, — мрачно подумал Вайд, поднимаясь на ноги и оглядываясь. — Я же знал, что какая-нибудь гадость обязательно случится. И именно со мной... Ну, и что теперь? Можно идти?»

Он укоризненно посмотрел на компанию за столом, но те, веселившиеся над удачной шуткой, не обратили на это ни малейшего внимания. Один из них, горбоносый, хорошо — даже слишком хорошо, по мнению Вайда, — одетый, с пронзительно смеявшейся девицей на коленях, издевательским тоном обратился к Вайду:

— Надеюсь, ты не ушибся?

— Нет, — коротко ответил Вайд, высматривая, как бы поскорее улизнуть.

— А мне показалось... — начал горбоносый, но его перебили:

— Пусть сбренчит, капитан!

«Поздравляю, это — Далайо. Знаешь, парень, ты просто невероятно везучий!»

— Видишь ли, — нарочито извиняющимся голосом сказал Далайо, — моим людям нравится твое... — Он небрежно пошевелил пальцами в воздухе, и Вайд с завистью посмотрел на радужные переливы камней в многочисленных кольцах. — Не откажи в их маленькой просьбе...

Далайо был последним человеком в Кордаве, с которым стоило бы ссориться, но Вайд устал и не испытывал ни малейшего желания играть для этого изысканного стервеца и его шайки.

— Я тоже хочу послушать, — капризно заявила девица. — Пусть он сыграет, дорогуша!

— Прошу прощения, господа, я ухожу. — Вайд осторожно сделал шаг назад, проклиная себя за то, что полным ходом вляпывается в очень большие неприятности. — Приходите завтра...

— Вот как? — холодно осведомился Далайо. — А мне кажется, что ты останешься здесь.

— А мне не кажется, — пробормотал Вайд, делая попытку обогнуть стол и проскочить к дверям. Неудачную попытку — один из собутыльников капитана «Королевы Юга» оторвался от скамьи и железными пальцами, будто осьминог щупальцами, ухватил его за рукав. Вайд рванулся, затрещала рвущаяся ткань, но отделаться от назойливого пирата не удалось. Вайд выругал себя за то, что рассчитывал на спокойный вечер и не захватил с собой кинжал, — пора запомнить раз и навсегда, что в Кордаве никогда не бывает спокойных вечеров! — и коротко ударил сложенными кулаками покачивающегося матроса в солнечное сплетение. Это подействовало — пальцы, сжимавшие его рукав, разжались, корсар шумно выдохнул, пробормотал какое-то проклятие и, пошатнувшись, осел на пол.

— Вот как? — поднял бровь Далайо. — Ты, оказывается, предпочитаешь, чтобы тебя заставляли? Ну что же, как угодно...

Прежде чем громилы Далайо поднялись из-за стола, Вайд метнулся к выходу, не приняв в расчет того, что в «Бочке» еще не все пришли в приятное состояние полного опьянения и заметили, как у стола капитана происходит

что-то непонятное. Пробирившийся со всей возможной быстротой к выходу Вайд врезался в поднявшегося навстречу пирата, отскочил в сторону, пройдясь по чьим-то ногам, увернулся от летящей в голову кружки, налетел еще на одного матроса с «Королевы Юга», и на этом бегство закончилось. Обладатель твердокаменной спины повернулся и наградил Вайда таким ударом в челюсть, что тот отлетел в сторону, с размаху приложившись затылком о бревенчатую стену. В голове безумным галопом пронесся табун одичавших лошадей, и сквозь их топот Вайд слышал неизвестный низкий голос:

— Оставь парня в покое. Он же ясно сказал, что уходит.

Вайд попытался разглядеть что-то через плывущую перед глазами розово-красную пелену и увидел силуэт человека, поднявшегося со скамьи в дальнем конце зала. Вайд помнил компанию из трех или четырех человек — эти люди пришли позже всех, сели отдельно, спросили красного аргосского да закуски и приступили к уничтожению огромного количества принесенной еды. Сейчас один из них встал, и лежавший на полу Вайд готов был поклясться, что головой незнакомец упирается прямо в низкий закопченный потолок. Голоса долетали до него как через толщу воды, и Вайд с трудом понимал, о чем идет речь.

— Я всего лишь попросил его сделать моим друзьям одолжение, — надменный голос Далайо.

— Так это была просьба? — рокошующий низкий голос незнакомца. — А мне показалось, что твои головорезы собрались сделать из мальчишки отбивную.

— Тебе именно показалось, мой друг. — В ледяном тоне капитана «Королевы» прозвучало нечто вроде тщательной скрываемой тревоги.

— С каких это пор у меня в друзьях шелудивые псы? — И громыхнул дружный хохот за столом незнакомца.

— Откуда мне знать, кого ты еще подберешь из канавы? — «Шелудивого пса» Далайо, как это ни странно, пропустил мимо ушей. — Это твой приятель?

— Первый раз в жизни вижу.

В голове у Вайда немного прояснилось, но единственная мысль, застрявшая там, была следующей: «Бежать, и побыстрее!» Поэтому он с трудом встал, цепляясь за стену, и, шатаясь не хуже нагрузившегося под завязку морского волка, выбрался из «Бездонной бочки» на улицу, оставив позади и Далайо, препирающегося с незнакомцем, и собирающе пьяниц. Он сообразил, что забыл в таверне нечто важное, но возвращаться не решился.

Проковыляв по улице и, к счастью, не натолкнувшись на ночные патрули, обходящие кварталы возле гавани, Вайд выбрался к тихо журчащему фонтанчику, установленному возле богатого дома. Сунув нещадно болевшую голову под стекающую из пасти каменной рыбы струю, он подумал, что все демоны Тьмы вкупе с самим Отцом Ночи Сетом не заставят его вернуться в эту треклятую таверну. Не-ет, хватит с него! Жизнь дороже!

Вайд потряс головой, убедился, что все зубы на месте, пригладил мокрые каштановые волосы... Чего-то не хватало, и, сообразив, чего именно, он тихо охнул и медленно сполз по стене на плиты мостовой. Кружка с вырубкой. Три или четыре дня безбедной жизни. Он забыл кружку, из-за которой вытерпел столько мучений.

«Забыл, — тупо повторил Вайд, бессмысленно уставившись прямо перед собой. — Болван. Бренчалка. Лучше бы мне голову проломили. Забыл».

Он не помнил, сколько просидел так, слушая монотонный плеск воды в гранитной чаше, пока не понял, что рядом стоит человек. В тусклом свете качающегося высоко над головой масляного уличного фонаря Вайд разглядел пару потрепанных сапог с окованными носками. С трудом подняв голову, он увидел над собой силуэт высокого мужчины, а по раздавшемуся голосу признал неизвестного из таверны.

— Твое?

Рядом с Вайдом упал глухо звякнувший кожаный мешочек, туго перетянутый обрывком бечевки. Еще не веря в то, что удача не отвернулась окончательно, Вайд протянул руку, дотронулся до мешочка и поднял его. Приятная тя-

жесть оттягивала ладонь, и даже сквозь плотную кожу чувствовались острые ребра монет.

— С-спасибо,— с трудом выговорил он.— Я... Мне было не до того...

— Немудрено,— усмехнулся незнакомец.— Идти можешь?

— Могу.— В доказательство своих слов Вайд не очень уверенно поднялся на ноги, сунув драгоценный мешочек за пазуху. Теперь он понял, что в таверне зрение не обмануло — неизвестный был на две или три головы выше него. Не удивительно, что он доставал головой до низкого потолка «Бочки».— Мне в гавань, а тебе?

Высокий согласно кивнул и широким скользящим шагом двинулся вниз по улице. Вайд пристроился рядом, отметив про себя, что этот странный человек при движении почти не производит шума. Даже звука шагов не слышно, точно рядом с тенью идешь. Вайд искоса рассматривал в свете редких фонарей своего неожиданного попутчика: одет хорошо, но без излишней роскоши, как Далайо, одежда скроена так, чтобы ничто не мешало движениям, лицо с резкими, грубоватыми чертами, грива черных волос... И еще огромный меч в ножнах за спиной, длиной чуть ли не с самого Вайда. Однако для подобного верзилы такой клинок, наверное, как игрушка.

Под очередным фонарем неизвестный чуть повернул голову, и Вайд удивленно отметил, что глаза у него светлосинего оттенка, почти не встречающегося в землях Юга. Откуда этот тип мог взяться и кто он? Ведь видел же его где-то... Или слышал? Нет, видел. Совсем недавно видел, только вспомнить бы где...

— Мне сюда.— Неизвестный остановился в начале улицы, ведущей к пристаням Новой гавани. Вайд тоже остановился, посмотрев на залитое лунным светом море в пролетах между домами.

— Тебя как зовут, заморыш? — неожиданно поинтересовался незнакомец. «Заморыш» прозвучало у него слегка презрительно, но не обидно, и Вайд с готовностью откликнулся:

— Вайд. А тебя я вспомнил. Ты с «Вестрела», королевский корсар, Конан-киммериец, правильно?

— Да. Сам догадался? — подозрительно спросил северянин.

— Кто же тебя не знает,— почти честно ответил Вайд. Если бы не кружилась после удара голова, он еще в таверне сообразил бы, с кем свела его судьба.— Спасибо, что выручил. Попутного ветра, капитан.

Он прошел всего несколько шагов, когда сзади раздался оклик:

— Эй, как там тебя... Погоди!

Вайд замер на месте и осторожно повернулся, не зная, чего ожидать. Из вороха сплетен, которые он слышал об этом непостижимом человеке и половине которых напрочь не верил, следовало одно — трижды подумай, прежде чем становиться капитану Конану поперек дороги или просто обращать на себя его внимание. Сейчас Вайд лихорадочно вспоминал все, что довелось узнать на Морском рынке Кордавы от словоохотливых купцов или подвыпивших моряков. Как-то страшновато находиться в обществе настоящей легенды...

Впервые киммериец объявился на Южном побережье лет десять назад. До сих пор большая часть купцов клялась всеми богами, что, видно, кто-то из небожителей решил посмеяться над бедными смертными, столкнув на бескрайних просторах Западного Океана два корабля, две галеры — торговую, спешившую с грузом из Аргоса в Шем, на которой бежал от аргосских законников молодой наемник из далекой северной страны Киммерии, и «Тигрицу», принадлежавшую шемитке Белит.

Что вышло из этой встречи — запомнили на всем побережье и, наверное, будут вспоминать еще не один десяток лет. Тигрица нашла себе льва, и не знающая удержу парочка заставила трястись всех купцов цветущего Юга. Даже баракские пираты побаивались этой парочки, а в Стигии (подумать только!) начали спешно собирать военный флот, с одной-единственной целью — найти, догнать и уничтожить «Тигрицу», да так, чтобы ни одной щепки не осталось.

Белит ненавидела стигийцев — всех и каждого в отдельности, мстя за сожженный поселок, в котором она родилась, за погибшую семью и родных. Стигийцам не пришлось долго искать — Белит и ее приятель-северянин явились сами, пробравшись в охваченную мятежом провинцию Стигии Тайю, и учинили там такое, о чем даже сплетен не ходило, а все мельком слышавшие о тогдашних делах бесшабашной пары разводили руками, закатывали глаза и многозначительно восклицали: «Да-а...»

А потом «Тигрица» пропала. Некоторые утверждали, будто галера ушла в Черные Королевства, где шемитка и киммериец основали свое государство, иные говорили, что галера погибла во время зимних штормов, а кто-то уверенно заявлял, что и на «Тигрицу» нашлась управа — не иначе как Сет самолично явился разобраться с парочкой смертных, не боявшихся никого и ничего. Так или иначе, а злоеца галера с резной головой тигрицы на носу не появлялась на горизонте, и многие облегченно вздохнули, решив, что «Тигрица» не появится больше никогда.

И ошиблись. Спустя три или четыре года северянин вернулся откуда-то с востока — то ли из расположенного на самом краю земли Турана, то ли из еще более далеких Кхитая и Вендии, с полными карманами золота, и подался на Барахские острова, где в скором времени обзавелся галерой, названной в честь сгнувшей тоже «Тигрицей», собрал команду из лихих парней и вышел в Западный Океан. Тогда же наконец выяснилось, куда делась неукротимая Белит — погибла вместе с большей частью своей команды в Стигии, на ядовитой реке Зархебе, в брошенном городе, где бешеная парочка попыталась раздобыть древние сокровища...

Вторая «Тигрица» оказалась ничем не лучше предшественницы, и проклятий от ограбленных купцов на нее сыпалось ничуть не меньше. Но и эта галера сгнула в шторме небывалой силы, пришедшем с севера и пронесшемся над океаном, подобно гневу богов далеких полуночных стран. В приморских городах украдкой шептались, что ураган был не простым порождением играющих сти-

хий, а создан враждующими колдунами. Маги тут были виноваты или не маги, а доподлинно вскоре стало известно — «Тигрица» разбилась на острых камнях у побережья одного из многочисленных островков. В четырех морских державах снова возблагодарили богов, и опять оказалось, что поторопились... Впрочем, купцам было грех жаловаться — они получили почти пять лет передышки и спокойной жизни, прежде чем бывший капитан «Тигрицы» вновь возник на Южном побережье. Вернее, сначала Конан киммерийский появился на Барахских островах, но с кем-то не поладил (что было совершенно неудивительно при его буйном характере и простых взглядах на жизнь) и отправился на поиски удачи дальше.

Он и нашел ее — на зингарских берегах, где остановился карак под названием «Вестрел», принадлежавший вольному корсару Запорово, не входившему ни в Красное Братство, ни в сообщество королевских корсаров Зингарской короны. Прошло менее месяца, и капитан на караке сменился. Прежний, между прочим, остался кормить стервятников на далеком южном острове, не нанесенном на карты Западного Океана, — редко какой удалец отваживался забираться в эдакую даль. «Вестрел» благополучно вернулся в Кордаву, новый капитан разумно предпочел делиться доходами с короной, получив взамен удобную гавань, одну из лучших на всем Южном побережье, и патент «королевского корсара».

А четыре или пять месяцев назад, когда в королевском дворце произошли некие странные и загадочные события, связанные с молодой принцессой Чабелой (рассказывали про ее несостоявшееся замужество), «Вестрел» и его капитан невероятным образом оказались в самом центре событий. Что в действительности произошло — осталось тайной за семью печатями... Карак по-прежнему уходил в море и возвращался, три четверти награбленного добра оседали в подземельях кордавского Коронного замка, и все было как всегда... Ну, или почти как всегда.

— Я, кажется, к тебе обращаюсь, — снова громыхнул голос капитана Конана.

— Слушаю, капитан, — отозвался Вайд, мотнув головой, будто проснувшись.

— В море ходил?

— Да, два раза — в Аргос. — Это было правдой, Вайд действительно бывал в Мессантии с торговыми галерами. О том, что первый раз путешествие было невольным — он прыгнул на отходящий от пристани корабль, спасаясь от разъяренного шемитского купца и его слуг, у которого незадолго до того срезал с пояса туго набитый кошелек, — Вайд благоразумно умолчал. — А... а что?

— Ничего, — буркнул в ответ неразговорчивый варвар. — Приходи завтра к Новой гавани. К «Вестрелу». Там посмотрим...

Сказав это, Конан круто развернулся на каблуках и стремительно зашагал вниз по улице, оставив Вайда стоять с полукрытым от удивления ртом и гадать, не подкидывает ли ему насмешливый Бел, покровитель воров и бродяг, новенькую неожиданную каверзу.

Наутро все произошедшее показалось Вайду не более чем причудливым сном, но внушительная шишка на затылке и тяжелый мешочек с медью и серебром неоспоримо доказывали обратное. Прикинув, как сейчас поступить, Вайд невольно припомнил маму Акму. Конечно, большую часть своей жизни почтенная родительница несла редкостную по глупости чушь, но кое в чем была безусловно права. Например, матушка всегда утверждала: «Если ты своими глазами видел, как человек уронил в выгребную яму набитый кошелек и не стал его доставать, сходи и пошарь. То, что потеряешь, не идет ни в какое сравнение с тем, что можешь найти...»

«Вот твоя навозная яма, — поделился сам с собой Вайд. — Прыгнем? Обязательно прыгнем, только сначала позавтракаем. Хорошо быть богатым... Хоть иногда.»

Знаменитый «Вестрел», предусмотрительно пришвартованный в самом конце гавани, поближе к выходу в океан, при ближайшем рассмотрении несколько разочаровывал — обычный карак, потрепанный штормами и не в меру игривыми волнами. На борту, свесив ноги, сидел мальчишка-

зингарец, на вид чуть постарше Вайда, и с глубокомысленным видом поплеывал в воду вишневыми косточками. Очередная косточка звонко стукнулась о причал, мальчишка поднял голову, внимательно осмотрел несколько удивленного гостя с ног до головы, точно прикидывая, сколько в нем живого веса, и свысока осведомился:

— Куда прешься?

— Если это корыто — «Вестрел», то сюда... А капитан где?

— Ушел. — Мальчишка пожал плечами. — Я что, нанимался за ним следить? Ты — Вайд?

— До вчерашнего дня — да.

— Тогда не стой, как... — Мальчишка хихикнул. — Поднимайся. Меня, кстати, кличут Болто, я здесь юнгой. Ну что, до вечера будешь стоять и пялиться?

— Куда идти — туда? — Вайд оторопело посмотрел на ехидную физиономию мальчишки, но тот, видно, не шутил, предлагая подняться на борт. Болто демонстративно постучал себя указательным пальцем по голове и вынес приговор:

— Ну и тупой... Сюда, сюда.

Вайд редко обращался с просьбами к богам, вполне справедливо полагая, что у небожителей и без него хватает забот, но сейчас, кажется, был именно такой случай...

«Митра, говорят, ты все видишь и все знаешь, так прими во внимание, пожалуйста, что я этого не хотел! Честное слово, все как-то само собой получилось... Ну что, прыгаем?»

Вместо полагающихся мостков с борта корабля на причал были переброшены две хлипкие на вид и проседающие под ногами доски. Маленькие, мерцающие золотом под утренним солнцем волны покачивали карак, поскрипывали снасти. Продолжая ломать голову над загадкой, зачем капитану королевских корсаров понадобился на судне человек, почти незнакомый с морем и напрочь неподходящий для включения в команду, Вайд перебрался с берега на корабль.

«Сейчас мешок на голову, в трюм, отвезут куда подальше и продадут, — с мрачным весельем подумал он, оказавшись на палубе. — Только кто купит?»

Вайд, задремавший под плеск волн, проснулся оттого, что палуба под ним резко качнулась, и он едва не скатился по лестнице вниз, успев схватиться за точеную колонку перил. Ветер менялся, заходя с юга, и Сигурд разворачивал корабль на другой галс. Берег, что с утра казался темным облаком, прилегшим на горизонте, теперь приблизился. Судя по различимым даже отсюда желто-оранжевым скалистым обрывам и тому, что вода в море стала гораздо светлее, где-то рядом находилось устье одной из самых больших рек Южного побережья — Хорота. А значит, и расположенная неподалеку Мессантия, и аргосские боевые галеры, которые с величайшим удовольствием погоняются за потерявшим часть парусов караком и, по возможности, отправят его на дно. На палубе стало оживленнее — проснувшийся экипаж выбирался наверх, глотнуть свежего воздуха и взглянуть, что делается в мире. Вайд услышал пронзительный возмущенный голос грозы команды — боцмана Зелтрана, распекавшего кого-то под первое и под десятое, поминая всех морских демонов, и требовавшего, чтобы немедленно — немедленно, слышали, сборище недоумков? — все безобразие на палубе и в трюме было убрано, потому что это не корабль, а плавучий хлев, а боцман не собирался идти на одном судне со свиньями!..

— Ставлю четвертак, что Крикун сейчас помянет зингарскую корону, — предложил Вайд, с интересом наблюдая за мечущимся по палубе боцманом. Сверху казалось, что у грузного Зелтрана совсем нет ног и он эдаким говорливым шариком катается от борта к борту. — И скажет, что мы недостойны высокого звания корсаров его величества... Кстати, где наш флаг?

— Ну и выиграл ты свой четвертак, — отозвался Сигурд. — А флаг вчера сорвало. Сходи вниз, поищи, может, запасной есть, а то вдруг аргосцы не разглядят и за своих примут. Некрасиво получится: они к нам как к родным, а мы их...

— Вниз — ни за что! — Вайд попятился от лестницы и огляделся — нету ли местечка, где можно спрятаться. Та-

кового на маленькой площадке верхней палубы, конечно, не оказалось, разве что за борт прыгнуть. — Там капитан. И Санча, кошка драная...

И точно — Санча, сооротив обиженное личико маленькой девочки из хорошей семьи, которую толкнул пробегавший мимо уличный оборванец, с жаром повествовала о всех мыслимых и немыслимых оскорблениях, нанесенных ей подлым Крысенком. Какое-то время капитан внимательно слушал ее, затем поднял голову и осмотрел корабль, явно кого-то выискивая.

— Все, — обреченно сказал Вайд. — Пожаловалась. Как сейчас все славно повеселятся, кроме меня... Не поминайте лихом. Говорят, мучеников Митра особо привечает...

— Так тебя Митра и ждет, — жестоко заметил здравомыслящий Сигурд. — Таким знаешь, где место?

— Варвар, — отозвался Вайд. — Никакого сочувствия. Это оттого, что ты мне остался должен. Отгадай, какая разница между задницей вашего Имира и твоей головой?

— Ну? — подозрительно спросил Сигурд.

— Ты говорить умеешь, — быстро проговорил Вайд и с воплем: — Капитан, вы не меня, случайно, ищите? — спрыгнул с рулевой палубы вниз, навстречу неизбежной расправе.

Глава вторая

Кордава, столица Зингары

В таверне «Девять стрел», располагавшейся на Портовой улице Кордавы и принадлежавшей вот уже четвертому или пятому поколению почтенного семейства Габоралов, было шумно. Настолько шумно, что обитатели близлежащих домов начинали подумывать, не сходить ли за силами охраны порядка и законности, то бишь за обходящими город стражниками. Звуки, доносящиеся из тихого и спокойного доселе заведения, наводили на мысль, что в таверне развернулось настоящее сражение не на жизнь, а на смерть. Табуреты и бесчувственные тела из окон, правда, пока не летели, но дружный ор, перемежаемый пронзительными женскими взвизгиваниями и хихиканьем, разносился на несколько окрестных кварталов, неминуемо предвещая погром и пьяную драку. Если не в таверне, то на улицах.

А не на улицах, так в порту... Таверна пережила три пожара, осаду города и неслыханное число ураганов, но кто знает, не увидят ли утром на ее месте гору дымящихся обломков?

Никто не помнил, кто из первых владельцев прибил над входом в кабачок широкую доску с воткнутыми в нее девятью короткими толстыми стрелами, отлитыми из темно-красной меди. Стрелы походили на арбалетные, но они никогда не касались арбалетного ложа, их просто однажды загнали в волокнистую древесину по самое оперение, и в таком виде они успешно заменяли вывеску. Но собравшим-

ся возле входа изрядно разозленным горожанам было не до происхождения девятки стрел. Благонамеренные кордавцы, напрочь забыв о правилах поведения в обществе, решали: кто отправится к Габоралу и выяснит, какие мерзавцы гуляют у него вот уже третий день и все не нагуляются, а также не пора ли принять меры по принудительному прекращению излишне буйного веселья.

Наконец собрание разыскало в своих рядах наиболее достойного — того, которому было нечего терять и по чьей безвременной кончине не станут убиваться безутешная вдова и осиротевшие детишки. Выбранный представитель, только что кричавший громче всех, сразу сник и попытался откаться от столь почетного поручения, но, слегка подталкиваемый в спину, спустился на три ступеньки вниз, распахнул тяжелую дубовую дверь и исчез в клубах гулявшего по таверне сизого дыма.

Ждали его долго. Толпа под дверями «Стрел» успела разрастись вдвое, и некоторые уже бились об заклад, что посланник сгинул навеки, когда дверь чуть приоткрылась и в образовавшуюся щель выпал представитель народа. Взобравшись на четвереньках по ступенькам наверх, он с бессмысленной, но счастливой улыбкой свернулся калачиком под стеной питейного заведения и явно вознамерился малость вздремнуть, не обращая внимания на сыпавшиеся со всех сторон вопросы. Лишь после того, как ему на голову вылили пару ведер холодной воды, народный избранник, запинаясь, сообщил интересующую всех собравшихся вещь:

— «В-вестрел»...

Горожане переглянулись и обреченно вздохнули, мысленно посочувствовав бедняге Габоралу и самим себе. Предпринимать что-либо или обращаться за помощью к гвардейцам было совершенно бесполезно: еще не родился человек, что смог бы укротить разошедшийся после удачного похода экипаж корсарского карака. Все, что оставалось сделать в такой ситуации, — от души проклясть засевших в таверне пиратов и разойтись по домам, надеясь, что рано или поздно золото у беспутных проходимцев кончится и они вернутся туда, откуда пришли, — в море...

Одетый в темное человек, пристально наблюдавший за недовольной, медленно редющей толпой из густой тени под аркой дома напротив «Девяти стрел», вышел на улицу и остановил одного из горожан почтенного вида. Последний совершенно не мог смириться с поражением и горячо доказывал, что нужно спалить к Нергалу таверну. Сообразив, что перед ним приезжий или тот, кто не слышал слов рискнувшего зайти в таверну, кордавец с радостью ухватился за неожиданно представившуюся возможность отвести душу. Он подробно высказал все, что думает о престарелом короле Зингары и его безумных решениях, последствия которых расхлебывают несчастные подданные.

Вот, например, эти королевские корсары, чтоб им всем провалиться сквозь землю или утопнуть вместе со своими проклятыми кораблями! Ни днем ни ночью покоя нет, управы на них никакой, и пожаловаться не смей — они, видишь ли, под особым покровительством короны, так что тебе же и нагорит, коли против них ляпнешь что-то! Зачем, спрашивается, они нужны? Против баракцев? Так половина из этих мерзавцев сами бывшие баракцы и супротив своих дружков никогда в жизни не пойдут!

Предположим, от Аргоса они худо-бедно зингарские корабли защищают, но ведь и сами, ежели случай подвернется, ограбят и смотреть не будут, кому принадлежала обчищенная подчистую галера. А этих, с «Вестрела», давно пора гнать из города, вместе с их капитаном-варваром, которого даже гнев богов не берет! Любой другой нормальный человек уже давно отправился бы напрямиком на Серые Равнины, давать отчет о своих делах Владыке Мертвых, а киммерийскому дикарю хоть бы что! Сколько раз достоверно утверждали, что отправили его на дно, — два, три, десять? И каждый раз он снова возвращается!

— Варвар? — впервые проявил признаки заинтересованности доселе молчаливо внимавший горячему монологу обывателя славного коронного города Кордавы его собеседник.

— Самый что ни на есть варвар и дикарь! — заверил его горожанин. — Из этой, как ее... Ну, которая на Севере, за Аквилонией... Чего ему дома не сиделось, не понимаю!

— И он сейчас там? — Незнакомец кивнул в сторону таверны, продолжавшей содрогаться от разудалых криков и раскатов хохота.

— Где ж еще? — недоуменно отозвался горожанин и с растущим подозрением осведомился: — А у вас что, дело до него имеется?

— Вроде того... — неопределенно отозвался неизвестный, пересекая улицу и дергая на себя бронзовое кольцо на дверях «Девяти стрел». — Вроде того...

Достойный кордавец посмотрел ему вслед, в сердцах сплюнул, помянув Сета с его выкормышами, и отправился домой, размышляя по дороге, что могло понадобиться порядочному с виду человеку от такого злодея, каким, вне всякого сомнения, является пиратский капитан, пусть и служащий высокой короне...

В просторном зале таверны, освещенном тускло горевшими плашками с маслом, за несколькими составленными вместе столами десятка два типов самого разбойного вида немелодично, но очень громко и дружно горланили разухабистую балладу о капитане Ригелло, первооткрывателе Баракских островов.

Баллада повествовала о некоторых подробностях этого самого открытия, которые наверняка не были отмечены ни в одной летописи Южного побережья. Сидевшие вперемешку с корсарами девицы с готовностью взвизгивали в самых интересных местах и жеманно посмеивались. В дальнем углу оживленно резались в кости, и, судя по долетавшим выкрикам, ставки быстро приближались к ежегодному доходу процветающего купца.

— Сброд, — вполголоса пробормотал посетитель, сразу же споткнувшийся о чье-то не подающее признаков жизни тело. Быстрый осмотр убедил его, что тело принадлежит некоему бравому мореходу, пребывающему в состоянии блаженного опьянения, но пока отнюдь не мертвому.

Появлению в «Девяти стрелах» еще одного страждущего никто не удивился; точнее, его просто не заметили. Гость, прищурившись, оглядел темноватое помещение со сводчатыми потолками и маленькими зарешеченными ок-

нами, перестроенное некогда из большого винного подвала. На потолке и стенах, заботливо побеленных рачительным хозяином, посетители оставили множество следов своего пребывания, расписав с помощью копоти от факелов и свечей белую известь названиями кораблей, собственными именами, а также высказываниями, многие из которых можно бы было назвать мудрыми, будь они высказаны несколько другим языком и в более доступной пониманию простого обывателя форме...

По таверне тугими сизыми клубами плавал дым, вытекающая из распахнутых настежь дверей кухни, где что-то во всю шинело, трещало и булькало. Взмокшие служанки носились по таверне с подносами, уставленными тарелками, кружками и бутылками.

Сложенным вдоль стен в пирамиды огромным винным бочкам устроили форменное кровопускание, постоянно забывая закрывать краны, и весело журчащие струйки темного и светлого вина сливались на полу в причудливые лужицы, над которыми поднимался кислотоватый терпкий аромат.

Разудалая баллада завершилась общим дружным воплем, от которого ощутимо дрогнули стены, а затем последовал новый клич: «Хозяин! Вина!»

Посетитель — ничем не примечательный человек средних лет, по виду типичный зингарец, с тронутыми сединой черными волосами, быстрыми темными глазами и острой бородкой, в одежде которого преобладали темные тона, с расчетом на то, чтобы в любой толпе не привлекать внимания, снова осмотрел зал, задержавшись взглядом на стоявшем особняком столе и людях, сидевшим за ним.

— Зачем пожаловали? — довольно развязно осведомился у гостя, явно колебавшегося — уйти или остаться? — незаметно подошедший молодой человек с потрепанной виолой под мышкой и с огромной пенящейся кружкой в руках. И вопрос, и нахальный тон были направлены на то, чтобы заставить нежданного посетителя побыстрее убраться, пока цел, но вместо этого зингарец деловито спросил:

— Капитан здесь?

— А что, он тебе позарез нужен, дедуля? — Пират попытался отхлебнуть из своей кружки и едва не выронил жалобно звякнувший инструмент.

— Да. — Посетитель неуловимо быстрым движением извлек откуда-то ярко блеснувший кругляшок. С привычной ловкостью, выдававшей немалый опыт, обладатель виолы выхватил монетку, попробовал на зуб и после некоторого размышления кивнул:

— Пошли.

* * *

Прошедший месяц был удачным. Очень удачным, если не принимать в расчет стремление Фердруго набить свою казну, и желательно за чужой счет. Треть от добычи, где ж такое видано? И это после всего, что сделано для потерявшего последние остатки разума старикашки! Конечно, нигде на Южном побережье не найдешь гавани лучше кордавской, но весь вопрос в том, насколько далеко простирается расположение короля к собственным корсарам? Если этот предел уже близко, то тогда — прощай, Кордава! Хотя совсем не хочется так быстро покидать приморский город...

Конану действительно нравилась зингарская столица, хотя он предпочитал никогда надолго не задерживаться в городах. Шумная, многолюдная Кордава — как раз то место, где проще простого затеряться. Варвар уже бывал здесь и с некоторым удивлением обнаружил, что за прошедшие годы в городе почти ничего не изменилось. Разве что старый хрыч и скряга Фердруго стал еще старше и скунее, а его маленькая дочка выросла. Вспомнив о принцессе Чабеле, Конан невольно ухмыльнулся. Конечно, мысль жениться на ней можно оправдать только временным умопомешательством, вызванным слишком длительной беготней под одуряюще жарким солнцем Стигии и Черных Королевств.

Слава всем богам, Чабела оказалась разумной девушкой и вовремя поняла всю безнадежность своей затеи, тем самым спася родную страну от немыслимого бедствия в виде киммерийского варвара на древнем кордавском престоле. Хотя, надо признать, задумано было неплохо... Ладно, трон

Конану уже предсказывали, и какую-нибудь корону он себе непременно добудет, но не таким же способом!

«Ваше здоровье, принцесса». — Пробормотав это, Конан опрокинул очередную кружку темного аргосского и взглянул, что творится в таверне. В зале кабака вовсю веселились, следовательно, большая часть добытого золота, уцелевшая от бдительного ока чиновников Фердруго, сейчас стремительно перетекает либо к хозяину «Стрел», либо к вопящим девицам... Запретить, что ли, команде пить вино в таких количествах? А то вчера вернулись, а завтра опять тащись в море... Или не вчера?

— Зелтран! Зелтран, осьминога тебе в задницу, проснись!

Но боцмана, упавшего головой в тарелку с обглоданными костями и сладко похрапывавшего, не могло разбудить ничто и никто, даже капитанские крики в ухо. Ладно, пусть проспится...

— Хозяин!

Ага, Габорал, на лице которого читалась неприкрытая озабоченность тем, что господа королевские корсары уже упились до скотского состояния, и явно гадавший, уцелеет ли его таверна к завтрашнему утру, возник у стола почти мгновенно.

— Да, капитан?

— Еще аргосского!

— Аргосского больше нет, — голосом, полным искреннего сожаления по отсутствующему напитку, сообщил хозяин. — Кончилось...

— А что осталось? — поинтересовался Конан, уверенный, что хозяин наверняка врет, в надежде, что капитан со своими бандитами уберется отсюда. А вот и не выйдет...

— Кордавское, — с готовностью сообщил Габорал.

— Разведенная моча, — вздохнул киммериец. — Ладно, тащи...

Когда новый бочонок был водружен на стол и кружки наполнены доверху, капитан королевских корсаров мрачно задумался о том, долго ли ему еще оставаться в этом звании. Все зависело от ответа на вопрос: уцелел ли хоть кто-нибудь с той злополучной галеры, на которую «Вестрел»

наткнулся у побережья Шема? Тогда над морем стоял утренний туман, и когда из плотной серой пелены под самым носом карака выплыл длинный корпус дрейфующей в ожидании рассвета галеры, все сочли, что упускать подобный случай — себя не уважать. На галере и пикнуть не успели, хотя некоторые в возникшей суматохе успели сигануть за борт и поплыть к близкому берегу. Значения тому не придали, но, когда содержимое трюмов галеры уже частично переместилось на палубу «Вестрела», кому-то по чистой случайности пришлось в голову взглянуть на флаг захваченного судна.

А флаг оказался зингарским...

В сущности, это ничего не значило — мало ли кто мог напасть на галеру, и, даже если сбежавшие с нее и добрались до берега, кто поручится за то, что они сумеют вернуться в Кордаву? Но за многие годы странствий северянин хорошо усвоил подлый закон жизни: если неприятность может произойти, она непременно произойдет. Вопрос в том, кто и под каким соусом преподнесет замечательную новость о проделке капитана Конана Фердруго и не будет ли старый король в этот день страдать, скажем, несварением желудка. А то под такое дело еще прикажет развесить пиратов, стоящих у него как кость поперек горла, на городской набережной. В качестве дополнительного украшения улиц столицы, так сказать... И никакие прошлые заслуги не спасут. Наверное, все короли страдают короткой памятью; во всяком случае, те, что встречались Конану, были именно такими — при первой возможности царственные особы забывали, чем обязаны северному наемнику, и старались любым способом от него отделаться.

Ну и Нергал с ним, с Фердруго, выгонит — ему же хуже... Можно опять податься на острова, хотя такое сборище скорпионов, готовых в любой момент вцепиться друг дружке в горло, даже вспоминать неохота... Вдобавок там на варвара тоже злы — он, видите ли, нарушил какой-то из идиотских пиратских законов. Всю жизнь северянин плевал на законы, кроме тех, что сам устанавливал для себя, и не собирался так запросто менять свои

убеждения. Поэтому он без всякого сожаления и очень скоро покинул Барахский архипелаг, наткнувшись по дороге на «Вестрел»...

Конан попытался заново растолкать боцмана, потому что пить в одиночку вовсе не привык, но Зелтран лишь неразборчиво мычал и просыпаться не собирался. Пришлось налить только себе, но тут за спиной у киммерийца раздалось пронзительное:

— Капитан, к вам пришли!

Конан скривился — у этого мальчишки голос как у осла — аж в ушах звенит. На кой он тогда его подобрал — Далайо досадить захотелось? Досадил, называется, — привел на корабль гремучую змею и любопытного хорька в одном лице. Впрочем, от мальчишки была и несомненная польза — он развлекал команду и всегда был в курсе городских сплетен и новостей. Если бы еще и болтал при этом поменьше, вовсе бы не было Вайду цены. А Далайо, кстати, зря пытался скрыться от барахцев под защитой кордавской короны — они все равно его нашли...

— Кто? — недовольно осведомился киммериец.

— Не знаю, капитан. Вот этот, — и Крысенек подтолкнул молчаливого посетителя к столу, а сам уселся поодаль на колченогий табурет, прислонился к стене и притворился, что дремлет. Конан не сомневался, что из предстоящего любопытного разговора не будет пропущено ни единого слова. Если бы у мальчишки были уши как у собаки, то сейчас бы они наверняка стояли торчком, ловя малейший звук. Или как у летучей мыши — вращались бы изо всех сил в разные стороны...

— Ну? — Киммериец плеснул в свою опустевшую кружку темной приторно-сладкой жидкости и взглянул на брезгливо подсевшего к загаженному столу незнакомца. — Предупреждаю, мы — не торговое судно и грузов не берем. Пассажиров — тоже.

— Я знаю, — негромко сказал неизвестный. — Если бы требовался торговый корабль, то я нанял бы его в другом месте... Но мне нужен именно ты, капитан Конан. Ты и твоя команда.

— Зачем? — коротко поинтересовался киммериец, так и не предложив своему собеседнику выпить. — Не люблю иметь дело с людьми, которые знают меня, но забывают назваться сами. Всегда выясняется, что они что-то скрывают...

Этот тихоня Конану определенно не нравился. Вечно все самые большие неприятности происходят от тихих и незаметных людишек... Чего ему надо? Не барахцы ли решили достать его таким способом? Ну что же, тогда они получат своего посланника обратно по частям...

— Мне скрывать нечего, в отличие от тебя, капитан, — равнодушно пожал плечами зингарец. — Можешь называть меня Вальдрио. Я хочу предложить тебе... работу.

— Почему мне? В городе полно головорезов, которые за пару монет ограбят хоть сам Коронный замок и не будут задавать лишних вопросов... Кстати, что за чушь насчет того, что мне есть что скрывать?

— «Араминта», — тем же тихим, невозмутимым голосом произнес Вальдрио.

— Это что, твоя жена или дочка? — Конан со стуком поставил наполовину опустевшую кружку на стол и невольно подумал, что пророк из него вышел неплохой, только все предсказания мрачные... Откуда, Сет его побери, этот сухопутный заморыш может знать об «Араминте», тихо гниющей где-нибудь на пустынном берегу Шема?

— Не прикидывайся, капитан. — Вальдрио окликнул пробежавшую мимо служанку и попросил принести ему кружечку кордавского, желательно пятилетней давности. — Ты прекрасно знаешь, о чем я. О галере «Араминта», которая вышла отсюда, направляясь в Асгалун, да так и не добралась до места. Ее не могло утопить штормом, потому что последние двадцать дней океан на диво спокоен, и потом, на галере были опытные капитан и рулевой. Впрочем, что говорить, ты не хуже меня знаешь, куда она делась... Я не утверждаю, что вы это сделали специально, в конце концов, даже в таком... м-м... ремесле, как ваше, случаются ошибки. Дело не в галере и даже не в грузе, который был достаточно ценен, а в одном из пассажиров. Капитан, ты и твои люди отправили на Серые Равнины близкого род-

ственника короля, что, согласишься, уже пахнет чем-то большим, чем простое и незамысловатое пиратство.

«Та-ак! Значит, этот тип, разряженный как павлин, действительно был важной персоной! Впрочем, он сам виноват — схватился за меч, так умей его держать! Но каким образом...»

Конан хорошо запомнил внезапно выскочившего из каюты человека, успевшего даже ранить кого-то из команды «Вестрела», всю хозяйничавшей на палубе захваченной галеры. Слишком резвому защитнику слегка стукнули по голове веслом, чего ему вполне хватило. Труп, после недолгого колебания, выкинули за борт, тут же позабыв о досадном происшествии. «Но что королевский родственник мог делать на обычной торговой галере?»

— Плыл, не привлекая внимания, в Шем. — Оказывается, последнюю фразу киммериец, не заметив, произнес вслух, и Вальдрио, только что получивший свою кружку и с видимым удовольствием смаковавший ее содержимое, ответил. — Впрочем, это меня не касается. Важно лишь то, что вы его убили, и королю это обстоятельство доселе неизвестно. А также то, что Фердруго может и дальше оставаться в блаженном неведении. Конечно, рано или поздно он узнает об этом прискорбном событии, но не от меня, и твое имя не будет иметь к случившемуся ни малейшего отношения.

— А если я сейчас пошлю тебя подальше, а законникам Фердруго скажу, что в глаза не видел никакой галеры под названием «Араминта»? Что тогда?

— Тогда, во-первых, состоится королевский суд, на котором будут свидетели, которые подтвердят, что ты и твои люди поджидали несчастную галеру с одной-единственной целью — отправить в Царство Мертвых ее пассажира, — обстоятельно и с нескрываемым сарказмом начал расписывать предстоящие Конану неприятности зингарец. — Во-вторых, спокойная жизнь в Кордаве для вас в любом случае закончится. Я полагаю, что тебе-то на это наплевать, но есть люди, которые тебе доверяют, и вряд ли тебе захочется, чтобы они пострадали... Хотя, может, в варварских землях так и полагается? И в-третьих...

— Первых двух вполне достаточно, — мрачно буркнул Конан. — Из какой навозной кучи ты выполз, а?

— Это неважно. Так ты согласен выслушать мое предложение?

— Валай, — кивнул северянин, подумав, что лучше всего было в то неудачное утро пройти мимо треклятой галеры. Но сделанного, как известно, не воротишь, даже если очень хочется. Ладно, послушаем, что нужно этому не в меру осведомленному типу...

Вальдрио бросил по сторонам быстрый взгляд, убедившись, что никто их не подслушивает, — большинство корсаров уже мирно спали на лавках и под столами, а те, кто пока был в состоянии передвигаться и шевелить языком, с трудом, но весьма увлеченно подсчитывали количество очков, выпавших на костях, и не обращали внимания на то, что подельывает и с кем разговаривает капитан. Крысенок старательно похрапывал, вторя боцману.

— Раздобудь для меня одну вещицу. Я не настаиваю, чтобы вы с командой немедленно бросились туда, где она находится, но чем быстрее вы соберетесь и приступите к делу, тем будет лучше для всех нас.

— Что за вещь-то? — Каждый раз, когда киммериец слышал — «достаньте мне то-то или то-то», жизнь превращалась в сплошной кавардак, и Конан искренне удивлялся, как он умудряется уцелеть в сыплющихся на его многострадальную голову неприятностях.

— Не знаю, — спокойно ответил зингарец.

— Это как? — опешил Конан. — Не знаешь?

— Да. Есть карта места, где она хранится. Я знаю туда дорогу. Но не имею представления, как выглядит искомый предмет. Именно поэтому я предпочел обратиться к тебе. Кое-кто из твоих старых знакомых утверждает, что ты прекрасно справляешься с подобными делами, и я этому верю... раз ты до сих пор жив.

— Ну и где же прикажешь искать твою сокровище? — ядовито осведомился северянин, чувствуя, что Вальдрио темнит. Что это за «знакомые», которым известно о его прошлых сомнительных подвигах? Или кто-то наболтал о происшедшем

на Безымянном острове и позже, в кордавском дворце? Интересно, кто? Найти бы того болтуна и язык малость укоротить, чтобы думал в следующий раз, прежде чем трепаться...

— Бухта Красных Скал на побережье Стигии, возле границы с Кушем. Места пустынные, так что сможете спокойно высадиться. Затем — лиг десять прямо на восход, в направлении Сухмета. Увидите горы — не ошибетесь, других там нет — сворачивайте на север и держитесь вдоль реки, что течет с гор. Река приведет вас куда надо. Дальше можно воспользоваться картой. Местоположение нужного мне предмета на ней отмечено, а все, что встретится на пути и, на ваш взгляд, представляет ценность, — принадлежит вам. Кроме того, я оплачиваю расходы на предстоящее путешествие и услуги твоих людей. Окончательный расчет производится после вашего возвращения с найденным предметом. Не сомневайся, сумма будет достаточной для того, чтобы каждый член экипажа «Вестрела» остался доволен... Мы договорились?

— Можно подумать, что у меня есть выбор... А с какой стати я должен доверять тебе?

— С такой же, с какой и я, — холодно ответил зингарец. — Ведь ничто не помешает тебе забрать все, что вы найдете, и не возвращаться в Кордаву. Тогда уже не будет иметь значения, узнает Фердруго о ваших делишках или нет.

Вальдрио порылся в небольшой сумке из тисненой кожи, висевшей на поясе, вытащил маленький железный ключ с резной бородкой и положил его на стол, отодвинув в сторону полупустые кружки и тарелки с объедками.

— Это — залог нашего договора. Утром деньги будут доставлены на корабль, а ключ послужит знаком, что они именно от меня.

Зингарец бросил на стол монеты — плату за вино, поднялся и направился к выходу. Отойдя на пару шагов, он оглянулся, коротко и жестко улыбнувшись, и негромко сказал:

— Но все же тебе лучше вернуться в Кордаву, капитан. Лучше для тебя и для твоих людей.

Конан проводил его мрачным взглядом и, не оборачиваясь, вполголоса позвал:

— Крысенок!

Храп мгновенно прекратился, и Вайд возник на опустевшем месте зингарца, тут же завладев его кружкой, в которой еще плескалось на дне дешевое вино, и устался на капитана изумленными глазами:

— Капитан, он не может знать об «Араминте»! Никто в целом свете не может о ней знать!

— А этот знает, чтоб его Сет сожрал... Ты его когда-нибудь встречал?

Крысенок сосредоточенно подумал, не забывая отхлебывать из кружки, и помотал головой:

— Не могу же я помнить всю Кордаву! Но этот тип не тот, кем пытается казаться. Одежда купеческая или чиновничья, но не похож он на...

— Без тебя знаю, — огрызнулся киммериец. — Вот что, найди кого-нибудь, способного передвигать ногами, и марш за этим искателем сокровищ. Хотелось бы знать, куда он пойдет... Хоть убейте, а почему-то мне кажется, что он только передал порученное, а сам имеет к этому такое же отношение, как вон тот стол.

Вайд согласно закивал, вытянулся, будто королевский гвардеец на посту у спальни своего монарха, едва не щелкнув каблуками, и отчеканил:

— Будет сделано, капитан!

После чего бросился расталкивать своего неразлучного приятеля Болто, тихо-мирно дремавшего в темном уголке. Уже вдвоем они пинками и уговорами подняли на ноги Саргоса, туповатого и медлительного, но зато сильного как бык. Расчет был правильным — двое таких уличных проходимцев, как Вайд и Болто, пролезут в любую щель и везде сунут свой любознательный нос, а в случае чего Саргос вытащит их почти из любой возможной заварушки. Троица быстро пошунукалась и исчезла за дверями в уже начинавших спускаться на город сумерках.

* * *

Посмотреть со стороны, так все было привычно — любой человек, у которого достаточно золота и имеется минимальный талант убеждать, сможет подвинуть королевских

корсаров на небольшие авантюры ради блага нанимателя и наполнения их собственных карманов. Не в первый раз, в конце концов!

Для чего, собственно, существуют на свете наемники, корсары и им подобные искатели приключений, как не для того, чтобы добропорядочные и законопослушные граждане наслаждались безмятежной жизнью, предоставив свои проблемы и неприятности тем, кто умеет и привык с ними разбираться? Только никогда не забывайте платить за работу, а то наемники имеют вредную привычку бунтовать, не получив обещанного, а пиратский бунт — зрелище не из приятных, да и обойдется куда дороже...

Сейчас Конан был не в состоянии рассуждать нормально. Больше всего ему хотелось выйти из таверны, разыскать маленького зингарца со спокойно-холодным голосом и вытрясти из него все, о чем тот предпочел умолчать. А еще — поговорить с кем-нибудь, способным трезво оценить положение со стороны и сказать, что же теперь делать. Инстинкт, да и простое знание жизни подсказывали киммерийцу, что там, где к делу хоть немного причастна Стигия, добра не жди. Здесь сразу начинало пахнуть — и не пахнуть вовсе, вонять! — магией, а магию северянин не любил в любых проявлениях, независимо от цвета — черную, белую, серую или еще какую.

Многочисленные магические штучки, с которыми варвару приходилось иметь дело, отличались пакостной особенностью прекращать действовать в самый ответственный момент, либо выяснялось, что вся некогда имевшаяся в них магия выдохлась, как вино в небрежно закупоренном кувшине.

Кроме того, киммериец всегда предпочитал самостоятельно решать, принимать предложения о работе или нет. А сегодня поиск неведомой штуковины ему просто-напросто навязали. Зингарец был прав — самому Конану было наплевать на то, попадет он в опалу к Фердруго или нет. Кордава — не единственный город на свете, и дорог из нее множество... Но на свете еще существовали три с лишним десятка человек, готовых пойти в огонь, воду и логово самого Сета вслед за киммерийцем, и было бы последней

подлостью смыться и оставить их на расправу старому королю.

С Фердруго станется извести под корень всю лихую команду «Вестрела», набранную с такими стараниями... Не каждый день королевские корсары отправляют на встречу с Нергалом королевского родича, так что старый интриган постарается, чтобы первый подобный случай стал и последним.

А в назидание другим сорвиголовам Фердруго устроит такую бойню, что и через десять лет помнить будут, как команда карака «Вестрел» прощалась с этим светом... Придется тащиться в Стигию и искать это «неведомо что»... Одна надежда, что вещь действительно достаточно высоко ценится для того, чтобы и сам капитан, и его люди не пожалели о проделанном путешествии. И уповать, чтобы размеры этого предмета были не больше «Вестрела», а то как прикажете втаскивать его на корабль? Стигия и потом, вдобавок, на север — это ж надо будет тащиться по джунглям, вот тоже большое удовольствие...

Зелтран наконец проснулся. Судя по его страдальческому виду и глазам, красным, будто у голодного гуля из Рабирийских гор, боцмана мучило тяжкое похмелье. Само собой, что ни слова из происходившего у него над ухом разговора Зелтран не слышал, а сейчас был озабочен только тем, как бы поскорее избавиться от головной боли.

Зашевелились и по углам, постанывая и побряхтывая. Конан убедился, что его доблестная команда пережила загул и настроена продолжить веселье. Габорал, похоже, смирился с мыслью, что команда карака останется у него жить, и даже выкатил откуда-то припрятанный было бочонок с аргосским. После двух кружек Зелтран слабым голосом заявил, что ему стало значительно лучше, и поинтересовался, действительно ли за столом еще кто-то сидел или ему показалось. Выяснилось, что затуманенные вином маленькие глазки боцмана кое-что сумели углядеть, но все произошедшее потом скрылось в непроглядном хмельном тумане...

Конан как раз пересказывал боцману свой разговор с неведомо откуда свалившимся подозрительным работодателем, когда гулко хлопнула входная дверь и в «Девять

стрел» вошел посланный за зингарцем Вайд. Вид у него был такой, будто мальчишка только что невероятно хитрым способом увел из тщательно охраняемой сокровищницы Большую корону Кордавы, но на первом же перекрестке проиграл ее в «пять камешков». Туповато оглядевшись по сторонам, Крысенок остановил взгляд на капитане и целеустремленно направился к столу, наступая на руки и ноги лежавших на полу и сопровождаемый возмущенными воплями и изощренными проклятиями.

— Капитан, они арестовали Болто и Саргоса,— бесцветным голосом сообщил он и не сел, а рухнул на стул, потянувшись к кружке Зелтрана.

— Чего? — недоуменно переспросили Конан и боцман «Вестрела». — Кто арестовал? За что?

— Королевские гвардейцы,— вяло ответил Вайд.— За то, что мы устроили драку в «Танцующей селедке» и убили кого-то... Не помню.

— Вспомни,— посоветовал киммериец.— Ты можешь толком рассказать, во что вы вляпались? Я тебя куда посылал?

«В жизни не поверю, что королевские гвардейцы решатся арестовать кого-то из корсаров, даже таких сопляков, как Крысенок и Болто! Да ведь с ними был Саргос, а с эдаким здоровяком никто, если в своем уме, связываться не станет!»

— Я и говорю, гвардейцы нас схватили в Кривом переулке и сказали, что, мол, мы зарезали какого-то хрыча в «Селедке»,— уже бодрее пояснил Вайд, осушив половину огромной кружки.— Капитан, я все-таки в состоянии отличить каравеллу от галеры и форму гвардии короля от одежд жрецов Митры!

— А вы действительно никого не прирезали? — поинтересовался удивленно слушавший и ровным счетом ничего не понимавший Зелтран.

— Да мы в «Селедку» совсем не заходили! Держались следом за тем типом, который такой умный, что мозги из ушей капает... Он сначала пошел на Парусную, там зашел в большой дом, из богатых, побыл внутри немного и поковылял к Старой гавани, а мы за ним...

— И что? — нетерпеливо спросил Конан.

— А он шмыгнул в один домишко и застрял там. Мы постояли, подождали — не высовывается. Болто сказал: «Давай покараулим, а ты сходи к капитану, расскажи, чего видели, и спроси — надо дальше ходить?» Они остались, а я пошел к тебе.

Пару улиц прошел — сзади крик. Рванул назад — а там стражники Болто с Саргосом вяжут! Пять человек — и откуда они взялись? — отродясь гвардия в Старую гавань не заглядывает, их туда ничем не заманишь! Я обратно побежал, а тот тип так из дома и не вышел. Скорее всего, нас заметил и ушел через черный ход или еще как... — Вайд растерянно посмотрел на стремительно мрачнеющие лица капитана и боцмана. — Белом клянусь, никого мы не убивали!

— Зелтран, присмотри, чтобы тут все было в порядке. А лучше поднимай всех наших да гони на корабль,— сквозь зубы процедил Конан, поднимаясь с табурета.— Пошли взглянем на гвардейцев, которым настолько надоела жизнь, что они решаются поднять руку на корсаров короны. Крысенок! Ты память по дороге не растерял?

— Нет,— кратко отозвался Вайд, решительно снимая висевший на стене массивный кованый фонарь с мерцающей внутри свечкой.

Принадлежавший киммерийцу огромный двуручный меч в простых ножнах, обтянутых кожей с бронзовыми накладками, стоял небрежно прислоненным возле стены. Конан на ходу подхватил его, подтолкнул замешкавшегося Вайда, яростно пнул дверь и первым выскочил из таверны на улицу. Смотревший им вслед Зелтран невольно подумал, что первому оказавшемуся на дороге разъяренного капитана гвардейцу очень не поздоровится.

...Старая гавань и прилегавшие к ней кварталы были ровесниками города, а в старых летописях утверждалось, что некогда здесь стоял маленький рыбацкий поселок, из которого, собственно, и вырос славный город Кордава. Позже выстроили Новую гавань, известную на все Южное побережье, а Старую, обмелевшую и запущенную, нынче использовали всякие темные личности, которым лишнее внимание было совершенно ни к чему,— контрабандисты,

тайком навещавшие город представители Красного Братства, торговцы живым товаром и прочий сброд, какого хватает во всех приморских городах.

Район вокруг гавани пользовался печальной известностью — в одиночку сюда не советовали соваться даже днем. Король Фердруго уже который год грозился, что под корень изведет этот рассадник пороков, но пока никаких заметных шагов для наведения там порядка не предпринималось. Обманчиво тихие и безобидные покосившиеся домишки с черными провалами окон, окружавшие Старую гавань, населял неразговорчивый люд, предпочитавший без лишней необходимости не показываться на улицах, а если и покидать дом, то исключительно по ночам...

Короче, это было не то местечко, где почтенному горожанину хотелось бы провести остаток своей жизни.

Кривой переулочек соответствовал своему названию — каждые десять шагов он менял направление почти на прямо противоположное, и Конан вскоре убедился, что без знающего любящего закоулки в Кордаве Крысенка точно бы заблудился после третьего же поворота. Отстававший поначалу Вайд теперь бодро топал рядом, помахивая фонарем и оглядывая темные очертания домов. Наконец он остановился и, еще раз все осмотрев, заявил:

— Пришли. Вот в ту халупу с башенкой зашел этот, как его... Вальдрио. А мы стояли вон там. Как ты думаешь, капитан, куда наших увели?

— Тихо! — прошипел Конан, толкая мальчишку в глубокую стенную нишу. — Фонарь спрячь!

Крысенок послушно прикрыл фонарь полый плаща и только тогда осмелился прошептать:

— А что...

Из двухэтажного домика с темными окнами и съехавшей от старости набок башенкой вышли трое, представлявшие собой вполне привычную на улицах Кордавы картину — двое приятелей ведут до дома изрядно подвыпившего третьего, едва переставляющего ноги и грузно висящего на их плечах.

— Крысенок, а ведь это наш не в меру мудрый друг, — еле слышно сказал киммериец. — И он отнюдь не пьян... Стой здесь!

Вайд замер на месте, а Конан скользящим беззвучным шагом двинулся по погруженной в тень улице вслед за медленно удалявшейся троицей. Крысенок даже не успел заметить, когда длинный клинок переместился из ножен в руку северянина.

Дальше начались странности. Он был уже шагах в пяти за спинами ничего не подозревавших субъектов, когда один из них оглянулся и коротко свистнул. В тот же момент вяло переставлявший ноги Вальдрио что-то невнятно выкрикнул, вырвался из рук своих то ли сопровождающих, то ли сторожей и, пошатываясь, побежал по улице.

Оставшаяся без своей добычи парочка, не долго думая, развернулась и быстро юркнула в ближайший проулочек, заполненный непроглядной чернотой. Бежавший Вальдрио неожиданно запнулся, глухо охнул и со всего размаху хлопнулся на торчащие булыжники мостовой. Раздался отчетливый сухой треск.

Капитан ринулся вслед за скрывшимися любителями ночных прогулок и пустующих домов, и почти сразу же донеслись звуки схватки — лязгнуло железо, пронзительно и яростно вскрикнул человек...

Зингарец остался на попечении Крысенка, осторожно подошедшего к лежавшей ничком фигуре и сразу понявшего, что падение вызвано вовсе не неровной мостовой — в спине Вальдрио торчали черные рукоятки двух тяжелых метательных ножей — один вошел точно между лопаток, второй вонзился повыше и левее. Между булыжников заблестели темные влажные струйки, Вайд приподнял фонарь повыше и отодвинулся — при падении зингарец разбил себе голову, ободрав всю кожу с виска.

Послышались быстрые шаги — возвращался Конан. Капитан шел один.

— Удрали, — недовольно сказал он, подходя поближе и коротким движением забрасывая меч в ножны за спиной. — Одного достал, но лишь оцарапал, а второй заскочил в какую-то развалюху и будто в воду канул. Ну, а здесь что?

Глава третья

Кордава, столица Зингары (продолжение)

Вайд красноречиво провел себе пальцем по горлу и развел руками. Поставив фонарь на мостовую, он быстро и привычно обшарил карманы и висевшую у пояса кожаную сумку покойника. Несколько золотых и серебряных монет разного достоинства, пара маленьких, хорошо выделанных кусков пергамента без каких-либо записей, полупустая баночка с чернилами — то, что носит с собой любой купец или состоятельный горожанин. Киммериец, нагнувшись, выдернул оба ножа, осмотрел и разочарованно пожал плечами:

— Клейма нет, обычные ножи... И что теперь?

— Не знаю,— честно сказал Вайд. На ночных улицах Кордавы люди частенько расстаются с жизнью, но сейчас случилось что-то совсем непонятное...

— Ты своими глазами видел, как он зашел в этот дом? — Конан посмотрел на молчаливую развалюху, которая не рассыпалась от старости только потому, что соседние дома подпирали ее.

— Видел. Он зашел туда сам, никто его не волочил и не звал. Он просто вошел, словно его там ждали или он там жил... Слушайте, капитан, мне кажется, или чем-то пахнет?

Они старательно принюхались — сладковатый дурманящий запах, без сомнения, шел от тела Вальдрио.

— Где-то я уже такое встречал...— озадаченно сказал Вайд.— Но где?

— Лотос,— подумав, определил киммериец.— Черный или желтый. Теперь понятно, почему он плелся, раскачиваясь, словно законченный пьяница. Здесь можно достать листья лотоса, Крысенок?

— В паре кварталов отсюда есть курильня,— припомнил Вайд.— А лотос может купить почти каждый, если у него есть чем заплатить и он знает, где спрашивать. Они заставили Вальдрио нанюхаться лотоса?

— Верно. Отвели бы к ближайшему причалу и столкнули. Утром стражники вытащат — ага, курильщик перебрал и отправился ловить луну в море. Или он бы просто тихо отдал концы на берегу... Ну что, пойдём посмотрим, что в этом домишке?

— Пошли,— согласно кивнул Вайд, поднимая фонарь и подхватывая в другую руку один из ножей, оборвавших жизнь человека по имени Вальдрио (если таковое действительно было его именем), хотя идти в пустой дом ему совсем не хотелось. Второй нож Вайд сунул за пояс и побежал догонять Конана, уже стоявшего перед крыльцом в две ступеньки. Из дома несло застарелой плесенью — запахом давно покинутого и необитаемого жилья. Никаких звуков из-за стоявшей нараспашку и едва держащейся на одной петле двери не доносилось. Конечно, в доме могло прятаться с десятков головорезов, подобных тем, что сбежали, предварительно прикончив Вальдрио, но как киммериец ни прислушивался, ничего не услышал. А люди, за редким исключением, не умеют сидеть в засаде беззвучно... Значит, в доме действительно никого не осталось.

Половицы под ногами издавали жуткий скрип, проседая при каждом шаге так, что казалось — сейчас прямоком провалишься в подвал. Отсветы раскачивавшегося фонаря выхватывали из темноты остовы гниющей мебели, какие-то разлохмаченные пыльные тряпки и огромное количество паутины.

— Никого тут нет,— шепотом сказал Вайд.— И чего они здесь могли делать, а? Жутко-то как...

— Помолчи.— Конан увидел еще одну дверь, сохранившуюся получше, чем входная. Крысенок наклонил фонарь,

осветив пол,— к закрытой, но незапертой двери вели отчетливо видимые в серой пушистой пыли следы.— Давай туда. Держись за мной.

Киммериец ногой толкнул дверь, держа меч наготове. Створки распахнулись почти без скрипа — видимо, петли недавно смазали. За дверью была комната — точное подобие первой, запустение и затхлый запах. В окно пробивались косые полосы неяркого лунного света, поднятая шагами людей пыль медленно оседала на пол, кружась в воздухе.

Крысенок неожиданно попятился, выронив фонарь, и издал какой-то сдавленный звук, точно его душили, судорожно тыкая рукой в потолок комнаты. Потерявшись в тенях, отбрасываемых старыми вещами, на веревке, перекинутой через торчавшие из наполовину обрушившегося потолка стропила, покачивался человек.

— Не стой столбом! — рявкнул Конан, сообразив, что повешенный им не померещился.— Приподними его!

Вайд, справившись с оцепенением, влетел в комнату и, обхватив ноги висевшего, изо всех сил подтолкнул его вверх, так что на веревке образовалась заметная слабина, а киммериец в один взмах рассек крученный шнур, еле успев подхватить падающее тяжелое тело. Вдвоем они уложили неизвестного на пол, Крысенок сходил за брошенным впопыхах у порога фонарем, свеча в котором только чудом не погасла, и осветил посиневшее лицо. Зрелище было не из приятных — вывалившийся прикушенный язык, закачанные белые глаза, а вдобавок по комнате распространился резкий запах мочи.

— Это же Болто,— с трудом выговорил побелевший Вайд.— Капитан, это же Болто, как же так, их же забрали гвардейцы, я сам видел, не может этого быть...

— Не скули! — прикрикнул киммериец.— Лучше вспомни, что ты им сказал, когда вы ушли из таверны и пошли за Вальдрио?

— Ничего.— Мальчишка один раз коротко всхлипнул, но взял себя в руки.— Саргосу — ничего, а Болто — что капитан велел проследить за одним типом, который вроде

хочет нас нанять, но крутит и не говорит зачем. А больше ничего, ни слова...

— Саргос наверняка тоже где-то здесь... Найду ублюдка, сделавшего это,— пожалеет, что на свет родился,— мрачно пообещал Конан. Это были уже не шутки — никому не позволено вот так, походя, убивать его людей! — Посиди тут, я посмотрю, может, еще что найдется...

Он сдернул со стола почти истлевшую скатерть и накрыл ею тело Болто. Потом пошарил по комнате, нашел полуобгоревшую толстую свечу, явно забытую сбежавшей подозрительной парочкой, зажег от свечи в фонаре и отправился в обход пустых комнат, оставив примолкшего Вайда сидеть возле тела нелепо погибшего приятеля.

Саргоса северянин обнаружил почти сразу — он лежал в первой комнате, они поначалу не заметили его, приняв за грудку тряпья.

Туповатому здоровяку аккуратно и со знанием дела перерезали горло от уха до уха, положив тело над проломом в полу, чтобы кровь стекала в подвал. Тихие равномерно капающие звуки и привлекали внимание. Затем Конан наткнулся на еще кое-что интересное — скомканную и небрежно брошенную в угол форму городской стражи с пятнами свежей крови.

«Хотелось бы знать, во что мы вляпались на этот раз,— мрачно размышлял киммериец, пытаясь разобраться, сколько же форменных одеяний валяется на полу. Выходило, что три, а Крысенок говорил о пяти стражниках.— Сет с ним, с Вальдрио, он, видимо, выполнил поручение, сходил затем на Парусную к своему хозяину, доложил, но зачем он поперся в Старую гавань? Сообщить еще кому-нибудь, что недоумок варвар согласился? Тогда зачем надо было его убивать? И зачем прикончили Болто и Саргоса, явно не имевших понятия, что происходит? Повезло Крысенку, успел сбежать... И как теперь, мы наняты или договор можно считать расторгнутым?»

— Капитан! — Вайд стоял на пороге комнаты, держа фонарь над собой и настороженно вглядываясь в заполнившую дом темноту.— Капитан, вы где?

— Здесь,— негромко откликнулся Конан.— Что случилось?

— Я... Я сидел и вспомнил одну вещь, но самому как-то в такое не верится...

— Ну? — подбодрил его киммериец.— Что особенного ты вспомнил?

— Того человека, что был с гвардейцами. Я решил, что мне померещилось, потому что он никак не мог там быть... Помните, наши в прошлый раз сцепились с ублюдками с «Блудливой красотки»? Так вот, этот человек там был, я точно помню. Такой бушприт, что у него заместо носа, не узнать трудно... Но я просто не поверил — что он может делать в королевской гвардии? — и решил, что обознался, да и далеко было...— сбивчиво заговорил Вайд.

— С «Блудливой красотки»? — недоуменно переспросил Конан.— Ты уверен?

— Почти...— нерешительно отозвался мальчишка.

— А кому принадлежит «Красотка»? Боргесе, или как его?

— Ага, ему. Графу Боргесе...— подтвердил Вайд.— Капитан, что с ними делать? Мы не можем оставить их в доме... Надеюсь, нашли Саргоса?

— Нашел. И форму гвардейцев. Так что они такая же королевская стража, как ты — зингарский дворянин. Вот что — оставлять тела в доме, конечно, не стоит, но и заниматься ими сейчас некогда. Вытащим на улицу, до утра никто не уволочет, а потом придем и заберем, похороним по-человечески. Поищи каких-нибудь тряпок, да побыстрее, надо еще кой-куда сходить.

— Куда? — скорее по неистребимой привычке знать все, чем из настоящего любопытства, спросил Вайд.

— Навестим Чабелу,— хмыкнул Конан.— Мне нужен человек, знающий дворцовые сплетни, способный рассказать, что за птица Боргеса. Неужели он настолько не дорожит своей шкурой, что решил убивать моих людей?

— Принцессу Чабелу? — растерянно повторил Крысенок, точно не понимая до конца, что ему говорят.

— А ты знаешь другую принцессу, которая носит такое имя? Шевелись, а то до утра провозимся!

...Далекий бронзовый колокол на башне Коронного замка отбил полночь. Тягучий надтреснутый звук проплыл в темноте над дремлющим городом и затерялся где-то в море.

* * *

Попасть в гости к ее высочеству принцессе крови Чабеле оказалось куда проще, чем представлялось Вайду. Всего-то делов — перемахнуть невысокую каменную ограду, оглушить парочку не ожидавших нападения разленившихся дворцовых часовых, пробежать через пустой темный сад и забраться в первое попавшееся из высоких стрельчатых окон, распахнутых по причине жаркой погоды и происходившего в замке праздника — музыка, голоса и смех разносились по всему дворцу.

Собственно, дворцов было два: старая крепость, заложенная одновременно с основанием города, чьи неприступные и грозные бастионы из серого и темно-красного гранита поднимались над пестрой суетой гавани, и новое здание, построенное при отце нынешнего короля и недавно несколько переделанное Фердруго. По сравнению с мрачным Старым замком Новый, с его причудливыми башенками, витражными окнами и стенами розово-белого камня, выглядел воздушно и легкомысленно, точно молодая красивая жена рядом с пожилым непривлекательным мужем.

Левое крыло Нового замка, террасами спускавшееся к морю и окруженное пышным садом, принадлежало дочери Фердруго — очаровательной особе неполных двадцати годов от роду и единственной наследнице кордавской короны (если не считать другим претендентом младшего брата короля). Впрочем, ветреной и беззаботной Чабелу мог назвать только человек, не знающий ее близко.

Вот уже третий год принцесса вела тихую, но упорную войну с многочисленными претендентами на ее руку и маячившую в отдалении корону Зингары. Дочка старого короля, упорно державшегося на троне уже третий десяток лет и без колебаний уничтожавшего всякого, кто пытался столкнуть его с трона, выросла достойным отпрыском сво-

его папеньки, и пока никто из домогавшихся руки принцессы дворян не мог уверенно сказать, что может рассчитывать на какое-то преимущество в ее сердце...

Даже к такой ужасной мысли, как брак с варваром-северянином, Чабела подошла весьма разумно — так у нее появлялась уверенность, что на следующий день после смерти короля и ее собственной коронации Зингара не будет захвачена только и ждущими этого Аргосом или Аквилонией. Свои соображения она однажды выложила изрядно повеселившемуся Конану, глядя на него честными глазами простодушной девочки. Отсмеявшись, киммериец предложил ей:

— Послушай, Чабела, когда станешь королевой, отыщи меня, и я с удовольствием стану у тебя... ну, скажем, командующим армией. Я даже согласен на маленькое жалованье.

— Если бы ты, капитан, стал моим мужем, казне это обошлось бы бесплатно, — с сожалением сказала Чабела. — Но чего нет, того нет... Что в этом такого смешного, а? Разве тебе каждый день предлагают по короне? Отец тебе многим обязан, он, конечно, будет метать громы и молнии, но я его уговорю. Неужели тебе до сих пор не надоело носиться по всему миру и сражаться? Конечно, я женщина, мне этого не понять, но...

Принцесса умела добиваться своего, и в том, что на сей раз у нее ничего не получилось, ее вины не было. Но хорошие отношения между наследницей короны и корсарским капитаном сохранились, и теперь Конан рассчитывал, что Чабела расскажет ему кое-что интересное и способное пролить свет на сплошь непонятную историю, случившуюся минувшим вечером.

Из пустовавшей комнаты киммериец и позабывший закрыть рот и замороженно глазающий по сторонам Крысенок выбрались в длинный коридор, увешанный гобеленами, почти сразу же наткнувшись на дремавшую в кресле с высокой спинкой девушку — служанку или камеристку.

— Вот она-то нам и нужна, — прошептал Конан. — Пусть потрудится и сходит за Чабелой.

Наверное, из всех пробуждений у бедной служанки это выдалось наихудшим, и если бы северянин вовремя не зажал ей рот ладонью, то визгу бы было на всю Кордаву. Убедившись, что страшный и неизвестно откуда взявшийся чужеземец кричать ей все равно не даст, но и вреда вроде причинять не собирается, девушка перестала вырываться и прислушалась к тому, что ей говорили:

— Ты знаешь, где Чабела?

Служанка истово закивала.

— Кричать будешь?

Темноволосая головка отрицательно замоталась из стороны в сторону, а на личике девушки появилось выражение, свидетельствующее, что без позволения она не издаст ни единого звука.

— Ладно, — кивнул варвар, а отпущенная служанка облегченно вздохнула и на всякий случай попятилась. — Иди разыщи госпожу и скажи, что... Что пришел один человек, которого она знает по Безымянному острову. Запомнила?

— П-по Безымянному о-острову... — чуть слышно пролепетала девушка. — Мне можно идти, ваша милость?

— Бегом! И не вздумай позвать стражу — Чабела тебя в порошок сотрет.

Служанка подхватила зашуршавшие юбки и торопливо побежала по коридору, даже не решившись оглянуться. Великий Митра, что за знакомые у принцессы? Может, все-таки лучше сначала сбегать к начальнику охраны дворца? Нет, страшно, пусть ее высочество сама разбирается со своими гостями... Кстати, незнакомцев было двое, или показалось?

— А мы подождем. — Конан хозяйским жестом распахнул двустворчатые двери красного дерева с золотыми украшениями и ручками в виде орлиных лап. Вайд с ужасом посмотрел на вошедшего в комнату и удобно расположившегося в кресле капитана — сама мысль о том, чтобы зайти в такую комнату, а уж тем более — жить там, представлялась ему кощунством. С равным успехом можно, наверно, поселиться в храме Митры... Интересно, сколько бы дали на Морском рынке хотя бы вон за ту пару серебряных подсвечников?

— Ты всю оставшуюся жизнь собираешься простоять в дверях? — осведомился киммериец, прислоня снятые ножны с мечом к хрупкому на вид одноногую столику. — Это всего лишь комната.

— Знаете, капитан, я лучше снаружи подожду, — пробормотал Вайд, пятясь и выскакивая обратно в более опасный, но зато ставший уже привычным коридор. — Да и идет кто-то...

— В разговор не соваться, слушать во все уши. И не вздумай соблазнять эту пугливую красотку! — нарочито строгим тоном предупредил северянин.

— Больно она мне нужна... — И Крысенек, оправдывая свое прозвище, юркнул за декоративную колонну между гобеленами и исчез.

Чабела, вырванная из веселой круговерти дворцового праздника, шла по коридору так быстро, что перепуганная служанка едва успевала за ней. Принцессу не зря называли «розой Кордавы» — при несколько полной фигуре, она была очаровательна, с ее ясными темными глазами, алыми пухлыми губками и наследным носиком с заметной горбинкой.

Длинные черные косы, оплетенные блестящими нитками жемчугов, бархатное темно-бордовое платье с белыми кружевами — покорительница сердец и вдохновительница подвигов... Чем-то она была похожа на Санчу или, скорее, Санча на нее, с одной маленькой разницей — Чабела родилась принцессой, а Санча безуспешно пыталась походить на таковую.

Не войдя, а влетев в комнату, Чабела тихонько ахнула и, напрасно пытаясь придать от природы смешливому голосу строгость, спросила:

— Почему ты никогда не приходишь как все люди?

— Потому что, как известно всем, я дикий и неотесанный варвар, — ухмыльнулся Конан, поднимаясь с кресла. — Тебе ли этого не знать?

— Все время забываю... А я и не знала, что ты вернулся. Как прошло... м-м-м... плавание?

— Лучше, чем можно было ожидать.

Чабела подняла с подноса, лежавшего на маленьком круглом столе, крохотный бронзовый колокольчик и дважды позвонила. В дверь тут же просунулась несколько успокоившаяся служанка:

— Я здесь, ваше высочество!

— Аргосского, милочка. — Чабела оценивающе взглянула на снова занявшего кресло киммерийца, подумала и добавила: — Побольше...

Служанка убежала и вскоре вернулась с подносом, на котором красовались две вместительные оплетенные бутылки, плоское блюдо с темным местным виноградом и бледно-желтыми ранними персиками, а также два высоких серебряных бокала с вычеканенными на них виноградными листьями.

После того как принцесса трижды переспросила у нее, точно ли пришедший иноземец сказал «Безымянный остров», потом умчалась из танцевального зала, бросив всех своих поклонников, точно лань от своры разъяренных псов, и по дороге едва ли не распевала во весь голос, а теперь велела принести такую гадость, как аргосское вино, служанка уже ничему не удивлялась. Быстро расставив на занимавшем центр маленькой комнаты низком столе всю доставленную снедь и спросив, не будет ли каких распоряжений, она получила в ответ разрешение быть свободной до утра и с облегчением выскочила в коридор, подальше от пугающего гостя наследницы короны.

— Так чем обязана столь внезапному и позднему визиту, капитан? — Одна бутылка уже опустела, причем почти без помощи Чабелы. Положенная часть правдоподобных (и не слишком) историй о прошедшем плавании и житье-бытье славного города Кордавы рассказана и с интересом выслушана, но не надо быть высокоученым книжником, чтобы сообразить, что непредсказуемый киммериец явился в гости не затем, чтобы попивать аргосское, и уж точно не ради прекрасных глаз королевской дочки...

— Хорошие у твоего отца погреба, Чабела, — отозвался Конан. Вино и самом деле было недурно, куда лучше того, что подавали у Габорала.

— Если хочешь, я прикажу, чтобы тебе доставили несколько корзин... В качестве королевской благодарности.

— Представляю, какие слухи поползут по городу... — хмыкнул северянин. — И что скажет Фердруго.

— Конан, ты несносен... — вздохнула Чабела. — Тебе опять необходимо что-то разузнать?

— Конечно, — кивнул Конан, откупоривая вторую бутылку с аргосским. — Что тебе говорит имя Боргеса?

— Боргеса? — Чабела подняла ровные дуги бровей. — Граф Боргеса? Он что, поссорился с тобой?

— Еще нет, но... — Киммериец многозначительно замолчал.

— Боргеса, Боргеса... — Девушка призадумалась. — Ну-у... Считается, что он мот, кутила, любитель хорошеньких женщин и породистых лошадей, но таковы все наши дворяне...

— Ты сказала «считается», — заметил Конан, разливая темное вино по бокалам. — А что думаешь ты, моя госпожа?

— Я... — Она неожиданно по-детски подергала себя за косу и задумчиво произнесла: — Я думаю, что все это только показное. На самом деле граф очень умный, хитрый и злой человек. Отец давно собирается выставить его из столицы, но никаких законов Боргеса не нарушал, или, во всяком случае, ни разу не попадался. Вечно около него крутятся всякие подозрительные личности, и никто мне не докажет, что к тому, что недавно творилось во дворце, он не имеет никакого отношения.. Но граф достаточно умен, чтобы вовремя остановиться и уйти в тень. А еще у него есть корабль. Конечно, тут каждый второй либо владелец, либо капитан корабля, и ничего удивительного в этом нет, но вы бы видели, что принадлежит Боргесе!

— Сорок весел, вмещает до сотни человек, можно идти куда хочешь, хоть до Закатного Материка, если он есть. — Киммериец попытался припомнить, видел ли он вчера «Блудливую красотку» в порту, но уверенно сказать не мог. Кажется, она все-таки там была...

— Это не корабль, а чудовище! — решительно заявила Чабела. — На таком можно смело отправляться ловить

морского змея! Откуда у него столько денег, ведь такое судно, наверное, стоит недешево, а Боргеса — род хоть и древний, но небогатый!? Наверняка у графа где-нибудь в сундуке припрятан флаг Братства... Послушай, но что же вы с ним не поделили?

— Боргеса сейчас в городе? — не отвечая на вопрос принцессы, осведомился северянин. — Где он живет, не знаешь?

— Вчера я его видела на малом вечернем приеме, а в Кордаве у него есть свой дом. Где-то на Парусной улице... Зачем он тебе понадобился, капитан?

— Шею свернуть, — мрачно ответил Конан. — Он или его люди убили двоих из моей команды. Если он действительно стоит за этим — скоро у тебя одним придворным станет меньше.

— Но почему? — недоуменно спросила Чабела. — Всем же известно, что лучше стать врагом короны, чем твоим!

— Значит, он тот человек, который этого не знает... Моя госпожа, тебе случайно не знакомо имя Вальдрио?

— Нет, — подумав, ответила Чабела. — Хотя... Где-то я его слышала, но совершенно не помню — где и в какой связи... Малоизвестная мне история о поддельных золотых или о черном колдовстве?.. А что, собственно?

— Так, ничего. Завтра его найдут у Старой гавани с двумя дырками в спине. Учти, я к этому непричастен. Да, и еще. Можешь выдать государственную тайну?

— Смотря какую, — кокетливо сложив губки, отозвалась Чабела. — А ты точно не убивал этого... Вальдрио?

— Я бы с удовольствием это сделал, да не успел... Так вот — никто из родичей короля не отправлялся в прошлые двадцать дней куда-нибудь?

— Отправлялся, двоюродный дядя по матери. В Шем, с торговой галерой. Пока не вернулся. Папа хочет заключить с Асгалунским городским советом какой-то договор и...

— Он его никогда не заключит, — закончил киммериец. — Наша работа. Мне жаль, дорогая Чабела, но твой родственник сейчас кормит рыб.

— Ох,— выдохнула королевская дочка, роняя на пол только что надкушенный персик.— Но как же так?..

— Очень просто. Ремесло такое. Послушай, Чабела, похоже, об этом известно только тебе, мне и ныне покойному Вальдрио. А может, еще кое-кому, кого я не знаю, но постараюсь отыскать. Но если слухи дойдут до короля и все будут в один голос твердить, что негодяй варвар нарочно караулил и прирезал вашего дядюшку, не верь. И постарайся убедить в этом старого... Тьфу, то есть почтенного короля Фердруго.

— Постараюсь,— с грустной улыбкой сказала принцесса.— Но пока этих слухов нет, я, надо полагать, должна помалкивать?

— Было бы лучше...— согласился Коная. Не очень-то хорошо втягивать других в собственные неприятности, но будет спокойнее, если Чабела на всякий случай узнает, что творится в ее родном городе. Кто-кто, а она в полной безопасности и никогда без необходимости ничего не разболтает.

— Что ты собираешься делать теперь? — поинтересовалась Чабела.— Искать Боргесу? Если надумаешь мстить, оставь в живых хоть кого-нибудь: королева без подданных — это ужасно!

— Обойдусь одним графом, так и быть...

...Незаметно проскользнувший в коридор Вайд и окончательно оправившаяся от испуга служаночка всюлюбезничали и даже потихоньку хихикали, напрочь забыв о том, зачем здесь находится каждый из них. Когда дверь комнаты принцессы открылась, они испуганно вздрогнули и вскочили.

— Желаю удачного плавания, капитан. Или, кажется, принято говорить — попутного ветра?

— У нас любой ветер — попутный... Всего хорошего, дорогая моя наследница трона. Кстати, совсем забыл — о нашем стигийском друге ничего больше слышно не было?

— Бр-р...— Чабелу передернуло.— Вспомнил тоже... Нет, ничего я о нем не слышала, и если он здесь появит-

ся — колдун он или не колдун, а сидеть ему в Старой крепости, пока не придумаем, каким именно уточненным способом его казнить!

— Понятно...— протянул киммериец.— Ладно, мы — в гавань, если что — найдешь меня там. Где можно найти ближайший выход, чтобы опять в окна не лазить?

— Я провожу,— заявила осмелевшая служанка.— Можно, госпожа?

— Идите,— кивнула принцесса.— До встречи, капитан...

Они ушли по длинному коридору, освещенному редкими настенными факелами в тяжелых медных кольцах, а Чабела все стояла, держась за ручку двери, и, неожиданно состроив самое скорбное выражение лица, на которое только была способна, спросила:

— Какой мужчина, а?! Великая Иштар, ну почему я такая невезучая? Он хоть когда-нибудь будет отличать меня от мебели?

* * *

Белесый утренний туман над морем постепенно таял, открывая стоящие у причалов корабли и просыпающийся город. Над множеством крыш — плоских, остrokонечных, зубчатых, над башнями крепостной стены, прихотливо обегавшей город, над дворцовыми укреплениями поднимался бледно-золотистый, почти белый диск солнца. Гавань, оживая под еще не жаркими лучами, наполнялась перекличкой непривычно громко звучащих в такой ранний час голосов, скрипом снастей и хлопанием поднимаемых парусов — кто-то, пользуясь утренним ветерком и отливом, хотел пораньше отправиться в дорогу.

Утро для команды карака, пришвартованного в отдалении от прочих судов, началось невесело — с появления двух зашитых в холщовые мешки тел, лежавших на нижней палубе. Вайд еще до рассвета сводил в Кривой переулочек четверых человек с сооруженными на скорую руку носилками, и останки Болто и Саргоса были доставлены на корабль. Труп Вальдрио оставался лежать на прежнем месте, только за ночь обитатели ночной Кордавы сняли с него все, что представляло мало-мальскую ценность...

Половина экипажа «Вестрела» пребывала неизвестно где, а другая, подгоняемая страдающим от головной боли боцманом, с величайшей неохотой грузила на корабль припасы для следующего путешествия, увлеченно переругиваясь с Зелтраном. Никто и не обратил внимания на вернувшегося из города Сигурда. Тот быстро топал по причалу с видом человека, хорошо проведшего время, а теперь с чистой совестью и пустыми карманами идущего домой. Ванакеймец тащил небольшой, тщательно обмотанный в кусок шерстяной ткани предмет. Пробежав по жалобно заскрипевшим сходням, окликнул мающегося с похмелья боцмана:

— Где капитан?

— В каюте, где ж ему быть... — с трудом отозвался Зелтран, у которого даже обычно лихо торчавшие вверх усы уныло повисли. — Ты где всю ночь шлялся, а?

Не отвечая, Сигурд пару раз стукнул кулаком в дверь капитанской каюты, дождался свирепого «Кого там не сет?» и вошел.

— Капитан, у нас на борту пахнет паленым, — сообщил он вместо приветствия мрачному и невыспавшемуся Конану. — Ты никого не убивал этой ночью? После полуночи?

— Вы что, сговорились? — рявкнул киммериец. — Мало мне распроклятой галеры...

Тут он вспомнил, что Сигурда не было во время вчерашнего кутежа в «Девяти стрелах» и он понятия не имеет о знатоке чужих секретов Вальдрио, а также о событиях в Кривом переулке.

— Какой галеры? — недоуменно поинтересовался Сигурд. — Я о том, что здешняя гвардия ночь напролет рыщет в поисках разбойника — по их словам, очень напоминающего тебя, — наделавшего дыр в некоем Вальдрио, королевском чиновнике...

— Зелтран! — заорал Конан, с легкостью перекрывая крики на палубе. — Зелтран, чтоб тебя!

— Что случилось, капитан? — Страдальческая физиономия боцмана сунулась в каюту.

— Пошли кого-нибудь, пусть пробежится по кабакам и соберет команду. У нас все готово?

— Почти, капитан. — Зелтран каким-то чутьем понял, что на «Вестрел» надвигается шторм. — Еще немного — и можно отправляться.

— Шевелитесь, мы должны уйти сегодня! И зайди потом ко мне... Так кто меня искал, Сигурд?

— Королевская гвардия, провалиться мне на этом месте! А еще вам велели передать вот это, — и Сигурд со стуком поставил принесенный им предмет на стол.

— Кто передал? — не понял Конан. — Что это?

— Понятия не имею, — честно ответил рулевой «Вестрела». — Сiju я в «Бешеной свинье», вваливается какой-то тип, глазенки у него так и шныряют туда-сюда, и спрашивает, не знает ли кто капитана Конана. Я говорю — знаю. Тогда он сует эту штуку и говорит — отнеси, ваш капитан сам сообразит, что делать. Я взял, хотел спросить, что за дела творятся, а он уже шмыг — и за дверь. А потом приперлись гвардейцы...

— Погоди! — Киммериец схватился за немилосердно трещащую голову — нет, хорошие все-таки погреба у старого Фердруга! — и попытался сосредоточиться. — Ты точно помнишь, когда что произошло? Сначала принесли это, — он кивнул на сверток, — а потом пришли гвардейцы?

— Точно. Недалеко от «Свиньи» королевский дворец, а там на башне стоит штука, что отбивает каждый час. «Часы» называется. Мы еще считали, полночь была. Как раз тогда принесли подарочек для тебя, капитан. Гвардейцы явились чуть погодя...

«Около полуночи в Кривом переулке Вальдрио всадили ножи в спину... Не бывает, чтобы вести разносились с такой скоростью — только что убили, а городская стража уже носится в поисках, и, что самое невероятное, знает, кого ищет! А Крысенок говорит, будто труп нашего знатока чужих секретов все так же валяется в переулке... Что, прах их всех поберит, происходит?»

— Скажи Зелтрану, пусть бросает все и топает сюда, — хмуро приказал Конан и, дождавшись, когда Сигурд вышел, осторожно — мало ли что там спрятано? — развернул принесенный им загадочный сверток. Тайственный пода-

рок оказался окованной по углам золотыми пластинками шкатулкой из незнакомого северянина светло-желтого дерева, казавшегося теплым на ощупь. На крышке шкатулки было вырезано изображение какого-то загадочного животного — либо птицы с очень длинной шеей, либо змеи с парой маленьких крылышек. Судя по всему, вещь сама по себе была старинная и ценная, независимо от того, что хранилось внутри.

Конан похлопал себя по карманам, вспоминая, куда сумел полученный вчера вечером от Вальдрио ключ. Найдя, с третьей попытки загнал в крохотную скважину, повернул — внутри шкатулки звонко щелкнуло — и откинул крышку. В выложенной ярко-лиловым бархатом коробке лежали два замшевых, туго набитых мешочка и медный, позеленевший от времени, покрытый чеканкой тубус, из тех, в которых хранят папирусы. Содержимое мешочков показалось киммерийцу более интересным, и, вытащив один из них, он развязал тонкий кожаный шнурок, стягивавший горлышко мешка. На гладко оструганные доски стола с сухим стуком посыпался град разноцветных сверкающих камней — от совсем крохотных, с горчичное зернышко, до крупных, не меньше лесного ореха.

— Ничего себе... — пробормотал несколько ошеломленный варвар. — Заплатили, называется...

— Капитан, можем отплыть хоть сейчас, — бодро доложил несколько воспрявший духом Зелтран, заходя в каюту. — Все на местах, горизонт чист, ветер есть... А это что?

— Плата за наши потроха, — мрачно сообщил Конан. — Кому-то я нас продал. И что самое обидное, сам не знаю, кому именно...

— Хорошие камешки. — Боцман двумя пальцами поднял один, прищурившись, посмотрел сквозь него на свет и тоном знатока определил: — Сотня золотом, если не торговаться. Много их?

— Вот, — северянин ткнул в распахнутую шкатулку на столе. — Полный мешок.

— И за это мы должны наведаться в Стигию? — уточнил Зелтран.

— Именно. — Конан вытащил медную трубочку, покрутил — она распалась на две части — и извлек тщательно свернутый похрустывающий листок папируса. Зелтран сыпал камни в мешок, положил его в шкатулку и тоже наклонился над столом, с интересом разглядывая несколько попорченный временем и обстоятельствами пожелтевший листок, тронутый по краям черной каймой огня. На маленьком клочке папируса неведомый рисовальщик некогда изобразил план на редкость запутанного здания со множеством залов, переходов, комнат, коридоров и лестниц. В некоторых местах на лист попала блекло-зеленоватая плесень, бесследно уничтожив тонкие черные линии, и что находилось на этих участках — оставалось неизвестным. Примерно посередине плана нанесенная ярко-красной киноварью стрелка указывала в путанице ходов на какое-то определенное место. Больше никаких пометок на карте не нашлось.

— Это не здание, — решительно заявил боцман после долгого молчания и пристального изучения карты. — Либо его строил совершенный безумец...

— Древние стигийские города иногда походили на одно здание, — припомнил былые приключения Конан. — Но мне тоже кажется, что это не дом. Скорее, лабиринт... или пещера. А стрелка, надо полагать, — место, которое нам нужно. Зелтран, ты знаешь, где находится Бухта Красных Скал?

— На границе Куша и Стигии — они посейчас не могут выяснить, чья это земля. Тихое местечко, ни одной живой души в округе... А что, это там?

— Неподалеку. Ладно, доберемся — посмотрим. Что такое?

Кто-то настойчиво заколотил в дверь, выкрикивая: «Гвардия на берегу!»

— Зелтран, отходим. Быстро. — Конан торопливо скрутил папирус, затолкал в медную трубочку и бросил все это в шкатулку, к мешочкам с камнями, захлопнул и запер на ключ. — Ставим паруса и сматываемся.

Разъезд конных гвардейцев, числом не меньше десятка, застрял на набережной, раздавая налево и направо пинки

и пытаюсь проехать через скопление сваленных как попало мешков, тюков и ящиков. А по причалу к «Вестрелу» неторопливо, как подобает знатной даме и подруге капитана королевских корсаров, шествовала Санча в сопровождении двух нагруженных свертками и огромным сундуком носильщиков.

Увидев, что на корабле, до которого ей оставалось пройти не более трех десятков шагов, начинается суета, неизбежно предшествующая процессу отчаливания, Санча, широко распахнув глаза, замерла на несколько мгновений, а затем, пронзительно взвизгнув: «Куда — без меня?!», подтолкнула носильщиков и припустила бегом. Гвардейцы, заметив ее, бросили безуспешную перебранку с купцами и судовладельцами на берегу, хлестнули коней и помчались напрямик, расталкивая начинавшую собираться в гавани привычную толпу.

Полоса блестящей воды между бортом карака и пристанью медленно, но неумолимо расширялась, паруса, округляясь, ловили усиливавшийся ветер, но Санчу уже ничего не могло остановить, и, взвизгнув для храбрости еще раз, она прыгнула, приземлившись на палубу карака, едва не сбив с ног боцмана.

Носильщики швырнули вслед ее вещи, но тем повезло гораздо меньше — часть мешков долетела, а внушительных размеров сундук звонко плюхнулся в прозрачно-зеленую воду, подняв небольшую волну, и, плавно покачиваясь, отправился на дно.

— Вот только тебя не хватало, — вздохнул Конан, поднимая упавшую девушку. — Чего на берегу не сиделось, а?

— Почему никто не сказал, что утром уходим? — возмущенно спросила Санча, поправляя растрепавшуюся прическу. — Что я в этой вонючей Кордаве не видела? Сбежать хотел, да?

— Угомонись, — посоветовал киммериец, глядя на постепенно удаляющийся берег, где метались упустившие добычу гвардейцы. — Мы и так еле сбежали.

— А что стряслось? — Извечное женское любопытство взяло у Санчи верх над досадой, что ее чуть не оставили

на берегу. — Опять что-то натворили? В городе шептались, что королевские пираты перебили кучу народу... Это не вы, случайно?

— Случайно не мы, — отрезал Конан. — А о чем еще шептались?

Санча добросовестно попыталась вспомнить:

— Больше я ничего не слышала... Куда хоть идем, можно узнать?

— Подальше отсюда... — недовольно проворчал в ответ северянин, повернулся к корме и крикнул: — Сигурд! Курс на полдень, но только посмей вывести нас к Баракским островам!

Глядите — вон болтается петля,
На рее по повешенным скучая!..

Глава четвертая

Побережье Стигии

За кормой проворного маленького карака, направлявшегося на юг, оставались пройденные за два дня лиги и ставшая столь негостеприимной Кордава. Светлосиние, сливающиеся с цветом неба и моря паруса, наполненные попутным ветром, чуть слышно звенели, изогнутый нос резал тугие волны, вокруг корабля взлетали радужные брызги и с шипением вырастали пенные валы.

Команда частью отсыпалась, частью бездельничала, перекидываясь в кости и поглядывая на горизонт — не появится ли суденышко, которое в его же интересах следует облегчить от груза? Меланхолично тренькала виола — Вайд, смахивающий на тощего драного кота, расположился на канатных бухтах и задумчиво мурлыкал себе под нос старую аквилонскую песенку слышанную от наемников с севера:

Не ведать мне страданий и агоний,
Мне встречный ветер слезы оботрет,
Моих коней обида не нагонит,
Моих следов метель не заметет...

— А повеселее ничего не знаешь, Крысенок? — лениво поинтересовались с нижней палубы. — Тоска заест тебя слушать...

— Да пожалуйста... — скривившись отозвался Вайд, мигом переходя на залихватски-веселую мелодию:

По курсу — тень другого корабля,
Он шел — и в штормы хода не снижая.

...В капитанскую каюту все звуки — плеск волн у борта, перебор струн и вразнобой подтягивающие песню хриплые голоса — долетали несколько приглушенными, точно пройдя сперва через толстый слой воды. Конан, расположившийся в каюте в приятном обществе початого кувшина с аргосским, отрешенно уставился на стоявшую рядом желтую шкатулку, пытаясь собрать воедино картину событий, приведших «Вестрел» к нынешнему невеселому положению.

Начать, конечно, стоило с посланной самим Сетом галеры, но тут уже ничего не изменишь, что сделано — то сделано. Мстительный нрав короля Фердруго известен по всему Южному побережью, и в тот день, когда зингарскому венценосцу станет известно о гибели «Араминты» и пассажира, на ней находившегося, а также о причастности к этому Конана и его людей, предсказать последствия будет нетрудно — команде карака, включая капитана, можно заказывать надмогильную плиту — большую и одну на всех. Остается надеяться, что Чабела сумеет убедить своего свирепого папашу не устраивать публичной казни, но в ближайшие год-два в Кордаву соваться не придется. Киммериец не верил в то, что из прыгнувших в море с «Араминты» людей некоторые сумели добраться до берега, а тем более — настолько быстро вернуться в Зингару. Тогда совершенно непонятно, как о произошедшем стало известно тихому человеку со взглядом приготовившейся к атаке ядовитой змеи — Вальдрио. Тем не менее зингарец был отлично осведомлен о прискорбном недоразумении и добился своего, наняв экипаж карака для исполнения этого странного поручения. Интересно, почему выбран был именно Конан, — в порту полно сорвиголов, согласных сделать подобную же работу и за несравнимо меньшую плату?

А затем тихоня получил нож в спину, до того навестив дом на Парусной улице... Получалось что-то непонятное — в полночь Вальдрио отправился к Нергалу, но в полночь же, почти одновременно, неизвестный передал Сигурду шкатулку с камнями и картой. Особняк на Парусной принад-

лежит графу Боргесе, подозрительной личности, головорезы которого, если верить Крысенку, участвовали в расправе над его, Конана, людьми. Такой проделки было достаточно, чтобы за жизнь Боргесы никто теперь не дал и медной монетки, но, опять же, Крысенок может ошибаться и экипажи двух кораблей просто сводили свои счета. Последнее маловероятно, значит, Болто и Саргос убиты потому, что видели или узнали такое, чего посторонним видеть и знать совершенно не полагалось.

Но зачем, спрашивается, надо было приканчивать Вальдрио, если он служил Боргесе? Тоже «на всякий случай», чтобы не разболтал лишнего? Или Вальдрио выполнял поручение другого человека и угодил в подстроенную ловушку? Наверное, труп знатока чужих тайн еще не успел остыть, как по всем столичным кабакам гвардейцы начали разыскивать не кого-нибудь, а именно капитана «Вестрела», но тело Вальдрио, как ни странно, осталось лежать в Кривом переулке. Такое могло произойти только в одном случае — кто-то сообщил королевской гвардии про убийство, назвал имя преступника и потребовал немедленно разыскать злодея. Причем «кто-то», обладающий достаточной властью, дабы никто не сомневался в правоте его слов, а стража города со всех ног бросилась выполнять приказ, напрочь забыв про невинно убиенного. Приказ выполняли настолько рьяно, что готовы были схватить экипаж карака в гавани, а это безумие — морской народ и королевская гвардия искони друг с дружкой не ладят, и попытка задержать отходящий корабль могла бы обернуться кровавым побоищем...

Между прочим, как выяснилось уже под утро, галера «Блудливая красotka», принадлежавшая Боргесе, действительно находилась в гавани Кордавы, но в большой спешке снялась посреди ночи с якоря и ушла из гавани, направившись неизвестно куда. Чабела уверена, что Боргеса имеет прямое отношение к событиям на Безымянном острове и поискам Короны Змея, но у принцессы нет на руках ни одного доказательства, которое можно было бы предъявить королю и потребовать у графа ответов на законном основании...

Шелковая занавеска, отделявшая часть каюты, дрогнула, отодвинулась в сторону, и оттуда выбралась встрепанная, но весьма довольная собой и окружающим миром Санча. С наслаждением потянувшись, она босиком прошлепала к столу, пристроилась рядом с северянином и, чуть ли не мурлыкая, поинтересовалась:

— Чем изволит быть недовольным мой господин?

— Не тобой, — хмыкнул Конан, обнимая девушку.

— Тогда чем? Этим? — Санча постучала по крышке шкатулки. — Но ты же сам все говоришь: «Не в первый раз, подумаешь, добратся и найти».

— Слишком много разных гадостей произошло еще до того, как начали искать.

— Не бери в голову, — легкомысленно отмахнулась девушка. — Произошла случайная цепь совпадений, а что стоит героям-корсарам отыскать какую-то безделицу, пусть даже и в Стигии?..

...Перебравшийся на корму Вайд ломал голову над мучившим его вопросом — что принес на корабль Сигурд? Спрашивать у ванахеймца было бесполезно — он сам не знал, да и зная, не сказал бы. Из услышанного в «Девяти стрелах» Крысенок помнил: Вальдрио обещал оплатить расходы и доставить карту места поисков. Наверно, именно она теперь и лежит в капитанской каюте, а сам капитан — вот он, стоит внизу, разговаривает о чем-то с Зелтраном. Вот и Санча, устраивается на своем любимом месте на нижней палубе, улыбается направо и налево, а народ-то рад стараться — прикажи сейчас красotka кому-нибудь прыгнуть с мачты вниз головой, да не в море, а на палубу, — и ведь прыгнет! А в каюте, значит, никого нет... Правду говорят — вора проще казнить, чем отучить воровать. Будто сам лукавый Бел тащит Вайда за руку к растреклятой каюте и загадочному свертку!

Вайд потихоньку спустился вниз, бочком подобрался к незапертым дверям каюты и проскользнул в узкую щелку между створками. Так и есть, наверняка это он, доставленный «подарочек»... Конечно, шкатулка заперта, а ключ спрятан, но, после недолгой борьбы с собственной совестью,

Крысенок извлек из потайного кармана необычно изогнутую бронзовую отмычку, повертел его в замке и бесшумно открыл крышку так заинтересовавшей его вещи. Содержимое мешочков он определил с первого взгляда и трогать их не стал, но медный, позеленевший от старости тубус выглядел чрезвычайно любопытным. Мельком подумав, что если его поймут за таким занятием, как обшаривание капитанской каюты, то уж точно выкинут за борт с камнем на шее, Вайд развинтил покрытую чеканкой трубочку, вытащил закрустивший папирус и осторожно развернул.

Паутина тонких линий, покрывавшая пожелтевший лист, сперва показалась ему совершенной бессмыслицей, но, взглядевшись, Крысенок сообразил, что смотрит на план замысловато выстроенного помещения. Повертев карту, он попытался определить, где находится вход, но не сумел — все выходящие за пределы неизвестного строения ходы заканчивались тупиками. Вайд озадаченно поскреб ногтем одну из нанесенных смоляно-черной тушью линий — папирус выглядел исключительно старым, а рисунок точно вчера сделали, даже краска мокро поблескивает еле заметными искорками. Если взять лист и повертеть в руке, кажется, что искорки, как живые, бегают по коридорам и залам. Значит, именно в этом доме придется искать «неизвестно что», отмеченное на плане красной стрелкой?

«Как бы убедить капитана взять меня с собой,— подумал Вайд.— Уж очень хочется посмотреть, как такое непонятное сооружение выглядит на самом деле...»

Крысенок вздрогнул, услышав, как закрипели палубные доски под ногами прошедшего мимо человека, быстро свернул карту, засунул в тубус, бросил его в шкатулку, захлопнул крышку, повернув отмычку, бегло оглядел стол — вроде ничего не сдвинуто с места — и стрелой вылетел из каюты, не забыв прикрыть дверь.

Его кратковременного отсутствия никто не заметил, и Вайд, подобрав оставленный возле мачты музыкальный инструмент, поплелся на корму. Совесть не заедала — он же ничего плохого не сделал, просто посмотрел! — однако теперь любопытство жгло еще сильнее.

...День протекал медленно и тоскливо. Лишь после полудня на борту карака случилось некоторое оживление, вызванное появлением на горизонте большого квадратного паруса, несомненно принадлежащего галере. Но, помаячив в отдалении, неизвестное судно пропало, свернув к берегам Шема.

В остальном плавание протекало непривычно — ни тебе лихих абордажей, ни ночных налетов на прибрежные поселки, ни бегства наперегонки с аргосскими и стигийскими военными галерами — тишина и спокойствие, ровный свист ветра в снастях да приближающаяся Стигия.

* * *

Красные Скалы, по которым называли неприметную бухту, оказались на деле вовсе не красными, а охристыми, с белыми и ярко-оранжевыми прожилками. Узкая полоса ослепительно белого песка, зажатая меж каменных россыпей, уходивших далеко в море, отделяла мерно накатывающий на берег прибой от буйной зелени джунглей. Отдавший оба якоря карак покачивался на волнах десятках в трех саженой от берега, а ялик в шесть весел, сновавший туда-сюда, перевозил груз и команду.

На берегу бухты раскинулось нечто смахивающее одновременно на безжалостно разгромленный кочевниками торговый караван и лагерь наемников в период военных действий — парапологов, натянутых под защитой огромных валунов, разбросанные повсюду мешки и бочки, сложенное на войлочных подстилках оружие. У самого прибоа азартно, с криками и улюлюканьем, рубились трое на трое, кто-то постреливал из арбалета в прислоненную к камням деревянную мишень с грубо нарисованными разноцветными кругами, тут же дымил костерок, над которым покачивался закопченный вместительный котел.

— ...А я говорю: капитан, давайте, к Нергалу, плюнем на эту затею и свалим, пока целы. Не пустят в Кордаву — не беда, уйдем к барахцам. Да с чего старому скряге нас выгонять — король же с нашей добычи имеет больше, чем собирает налогов со всего города! Принцесса заступится, в

случае чего... Пообещаем, что впредь будем безобидны, как новорожденные ягнята, и дело с концом.

Видно, боцман произносил эту проникновенную речь уже не в первый раз, и теперь повторял в слабой надежде на истинность известной мудрости — вода камень точит. Зелтран и Конан сидели, прислонясь к нагретому солнцем камню, и боцман тщетно пытался убедить капитана в том, что казавшаяся поначалу такой легкой авантюра оборачивается чем-то непредсказуемым и исключительно опасным даже для искушенных в передрыгах корсаров.

Во-первых, пропала шкатулка с картой. Капитанская каюта запиралась только на ночь, но никому из команды «Вестрела» в голову не пришло бы войти туда. Тем не менее в один прекрасный вечер шкатулка исчезла, а над караком немедленно пронесся ураган в образе его собственного обозленного капитана.

Но маленькая коробка из светло-желтого дерева канула неизвестно куда, а на следующее утро тали одного из ялов оказались перерезанными, сам же ял с тремя корсарами из экипажа растаял в темной южной ночи. Все уже были готовы к тому, что корабль сменит курс и повернет назад, однако вмешался Крысенок, отозвавший Конана в сторону и затем надолго засевший в капитанской каюте вместе с ним. О чем Вайд толковал с киммерийцем — никто не узнал, но нос карака по-прежнему смотрел на восход, на стигийские берега.

— ...Это ты-то — новорожденный ягненок? — невесело усмехнулся Конан. — Скорее уж старый козел...

— Пускай козел, — с готовностью согласился Зелтран. — Но сердцем чую — не разыщем мы ничего хорошего, и сами сгинем!

Северянин ничего не ответил, крутя в руке небольшой кинжал-дагу и время от времени подбрасывая его в воздух. Клинок неизменно вонзался по рукоять в ставшую уже довольно глубокой ямку в плотно слежавшемся мокром песке.

— Это же Дарфар! — отчаявшись, напомнил боцман. — Дарфар, а не что-нибудь!

— Ну, Дарфар, — неохотно согласился киммериец. — Что с того? Дарфарцы не страшнее пиктов, да и прячутся не на каждом шагу. Пройдем...

— Без карты?

— Карта есть. — Северянин кивнул на Крысенка, с выражением мрачной решимости метавшего тяжелые ножи в ствол тонкой раскидистой пальмы. Зелтран пожал плечами, отказываясь что-либо понимать, и совсем расстроенным тоном сказал:

— Взяли б хоть Сигурда с собой...

— Я еще собираюсь вернуться, — буркнул Конан. — Мне нужен корабль. Вы вдвоем сохраните его. Надеюсь, ты не дашь подпалить себя во второй раз?

Сигурд, узнав, что его оставляют с частью команды на борту, немедленно впал в ярость и схватился за меч. К величайшему удовольствию всего экипажа, тут же начавшего делать ставки, на корме «Вестрела» произошло небольшое сражение, закончившееся полетом ванахеймца на нижнюю палубу.

К сожалению, никто не понял и половины мудреных северных слов, которыми обменялись капитан и рулевой, хотя смысл был ясен и без перевода. Обозленный и побитый Сигурд напоследок выкрикнул что-то уж совсем ковыристое, а на зингарском заявил, что больше никогда не встанет за штурвал этого проклятого корыта, а всех киммерийцев при рождении Кром явно бил по голове, причем очень тяжелым предметом. Потом ванахеймец отряхнулся и, зло ворча в бороду, отправился к своему ненаглядному рулю.

Трое сбежавших сами выбрали свою судьбу: по законам ли Братства или вольных корсаров, наказание за предательство было одно — смерть. Подозрительным, на взгляд киммерийца, было то, что беглецы не прихватили с собой ничего, кроме шкатулки — ну, это понятно — и лодки, на которой далеко не уплывешь. Сунуться в Стигию бывшие пираты зингарского короля не посмеют — с равным успехом они могут надеть себе на шею петлю и затянуть ее потуже. Значит, побег был рассчитан заранее и неподалеку

(наверняка неподалеку: на шестивесельном яле втроем много не нагребешь) их поджидают.

О пропавших камнях Конан пожалел лишь одно мгновение. Куда досаднее было, что поход, похоже, срывался, а связанные с ним надежды летели Сету под хвост. Троица, укравшая карту, навлекла на себя шквал проклятий именно потому, что почти вынудила капитана «Вестрела» командовать поворот на север — без карты или проводника в подземельях делать было нечего. Никому не хочется признавать, что его обставили, но такие уж, как говорится, кости выпали...

Но кто мог подкупить либо еще каким способом переманить на свою сторону людей киммерийца? Имела ли к этому отношение шедшая за «Вестрелом» галера, или вмешался граф Боргеса? Судя по содержимому шкатулки, затерянная в стигийских джунглях вещь стоит немало, и неудивительно, что отыскивались другие желающие ее раздобыть.

Северянин уже убедился, что цель их путешествия известна не только в городе, но и на борту корабля, правда в несколько искаженном виде. Двое знавших все обстоятельства — Зелтран и Крысенок — молчали будто рыбы, значит, кто-то из веселившихся в «Девяти стрелах» молодцов, достаточно трезвый, чтобы частично подслушать разговор капитана и неприметного зингарца, потом растрепал всем то небольшое, что понял.

Болтали разное: часть команды была твердо убеждена, что капитан лет десять назад, во времена Белит и «Тигрицы», припрятал кое-что в здешних краях, а теперь решил забрать; другие утверждали — наконец-то отыскалось место, где хранил свои сокровища Ригелло Барахский, третьи говорили о якобы предстоящем вскорости очередном налете на Стигию... Сходились в одном — добыча, если сумеет ее взять, будет богатой. Такой богатой, что можно с чистой совестью бросать опасное ремесло и доживать век в достатке и покое. Поэтому любой из корсаров лез из шкуры вон, стремясь доказать, что на прогулку по джунглям к неведомой цели следует взять его и только его.

Конан отобрал восемь человек, хотя поначалу не собирався брать никого. Варвар давно уже убедился на собственном опыте — в любом неизведанном месте одиночке пройти намного легче, чем отряду, даже малочисленному. Особенно если одиночка привык справляться с неожиданностями не только на море, но и на суше. Кроме того, не следовало ни на мгновение забывать про слова боцмана — невдалеке лежал Дарфар, самый гиблый и опасный край во всех землях Юга.

С пиктами еще можно договориться, с обитателями Дарфара — нет. Охотник и жертва никогда не найдут общего языка, для дарфарцев-йогитов же все остальные люди были не более чем желанной редкой дичью. Йог, их божок, выродок Сета, всякой другой пище предпочитал человеческое мясо, его последователи придерживались аналогичных вкусов в выборе пищи. Восемь человек, выбранных северянином, были (если не брать в счет Вайда) лучшими на корабле, однако кто может с уверенностью сказать, справятся ли они с непредсказуемыми джунглями? Дарфарцы, может, и не прячутся за каждым кустом, но опасностей в южном лесу хватает и без людоедов...

Ял, пересекавший бухту, последний раз взмахнул веслами и ткнулся в берег. Вместе с бочками да мешками на нем прибыла Санча, с интересом озирающаяся по сторонам. Выбравшись на белый горячий песок, она от неожиданности подпрыгнула, затем достала из лодки какую-то вещь и решительно зашагала мимо лагеря по направлению к стоявшим в отдалении валунам, возле которых расположились капитан и боцман. Когда она подошла поближе, Конан разглядел, что девушка несет большую оплетенную бутыль.

Санча молча вручила сосуд киммерийцу, присела рядом и стала смотреть, как он привычными движениями кончиком ножа извлекает туго забитую пробку. Наконец кусочек дерева глухо чмокнул, вылетел, описав дугу, и покатился по песку. Отхлебнув, северянин передал сосуд все еще раздосадованно сопевшему Зелтрану и мельком подумал, что всю жизнь попадает в компании людей, которых ничто, на первый взгляд, не должно связывать между собой. Вот сидят они сейчас на берегу — коренной зингарец Зел-

тран, родившийся в забытой Митрой приморской деревеньке, герцогская дочка, напрочь позабывшая о благородном происхождении, и он сам, наемник, пират и прочее... Одни называют это судьбой, некоторые — стечением обстоятельств, но Конан почти никогда специально не искал приключений — они сами находили варвара, и оставалось только следовать их прихотливыми путями да поглядывать по сторонам — какую еще загадку судьба подкинет по дороге и нельзя ли ее обратить в золото? Загадки, не приносящие дохода, всегда оказывались куда менее интересными...

Кора пальмы, послужившей Вайду вместо мишени, превратилась в разлохмаченное мочало, ножи глубоко увязали в стволе — получалась не проверка меткости, а сплошное мучение. Последний кинжал Крысенок с досады метнул в большую изумрудно-золотистую ящерицу, выползшую на прокаленную солнцем макушку валуна и пристальным немигающим взглядом наблюдавшую за человеком. Клинок проскрежетал по камню, перепуганная ящерица зеленой молнией метнулась прочь. Вайд вздохнул, выдернул засевшие в дереве ножи и отправился за последним, улетевшим за валуны.

На душе было тоскливо — он добился своего и вместе с остальными уходил в джунгли, но никакой радости от этого не испытывал. Если бы время можно было повернуть назад, Вайд ни за какие сокровища не полез бы смотреть проклятую карту... И сейчас бросал кинжалы с такой яростью, будто злейшему врагу мстил.

Сначала через верхушку камня перелетел и наискось воткнулся в песок метательный нож с черной резной рукояткой, а затем явился притихший в последние дни Крысенок. Заметив откупоренный кувшин, уставился на него, как заблудившийся в пустыне — на появившийся вдаль оазис. Убедившись, что остатки вина никому не нужны, Вайд забрал свой клинок, заодно прихватил полупустой сосуд и быстро ушел, провожаемый неприязненным взглядом киммерийца. Конан уже не раз повторял себе, что совершил непростительную ошибку, приведя мелкого воришку с улиц Кордавы на борт своего корабля.

В день пропажи карты, когда северянин высказал все, что думает о происхождении, привычках, а также дальнейшей судьбе похитителей, и уже собрался поворачивать «Вестрел» назад на север, подошел вылезший откуда-то Крысенок. Пристально глядя на носки своих сапог и палубные доски, мальчишка, с трудом выдавливая слово за словом, признался, что сумел открыть шкатулку и видел карту. А затем брякнул такое, чему ни один здравомыслящий человек, а тем более Конан киммериец, в жизни бы не поверил. Вайд клялся именами всех богов, что помнит карту наизусть, пускай и видел ее всего несколько мгновений.

Конан и Зелтран прежде разглядывали лист старого папируса довольно долго, но не могли с уверенностью сказать, что помнят даже самую малую часть здания, изображенного на нем. Однако Крысенок настаивал на своем и выглядел насмерть перепуганным. Если бы Вайд был хоть немного не уверен в собственных словах, киммериец тут же послал бы его подальше, а заодно отвел душу, хорошенько всыпав ему за лазание в каюту. Но Крысенок трясся так, будто видел Нергала во плоти, что заставило северянина поверить ему, пускай и не до конца. Выглядел Вайд странно, и его необъяснимое поведение наводило Конана на мысли об истинности услышанного.

Карта приснилась Вайду вечером того же дня, когда он рискнул наведаться в каюту к капитану. Пожелтевший и обгоревший по краям лист лежал перед ним как наяву, а привидевшийся план казался даже более подробным, чем настоящий. Проснувшись, Крысенок подивился странному сну, но удивление быстро переросло в страх — стоило прикрыть глаза и сосредоточиться, как невидимый лист с готовностью развертывался перед ним. Это было жутковатое и одновременно захватывающее зрелище — Вайд двигался по загадочному лабиринту, заранее зная, где и куда следует повернуть, но не имея ни малейшего представления, кто может поджидать его за очередным поворотом.

Почему-то Вайд был уверен, что лабиринт населен, а склонности у обитателей подземелий самые жуткие и опасные для человека. Еще в лабиринте метались по сте-

нам странные тени, а разглядеть, кто их отбрасывает, было невозможно. Крысенок шел по узким коридорам, следуя за начерченной на полу тонкой белой линией, и старался не отрывать от нее взгляда. Это было очень важно — не смотреть по сторонам и не сходить с неведомо кем проложенной тропы. Не выполняявшие этого правила нежданные гости навсегда оставались бродить по гулким пустынным коридорам, спускаясь все ниже и ниже.

...Что-то маленькое и черное выскочило прямо перед ним, завертелось под ногами, вереща и не давая идти. Вайд попытался отпихнуть назойливое существо ногой, промахнулся, шатнулся в сторону... Твердый каменный пол под ним тотчас провалился,дохматое существо довольно захихикало, перевесившись через край бездонного колодца и помахивая лапой вслед падающему человеку. Вайд закричал, проснулся и с удивлением обнаружил, что в него уже раз пять кинули подвернувшимися под руку тяжелыми предметами, в основном сапогами. Заснуть снова он больше не смог — постоянно казалось, что стоит задремать, и снова попадешь в лабиринт с крадущимися по стенам тенями и притаившимися в темноте чудовищами...

А когда утром выяснилось, что подлинная карта пропала, окончательно растерявшийся Крысенок поступил так, как показалось ему наиболее разумным, — сообщил капитану о творящемся, заранее соглашаясь с любым решением — продолжают они путь или вернутся. Капитан, похоже, не поверил ни единому слову, но предпочел, как всегда, использовать даже самый ничтожный из шансов, прежде чем окончательно отступить. «Вестрел» шел на юг, Вайд по приказу Конана безуспешно пытался начертить план по памяти, команда строила предположения о цели пути. Наконец в клюзах залязгали якорные цепи, и карак встал на якорь в Бухте Красных Скал.

* * *

Кто бы ни был подлинным нанимателем команды «Вестрела», время для организации похода за необходимой ему вещью он выбрал совершенно верно. Если бы Конану

пришла в голову мысль наведаться в Стигию, то лучший момент вряд ли бы подвернулся. В Стигии опять воевали (впрочем, там воевали всегда — если не с собственными мятежными провинциями, то с Шемом или Аргосом), а потому южные морские границы стояли совершенно не охраняемыми. Да что охранять: на стыке трех стран — Куша, Стигии и Дарфара — начинались знаменитые южные леса, а зловещая слава Дарфара с успехом заменяла любые пограничные отряды.

Киммериец рассчитывал как можно быстрее преодолеть десяток лиг вдоль южных пределов Стигии, затем предполагал еще пару дней на поиск гор, которым должно там находиться. Вряд ли это настоящие горы, наверняка просто высокие холмы или несколько скал, затем — спуск вдоль реки, и если все пойдет как задумано — отряд у цели. Дальше грядет полнейшая неизвестность.

Допустим, у них есть карта или нечто ее заменяющее. Любитель чужих тайн Вальдрио ни полсловечком не обмолвился о том, чего можно ожидать от пещер, — киммериец и Зелтран, посоветовавшись с Вайдом, решили, что на плане все же изображена система пещер и подземных тоннелей. Кто создал это сооружение — природа или люди? Живет ли внутри кто-нибудь — если не люди, то звери наверняка давно облюбовали подземелье. А если люди — как они отнесутся к явлению неизвестных, пришедших за хранящейся в пещерах вещью? Может, она — их родовое сокровище или хранится в святилище некоего неизвестного божества? Сомнительно, что тогда отдадут миром... Да и кто знает, какую новую опасность представляет собой этот таинственный предмет, и не будет ли лучше оставить его на месте? Конан знал по многолетнему опыту, что вышедшие из стигийских дебрей вещи никогда не приносили добра. Никому.

Впрочем, незачем гадать и зря ломать голову — доберемся, на месте сообразим, что к чему... Нет на свете непреодолимых опасностей. Даже если они с Зелтраном да Вайдом ошибаются и на карте не пещеры, а, скажем, брошенный древний город — тоже не беда. В конце концов, Конан не так давно сумел в одиночку выбраться из нефри-

того Ксутала, города потерявших разум и волю людей, а заодно отправить обратно к Сету — или откуда он там взялся? — зажившегося на свете кровожадного божка...

Задерживаться на берегу дальше не имело смысла — достаточно одной случайно занесенной сюда стигийской боевой галеры, чтобы поход закончился, едва начавшись. Пусть «Тигрица» побывала здесь больше десяти лет назад, но память она оставила долгую, и стигийцы вкупе с Сетом от души порадуются, узнав о потоплении корабля Конана из Киммерии заодно с ним самим. А потому отряду следовало как можно скорее отправляться в дорогу, кораблю — пополнить запасы воды и уходить в море.

Маленькое ослепительно белое солнце неторопливо ползло к полудню, посреди тихой бухты покачивался на волнах двухмачтовый карак, на берегу, возле наспех разбитого лагеря, толпились и переговаривались люди. Подгонялось и проверялось снаряжение, как всегда, в последний миг выяснилось, что нечто совершенно необходимое в спешке позабыли на корабле или вовсе не прихватили с собой... Наконец нужное было собрано, сложено в мешки, увязано, и десять человек пересекли белую полосу песка, один за другим исчезая в буйной зелени джунглей.

Санча, сидевшая на борту вытасченного на прибрежный песок яла, смотрела им вслед. Южные леса невольно внушали почтение — она была уверена, что заблудилась бы, не пройдя и пары десятков шагов, и не представляла, как можно придерживаться нужного направления в таких жутких дебрях, не говоря уж о том, чтобы отыскать необходимое место. Кроме того, Санча слышала множество наводящих ужас историй про обитателей Дарфара и о судьбе немногих рискнувших пройти через владения чернокожих людоедов. Даже если удача будет на стороне маленького отряда и он незамеченным преодолет земли дарфарцев, кто знает, что ждет людей с «Вестрела» в дальнейшем?

Они собирались лезть в неизвестные подземелья и искать там что-то — такой вывод сделала девушка из немногих подслушанных разговоров да редких обмолвок Конана. Киммериец, как всегда, рассказал ей только то, что считал

нужным, еще о кое-чем Санча догадалась сама. За год жизни на пиратском корабле она привыкла ко многому, в том числе к тому, что в любой из дней карак может натолкнуться на боевые галеры или команда прослышит о каких-нибудь затерянных в неимоверной глуши кладах и, так же как сегодня, уйдет и не вернется. Что тогда будет?

Под чьими-то тяжелыми шагами захрустел песок, и Санча оглянулась. Мрачный Сигурд с такой завистью смотрел на раскинувшийся за полоской песка лес, что девушке стало не по себе.

— Сигурд, — нерешительно окликнула Санча и, поскольку ванахеймец не отозвался, позвала погромче: — Сигурд!

— А? — Можно подумать, он только теперь заметил ее. — Чего?

— Мы остаемся здесь?

— Нет, — он помотал головой. — Переночуем на берегу, а завтра уйдем в море. Тут опасно.

Об этом Санча и сама знала — Стигия, не терпевшая на своих землях чужаков, была слишком близко.

— Будем ждать в море? Сколько?

— Два раза по десять дней, — неохотно отозвался Сигурд. Санча подумала, что проще разговорить камни на берегу, чем не желающего разговаривать северянина. Все же она спросила, хотя язык не поворачивался высказать подобное предположение:

— А если они не придут через десять дней, что тогда?

— Тогда? — неожиданно рассвирепев, переспросил Сигурд. — Тогда я переверну эту треклятую страну с ног на голову и найду их, понятно, женщина?!

— Понятно, — покорно сказала бывшая дочь герцога и вздохнула. Лучше бы Конан возвращался поскорее, а то закончится тем, что Санча одна останется на корабле, а остальные будут бегать по джунглям и разыскивать друг друга!

Глава пятая

Стигия и Дарфар

Ночью прошел дождь. Тугие струи обрушились на плотный слой листьев, изо всех сил пробивая дорогу вниз, к земле, превращая толстый пласт палой листвы и глины в липкую и вязкую кашу. К утру ливень прекратился, но оставались промозглая сырость да водопады холодных капель, летящих с каждой случайно задетой ветки. Тонкие стволы здешних деревьев, напоминавших гигантскую траву, и без того плохо горели, а сейчас настолько пропитались водой, что любая попытка поджечь их заканчивалась неудачей.

В третий раз стукнув вместо кремня себе по пальцам, Вайд от души проклял мокрые дрова, собственное неумение и мрачно уставился на лежавшие возле будущего костра тушки маленьких зверьков, смахивающих на раскормленных и перекрашенных в желтый и зеленый цвета поросят. Кабанчиков следовало приготовить, а Вайд не имел ни малейшего понятия, как это делается. С чего хотя бы начинать? Шкурки с них ободрать, что ли?

Крысенок озадаченно потыкал в ближайшего зверька ножом и поскреб в затылке. Воровать было не в пример легче... Куда все, кстати, подевались, к демонам прямоком провалились? Выкопать яму в мягкой земле не так сложно, а они возьмется, точно решили построить вторую пирамиду Кеми...

Отряд шел через джунгли уже третий день. Собственно, здешние леса не были настоящими джунглями — непрохо-

димые чащи начинаются южнее, в Куше и Черных Королевствах. Тут, в Стигии, за полосой буйно разросшейся зелени вдоль морского побережья, через которую пришлось прорубаться, начались вполне проходимые заросли. Солнце в Стигии вставало совершенно так, как и в иных землях, сбиться с нужного направления было почти невозможно, и отряд, по примерным подсчетам капитана, преодолел уже почти половину пути до гор. Ни дарфарцы, ни следы их близкого пребывания на глаза не попадались, отчего некоторые самоуверенно решили, что и дальнейший путь будет столь же легким. Киммериец в ответ на подобные замечания ворчал, что болваны-корсары заметят дарфарцев, только когда дикари свалятся им прямо на головы, и что лично ему, Конану, не по душе такое благополучие.

Ожидаемые неприятности начались вечером третьего дня. На выбранной киммерийцем незаметной полянке разбивали стоянку и ждали возвращения нырнувших в окрестные заросли Кореми и Марчо по прозвищу Коротышка, собиравшихся подстрелить дичи на ужин. Когда добычки вернулись, помахивая связанными за лапы пестрыми птицами, похожими на короткохвостых фазанов, все заметили, что Коротышка заметно прихрамывает. От расспросов он небрежно отмахнулся, заявив, что наступил в начинавшем темнеть лесу на какую-то колючку.

Принесенных охотниками птиц еще не успели как следует ощипать, как Коротышка растерянно протер глаза и пожаловался, будто плохо видит. Затем ему неожиданно стало холодно, да так, что сидевшие рядом отчетливо слышали стук зубов. Пока соображали, что делать, да искали в поклаже теплые вещи, Марчо трясло все сильнее и сильнее. Кореми неуверенно предложил разогреть прихватенного с собой вина и влить в глотку Коротышке, но тут незадачливый корсар задержался наподобие припадочного нищего, выпрашивающего медяки на ступенях храма Митры, выкатил глаза, захрипел, пытаясь что-то выговорить непослушным языком, и мешком опрокинулся на спину. Руки и ноги беспорядочно и мелко тряслись, его выгибало, как больного падучей, лицо медленно меняло цвет на си-

невато-серый. Опешивший отряд стоял кругом, не представляя, что можно сделать и чем помочь. Коротышка скрючился едва не вдвое, судорожно дернулся и затих, уставившись остекленевшими глазами в пляшущий костер. Кто-то вполголоса, но от души выругался.

Позже Конан, вспомнив слова Марчо, осмотрел его сапоги. «Колочка», на которую наступил впотьмах Коротышка, оказалась кривым заостренным шипом неизвестного растения. Она без труда проткнула мягкую кожу насквозь, оцарапав стопу. Киммериец на всякий случай выбросил ее в огонь, подумав, что никто не сможет теперь сказать — наткнулся Марчо на шип случайно или такие колючки намеренно разбросаны в лесу: вдруг кто-нибудь, животное или человек, наступит? Так или иначе, но отряд уменьшился на одного человека.

Утром на берегу лесного ручья выкопали яму, опустили в нее завернутое в старый плащ тело Марчо и завалили могилу вывороченными из русла ручья камнями.

Спустя еще четыре дня, обогнув выдавшийся далеко на юг язык Великих Болот Стигии, девять человек пересекли невидимую черту границы Дарфара. Болота, почти непроходимые и населенные малоприятными на вид и злобными тварями, служили природной защитой южных пределов Стигии, а также неиссякаемым источником ядовитых и магических растений для здешних колдунов. На Болотах раз в год цвел пурпурный лотос, и тогда маги Стигии и Черных Королевств готовы были задушить друг друга, лишь бы раздобыть щепотку буроватой, сладко пахнущей пыли. Конан однажды испробовал на собственной шкуре, что может натворить крупица измельченных листьев лотоса: тебя будто обернутой тряпьем кувалдой шарахнули по голове, а потом мучительно вспоминаешь, как тебя зовут и что произошло. Если остался жив, конечно...

В лесу по-прежнему не замечалось никаких тревожных признаков, но киммериец не сомневался, что отряд заметили. Вопрос в том, хватит ли у дикарей наглости, чтобы напасть на вооруженных до зубов людей, достаточно быстро продвигавшихся через их земли. Еще есть надежда, что

дарфарцы примут нежданных гостей за охотников за рабами, иногда забирающихся далеко на юг. В «охотники за головами» чаще всего шли поиздержавшиеся наемники, которым было нечего терять, и в последние годы таковые сумели навести страху на обитателей полуденных джунглей.

По слухам, часть племен даже покинула обжитые места и подалась на юг, подальше от стигийцев и прочесывающих леса отрядов... Впрочем, слухи слухами, но ночью кто-нибудь обязательно стоял на страже, а во время дневных переходов никто не забывал о необходимости смотреть не только себе под ноги, но и по сторонам. Под ноги, кстати, посматривать было просто необходимо — дикари очень любили устраивать ловушки на тропах.

Утром пятого дня отряд перебрался по обросшему лишайниками стволу давно рухнувшего дерева через медленную реку с водой почти черного цвета. Лес постепенно менялся, солнечные лучи совершенно не могли пробить пышную листву, и внизу стоял мягкий зеленый полумрак. Подлеска здесь было меньше, но зато все стволы и пространство между ними опутывали толстые длинные лианы. Сначала люди попытались пролезать между ними, потом кто-то, застряв, сплеча ударил ножом по скрутившемуся в петли стеблю и немедля поплатился — из перерубленной лианы во все стороны брызнул желтоватый едкий сок.

Пострадавший, забыв об осторожности, заорал, с перепугу решив, что на него напала змея. Возник небольшой переполох, заметно усилившийся, когда прятавшееся в зарослях стадо крохотных антилоп, испуганных людскими голосами, враспынную бросилось наутек, выскакивая из самых неожиданных мест. Пока наводили порядок и выясняли, что случилось, отошедший в сторону Альси наткнулся на хорошо утопанную тропу, проложенную ходившими к реке животными. Тропа вилась между деревьями, минуя завалы из упавших стволов, непреодолимые на первый взгляд заросли лиан, и вела в нужную сторону — на восход. Однако пройти по ней можно было лишь выстроившись цепочкой.

«Слишком тихо.— Конан, шедший впереди, оглянулся на бодро топавших за ним корсаров.— И подозрительно хорошо все складывается. Коротышка не в счет, скорее всего, он сам виноват. Ну не верю я, что мы до сих пор никому не попались на глаза, не верю, и basta! Вот только как дикари захотят от нас избавиться — нападут ночью или попытаются заманить в ловушку? Если новость о чужаках дошла до нескольких поселков, тогда придется жарковато — сюда сбежится вся округа. Еще бы — отличная добыча, сама в котел лезет, не упускать же случай! Ночью надо ставить на стражу двоих, и чтобы костер все время жгли...»

Быстрые ноги прошлепали по скопившимся на тропе лужицам, и перегнавший остальных Крысенок негромко сказал:

— Капитан, ребята спрашивают — на дневку будем становиться или нет? Скоро дождь...

Дождь во влажных, наполненных духотой и множеством диковинных запахов лесах Юга шел дважды — около полудня и ночью, почти в полночь. Короткий ливень проносился над вздыхающими деревьями, почти не долетая до земли, не принося прохлады или облегчения. После дождя и вовсе становилось напрочь невозможно дышать, над всеми крошечными болотцами и ручьями поднимались звенящие тучи мошкары, превращая путешествие в затаившуюся и особо изощренную пытку. Киммериец однажды слышал, будто в Черных Королевствах существует интересная казнь: оставление на съедение насекомым. Порой от обреченного за считанные мгновения оставался один чисто обглоданный скелет.

— В болоте, что ли, сидеть? — буркнул северянин.— Пройдем подальше и встанем.

— Понял,— кивнул Крысенок, но не вернулся на свое место в цепочке, а пристроился на пару шагов сзади, выясняя что-то у шедшего вторым Альси. Для не умеющего помалкивать Крысенка строжайший приказ держать язык за зубами был равносителен запрещению дышать, и сейчас он снова забыл о нем. Конан приостановился, чтобы

шедшие сзади поравнялись с ним да собираясь сгрести неугомонного болтуна за шиворот и встряхнуть разок-другой, чтобы напомнить о необходимости молчать. И вдруг земля под ногами начала медленно проседать.

Киммериец действовал не рассуждая, успев сделать три вещи: отпихнуть в сторону первого попавшегося под руку, рывкнуть «Стоять!» и изо всех сил прыгнуть вперед. Конан приземлился на тропинку, слыша, как хрустят и ломаются под тяжестью людей ветки, прикрывавшие яму-ловушку, и с шорохом осыпается рыхлая земля. Убедившись, что проскочил опасное место, северянин вторым прыжком вломился в кусты, выхватывая меч, и только тогда оглянулся — позади остался темнеющий глубокий провал длиной в три-четыре шага.

Привычные к неожиданно сваливающимся на голову неприятностям и опасностям зингарские пираты поступили совершенно правильно — рассыпались и затаились вдоль тропы, ожидая возможного нападения. Крысенок, улетевший от толчка в заросли и единственный оставшийся на виду, запутался в лианах, но даже не пытался пошевелиться или выбраться, уставившись расширенными от ужаса глазами на мечущегося в яме человека.

В ловушку угодили двое — Альси и Гимел, прозванный Ужом за способность увиливать от любого дела. Альси повезло больше — он умер сразу, рухнув на вкопанные в дно ямы короткие острые колья, с легкостью, словно игла тонкую ткань, проткнувшие его насквозь. Гимел успел заметить, как земля перед ним начала проваливаться, но не решился прыгнуть вперед. Он съехал в ловушку боком, переломав ноги и с размаху ударившись о торчащие жерди.

Потеряв от боли остатки разума, Уж хватался за торчащие из стен ямы корни, не замечая, что из его рта и носа льются струйки густой яркой крови, а все старания выбраться наверх приводят к тому, что он сползает все ниже и ниже. Очередной корень с треском оборвался, Гимел опрокинулся на заостренные вершины кольев, с хрустом пробивших человеческое тело, и бешено задергался, точно угодившая в густую смолу муха. Из раскрывшегося в без-

звучном крике рта темной волной хлынул поток крови, и, неестественно изогнувшись еще раз, бывший корсар с «Вестрела» затих.

Стояла такая плотная тишина, что хоть ножом режь ее на кусочки. Даже неугомонные птицы, возившиеся и пересвистывающиеся на вершинах, притихли. Мгновение ушло за мгновением, но никто не рушился из укрытий на деревьях и не выскакивал из зарослей. Дикари, если они поджидали неподалеку от устроенной ими ловушки, упустили наилучший миг для внезапного нападения — никто из опешившего отряда не смотрел по сторонам.

Запутавшийся в покрытой колючками лиане, Крысенок неуверенно пошевелился, выбираясь на свободу, подкрался к осыпавшемуся краю ямы, вытянул шею и посмотрел, чем все закончилось. Затем поднял руку, дважды ткнул большим пальцем вниз и начал медленно обходить провал в земле, стараясь не свалиться.

— Болван,— рыкнул Конан, выбираясь на тропу и наблюдая, как попрятавшиеся корсары, ругаясь и подозрительно поглядывая на притихший лес, выдираются из зарослей, оставляя на ветвях клочья одежды.— Язык опять зачесался?

— Я...— начал было Крысенок, но вовремя сообразил, что оправдываться бесполезно. Если бы он не заболтался с Альси, то, может, все обошлось и ветки, прикрывавшие яму, выдержали бы вес проходящих поодиночке людей. Но над ловушкой остановилось несколько человек, и неудивительно, что она провалилась.

* * *

«Трое долой, и дальше? Конечно, все знали, что направляемся не в веселый квартал Кордавы, но, если так будет продолжаться, нас быстро и без труда перебьют. Яма копалась на крупного зверя, а уж о том, какая дичь в нее попала, будет к вечеру известно по всей округе. Ставлю все будущие сокровища против гнutoго медака, что ночью нас попытаются достать... Ну что же, тогда и поглядим, правду ли рассказывают о дикарях Дарфара!»

Тела Альси и Гимела пришлось оставить в яме, ставшей им могилой,— вытаскивать их оттуда было некогда, к тому же они крепко застряли на кольях. Ловушку наскоро забросали срубленными с ближайших деревьев ветками и тронулись дальше. Больше в этот день ничего не произошло, однако у Конана появилось стойкое убеждение, что отряд преследуют.

Варвар не слышал шагов, не видел, чтобы между деревьями мелькала чья-нибудь тень, но твердо знал: их продвижение по лесу перестало быть тайной. Невидимые преследователи объявились в середине дня, сейчас солнце клонилось к закату, надо было искать место для ночлега, но никто из отряда не заикался об этом. Всем казалось, что чем дальше они уйдут от смертельной ловушки на тропе, тем будет безопаснее.

Сумерек в джунглях не существовало — солнце ныряло за вершины деревьев, и сразу же темнело. Шастать непроглядной ночью по дарфарским лесам мог лишь безумец, пожелавший свести счеты с жизнью. После нескольких осмотренных и не приглянувшихся по причине закрытости со всех сторон мест для ночевки выбрали холм с выросшим на его вершине огромным старым деревом, вытеснившим своими побегами прочую растительность. Остаться незамеченными на холме было практически невозможно, но Конан решил, что лучше ночевать здесь, нежели в зарослях.

Пока окончательно не стемнело, у основания ствола выросла куча хвороста и нарубленных пальмовых стволов. Все понимали, что нынешней ночью вряд ли удастся вздремнуть, и знали — никому доселе не удавалось пройти через Дарфар без серьезных неприятностей. Возможно, некоторым не суждено было дожить до следующего утра, но каждый из семи сидящих у разгорающегося костра однажды сам выбрал жизнь, любой день которой мог стать последним. Сидели молча, иногда кто-нибудь вставал и ворошил горящие дрова, тут же начинавшие плевать искрами. Отблески пламени плясали на лежащем рядом с людьми оружии и на напряженных лицах.

— Это правда, что дарфарцы — людоеды? — шепотом спросил Крысенок, потому что молчать дальше было невозможно и ни к кому особо не обращаясь. В ответ послышалось чье-то недовольное ворчание и нарочито равнодушный голос Кореми:

— Говорят, что да. Стигийцы, проклятое племя, умудряются их приручать и держат вместо цепных псов.

— Вранье, — заметил Брачко Быстрый Нож, любитель поспорить на любую тему, пусть даже предмет спора был ему неизвестен. — Зачаровывают их, это да.

— А ты что, сам видел? — ехидно поинтересовался Кореми.

— Мало ли чего я видел... — неуверенно отозвался Брачко.

— Вот и не треплись, — посоветовали из темноты.

— Да ты подумай своей пустой головой, ну как можно дарфарского демона приручить? — настаивал на своем Быстрый Нож. — Мясца ему, что ли, приносить? Где ж ты столько человечины напасешь?

— Нищих полно в любом городе, — негромко сказал Конан. — А приручить дарфарцев действительно можно. Иметь только к ним подход. Если хозяева иногда позволяют дикарям охотиться, то из дарфарцев выходят неплохие рабы.

— Это где ж такое творится? — недоверчиво спросил Брачко.

— В Замбуле. Самого чуть не съели.

Вокруг костра пробежал тихий смехок — подумать только, кто-то решил, будто капитана Конана можно пустить на закуску! Бедняга, сколько он прожил после этого?

— А что там было, в Замбуле? — любопытно спросил Крысенок. — Туранцы все походили с ума и держат здешних тварей вместо домашних зверьков?

— Почти... Тихо!

Начавшиеся было шепотки мгновенно стихли, сидевший возле ствола киммериец одним кошачьим движением вскочил на ноги, прислушиваясь к лесным шорохам. Показалось или нет? Или попросту неподалеку заволокло

вскрикнула испуганная птица? Ночные хищники редко подают голос, их жертвы верещат коротко и пронзительно, этот крик тоже был коротким, но совсем не отчаянным. Просто дремавшую на ветке птицу что-то разбудило, от неожиданности она вскрикнула и тотчас умолкла — проходившее мимо существо не представляло для нее опасности.

— Капитан, где... — заикнулся почувший неладное Брачко. За его спиной шевельнулся силуэт, более темный, чем сама ночь, и с режущим уши визгом прыгнул через костер, высоко подняв над собой занесенное для удара короткое копьё. Одновременно из темноты появились еще с десятков черных теней, атаковавших маленький отряд.

«Выследили-таки! — зло подумал Конан, вскидывая меч навстречу первому нападающему. Сталь древней закалки без труда перерубила бамбуковое древко копья, и, прежде чем растерявшийся дикарь успел схватиться за собственный клинок, широкое и длинное лезвие наискось пробороло его через грудь, едва не развалив пополам. — Теперь остается только держаться... Если это все, что они собрали, — то удача пока с нами!»

Киммериец ошибся — к одинокому костру примчались гораздо больше десятка черных острозубых дарфарцев, вооруженных копьями и тяжелыми, расширяющимися к концам изогнутыми мечами. Дикарям отчасти удалось добиться своего — разбить отряд и заставить каждого сражаться только за себя, притом что нападающих было по трое-четверо. Дальнейшее Конан видел урывками, когда у него появлялось мгновение, чтобы оглянуться по сторонам. Мечущееся пламя выхватывало из темноты неясные стремительные силуэты дикарей, отчаянно отбивающихся зингарцев, взблескивали багровым клинки...

Вот Брачко отмахивается от двоих наседавших на него черно-лоснящихся фигур, удачно отбивает нацеленный в голову выпад копья, но второй из дикарей резко ныряет вниз, с размаху всаживая бронзовый клинок под ребра Быстрого Ножа... Кореми прыгает через костер, поднимая сноп искр, почти без замаха сносит голову отвлекшемуся дарфарцу и, отряхнув с меча черные в свете огня капли,

кидается куда-то влево, в сторону, где Вайд прокликает выродков Сета и яростно визжит раненый южанин...

Черная тень с различимыми даже в темноте белками выпученных глаз вылетает навстречу, безуспешно пытается с наскоку пробить круг защиты, созданный клинком киммерийца, попадает на простейшую уловку и отлетает назад с вылезавшими из развороченного брюха внутренностями, все еще продолжая злобно скалить острые ровные зубы... Следующий осторожнее или умнее — кружит неподалеку, точь-вточь собравшаяся напасть, но все никак не решающаяся прыгнуть гиена. Из темноты выскальзывает Крысенок — в каждой руке по кинжалу, — умудряется приблизиться к дикарю почти вплотную, коротко бьет известным во всякой уличной драке «воровским ударом» — снизу вверх в живот — и снова пропадает в сизом облаке дыма... Метос, сопя и рыча, катается по земле, стараясь треснуть вцепившегося в одежду противника головой о твердый древесный корень...

Отбивая сыпавшиеся со всех сторон удары и время от времени протыкая особо яростно рвущихся вперед дикарей, Конан успел подумать, что на Равнинах Мертвых для тех, кто всю жизнь только и делал, что сражался, отведено похожее местечко: непроглядная ночь, неверные отблески готового погаснуть костра и лезущие через головы друг друга демоны, одержимые одной мыслью — свалить, затоптать, разорвать в клочья... Кром, да не весь же Дарфар сюда сбежался, в самом деле? Сколько их там?

Человек — даже не разобрать, корсар или дарфарец, — рухнул в костер, завыл дурным голосом, вскочил и живым факелом, распространяющим вокруг себя приторно-сладкую вонь, понесся вниз по склону холма. Запнулся, неуклюже кувырнулся через голову и замер бесформенной кучей пылающего тряпья...

И вдруг бой прекратился. Дикари наконец поняли, что так просто отряд им не взять, или, потеряв слишком много своих, решили отступить. Быстрые черные фигуры беззвучно растворились в ночи, так же тихо, как появились.

Безжалостно разметанный во все стороны костер чадил, давая больше дыма, чем огня, и едва освещая крохотное

пространство между огромных корней дерева. Конан опустил меч, по самую рукоять покрытый темными кровавыми разводами, и чутко прислушался — тихо. Неужели из семи человек уцелел только он один? Быть того не может, на «Вестреле» попадали в переделки похлеще сегодняшней, и ничего — оставались живы!

— Эй, — негромко позвал киммериец. В ответ донесся жалобный стон:

— Вытащите меня...

Голос, без всякого сомнения, принадлежал Крысенку. Мальчишка почти не пострадал, но на него сверху навалились тела двух огромных дикарей. Пинками отшвырнув тяжелые, почти неподъемные трупы, Конан сгрел Крысенка за шиворот, поставив на ноги.

— А что... все? — Вайд ошарашенно посмотрел по сторонам, разыскивая полчища злобных дарфарцев. — Мы их...

— Скорее, они нас, — огрызнулся северянин. — Кто был рядом с тобой, помнишь?

— Корем, — уверенно отозвался Крысенок, — а потом он убежал... Капитан, разве только мы...

Не отвечая, Конан отправился в обход дерева, внимательно осматривая валявшиеся возле корней тела. Оставшийся стоять возле костра Крысенок недоуменно посмотрел вслед капитану, вытащил из почти погасшего пламени костра тлеющую палку, соорудив подобие факела, и побежал вдогонку.

Они нашли трупы Брачко и парня-зингарца, которого все знали только по прозвищу Ворон. Корем и еще одного корсара не было — похоже, дарфарцы утащили их с собой, как и почти всех своих убитых.

Насколько было известно киммерийцу, для любого погибшего в бою — неважно, соплеменника или врага, существовала лишь одна дорога — в желудки вечно голодных южных дикарей. Если Корем и второй корсар мертвы, то им крупно повезло...

— Капитан, там кто-то шевелится! — дрожащим шепотом сообщил Крысенок, уставившись на переплетение темных ветвей. — Только что дергался...

— Где? — В указанном Крысенком месте движений не было, но, подойдя поближе, Конан различил скорчившуюся среди разлапистых листьев человеческую фигуру. Услышав шаги, человек поднял голову, рыкнул угрожающе и потянулся к лежащему рядом мечу.

— Это я,— сказал северянин, сообразив, что обитатель Дарфара вряд ли будет ругаться по-зингарски. Нашелся еще один уцелевший.— Молчун, ты живой?

— Почти,— с трудом выговорил названный Молчуном.— А еще кто?..

— Крысенок цел. Не дергайся, сейчас вытащу.

Костер погас окончательно, и пришлось в полной темноте разжигать его снова. Собиравший разбросанные по всему холму дрова Крысенок наткнулся на раненого дикаря, пытавшегося незаметно уползти, и немедленно заорал, что было простительно — дарфарец, шипя не хуже разъяренной кобры, попытался схватить мальчишку за ногу. Даже когда примчавшийся на вопли Конан проткнул мечом извивавшееся и залитое кровью существо, мало похожее на человека, дикарь продолжал ползти, цепляясь скрюченными пальцами за землю. Угомонился он лишь после второго удара, перебившего хребет. Пришлось с факелами обойти холм заново, но больше живых не нашлось — тот оказался единственным.

* * *

— И что мы теперь будем делать? — Длинная ночь подходила к концу, далеко на востоке, за зубчатой линией древесных верхушек, разгоралась светло-желтая полоса наступающего рассвета.— Пойдем дальше? А, капитан?

Крысенок задавал этот вопрос в различных вариантах уже в который раз, но ответа не получал — любая попытка заговорить с капитаном оканчивалась одинаково: Конан сердито ворчал сквозь зубы и наконец приказал Крысенку заткнуться хотя бы до восхода.

Третий выживший после ночной схватки, корсар по прозвищу Молчун, которого Вайд перевязал как умел, сейчас дремал, изредка вскрикивая во сне. Вайд подтолкнул в

костер прогоревшее полено и нерешительно повторил, обращаясь к самому себе:

— Ну что делать-то?

Самому Крысенку все представлялось совершенно ясным — необходимо как можно скорее возвращаться на берег. У десяти человек еще имелся шанс пройти через леса, трое же, один из которых ранен, а другой — он сам, Вайд, — мало на что способен, не уйдут дальше этого холма. Правда, есть третий, стоящий былых десяти, и он-то наверняка не повернет назад... Тут мысли Крысенка зашли в тупик: капитан никогда в жизни не захочет быть проигравшей стороной, а значит, им двоим волей-неволей придется идти за Конаном. Пробираться к морю в одиночку? Проще будет дойти до ближайшего дарфарского поселка и покричать: «А мы тут!» И по-прежнему очень хочется хоть глазком взглянуть на загадочные пещеры...

Сидевший возле изрытого трещинами древесного ствола Конан, казалось, дремал, но Крысенок не сомневался, что капитан все отлично слышит и наверняка сам ломает голову над дальнейшим выбором. А может, и нет — для подобных людей не существует тягот этого выбора. Следовательно, когда рассветет, придется снова тащиться дальше... Прыгнул, называется, в помойную яму за монеткой... Правильно говорила мама Акма: «Все твои беды — от любопытства, дурачок! Меньше лезь в чужие дела — дольше проживешь!» «Ах, Кордава, Кордава, как ты далеко, и зачем я только ввязался в эту жуткую историю? Домой хочу...»

Спящий человек заворочался, приоткрыл глаза и осторожно попытался сесть. Осипшим со сна голосом Молчун произнес:

— Вайд, попить нету?

— Есть,— отозвался Крысенок, роясь в сваленных в кучу мешках в поисках фляги с водой или с вином.— Ты как?

— Идти смогу.— Молчун сел поудобнее и мрачно огляделся вокруг.— Неплохо они нас...

Молчуна на самом деле звали Метосом. В отличие от Крысенка — полукровки более чем сомнительного происхождения, Метос был настоящим аквилонцем: по рожде-

нию — коренной шамарец, и по виду — высокий, светлослый, с серо-голубыми глазами. На «Вестрел» он попал недавно, три или четыре месяца назад, а до того был наемником то ли в Аргосе, то ли в Шеме. Команда трепалась, что Метос — из благородных, а Зелтран даже предлагал прозвать его Нобилем, но из-за способности обходиться одним словом в день к Метосу надежно прилипло прозвище Молчун. Вайду он нравился — хотя бы потому, что единственный из команды карака никогда не называл его Крысенком.

Напившись, Молчун кивнул и негромко позвал:

— Капитан!

— Ну? — отозвался Конан. — Ожил?

— Да... Сколько нам еще идти?

— Неподалеку должны быть горы, и от них еще лиг пять вниз по реке...

— А там — что? — как о чем-то само собой разумеющимся спросил Молчун.

— М-м-м...

Крысенок не поверил своим глазам — капитан заколебался, явно не зная, рассказывать всю историю с самого начала или не стоит. Вместо ответа окликнул:

— Крысенок, сообрази пожрать чего-нибудь.

— Соображу, — послушно кивнул Вайд и принялся снова перетряхивать мешки в поисках остатков вчерашней добычи да припасов, взятых с корабля. Краем уха он слушал, как киммериец описывает гулянку в «Девяти стрелах» и слишком много знающего человека, назвавшегося Вальдрио.

Рассказ получился длинным — на все утро, прервались только на еду. Дослушав варвара, Метос с любопытством посмотрел на Крысенка, точно видел его в первый раз, присвистнул и задумчиво протянул:

— Интересно... Ребята полагали, будто мы собираемся навестить Тот-Амона.

— На кой нам сдалась эта стигийская скотина? — не понял Конан. — Нет совершенно никакого желания встречать его!

— И все же многим казалось, что соглядатаи короля раскрыли его убежище и Фердруго послал нас окончательно добить проклятого стигийца... Кстати, любопытно узнать, что случилось с короной, которую нашли на Безымянном?

— Пропили, — хмыкнул киммериец. — Я ее заложил королевскому ювелиру, камешки вынули, золото переплавили, на оставшееся — гульнули.

— Я так и думал, — кивнул Молчун. — Надо полагать, теперь мы попробуем идти дальше? Было бы просто нелепо возвращаться с полпути. И что, Вальдрио ни слова не сказал про... предмет поисков? И про этот странный дом, или пещеру?

— Ни единого, — подтвердил Конан. — Я так думаю, сам Вальдрио представления не имел, куда нас отправляет. Но главный наниматель должен был рассказать ему про подземелья и вывести на нас! Наниматель, у которого хранилась карта.

— План могли доставить через человека, не знающего, что происходит и что именно ему поручено передать. Допустим, Вальдрио выходит из таверны и задерживается у входа. Прежде чем уйти, подает знак. Человек со шкатулкой, увидев, понимает, что все в порядке, и отправляется разыскивать Сигурда. Это нетрудно — в гавани любой скажет, где найти людей с «Вестрела», — предположил Метос. — Тогда настоящему хозяину карты незачем и показываться в городе. Я вот чего не пойму — если владелец карты богат, то какого ж демона он не может сам собрать большую, сильную команду, сходить за этой вещицей да забрать ее? И почему убили Вальдрио?

Вайд, слушая эти необычно длинные для замкнутого аквилонца речи, только дивился — с чего это Метос снял замок со своего языка? Испереживался, наверное, бедняга.

— На всякий случай, — пожал плечами варвар. — Может, ему показалось недостаточно денег, полученных за переговоры со мной, и старый пройдоха решил подзаработать еще? Пошел и доложил Боргесе, куда и зачем мы отправляемся. А граф решил сделать все по-своему — ото-

слал доносчика в гости к Нергалу, натравил на нас городскую стражу, а сам помчался со всех ног к заветному местечку. — Тут северянину пришла в голову замечательная мысль, позволившая составить из разрозненных сведений складную цепочку. — Что до настоящего хозяина... Может, он помер на днях и наследники делают последние медяки? Представь, что какому-то богачу досталась карта с неясными указаниями, вот он и решил рискнуть: раздобудем мы что-нибудь — замечательно, не вернемся — еще лучше, глаза больше никому мозолить не будем. Чтобы не маячить в Кордаве и не привлекать внимания, наш хозяин нанимает известного исполнителя темных поручений Вальдрио, и готово — никто ничего не знает, а мы роем носом джунгли, что твои гончие! Наперегонки с Боргесой, ведь он наверняка тоже примчался сюда. Его люди, наверное, еще на побережье — «Красотка» в ходу тяжеловата.

— А «Араминта»? — рискнул вмешаться и напомнить Крысенок. — Как можно было узнать про нее?

— Один оставшийся в живых просто доплыл до берега, — отмахнулся Конан. — Или мы не заметили лодчонки, болтавшейся поблизости, зато нас видели и узнали. Пес с ней, с этой галерой, давайте собираться, а то до полудня просидим...

Брачко и Ворона хотели сперва закопать, но выяснилось, что земля на холме твердая как камень, вся пронизана узловатыми корнями, да и рыть могилу совершенно нечем. Тогда развели костер побольше и сожгли. Тела сгорели быстро, исходя черным жирным дымом, столбом поднимавшимся вверх — наступавший день был безветренным. В костер бросили все лишние вещи, кроме оружия — пригодится. Спустились с холма, пересекли журчавший у подошвы ручеек и двинулись дальше — на восход, к неизвестным горам.

Глава шестая

Дарфар, форт Ксоло и подземелья

Стрела ударила в дерево прямо над головой Вайда, кусочки коры брызнули в разные стороны. Моментально припомнивший лихие улицы Кордавы Крысенок заучено присел и метнулся в сторону. Вторая стрела прошла немного ниже, прошив по пути несколько пальмовых листьев и глухо цокнув о ствол.

— Ну ничего себе... — Крысенок юркнул за куст усыпанный яркими цветами и огляделся. Конана и Метоса, конечно, не видно, успели спрятаться. Однако кто же стреляет в мирных путешественников? М-да, напрочь дикарская страна, спокойно пройти по своим делам нельзя!

Должно быть, Крысенок пошевелился, потому что третья стрела коротко свистнула над укрывшим его кустом и сбила раскачивающуюся цветочную гроздь. Одновременно справа донесся злобный шепот:

- Ты, недоумок, можешь хоть миг посидеть спокойно?
- Могу! — прошипел в ответ Вайд. — Но по мне стреляют!
- А ты дергайся больше... Откуда бьют, заметил?
- Не...
- Вот и помалкивай!

...К горам Конан и его спутники вышли спустя два дня после ночного боя на холме. Конечно, никакие это были не горы; во всяком случае, с киммерийскими не шли даже в сравнение. Так, несколько беспорядочно разбросанных холмов, с которых проливные дожди смыли верхний плодород-

ный слой почвы, и наружу вылезло скальное основание. Где-то неподалеку надо было отыскать реку, текущую на юг, но пока три человека безуспешно рыскали в путанице ущелий и распадков, переходящих друг в друга и наглухо заросших неизменными лианами. Река на глаза не попадалась. Ручьи, маленькие водопады, стоячие затхлые болотца — сколько угодно, а вот настоящей полноводной реки не было.

Но отсутствие реки — это еще полбеды. Гораздо хуже было то, что сегодня утром Молчун не удержался на скользких, затянутых пленкой белесого мха камнях, поскользнулся и шагов двадцать летел вниз по склону, пересчитывая все встреченные на пути валуны. Он умудрился ничего себе не сломать, но глубокая и только начавшая заживать рана, нанесенная копьем дарфарца, снова открылась, и теперь Метос едва ковылял, морщась от боли, позади Конана и Крысенка, старавшихся идти помедленнее. А теперь еще и стрелы неизвестно откуда!

Одна из них вонзилась в землю неподалеку от киммерийца. Тяжелая, короткая, почти без оперения, не стрела вовсе, а арбалетный болт. Но кто, во имя всех богов, может в дарфарских джунглях стрелять из арбалета? Дикари используют длинные луки или духовые трубки — стрелы для первых длинные, для вторых — очень маленькие и легкие. Значит, стигийцы, но что им делать в такой глуши? Кто же стреляет? Арбалетчик явно засел вон на том скалистом уступе, снизу его не видно, зато для стрелка узкая долина как на ладони.

— Метос! — окликнул притаившегося между темно-красными валунами Молчуна северянин. — Я — наверх, постараюсь взять ублюдка. Посматривай по сторонам, вдруг он тут не один?

Метос, снова впавший в угрюмую задумчивость, кивнул и указал глазами на каменный уступ: «Он там?»

— Там, там.

Пока Конан осторожно поднимался на одиноко торчащий каменный выступ, спрятавшийся охотник выпустил еще две стрелы, но целил явно наобум — туда, где хоть что-

то шевелилось. Лазать по здешним горам было сплошным удовольствием — полно ямок, трещин, цепких лиан; короче, не склон, а настоящая лестница. Киммериец на всякий случай поднялся повыше небольшой площадки, где притаился стрелок, и через заросли разглядел желтоволосую голову. Значит, не стигиец. Наемник-одиночка, бродящий сам по себе?.. И это в лесах Дарфара? Чудеса!

До притаившихся Метоса и Крысенка донесся пронзительный взвизг, звуки, сопровождающие любую потасовку, а затем послышался громкий голос Конана:

— Вылезайте, поймал!

Происходившее на каменной площадке действие было несколько необычным — Крысенок даже рот приоткрыл от изумления: капитан, посмеиваясь, удерживал за руки разъяренную беловолосую девушку, а та изо всех сил пыталась вырваться и витиевато крыла варвара на отборном жаргоне наемников.

— Это что? — Метос, опровергая свое прозвище, обрел дар речи первым.

— Скорее, «кто», — усмехнувшись, поправил киммериец, дав ругающейся девице легкого пинка, чтобы перестала брыкаться. От неожиданности она на мгновение замолчала, обведя прибывших таким взглядом, что от Вайда с Метосом должны были остаться только дымящиеся угольки.

— А как она здесь оказалась? — растерянно спросил Вайд. — Не стигийка... И уж точно не дарфарка.

— Отвечать будешь? — поинтересовался северянин у примолкшей девушки. В ответ последовало такое, что Конан восхищенно присвистнул, а Метос удивленно поднял брови. — Ясно, не будешь. И что теперь с тобой делать, а?

Крысенок оглядел прилепившуюся к стене обрыва площадку, заметил знакомый предмет, валявшийся в траве, и поднял его. Небольшой мощный арбалет из темного дерева с натянутой тетивой и вложенным в желоб стальным болтом. На ложе выжжено клеймо — вставший на задние лапы лев.

— Аквилонский, — сообщил Вайд, показывая свою находку.

— Положи откуда взял, глиста! — зло крикнула девица.
— Почему «глиста»? — Оскорбленный Крысенок нацелил арбалет на обидчицу и кровожадно осведомился: — Капитан, можно я разок выстрелю?

— Перестань, — скривился Конан. — Так откуда ты взялась?

Девушка гордо вздернула голову и ничего не ответила. Но тут заговорил Метос:

— Она пуантенка.

— Ну и что? — огрызнулась девица. — Откуда знаешь?

— А как пуантенка могла оказаться в Стигии? — задал резонный вопрос киммериец и сам ответил: — Либо беглая рабыня, либо...

— Паскуда! — девушка ожесточенно задергалась, рискуя вывихнуть руки. — Пусти!

— Тихо. — Киммериец встряхнул неугомонную красоту, так что у нее отчетливо лязгнули зубы, а короткая толстая соломенная косичка мотнулась над головой, описав круг. — Помолчи.

— Она не беглая, — заметил Молчун. — Похоже, она живет где-то рядом.

— Ничего я вам не скажу! — заявила девушка, хотя ее никто ни о чем и не спрашивал. — Никого не найдете! Никого!

— А кого мы должны искать? — невинно поинтересовался Крысенок. Над полянкой повисло недоуменное молчание, девица заново внимательно оглядела зингарцев и уже спокойнее спросила:

— Слушайте, а вы вообще кто и откуда?

— С этого и следовало начинать, — сказал ей Конан, будто непослушному ребенку. — Мы из Зингары, а ты что подумала?

— А почему я должна тебе верить, ты, медвежий выкормыш? — В голосе девушки сквозило неприкрытое ехидство. — Ты же, наверно, любого вокруг пальца обведешь и скажешь, что он сам виноват.

— Может, ты мне поверишь? — негромко сказал Метос. — Мы действительно из Зингары, с карака «Вестрел», и здесь... м-м... по своим делам.

— «Вестрел»? — недоуменно переспросила девица. — Корабль Запорово?

— Теперь он мой, — непререкаемым тоном заявил киммериец.

— Надо понимать, что Запорово плещется в морях у Нергала? — уточнила незнакомка. Помолчала и добавила: — Туда, впрочем, старому павиану и дорога... Послушай, может, ты меня все-таки отпустишь? Я не убегу.

Северянин выпустил заломленные назад руки девушки, она отошла на пару шагов и стала растирать посиневшие запястья, не делая попыток выхватить у Крысенка свой арбалет и озадаченно переводя взгляд светло-голубых глаз с одного из своих невольных собеседников на другого. Наконец она решительно шагнула вперед и назвалась:

— Фелле. Из Пуантена.

— Конан-киммериец. Метос. Крысенок.

— Как? — не поняла Фелле.

— Капитан шутит, — мрачно сказал Вайд. — Это я. Вообще-то меня зовут Вайд.

Девушка понимающе усмехнулась, протянула руку к своему арбалету и уже по-свойски поинтересовалась:

— Так какого демона вы тут шляетесь, да вдобавок с раненым? — И, поразмыслив, добавила: — Ладно, пошли со мной.

— Куда пошли? — немедленно спросил Крысенок.

— Вы ж правильно сообразили — я тут живу. Уж извините, места у нас беспокойные, кто раньше успел — тот и жив остался. Потому я в вас и стреляла — подумала, что вы «охотники за головами», — несколько смущенно объяснила Фелле.

— Где тут можно жить?

— Не на деревьях же. Как все нормальные люди — в форте.

* * *

— Мой отец был наемником. Их было двое братьев, отец — младший. А матушка сидела дома и ждала. — Фелле перепрыгнула через торчащий корень, поправила вися-

щую через плечо добычу — связанных за лапки пестрых жирных птиц в ярком оперении — и продолжила: — Однажды папа с братом вернулись и заявили, что забирают нас — меня и маму — с собой. Мол, так будет спокойнее. Мне тогда только десять стукнуло. И мы ушли. До сих пор хочется дома побывать, я ведь почти ничего не помню. А там, в Пуантене, говорят, красиво.

— Я слышал, что граф Троцero — справедливый правитель, — заметил Конан. — Чего ж вы сбежали?

— Герцог-то хороший человек, — вздохнула Фелле. — Знаешь поговорку насчет того, что все гниет с головы? А Троцero не голова, он правитель Пуантена и только, понятно? Мой папочка и дядя совершенно не умели жить, не вязываясь во всякие истории... Справедливости хотели. Так вот, мы уехали — сначала в Немедию, там воевали с Кофом, потом подались в Боссонские топи, а там...

Широкая натоптанная тропа змеилась по скалистым холмам и ущельям, Фелле и Конан шли впереди, сзади Молчун и прислушивающийся к каждому слову Крысенек.

— Боссонцы в очередной раз попытались передвинуть границу на закат, а пиктам это очень не понравилось. Получилась такая заварушка, что до сих пор вспомнить страшно... Мама и отец погибли, меня в суматохе не заметили, а дядя уехал в это время на северные границы. Когда вернулся, там, где стоял форт, осталась куча головешек да бродили несколько уцелевших.

Фелле тяжело вздохнула, помолчала немного и, уловив наконец заинтересованный взгляд варвара, продолжила:

— Дядя мог, конечно, отвезти меня домой и пристроить в какой-нибудь знакомой семье, но сказал, что я теперь единственная его родственница и никому он меня не отдаст. Конечно, если бы я родилась мальчишкой, все было бы проще, но какая уж есть — такая есть. Дядя заявил, мол, земля ему до смерти надоела и потому хочет он попробовать себя на Барахских островах. С ним пошло человек двадцать, добрались до Кордавы, оттуда до Вольных островов рукой подать. Сначала нанялись гребцами, потом скопили золота, купили собственный корабль — старую

галеру на десять весел. Назвали «Летучей рыбой» и отправились в плавание...

Киммериец кивнул, чтобы показать, что не пропускает ничего из рассказа. За свою жизнь ему довелось выслушать от различных людей (и не совсем людей, а также совсем не людей) столько невероятных историй, что по сравнению с ними повествование девушки из семьи наемников выглядело более чем незамысловато.

— А дальше? — подтолкнул он задумавшуюся Фелле.

— Дальше? Ходили по Западному Океану, занимались груз перевозить, когда везло — обчищали кого-нибудь. — Она весело ухмыльнулась. — Хорошо было... Пока на нас не налетели аргосцы, злые как Нергаловы демоны. Видно, им очень хотелось потопить хоть кого-нибудь, а подвернулись мы. Ну, и булькнула наша «Рыбка», одни пузыри пошли, — пробили носовым тараном едва ли не насквозь. Мы попрыгали за борт, поплыли к ближайшему берегу, вылезли, осмотрелись — и захотелось залезть обратно в море и утопиться. Занесло нас напрямиком в Стигию, как раз возле устья Стикса. Даже от берега отойти не успели, попались береговой охране. Повезли нас в Кеми. Просидели в тамошней подземной тюрьме — мерзкое местечко! — месяца два или побольше, потом предложили на выбор — либо присягаем Великой Стигии и идем бить шемитов, либо тоже идем, но на виселицу, как лазутчики того же Шема. Мы подумали-подумали и решили, что попробуем перебежать в Шем.

— И пошли?

— А что оставалось делать? Наемнику что — с кем бы ни воевать, лишь бы платили. Но платили с кошkin хрен, а били очень сильно, потому посражались мы за Великую Стигию и прикинули так, что хватит с нас. Хотели сдатьсь шемитам, но не успели — всех наемников отвели обратно. Тут еще пошли слухи, что Сетовы отродья хотят нас извести под корень и разоряться на плату тогда не придется. Вернулись в Кеми, распихали нас по казармам, дядя собрал народ и спросил — кому жить охота? Выяснилось, что всем, и тогда решили, что надо прорываться в гавань,

брать корабли и уходить отсюда, пока целы. До гавани мы не дошли, но из города выскочили, и пошли нас гонять, не хуже, чем волков на облавной охоте...

О мятеже наемных отрядов в Кеми, случившемся почти год назад, ходили разные слухи. Большинство утверждало, что наемников загнали в Южные болота, где они все благополучно и передохли. Теперь Конан еще раз убедился, что никаким сплетням доверять нельзя. А Фелле продолжала:

— ...Гоняли, гоняли, и отжали наконец к Дарфару. Делать нечего, сунулись в джунгли, остались живы, а тут дядя припомнил, что слышал о брошенном стигийцами старом форте, на границе. От погони мы сумели отвязаться, но из лесов выбраться было невозможно, и пошли мы искать этот форт. Наверное, мы везучие, раз его нашли, — там даже стены не все рухнули. Припугнули дикарей, чтобы не околачивались поблизости, заняли крепость по всем правилам. Сначала думали — пересидим месяц-другой и снова вернемся на побережье, потом прижились, отстроили что могли и объявили себя Свободной землей...

— Интересно, а кто-нибудь в Стигии знает, что у них на границе торчит ваша «Свободная земля»? — не без иронии поинтересовался киммериец, и Фелле тихонько захихикала:

— Нет, конечно, а то показали бы нам свободу... Но хорошо звучит — вольная земля форта Ксоло.

— Ксоло? — переспросил северянин. — Это по-стигийски что, «Прошлое»? Кто ж так назвал?

— Скорее, «Бывшее», — поправила Фелле. — Мы и назвали. Потому как все — «бывшие». Бывшие пираты, бывшие наемники, бывшие рабы... Вот, пришли.

Форт Ксоло находился в неприметной долине, огражденной с трех сторон утесами мрачного красно-желтоватого цвета, и представлял собой неправильной формы четырехугольник с остроконечными башенками на углах и над входными воротами. Стены крепости некогда были сложены из местного серого гранита, но теперь часть вывалившихся камней с успехом заменяли бревна. Вокруг укреп-

ления был проложен ров, и Конану показалось, что в нем даже поблескивает вода. Там, где в ущелье проникал солнечный свет, зеленели огороды, над плоскими крышами зданий в форте поднимались почти неразличимые сизые дымки. К воротам крепости вела дорога, некогда полностью вымощенная белым камнем, но изрядно подпорченная временем и людьми.

— Вот, — с гордостью повторила Фелле. — Это Ксоло.

— Маленький какой, — снисходительно сказал Вайд, которому после Кордавской крепости все другие казались игрушечными.

— Маленький, — согласилась девушка. — Зато никому не по зубам. Во-он там идет вниз просто замечательная долина, чтобы скатывать камни на головы. А во рву у нас водные ящеры живут, человека пополам перекусывают и не даются... Слушайте, ну куда же вы все-таки собирались?

— Фелле, а ты не знаешь, здесь поблизости есть большое подземелье? — осторожно спросил Конан. Та даже не задумалась:

— Конечно, есть. За тем холмом течет речка, спустись вниз по течению лиг на пять, и будут вам пещеры. То ли бывшее капище, то ли город, еще с давних времен, когда жили эти... змеелюди. Мы туда однажды сунулись из интереса: говорили, будто там сокровищ спрятано — на всех хватит и еще столько же останется.

— Ну и как, много нашли? — заинтересовался Крысенок. Фелле помолчала, как-то странновато посмотрела исподлобья и неохотно отозвалась:

— Нет. Мы дошли до пещер, но не смогли попасть внутрь. Всем стало... даже не знаю, как сказать... жутко, точно живьем тебя хоронят. Тут и сокровищ никаких не надо, ноги бы унести, и желательно вместе с головой. А вы что, туда собираетесь?

— Вроде того.

— Просто вам всем охота помереть раньше времени, — заметила Фелле, и киммериец остановился на полушаге:

— Кому — «всем»?

— Да вчера вечером еще какие-то пришли, говорили — тоже подземелья ищут, — охотно объяснила девушка и удивленно взглянула на замершую на дороге тройцу. — Вы чего?

— Кто они? — торопливо спросил Крысенек, умудрившись опередить задавшего тот же вопрос капитана. — Они назвались? Как выглядели?

— Да не знаю я! — сердито отозвалась Фелле. — Я их видела-то мельком, когда в лес шла. Вроде зингарцы. Собирались сегодня с утра уйти.

— Боргеса, — уверенно сказал Конан. — Обогнал, скотина. Ну ничего, мы господина графа еще догоним... Обязательно догоним. — Это обещание прозвучало весьма зловеще.

— Кто такой Боргеса? — с любопытством спросила девушка. — Знакомое имечко... А, вспомнила! Когда мы были на пиратском архипелаге, он тоже там околачивался, его вроде из Кордавы выгнали за нехорошие делишки. Дядя с ним еще повздорил, мы с его кораблем в доле были, а Боргеса нас надуть пытался... Он из благородных?

— Граф Боргеса-как-там-бишь-его, — отчеканил Крысенек. — Такой благородный, что по носу съездишь — голубая кровь польется.

— Тогда это он, — подтвердила Фелле. — Действительно, скотина. Нергала-с-два граф от нас что-нибудь получит... Интересно, какого демона ему тут понадобилось?

— У нас с благородным графом общих интересов... — проворчал в ответ киммериец. — С Боргесой много людей?

— Десятка три. Похоже, прошли через джунгли, будто по ровной дороге, дарфарцы им даже на глаза не рискнули показаться... Эй, а это что такое, почему ворота закрыты?

Высокие, в три человеческих роста, створки ворот форта, окованные медными полосами, действительно были закрыты. Из узкого окна надвратной башенки высунулась голова часового, подозрительно уставившегося на подошедших к форту незнакомцев. То, что с ними была Фелле, несколько уменьшило его настороженность, но впускать неизвестных в крепость страж явно не торопился.

— Эй! — сердито крикнула Фелле. — Мы что, в осаде?

— Пока нет, — отозвался караульный. — Кто это с тобой?

— Свои. Не стигийцы. Шастали по лесу, искали, кому бы хвост накрутить, — съехидничала девушка. — Войти-то, в конце концов, можно или прикажешь здесь ночевать?

— Погодите. — Человек в башенке отошел от бойницы. Стало слышно, как он говорит кому-то с другой стороны ворот, чтобы отпирали. Раздался длинный скребущий звук движущегося в скобах засова, створки чуть разошлись — как раз чтобы протиснуться, — и сверху крикнули: — Заходите!

За воротами на обширной площадке бродили два крупных поджарых пса светло-желтого цвета, проводивших гостей цепкими взглядами. Так же посмотрела на неизвестных и пятерка караульных, вроде бы лениво перекидывающихся в кости. Сзади заскрипел вдвигаемый на место засов, и вмиг посерьезневший Крысенек тихо спросил:

— Капитан, а обратно как, если что?

— Через стену, — столь же тихо ответил Конан.

Форт Ксоло оказался отнюдь не захоластной крепостью с мающим от скуки гарнизоном — наемники никогда не бывают «бывшими». Фелле приветственно помахала кому-то рукой и оглянулась:

— Чего встали, пошли. Сейчас узнаем, что тут поделывал его благородие.

С площади в глубину форта вели несколько проулков, зажатых между невысокими каменными домами в один-два этажа. Узкие щели окон больше напоминали бойницы; в сущности, каждое здание в крепости было отдельным маленьким укреплением.

Фелле провела своих спутников по извилистым закоулкам и остановилась возле деревянного строения, больше похожего на обычный загородный дом где-нибудь в Аргосе или Зингаре. Судя по свежим, заплывшим клейким соком спилам бревен, построили его совсем недавно. На крытой террасе у передней части дома стояла женщина средних лет, спокойно и без опаски глядя на подходивших вместе с Фелле незваных гостей.

— Накормишь их? — попросила девушка, перекидывая связку принесенных из леса птиц через перила террасы. — Один ранен, посмотри, что там с ним.

— Хорошо, — кивнула женщина, даже не поинтересовавшись, что за людей к ней привели и откуда они взялись.

— Я схожу узнаю последние новости. — И Фелле, лихо крутанувшись на месте, убежала, помахивая арбалетом.

Невозмутимую женщину, как вскоре выяснилось, звали Тамой. Родилась она в Асгалуне, о чем нетрудно было догадаться по ее иссиня-черным волосам, темным глазам и носу с заметной горбинкой. Года два назад она оказалась в Кемии, вместе с половиной жителей приморского поселка, увезенных стигийскими работорговцами.

Послушной рабыни из Тамы не получилось, и после очередной порки шемитка сбежала. Бродя по городским улицам и шарахаясь от любого прохожего, она вышла к расположенным на окраине казармам. Услышав за зарешеченными окнами знакомую шемитскую речь, от отчаяния перелезла через забор и свалилась прямо на головы не ожидавшим от судьбы такого подарка иноземным наемникам. Так произошло знакомство с Фелле и ее лихим дядюшкой.

Когда начался мятеж, Тама ушла вместе с наемниками. Пробиралась наравне со всеми через джунгли, мокла в болотах, выучилась стрелять из лука и арбалета и приобрела замечательную способность вообще ничему не удивляться. Теперь она жила в форте Ксоло...

Неторопливо рассказывая свою историю, Тама одновременно успела осмотреть и заново перевязать рану Метоса, оципать и поджарить принесенных Фелле птиц, а заодно выяснить, как зовут ее гостей и какими ветрами их сюда занесло.

К тому времени, когда от жирных птичек остались одни косточки, а объевшийся Крысенок задремал прямо на выскобленных добела досках террасы, вернулась Фелле. Вид у нее был такой, что Тама выронила кувшин с вином, тут же разлетевшийся на осколки, а Конан и Метос одновременно потянулись за мечами.

— Киммериец, ты все еще собираешься в пещеры? — бесцветным голосом спросила девушка.

— Да, — озадаченно отозвался северянин. — А что случилось?..

— Утром Боргеса и его люди захватили наш баркас — он стоял на реке — и ушли вниз по течению, — тихо ответила Фелле. — Был бой. Дядю убили. Наши погнались за баркасом по берегу, не догнали и только что вернулись.

Тама охнула и поднесла руку ко рту. Всю ее невозмутимость как ветром сдуло. Фелле, точно не видя никого вокруг, продолжала:

— Они идут к подземельям и через пару дней будут возле входа в пещеры. Я знаю другой вход. Если выйти сейчас, то к нему можно добраться к завтрашнему полудню. Я могу отвести вас туда. Мне нужен Боргеса.

— Зачем? — недоуменно спросил Метос, но Конан понял — в джунглях жили по вечным законам, и за смерть полагалась смерть. Если Боргеса виновен в гибели дядюшки Фелле, то она, как кровная родственница, обязана мстить. Что и собирается делать. Для начала ей необходимо обогнать спускающийся по реке неторопливый баркас и попасть к пещерам раньше Боргесы. Что ж, у зингарского графа добавилось врагов...

Тама тихо заплакала. Фелле стояла выпрямившись, глядя сухими глазами куда-то поверх крытых пальмовыми листьями и соломой крыш, и терпеливо ждала. Киммериец толкнул проснувшегося и недоуменно хлопавшего глазами Крысенка и встал:

— Идем.

* * *

Конечно, вышли они из форта не сразу, а после того, как удалось успокоить Таму, отыскать и сложить в мешки вещи, которые могли понадобиться в подземельях, — веревки, железные крюки, факелы и прочее. Конан безуспешно попытался убедить Молчуна остаться в крепости, но аквилонец вбил себе в голову, что должен непременно пойти с капитаном. Закончился спор ничем, подтвердив верность

поговорок об упрямстве представителей обоих северных народов.

Вездесущий Крысенок успел разузнать подробности произошедших событий: дядюшка Фелле впустил в форт пришедший на ночь глядя отряд, но наотрез отказался отдать давнему неприятелю единственный выстроенный наемниками вместительный баркас. Не помогло и предложенное Боргесой золото. Утром зингарцев проводили до реки (не столько проводили, сколько присмотрели, чтобы не устроили чего...), и там, на пристани, завязалась схватка. Исход ее был плачевен для обитателей форта: баркас угнали, пристань частично спалили, погибли четверо наемников и — единственная хорошая новость — двое из людей графа.

Родича Фелле, командовавшего обороной пристани, пристрелил из арбалета сам Боргеса. Это видели все участвовавшие в стычке, хотя некоторые, сомневаясь, говорили, будто выстрел был случайным. Саму Фелле такие тонкости не интересовали — ей нужна была голова кордавского графа, и как можно скорее. Девушка была готова оторвать эту самую голову собственными руками и потому безжалостно подгоняла маленький отряд, покинувший форт Ксоло через неприметную дверь, прорубленную в стене, выходящей на горные склоны.

Гонка продолжалась до тех пор, пока Крысенок не начал тихо, но отчетливо ворчать под нос, что хуже женщины может быть только одержимая женщина, а Конан не напомнил жаждающей крови Фелле, что они в любом случае передвигаются быстрее, чем движущийся по извилистой реке баркас. Да и ночь скоро наступит, а скакать в темноте по здешним холмам, где камни сами вывертываются из-под ног, просто безумие. Фелле нехотя согласилась — похоже, она была готова мчаться к пещерам и ночью.

Следующим днем отряд миновал еще несколько холмов со скалистыми вершинами, пересек бурную речушку, и здесь девушка заметалась, словно потерявшая след собака. По ее словам, вход в пещеры находился совсем неподалеку, но зелень, буйно рванувшаяся вверх после недавнего сезона дождей, скрыла все оставленные приметы. Фелле наконец

отыскала высокое дерево с расщепленным молнией стволом и вместе с Крысенком начала обшаривать округу, проклиная джунгли и все, что попадалось на глаза.

К полудню отыскились с пяток нор — из одной в ответ на брошенный камешек донеслось рассерженное рычание разбуженного леопарда — и две полусыпавшиеся расселины, ведущие непонятно куда. Ни одна из них не походила на то, что требовалось, и Фелле, отказавшись остановиться и перекусить вместе со всеми, снова полезла в путаницу кустарников. Ее продвижение по зарослям отмечал хруст безжалостно ломаемых ветвей, неожиданно прервавшийся торжествующим воплем:

— Нашла!

Вход, прикрытый нависающим пластом глины, оказался затянут настоящей паутиной из переплетенных лиан. После напряженной работы мечами и кинжалами перерубленные лианы оттащили в сторону, открыв узкое — едва пролезть — темное отверстие, из которого несло холодом и сыростью.

— Ты уверена? — Конан попытался разглядеть что-нибудь в глубине черного провала. Девушка закивала:

— Оно самое.

Метос кинул внутрь подобранный камешек, все прислушались: из глубины донесся плюхающий звук падения во что-то вязкое.

— Не вода, — определил киммериец. — И неглубоко. Ну что, полезли?

Одну из взятых с собой веревок, ту, что потолще, накрепко привязали к остаткам стволов лиан, глубоко ушедших корнями в глубину холма, второй конец сбросили в пещеру. Северянин оглядел свой маленький отряд, настроенно уткнувшийся в черную щель, стараясь рассмотреть, во что же упал камень.

— Тихо. Спускаться будем так — сначала я, затем Крысенок, Фелле, Молчун последний и смотрит по сторонам. Факелы держать наготове, но пока не зажигать. Внизу без нужды не орать и сразу отходить к стенам. Фелле, арбалет заряжен?

— А то! — Девушка наклонила свое оружие так, чтобы стал виден лежащий наготове болт.

— Смотри, снова в кого-нибудь не выстрели,— предупредительно сказал Крысенок. Загадочные подземелья были теперь совсем рядом, и становилось страшновато, как всегда, когда неизвестная опасность становилась близкой настолько, что ее можно увидеть и потрогать руками.

— Я пошел.— С этими словами Конан протиснулся в отверстие и исчез. Веревка натянулась... ослабла, резко дернулась и снова натянулась. Не выдержавший тягучей неопределенности Вайд заглянул в зев пещеры и позвал:

— Капитан! Что там?

— Дерьмо! — глухо долетело в ответ.— Спускайтесь, только осторожно!

— «Дерьмо» в каком смысле? — озадаченно переспросил Крысенок.— Ладно, вспоминайте обо мне...

Метос хмыкнул и легонько подтолкнул его к провалу в земле. Протиснуться в щель оказалось не так уж и сложно, теперь ухватиться покрепче за веревку и медленно сползти по ней вниз. Свет в подземелье почти не проникал, смутное желтое пятно над головой начало отдаляться, а больше ничего пока разглядеть не удавалось. Крысенок попытался сосчитать узлы на веревке, затянутые для облегчения спуска через каждые пол-локтя, насчитал таковых семь или восемь, сбился и тут же коснулся ногой чего-то мягкого и липкого.

— Ой!

— Вляпался? — спросила темнота голосом киммерийца.— Прыгай вниз и давай сюда.

— Куда — сюда? — Крысенок все никак не мог решиться отпустить веревку и встать на пол.— Что там?

— Я ж говорил... оно самое.

Теперь Вайд понял — животные устроили тут нечто наподобие выгребной ямы, а он умудрился наступить на самую макушку высокой кучки сыпавшегося сверху помета. Оставалось только одно — расстаться с надежной веревкой и отпрыгнуть подальше, в расчете, что помет скопился только под отверстием. Крысенок так и поступил, но прыг-

нул недостаточно далеко, поскользнулся и едва не растянулся на неровном полу пещерки.

— Где ты там? — недовольно прозвучало почти над самым ухом Крысенка, его сцапали за плечо и оттащили в сторону.— Сиди, не мешайся. Фелле, спускайся!

И без того еле различимое пятно света померкло, заслоненное пролезающей внутрь фигурой. Девушка быстро спустилась до половины веревки, остановилась и позвала:

— Вы где? На пол можно встать? Ничего не видно...

— Прыгай в сторону, только ноги не переломай,— отозвался Конан. Фелле помедлила мгновение, прикидывая, откуда до нее долетел голос, затем раздался мягкий шлепок, отметивший ее приземление, и тихое проклятие.

— Факел зажигать? — деловито спросила Фелле, добравшись туда, где стояли киммериец и Крысенок.

— Давай. Молчун!

Метос спустился с уверенностью человека, привыкшего в любую непогоду лазить по корабельным снастям. Встав на пол, дернул веревку, хитро завязанные узлы распустились, и длинные петли соскользнули вниз. Фелле ожесточенно чиркала кремнем, пытаясь высечь искру и поджечь паклю, обмотанную вокруг смолистой палки. Наконец факел загорелся, разбрасывая искры и чада. Киммериец поднял его повыше, осветив небольшую пещеру с потолком из нависающих и, на первый взгляд, еле держащихся гранитных глыб.

Между камнями пробивались корни растущих на поверхности деревьев, отверстие, через которое пролезли люди, обросло зеленой бахромой мха. Пол оказался песчаным, с валяющимися повсюду обломками камня, явно рухнувшими с потолка.

Было холодновато и очень тихо. Впрочем, прислушавшись, можно было различить журчание и плеск текущего где-то неподалеку ручья, шелест сыплющегося со стен песка и еле слышный писк вспугнутых летучих мышей. Зверьки стремительными черными стрелками пересекали пещеру под потолком, ныряя в два ведущих в неизвестность лаза — один побольше и пошире, другой наполовину загороженный глыбами.

Люди стояли, не двигаясь с места и не разговаривая, внимательно оглядываясь по сторонам. Конан гадал, не заметил ли кто появления здесь непрошенных визитеров. Но из черных провалов никто и ничто не появлялось, рядом облегченно вздохнули (кажется, Фелле), а киммериец вполголоса пробормотал:

— Ну не люблю я пещер...— И уже громче позвал: — Крысенок!

Вайд вздрогнул — вот сейчас и выяснится, вдруг их поход будет не дальше этой пещеры. Если карта исчезла во второй раз — из его памяти, то...

Но карта оказалась на месте. Стоило Крысенку зажмуриться и попытаться не обращать внимания на назойливый писк мечущихся летучих мышей, как перед ним с готовностью развернулся лист старого папируса, попорченный по краям огнем. К его удивлению, там добавилось кое-что новенькое: в левом нижнем углу, посреди путаницы тонких черных линий светились, точно только что отшлифованные драгоценности, четыре крохотные точки. Две зеленые, поярче и потемнее, желтая и белая...

Фелле осторожно потянула Метоса за рукав и, когда тот наклонился, шепотом спросила:

— Что он делает?

— Смотрит карту, — тоже шепотом ответил Молчун.

— Какую карту? — недоуменно переспросила Фелле. —

Где?

Вместо ответа Метос легонько постучал ее по голове: «Здесь».

— Он что, знает подземелья наизусть? — не поверила девушка.

— Вроде того... Тише.

Убедившись, что план никуда не делся, Крысенок попытался определить путь хотя бы до ближайшего крупного зала. От места, где столпились цветные огоньки, по коридорам торопливо побежала белая блестящая линия, точно наносимая тонкой кистью в ответ на пожелание Крысенка. Бег завершился в округлом помещении, находящемся примерно в трех четвертях пути до красной стрелки, отмеча-

ющей место, где находилась неизвестная вещь. По мере того как серебристая дорожка прорезала подземелье, Крысенок видел, какие места им предстоит миновать — через каменный завал проползти по узкому коридору, потом извилистая цепь слитых воедино пещер, следующих одна за другой; проход, зажатый между двумя гранитными плитами; черное неподвижное озерцо под низко нависающими сводами...

Вайд старательно запоминал все приметные камни, трещины и повороты на будущем пути, тихо гордясь собой — в кои веки он может сделать такое, чего не сумеет никто иной. Конечно, не стоит себя обманывать — капитан способен пробраться через подземелья безо всякой карты, ну да с него и спрос другой. Метос, Фелле или любой обычный человек далеко не уйдут, будут до смерти бродить по каменным переходам, похожим один на другой.

Крысенок заново проверил, точно ли он запомнил путь, и открыл глаза. Их тотчас пришлось протереть — тонкая мерцающая линия, похожая на нить крученого серебра, лежала на полу пещерки, начинаясь у ног Вайда и уходя куда-то за каменные глыбы. Не веря себе, он присел и зачем-то попытался ее ухватить, набрав взамен полную горсть песка и камешков.

— Ты что, свихнулся? — поинтересовался Конан, наблюдая за странным занятием Крысенка — тот скреб пальцами по полу, точно хотел поднять что-то невидимое. После второй неудачной попытки Вайд самым серьезным образом спросил:

— Она тут есть или ее нет?

— Кто — она? — встряла Фелле.

— Значит, нет, — облегченно сказал Крысенок, сообразив, что белую нить видит только он один. — Нам вон в ту дырку. Двинулись?

Глава седьмая

Лабиринт

Вот это да... — со смесью восхищения и тщательно скрываемого испуга в голосе протянула Фелле, выразив общее отношение к увиденному. Четыре человека стояли в обширном зале округлых очертаний и смотрели на громадную каменную змею. Даже не на змею, а на Змея, высотой в три-четыре человеческих роста, чуть изогнувшего плоскую голову в странной конусообразной короне, и презрительно косившегося на людей алыми рубинами глаз. Черный отполированный камень, из которого был вырублен Змей, тускло мерцал в свете наполовину прогоревшего факела, и неудивительно, что поначалу померещилось — огромное существо, извиваясь, выползает из стены. Фелле, не долго думая, выстрелила, тяжелый болт звонко ударился о камень и отскочил.

— Хранитель ночи.... — нарочито зловещим голосом сказал Крысенок и состроил устрашающую рожу. — Всем немедленно посыпать голову пеплом и...

— И не вопить, — завершил фразу Конан. — Все, привал.

Он подошел поближе к Змею, потрогал зеркально гладкую поверхность с чешуйками, изображенными еле заметными штрихами, и прикинул, не забраться ли наверх и лишить подземного червяка его красных зрачков. Даже отсюда было видно, что рубины настоящие и не маленькие. Ладно, не до того. Да и кто его знает, не приспичит ли проклятому истукану ожить, обнаружив, что у него вытаскивают глазки...

Белая невидимая нить, непрерывно протянувшаяся по коридорам и переходам, вела их, может, и самым коротким путем, но отнюдь не самым легким. Так, например, увиденный Крысенком узкий лаз оказался на месте, но выяснилось, что он до половины залит жидкой холодной грязью, а единственный способ преодолеть его — лечь прямо в это неприятное даже на вид месиво и ползти, постоянно задевая головой нависающие глыбы. Вдобавок пришлось погасить факел — удержать его в руках не было никакой возможности. Два десятка шагов в полной темноте и вязкой грязи, неохотно отпускающей возящихся в ней людей, показали парой столетий мучений на Равнинах Нергала. Вдобавок Крысенка не оставляла мысль, что какой-нибудь из камней, составляющих потолок, непременно обрушится на его многострадальную голову.

Из проклятого прохода выбрались перемазанными по уши и потеряли один из мешков с припасами — он накрепко зацепился за выступ на потолке и ни за что не пожелал следовать за своим владельцем. К счастью, остальная часть пути до зала оказалась не столь тяжелой — только в одном месте пришлось протискиваться между вставшими торчком шершавыми плитами. Затем долго шли по заметно спускавшемуся вниз коридору, то и дело заворачивавшему то влево, то вправо. Блестели в свете факела потеки воды на стенах, с паническим верещанием срывались с каменных выступов и ключьями пепла носились над головами летучие мыши. Никаких признаков пребывания здесь человека на глаза не попадалось... Коридор вильнул еще раз и оборвался, выведя в зал с мрачно взирающим на незваных посетителей Змеем.

Стоянку устроили подальше от черной статуи — кто ее знает, все-таки Сет изображен, а не Митра. Пару будущих факелов пришлось использовать на устройство маленького костра — просушить намокшие в грязи припасы и высушиться самим. Крысенок обошел зал вдоль стен, нашел несколько проходов: два образовались явно из-за подвижки земли, три носили следы обработки — у входов в них имелось подобие ступенек, самим проходам придали фор-

му направленного вверх наконечника копья. Значит, в подземельях живут... или жили. Интересно, люди или не люди?

С этими соображениями Вайд вернулся к догорающему костеру — поделиться новостями.

— Змеелюди, — уверенно предположила Фелле. — Иначе зачем бы этого... — она ткнула в сторону зловещей каменной фигуры, — здесь поставили?

— Валузийцы давно перемерли, — возразил Метос. — И, насколько я знаю, они не очень любили подземелья.

— Любили, не любили, — проворчал Конан. — Змееносцы ушли из Стигии, это точно, но некоторые из этого Сетового племени и по сей час живы. Они прячутся в Черных Королевствах, гадят по-мелкому... Может, подземелья принадлежали валузийцам раньше, а после того, как они смылись, пещеры захватил кто-то другой.

— Кто? — поинтересовался Крысенок.

— Откуда мне знать?.. Гномы, например.

— Гномов не существует! — уверенно заявил Вайд. — Это сказки.

— Может, ты скажешь, что и Сета не бывает? — ухмыльнулся киммериец. — Правда, я никогда не слышал, чтобы маленькие бородачи забирались так далеко на юг. Но если бы забрались, то здешние пещеры сразу пришлись бы им по душе.

— Нет, правда, капитан, разве гномы есть? — недоверчиво спросил Крысенок.

— Есть, есть, куда они денутся. Этот народец ничто не берет. Наверно, гномы и при конце мира выжить ухитряются. В Гиперборее еще живут, в Кезанкии. Сам видел.

— И какие они? — с любопытством спросила Фелле.

— Маленькие, — северянин поднял ладонь над полом на половину человеческого роста. — Совсем как люди — с некоторыми можно иметь дело, а других еще при рождении душить надо. Драться здоровы, за золото душу продадут. Знал я одного типа несколько лет назад — ссориться с ним никому не посоветую. Правда, он был гном только по отцу, а по матери человек.

— А где он теперь? — поинтересовался Метос.

— Где-то в Туране шляется, если жив... Ладно, подъем, пошли дальше. Крысенок, куда?

Серебряная линия точно указывала на один из стрельчатых входов. Вайд наметил путь до следующего зала, просмотрел дорогу — вроде никаких видимых неприятностей не предвидится.

Подземелья заметно изменились — острые углы были предусмотрительно сглажены, выступающие из стен камни сколоты, кое-где пол выложен плитами. Дважды маленький отряд наткнулся на самые настоящие лестницы с широкими ступенями, плавно спускавшиеся вниз. Возле второй лестницы произошло неприятное открытие — киммериец заметил следы, четко оттиснувшиеся во влажном песке и, значит, оставленные не очень давно. След был гораздо крупнее человеческого и походил на звериную лапу с двумя пальцами и длинными, не втягивавшимися когтями.

Судя по глубине и направлению отпечатков, неизвестное существо — ростом повыше человека и тяжелее раза в два, а то и в три — вышло из правого туннеля, не торопясь пересекло коридор и скрылось в другом ответвлении. После этой находки все притихли, при каждом шорохе хватались за оружие и начинали подозрительно оглядываться по сторонам.

После лестниц начался головоломный лабиринт крохотных пещерок, потолок одних уходил высоко вверх, исчезая во тьме, в других приходилось ползти на четвереньках, третьи оказывались заполнены неглубокой, но очень холодной водой. В очередной пещере Метос наткнулся на полуистлевший труп человека, скорчившийся в углу. После беглого осмотра Конан вытащил из-под горки костей туго затянутый и почти не тронутый временем кожаный мешочек, развязал, высыпав горстку тускло блеснувших камней, и вынес приговор:

— Похоже, не стигиец и не дарфарец, а откуда-то с севера. Камешки-то он нашел, но заблудился и помер с голодухи.

«Почему не дарфарец, понятно — рост не тот, и кости тонкие. А почему не стигиец? — Крысенок присел рядом с останками и кончиком кинжала пошевелил скалившийся череп. К изжелта-коричневой поверхности прилипли пряди некогда светлых волос. — Тоже понятно, белые волосы. Не повезло бедному... Интересно, сколько людей забиралось сюда на свой страх и риск? И сколько из них сумели выбраться обратно? Наверху, наверное, уже вечер... Боргеса со своими должен быть уже неподалеку от входа».

— Пойдем отсюда. — Фелле состроила гримаску, выражавшую крайнее отвращение. — Он воняет... Далеко еще?

— Не очень, — отозвался Вайд. — Пещеры скоро кончатся, и дальше почти все время по прямой.

Запутанный лабиринт и в самом деле сменился прямым туннелем, прорубленным в камне светло-желтого оттенка. Здесь можно было даже погасить факел — их и так оставалось немного, — вдоль стен, к безмерному удивлению людей, по широким желобам медленно текли красно-оранжевые мерцающие ручейки горячей вулканической лавы, освещая коридор дрожащими багровыми и ярко-алыми сполохами. В ручейках, точно подхваченные течением живые неповоротливые существа, шевелились обломки валунов. Стало очень жарко.

Постепенно огненные потоки становились все шире, а каменная дорожка посередине все уже. Белая нить туго натянутым канатом уходила в глубину туннеля, значит, какой-то проход там был. Крысенок несколько раз оглядывался — серебристая линия позади людей быстро таяла, ему даже показалось, что она издает еле слышное шипение, точно вода, пролитая на горячие камни.

Конан остановился так внезапно, что Вайд едва не врезался ему в спину и, встав на цыпочки, заглянул через плечо. Впереди был тот же уводящий вдаль коридор, обгрызенная по краям лавовыми потоками дорожка, и ничего больше.

— Капитан, почему стоим? — поинтересовался Крысенок и тут же получил изрядной силы толчок под ребра, означавший: «Не мешай».

Подожли Метос и Фелле, недоуменно переглянулись, но вопросов задавать не стали, здраво решив, что лучше немного подождать, прежде чем расспрашивать. Наконец киммериец оглянулся и сказал:

— Фелле, выстрели.

— Куда? — не поняла девушка. — Там кто-то прячется?

— Еще не знаю, но это место мне не нравится. Просто стреляй вперед.

Фелле послушно отцепила висевший на боку арбалет, резким движением натянула тетиву, вложила болт и, прицелившись, послала стрелу вдоль туннеля. Болт с низким жужжанием пронесся над дорожкой и канул в дымящуюся лаву.

— Ну и? — озадаченно спросил Крысенок. — Ничего не случилось... Может, мне первому пойти, а?

— Стой и не дергайся. — Вайда бесперемонно отпихнул назад. — На, поддержи. Отойдите все назад.

Конан сунул свой мешок в руки Крысенку и медленно двинулся по каменной дорожке. Здесь было очень подозрительное место — наклонные стены сходились слишком близко, и тропа, которая до того извивалась и поворачивала через каждые пять шагов, вдруг вытянулась ровной линией. Да и зачем надо было выкладывать ее камнями, причем только на этом отрезке? Слишком уж беспрепятственно шел отряд, а в таком месте, как пустующие подземелья, принадлежащие неизвестно кому, обязательно должна стоять ловушка. И не одна, если Конан что-то еще понимает в стигийских нравах. Туннель, заполненный лавой, — лучшую возможность трудно представить, упадешь — не выкарабкаешься...

Лезвия вылетели прямо из стены, как показалось трем людям, стоявшим посреди коридора. Хищно вытянутые, с синеватым блеском, похожие на секиры на длинных рукоятках, стальные штыри дотягивались почти до середины прохода. Мгновением раньше северянин отпрыгнул к самому краю тропы и неподвижно застыл, ожидая, что произойдет. Фелле сдавленно пискнула, мертвой хваткой вцепившись в своих спутников.

Человек, замерший над густым потоком расплавленного камня, пошевелился, сделал один крохотный шаг, другой, минуя чуть подрагивавшие кромки лезвий. Их было пять, Крысенок зачем-то сосчитал их. Когда киммериец добрался до третьего, лезвия бесшумно втянулись назад, словно их тут никогда и не было.

Чтобы через мгновение возникнуть снова, но теперь уже с другой стороны.

Туннель на протяжении полутора десятков шагов был просто утыкан ими, с готовностью выскальзывающими из тщательно спрятанных щелей, если человек случайно прикасался к определенным камням, составлявшим дорожку. Это была неплохая проверка на быстроту и сообразительность, и выручало только то, что управлявший секирами неизвестный механизм чуть слышно скрипел перед тем, как вытолкнуть спрятанные железки наружу... Не смазывали его, что ли? Или тут давно уже никто не прогуливался?

Конан благополучно преодолел ловушку (зацепило его всего два раза, и то на излете, когда лезвия уже не могли причинить вреда), убедился, что пакостные сюрпризы на этом закончились, и крикнул оставшемуся далеко позади отряду:

— Крысенок, пошел! Слушай внимательно, они скрипят!
«Кто скрипит? — мысленно переспросил Вайд. — Это я сейчас скрипеть буду... Мамочка дорогая, почему я не остался дома, в Кордаве? Жить-то как хочется!..»

Стараясь держаться у края дорожки, Крысенок боязливо шагнул вперед, припомнив, как совсем недавно самоуверенно предлагал пройти первым. Хорошо бы он тут прошел — без головы... или без ног. Ой!

Лезвия вылетели из своих укрытий и ощутимо толкнули его. Крысенок замахал руками, пытаясь не потерять равновесие и не свалиться в кружащийся у самых ног огненный водоворот.

— Держись! — пронзительно завизжала Фелле. — Держись, чтоб тебя!

Она добавила еще кое-что, от чего сразу расхотелось падать и появилось сильнейшее желание добраться до бе-

зопасного места... а там можно и поведать этой распущенной девчонке, кто она такая и что может сделать со своими указаниями... Скрипит слева, в сторону — раз!..

Путешествие по лавовому коридору Крысенок потом вспоминал только в самых страшных снах, а сейчас, понавив, что вокруг него больше ничего не свистит и не пролетает мимо, отдавая ветерком, улегся прямо на дорожке, подложив под голову мешки, и задремал. Как перебирались Фелле и Метос, он не видел, проснувшись оттого, что его безжалостно затрясли и силком поставили на ноги, сопровождая действие словами:

— Разлежся тут, понимаешь, как... Куда дальше?

— Туда, — Крысенок ткнул куда-то вперед и шепотом, чтобы не услышал капитан, добавил: — Ненавижу киммерийцев. Дикари...

Туннель с потоками лавы действительно скоро закончился, перейдя в другой, более привычный — с низким ровным потолком и гладкими стенами, из которых не вылетало ничего острого и режущего. По плану выходило, что намеченный для следующей остановки зал уже недалеко, и минувший переход вспоминался уже со смешками и ехидными замечаниями.

Шли не торопясь, строили предположения, что поделывает сейчас Боргеса, удалось ли ему проникнуть в подземелья; гадали, отчего пытавшиеся забраться в пещеры наемники из Ксоло испытали жуткий страх, а теперь и в помине нет ничего похожего. О необходимости постоянно смотреть по сторонам как-то подзабыли, сочтя, что вряд ли ловушки устроены одна за другой.

Пока Метос не остановился, не попросил факел и не поднял его высоко над головой под удивленное: «Ты чёго?»

— То ли мне кажется, то ли потолок стал ниже, — озабоченно отозвался Молчун. — Точно, когда мы сюда вошли, я до него не мог дотянуться.

— Может, здесь так построено, — легкомысленно сказал Крысенок.

— А ты видел, чтобы потолок где-нибудь наклонялся? Мы идем по ровному месту, не вниз, — возразил Молчун и

осветил факелом место соединения потолка и стены.— Смотрите, щель.

— Щель,— согласился Конан.— Ну и что?

— А то...

Метос не договорил — где-то высоко над головами людей, за многими слоями камня и земли, что-то глухо рявкнуло, заскрежетало, потолок пещеры ощутимо вздрогнул и опустился на несколько пальцев.

— Ой...— растерянно сказала Фелле.— И правда...

— Ходу! — рявкнул киммериец, не тратя время на дальнейшие рассуждения.— Бегом! Раздавит же, как клопов!

Скрежет наверху прекратился, сменившись монотонным рокотом, но потолок теперь снижался непрерывными толчками, так что вскоре бегущие стали задевать его головой. Пришлось бежать сначала пригнувшись, потом — сложившись в три погибели и почти на карачках. Факел бросили, двигались в полной темноте, потом впереди замаячило сероватое пятно — выход из туннеля. К нему мчались, как заблудившиеся в пустыне путники — к оазису, спотыкаясь, падая, снова вскакивая и ударяясь о ставший еще ниже потолок.

Он был уже совсем низко — только проползти, не поднимая головы. Огромная неумолимая масса припечатывала, расплющивала, давила в лепешку, ломая кости и не оставляя никакой надежды на спасение, но четыре человека один за другим кубарем вывалились из отверстия в стене. Запавшая Фелле застряла, судорожно задергалась, пытаясь выбраться из-под опускающейся плиты. Ее выдернули за руки как раз в тот миг, когда потолок с грохотом опустился, наглухо, так что малейшей щелчки не осталось, запечатав коридор, по которому они пришли.

Этот зал оказался во много раз больше того, где стоял Змей. Ветвистые наросты на стенах, похожие на кораллы южных морей, переливались оттенками тускло-синего и зеленого цветов, превращая зал в подобие морского дна. Не меньше десятка чернеющих выходов, облицованных серым с красными прожилками камнем, уводили куда-то в глубины подземелий, над каждым из них красовались золотисто

поблескивающие круглые щиты с изображениями невиданных животных, точно составленных из кусочков различных зверей...

— За такую прогулку надо требовать отдельную плату! И причем не в золоте, а в камешках,— проворчал киммериец, бросив быстрый взгляд по сторонам — не явился ли кто поглазеть, что за подозрительного вида личности вываливаются прямо из стен. В сероватом полумраке зала ничто не шевельнулось. Спутники варвара сидели возле стены и шумно пыхтели, пытаясь отдышаться, постепенно приходя в себя и начиная оглядываться.

— Зачем столько дверей? — спросил неизвестно у кого Крысенок.— А нам вот туда...

Он махнул рукой в сторону прохода, украшенного щитом, на котором извивалась зелено-оранжевая змея с крохотными крылышками, и удивленно сообщил:

— Между прочим, мы уже почти добрались...

— Почти — это как? — уточнил Конан.

— По коридору, второй поворот налево, прямо и направо,— отозвался Крысенок.— Если нас не надули и карта не врет, то нужная вещичка лежит там.

— Слушайте, а что за вещь-то? — любопытствовала Фелле.— Сколько про нее говорите, а толком ни разу не разъяснили.

— Потому что сами не знаем... Тихо!

Где-то в темноте многочисленных коридоров раздались тяжелые шаги, сопровождаемые отчетливым клацаньем — точно вдалеке неторопливо шла огромная собака, стуча когтями по камням. Шаги приближались, царапающие звуки становились все громче, и наконец неизвестное чудовище размытой тенью возникло в черноте туннеля. Постояло, соображая, кто потревожил его покой, угрожающе рыкнуло и ввалилось в зал.

— О-ох...— выдохнула Фелле.— Ну и урод...

Виденные раньше следы могли быть оставлены только этим зверем или же подобным ему. Он напоминал кабана, правда ростом превышал человека раза в три и уверенно держался на задних, широко расставленных кривоватых лапах,

заканчивающихся парой слегка изогнутых длинных когтей. Такие же когти зловец поблескивали на передних лапах, больше похожих на руки и свисающих почти до колен. Вытянутое рыло с торчащими вверх желтоватыми клыками чуть подергивалось — зверь принюхивался. Крохотные глазки, спрятанные в густой коричневой с рыжеватым отливом шкуре, отсвечивали злыми красными огоньками. Существо медленно наклонило голову, казавшуюся слишком крупной и вдобавок украшенную плоскими страховидными рогами с острыми кромками, и звучно фыркнуло.

— Обычный кабанчик, только здоровый, — с излишним спокойствием сказал Конан. — Не дергайтесь, он тут не один.

Для поддержки сородича в назревающей драке из коридоров появились еще два зверя, поменьше размером, но зато настроенных куда более воинственно. Заняли места по бокам и оскалили клыки, негромко, но свирепо хрюкая — точь-в-точь разъяренные кабаны, собирающиеся напасть на забредших в их владения охотников. Одна из зверюг притащила с собой утыканную шипами дубинку и теперь вызывающе помахивала ею.

Позади Вайда раздался до боли знакомый свистяще-шипящий звук, какой издает хорошо смазанный меч, покидая ножны. Крысенок попытался встать на ноги, не смог и отполз в сторону, тихо постукивая зубами. Сны, увиденные на корабле после того, как он заглянул в карту, начинали сбываться. Кто знает, что придет вслед за кабаноподобными страшилищами? Вайд с детства боялся неведомых тварей, что создаются воображением, прячутся в темноте и выползают с приходом ночи, а потому не слишком соображал, что делает. У него оставалась одна ясная мысль — немедленно уйти отсюда. Убраться подальше, прежде чем из мрака полезут новые чудовища и разорвут их всех в мелкие клочки...

Крысенок, на которого не обращали внимания ни люди, ни чудища, начал ползком продвигаться вдоль стены к ближайшему проему. Дополз, перевалился через низкий порожек, с трудом встал и, пошатываясь, побежал неведь куда, не обращая внимания на разносящиеся за спиной выкрики и низкое рычание.

* * *

Тень в темноте повернула голову и внимательно прислушалась, чуть пошевеливая торчащими ушками. Туда, где она жила, никогда не проникал свет, и, значит, нечему было отбрасывать тени. Но все же Тень существовала — неясное колеблющееся очертание, созданное из трепещущих зеленоватых огоньков, тусклых светлячков на исходе ночи. Когда Тень пугалась или сердилась, светлячки наливались тревожно-красным светом.

Она была неправильная тень. Обычным черным теням полагается всюду следовать за своим хозяином, вытягиваться и укорачиваться, а самое главное — появляться только при свете. Тень знала, что такое свет, и не раз видела его, выбираясь на верхние ярусы. Но тени, создаваемые им, не умели разговаривать, не могли оторваться от хозяйских ног и побежать вслед за ней. Они могли только покорно повторять движения хозяев, и сразу исчезали, когда пропадал свет. А их хозяева — Стражи Лабиринта — почему-то очень не любили Тень, и каждый раз бросали в нее камнями и своими дубинками. Конечно, они не могли причинить ей вреда, но Тень все равно обижалась и в отместку пугала Стражей, багровым призраком выскакивая перед ними в самых темных уголках подземелья.

Хозяева Стражей тоже недолюбливали носящуюся по стенам Тень, и этих она опасалась — у Хозяев хватало силы создать такой сильный свет, что она меркла в его лучах, превращаясь в тень самой себя. Так что чаще всего Тень пряталась в нижних подземельях, куда не забредали ни вечно голодные и ищущие, кого бы поймать и съесть Стражи, ни бесшумные, а оттого более опасные Хозяева.

Тень не помнила, как она здесь очутилась. Скорее всего, она была в подземельях всегда, как медленно прогрызающиеся сквозь камень ручьи и реки, как молчаливые статуи, вырубленные из цельных гранитных плит, и как сам Лабиринт. Но Тень знала кое-какие вещи, которые ей вроде бы знать вовсе полагалось, а оттого сомневалась, что родилось или была создана в пещерах. Она знала, что означают слова «солнце» и «небо», и что на поверхности, над

подземельями, лежит другой мир. Это только глупые Стражи считают, что, кроме Лабиринта, на свете нет ничего.

Тех странных созданий, что иногда приходили из Верхнего Мира, Стражи гоняли по всему Лабиринту, устраивая охоту, а в конце непременно ловили и сжирали. Те, которых они так и не сумели поймать, умирали сами — наверное, оттого, что не могли жить под землей. Ведь залетавшие сюда летучие мыши тоже умирали.

Тень часто искала места, через которые создания сверху проникали в пещеры, но ни разу не находила. Наконец она сообразила, что такого не может быть, и решила — наверное, она просто не может увидеть этих проходов. Может, если бы ей кто-нибудь показал, она смогла бы выбраться наверх.

Тень была любопытна и очень хотела знать, что там, над Лабиринтом. Она часто сопровождала существ из Верхнего Мира, пыталась заговорить с ними, но они ее не слышали и совершенно не замечали. А когда все-таки случайно обращали внимание, пугались и убегали, хотя Тень никогда в жизни никому не причиняла вреда. По той простой причине, что была всего лишь бестелесным призраком, летящим по стенам подземелий.

Украдкой следуя за созданиями сверху, Тень узнала много интересного. Создания называли себя «люди», и она на всякий случай запомнила это слово. Люди боялись темноты подземелий, но все-таки забирались сюда, собирая старые вещи, принадлежавшие прежним хозяевам Лабиринта. Еще они разыскивали блестящие камешки и кусочки тусклого желтого металла. Тень не раз видела, как из-за этих камешков люди, за которыми гнались Стражи, убивали друг друга, и совсем не понимала, зачем они это делали. Камешки ни на что не годились, только красиво блестели.

Старые вещи — другое дело, они могли сделать многое, если суметь ими правильно воспользоваться. Из подслушанных разговоров Тень уяснила, что люди ищут вещи не для себя, а для других людей, и окончательно запуталась. Приходившие вдобавок опасались кого-то, называемого ими коротким именем «Сет», и почему-то твердо верили, будто он живет где-то в подземельях, только и поджидая мгно-

вения, чтобы схватить их. Никакого Сета здесь, разумеется, не было, иначе Тень знала бы о нем.

Люди еще называли этого Сета Змеем, но из змей в Лабиринте водились только самые обычные, которые ползают по земле, ловят крыс и мышей, а также могут больно укусить человека или воплощенного в тело духа или демона. Имелась еще большая каменная змея, сделанная прежними хозяевами, давно покинувшими подземелья и сгинувшими неизвестно куда, но она точно не смогла бы никого схватить. Тени статуя не приглянулась — черный змей выглядел уж слишком злобным. Стражи иногда, для развлечения, притаскивали пойманных людей к каменному созданию и пугали их, показывая, что скормят змее. Люди этого ужасно боялись, некоторые даже умирали от страха...

Многого из увиденного и услышанного Тень не понимала, но следить за пришельцами сверху не переставала, надеясь, что хоть один из них сумеет выбраться наружу. Тогда она сможет пойти за ним и попасть в Верхний Мир. Однако в последнее время люди навевывались в Лабиринт все реже и реже, а приходя, не заходили далеко и при малейшей опасности сразу удирали.

Тень не слишком разбиралась в том, что такое «время» и как можно его отсчитать, но ей казалось, что последний раз, когда она видела гостей сверху, случился очень давно. Теперь она чаще всего дремала где-нибудь в глубине пещер, превратившись в еле различимый зеленоватый силуэт на стене. Снов она никогда не видела и понятия не имела, что это такое.

...Разбудили Тень шаги — кто-то мчался по ее владениям, громко топая и не особенно скрываясь. Для Стража шаги были слишком легкие, кроме того, Стражи всегда царапают когтями по камням, пыхтят и в животе у них постоянно урчит, да так, что издали слышно. Хозяева Стражей движутся беззвучно, ведь они не ходят, а летят над полом коридора. Неужели человек сверху?

Тень прислушалась, определяя, откуда доносится звук, и прыжками понеслась навстречу. Ее и без того размытые очертания слились в сплошную мерцающую полосу, стре-

нительно летящую по неровностям каменной стены. Шаги неизвестного затихли возле вкрадливо шепчущего во мраке ручейка — Тень так и не выяснила, где берет начало тонкая водяная струйка и куда девается. Она осторожно выглянула из-за каменного уступа. Царившая вокруг непроглядная темнота ее не волновала — Тени не требовался свет, чтобы видеть.

Человек был рядом, сидел, скорчившись и не шевелясь, на валуне. Один, хотя люди почти никогда не ходили по пещерам в одиночку. Сидел и незряче смотрел на текущую воду. Тень озадаченно наклонила голову — такого ей еще видеть не доводилось: все люди непременно либо что-то искали, либо прятались. Любопытство грызло Тень, как Стражей грызет вечное стремление поест, и она начала медленно приближаться к непонятному человеку.

...Крысенку было плохо. Так плохо, что он всерьез начал прикидывать, из чего можно свить веревку и куда бы ее приспособить, чтобы повеситься. То, что забежал неизвестно куда, — это неважно, белая нить всегда выведет его в нужное место, но он бросил всех и удрал, испугавшись подземных свиней, — этого капитан Конан никогда не простит. Он сам себе не простит. Ведь он — карта для остальных, единственный, имеющий возможность провести отряд по подземельям. Они бы отбились, наверняка отбились от вылезших из темноты зверюг, и до нужного места было уже недалеко.

Что будет теперь? Даже если Вайд сумеет вылезти из пещер наверх, ему не пройти в одиночку через Дарфар. Да и зачем ему идти куда-либо? Маленькому трусливому ничтожеству самое место здесь, куда не проникает свет и где никто его не видит. Может, следующие искатели сокровищ случайно наткнутся на его останки и кто-то из них, проходя мимо, небрежно бросит: «Не повезло бедному... Даже не нашел ничего». Но до чего же тошно, хоть волком вой! Мешок с припасами с собой не прихватил, там бросил. Что ж, говорят, от голода помирают быстро... Или нет?

Что-то шевельнулось в темноте неподалеку и снова замерло. Вайд поднял голову, всмотрелся. Хорошо бы на него набрел здешний кабанчик — все хлопоты будут разом

закончены. Вот, опять пошевелилось. Для чудовиша мелковато, и движется по-другому, плавно перетекая с места на место. И светится, словно море по ночам. Впрочем, не все ли равно, что там бродит...

Тень недоумевала — человек видел ее, но даже не сдвинулся с места. Посмотрел и точно потерял к ней интерес. А если подойти еще поближе?

Теперь Крысенок разглядел — рядом с ним перемещался по стене призрак. Очерченный зеленоватым пламенем силуэт непонятного существа, отдаленно смахивающего на небольшое животное. Четыре ноги, маленькая головка на длинной вытянутой шее, по-кошачьи подвижное туловище, все постоянно меняется, мерцает, не уследить. Ходит кругами, словно приноживается, но не нападает. Чего ему надо? Неужели не может идти своей дорогой?..

— Уходи, — вяло отмахнулся Крысенок. — Уходи, ты...

«Почему он хочет, чтобы я ушла?»

Пронзительный ребячий голосок четко прозвучал в и без того замороченной голове Крысенка, заставив его подпрыгнуть, едва не свалившись в ручей, и судорожно схватиться за кинжал.

— Кто здесь? — Крысенку показалось, что он завопил во весь голос. На самом деле Вайд еле слышно просипел эти два слова.

«Я, — немедленно отозвался голосок. — Ты... Ты меня слышишь?»

— Ты где? — Крысенок оглянулся по сторонам, но все, что удалось разглядеть, был все тот же переливающийся силуэт.

«Я здесь. — Тень на стене приобрела ярко-зеленый оттенок. — Вот я!»

— Тень, — сообразил наконец Вайд. — Все, свихнулся. Начал разговаривать с теньями. Мало мне неприятностей, так теперь последнего ума лишился!

«Но это действительно я с тобой говорю! — В голоске Тени прорезалось возмущение. — Это я, я!»

Тень подняла переднюю ногу и топнула в доказательство своих слов. Почему этот bestолковый, как объевшийся

тухлятиной Страж, человек не может понять, что она существует?

— Ладно, пусть будет говорящая тень,— неожиданно согласился Вайд. В конце концов, это же стигийское подземелье, почему бы тут и не водиться разговаривающему привидению зеленого цвета? Не нападает, не кусается, и то хорошо. Хоть поболтать с кем-нибудь, перед тем как помереть. Даже если видение ему мерещится — тоже невелика беда.— Что... Что ты здесь делаешь?

«Живу я тут, конечно,— удивленно ответила Тень.— А ты? Почему ты один? Ты заблудился?»

«Заботливая, однако, хотя и призрак... — хмыкнул про себя Крысенок.— Ну, и что ей ответить? Что сбежал, как последний... последний не знаю кто, а теперь ума не приложу, что делать?»

«От Стражей? — Тень удивлялась все больше: этот человек умел разговаривать так же, как она, не произнося слова вслух.— Люди всегда убегают от Стражей, что в этом такого?»

— Понимаешь, Тао...— начал Вайд, и его сразу же перебили: «Что?»

— Надо же тебя как-то звать,— попытался объяснить Крысенок.— Тао означает «тень» по-стигийски, если я правильно запомнил. А ты вроде как тень, да?

«А как мне называть тебя?»

— Вайд, Крысенок.

«Крысенок — детеныш крысы,— уточнила Тень.— Тебя крыса родила? Разве люди появляются от крыс, а не от людей?»

— Нет,— сердито ответил Вайд.— Это прозвище. Ну так вот, понимаешь, такая история вышла...

И тут он, ничуть не задумываясь над тем, что неизвестная подземная тварь может оказаться опасной, вывалил Тени всю историю от начала и до конца. Прямо с событий того дня, когда капитан Конан киммерийский подобрал уличного мальчишку, промышлявшего пением песенок да игрой на виоле по портовым кабакам. Ну и, само собой, о всех последовавших приключениях.

Привидение слушало внимательно, правда, постоянно переспрашивало самые аростые вещи, благо о жизни людей не было осведомлено совершенно. Тао интересовало все, а особо — странная и загадочная история с картой и драгоценными камнями, которыми неизвестный наниматель «Вестрела» оплатил услуги королевских корсаров.

Здесь в подземелье время текло не медленно и не быстро, потому-то Вайд не замечал, как долго длился его рассказ. Однако в глубинах сознания продолжала ворочаться жгучая мысль о том, что капитана и его спутников давно съели, а он, Крысенок, прохлаждается тут, почти в безопасности, разводя ненужный треп со стигийским призраком. Он даже пару раз хотел подняться и сходить в зал, где оставил Конана, Метоса и Фелле, да посмотреть — вдруг кто жив.

Но не решился.

Глава восьмая

Лабиринт (продолжение)

Подземные кабаноподобные твари, похоже, никогда в жизни не получали настоящего отпора. Первый из жителей Лабиринта, рискнувший нахально сунуться к людям, спустя мгновение закружился по залу со стрелой, засевшей в глазу по самое оперение, визжа, как поросенок под ножом. Растерянные такими непривычными поступками собрата, две другие твари попятились, недоуменно перехрюкиваясь и пофыркивая.

Кабанчик поменьше попытался поддержать репутацию жуткого существа, но, получив от Конана мечом по передним лапам, и рогами в бок от окривевшего сородича (продолжавшего бессмысленно метаться во все стороны), свалился где-то в углу и затих. Третья зверюга, здраво рассудив, что лучше быть живым трусом, чем героическим трупом, потихоньку смылась с поля боя, юркнув в один из коридоров.

— Какие-то они пуганые, — заметил киммериец, слушая, как стихает в отдалении звук клацающих по каменному полу когтей быстро удаляющегося существа. — Или он побегал всем рассказывать, как их, бедных, обидели. Глядишь, примчится целая свора выяснять, кто тут шастает. Пошли отсюда.

Зверь со стрелой в глазу, пытаясь найти выход из зала, сослепу врезался в стену. Не удержавшись на ногах, плюхнулся обширным задом на пол и замотал уродливой лохматой башкой, уже не визжа, а издавая какие-то непонят-

ные звуки. Затем с трудом поднялся на четвереньки и поковылял к ближайшему темному провалу, жалобно подывая на ходу.

— Пристрелить? — деловито спросила Фелле, поднимая арбалет и прицеливаясь.

— Да ну его, сам помрет, — отозвался Конан. — В какую сторону Крысенок указывал, запомнили?

— Кстати, где он? — Молчун оглядел опустевший зал и негромко позвал: — Вайд!

Разумеется, никакого ответа не последовало.

— Капитан, он куда-то делся... — растерянно сказал Метос, хотя это было и так ясно.

— Ничего с ним не случится, — поморщившись, отмахнулся киммериец. — Перетрусил небось, а теперь спрятался и стучит зубами. Оклемается и вылезет. Заблудиться он не может, где мы — знает, так что сам объявится. Пусть посидит, ему полезно будет.

— А звери? — напомнила Фелле. — Нас они испугались, но нас все-таки трое, а он один.

— С такой мелюзгой даже здешние уроды связываться не станут, — бессердечно заявил Конан. — Сюда, что ли? Факелы у кого?

Крысенок оказался прав, утверждая, что до нужного места осталось недалеко. За входом, над которым висел щит с птицей-змеей или змеей с крыльями, один к одному напминавшей вырезанную на крышке памятной желтой шкатулки, тянулся никуда не сворачивавший коридор. Через равные промежутки — около десятка шагов — влево и вправо от него ответвлялись туннели, уходившие то вверх, то вниз. Отряд, следуя указаниям, свернул во второй проход налево, прошел еще с сотню шагов, потом коридор вильнул вправо и закончился тупиком. Вернее, не тупиком, а створками дверей, облицованных диким камнем и почти сливающихся со стенами. Двери стояли полуоткрытыми, и, похоже, находились в этом положении уже не одну сотню лет.

«Если это не скровищница, то я просто ничего не соображаю... — Конан осторожно приблизился к освещенным светом факела дверям. Молчун и Фелле держались

позади, готовые как напасть на любого, кто покажется, так и быстро отступить назад по приказу капитана.— Открытая дверь вовсе не означает безопасность, там может сидеть зверюшка похлеще тех кабанчиков. Я бы на месте владельца этого подвала обязательно туда засунул кого-нибудь пострашнее. Такого, чтобы жил подольше...»

Створки дверей оказались очень толстыми и тяжелыми, но ничего хоть отдаленно напоминающего замок или скобы для засова на них не имелось. Внутри никто не шевелился, даже когда в щель между створками бросили горящий факел. Обмотанная тряпьем палка, рассыпая искры, покатилась по полу, остановилась, осветив небольшое помещение с низким потолком и темными массивными предметами, стоящими вдоль стен. Отблески огня отразились, точно в каплях воды, во множестве крохотных блестящих предметов, рассыпанных по сокровищнице.

— Пошли,— решительно сказал киммериец, понимая, что стоять в ожидании неизвестно чего просто бессмысленно, да и опасно. Если у хранилища есть какой-либо страж, он давно бы уже напал или как-то дал о себе знать, а в полутьме крохотной комнатки доселе не раздалось ни единого звука. Может, у этого стража железная выдержка и он терпеливо дожидается момента, когда искатели сокровищ войдут? В подобное не очень верится...— Смотреть по сторонам!

Они по очереди переступили порог. Фелле подняла чадивший факел и тихонько ахнула, сообразив, в чем отражался его свет. Дерево, из которого были сделаны огромные сундуки, окованные железными и бронзовыми полосами, от времени частично истлело, и содержимое сундуков в изобилии раскатилось по полу. Разноцветные холодные искорки загадочно мерцали и переливались, вспыхивая при любом движении факела.

— Во времена моей полной лишений и бедствий молодости,— медленно проговорил Конан, старательно пытаясь подражать высокому стилю аквилонских сказителей,— я очень хотел забраться в какое-нибудь похожее местечко и уволочь оттуда все, что смогу унести. Пару раз даже пре-

доставлялась замечательная возможность, но каждый раз что-нибудь мешало... Мешки есть?

— Найдутся.— Молчун присел и начал перетряхивать их общий небогатый скарб, освобождая место для будущей добычи.— Великий Митра, да тут же сплошные алмазы чистейшей воды! Да еще разных оттенков! Розовые, голубые... Но мне вот что пришло в голову — как мы узнаем, какая именно вещь нужна?

— А не все ли равно? — откликнулся северянин, сапогом сбивая проржавевшие замки и выламывая гниющие доски.— Вальдрио мертв, кто его нанял — мы не знаем, так что берем все подряд! Столько камешков сразу я не видел с той поры, как мы с Белит обчистили старый город на Мертвой реке... Пожалуй, там этого добра было даже чуть поменьше.

Фелле пристроила факел в щели между камнями, подошла поближе к сундукам и зачарованно уставилась на сверкающее великолепие. Потом виновато покосилась на своих спутников, протянула руку и нерешительно подняла лежавший поверх груды тускло блестящих монет кованный золотой браслет в виде свернувшейся змеи. Покрутила так и смяк, примерила — украшение было чуть великовато, но расставаться с ним девушке явно не хотелось.

— Однажды я нашел почти такую же змейку, только нефритовую,— как бы невзначай сообщил Конан.

— И что? — настороженно поинтересовалась Фелле, почуяв какой-то подвох.

— Да ничего особенного, но когда я принес показать ее приятелям, она взяла да ожила. И давай кусать всех подряд...

Фелле взвизгнула, сорвала браслет и отбросила подальше от себя. Киммериец и Молчун расхохотались, обиженная девушка сердито процедила:

— Ш-шуточки, понимаешь...

— Ладно, не сердись. Мы так и будем стоять или хотим поскорее выйти наружу? Хватаем то, что поменьше и подороже, да побыстрее. Крысенек всю жизнь локти кусать будет, что не увидел всего этого...— мстительно завершил фразу северянин.

— Говорят, худшее в мире — когда мечты сбываются, — заметил Молчун. — Ему, наоборот, повезло. Фелле, держи лучше мешок, а то у тебя глаза разбегаются. Так и окосеть недолго, будешь как заяц — один глаз влево, другой вправо.

— Почему худшее — когда сбывается то, чего хочешь? — не понял киммериец. — Это же хорошо...

— А потом? — Молчун быстро перебирал содержимое сундука, то и дело бросая очередную вещицу в подставленный Фелле вместительный мешок. — Человек должен к чему-то стремиться, осуществление же любого — любого, прошу заметить! — желания приводит к потере смысла самого существования, и, как следствие...

— Чего? — переспросила Фелле. — Повтори еще разок, я ничего не поняла.

— Молчун, а ты у нас, оказывается, шибко умный, — хмыкнул Конан. — С чего бы это? Раньше все молчал, молчал, а тут вдруг разошелся...

— Три года обучения у почтеннейшего мэтра Алкмидидеса, светила философской мысли великих стран Севера, — безмятежно ответил Метос. — Он мне пророчил большое будущее. К сожалению, философия способствует расширению взглядов на мир, но совсем не помогает увеличению толщины кошелька. Быть наемником, может, не столь почетно, зато выгодно. А молчал затем, чтобы ребята с «Вестрела» не сочли излишне умным, вот как ты, капитан, сейчас. Наше буйное братство умных не любит... Да и не умный я вовсе, а просто книжек много читал, оттуда и набрался всяких словечек. — Метос говорил, будто оправдывался. — Да еще учитель был хороший...

Несколько ошеломленные такими известиями о прошлом Метоса Конан и Фелле озадаченно переглянулись. Молчун, довольный произведенным впечатлением, ухмыльнулся:

— Вот так-то, капитан. Чего только не случается с человеком, верно?.. Это брать?

Он поднял над сундуком тонкую цепочку с покачивающейся серебряной витой раковиной.

— Бери, — рассеянно отозвался киммериец. Молчун — бывший философ? Да, порой жизнь откалывает такие шту-

ки, что нарочно не придумаешь... Ничего себе, набрал команду...

— Меняю всю философию мира вместе с учением Митры на пару хороших фургонов и отряд человек так в полсотни, — заявила Фелле. — Тогда бы мы здесь навели порядок — ничего бы не осталось.

— Всех сокровищ в мире все равно не получить, — разумно заметил Конан, затягивая свой изрядно потяжелевший мешок. — Даже за десятую часть этого мы поставим на уши всю Кордаву, причем не на один день, это я вам обещаю... Только бы теперь добраться до нее.

Фелле набрала полную горсть самоцветов и подбросила их на ладони, любуясь получившимся радужным дождем.

— Кто бы мог подумать, что я доживу до такого! Эх, видел бы дядя... А браслет я заберу, не пропадать же хорошей вещи. Где он?

— Вон там, — Молчун ткнул в сторону полуоткрытой двери. — Ты ж его туда бросила.

— А нечего было пугать...

Свернувшаяся в кольцо змейка поблескивала золотом чешуек, притаившись у дверной створки, и оживать вроде не собиралась. Фелле наклонилась, чтобы подобрать ее, и тут толстые дубовые доски, прошитые для крепости бронзовыми гвоздями, раскололись извилистой трещиной, в глубине которой мелькнули полупрозрачные, но от этого не менее острые клыки. Девушка взвыла, отлетая в глубину сокровищницы и захлебываясь рвущимся наружу воплем.

— Что? — Конан и Молчун мгновению позабыли про заманчивое сияние камней, оборачиваясь на прозвучавший крик. — Что?..

— Т-там... — Фелле трясло, но она сумела указать на дверь, возле которой по-прежнему мирно лежал браслет. — Т-там з-зубы...

— Какие зубы? Тебе что-то померещилось? — попытался успокоить готовую сорваться на истеричные всхлипывания девушку Метос. — Все в порядке, ничего там нет...

— Есть! Есть, они там! — упрямо повторяла Фелле. — Я их видела! Зубы в двери!

— Ну-ка тихо, вы оба! — прикрикнул на опешившего Молчуна и тихонько поскуливавшую Фелле киммериец. Он с самого начала ожидал от этой сокровищницы какой-нибудь пакости, и вот — дождался. Фелле, несомненно, что-то увидела; в конце концов, она не утонченная аристократка, а девушка из семьи наемников, и не стала бы визжать, заметив самую обычную крысу. — Угомонились? Фелле, скажи толком, что там было?

— Большие зубы, — шепотом проговорила Фелле, — внутри двери. Они появились, когда я хотела поднять браслет.

— Значит, зубы?.. — задумчиво повторил Конан. — Похоже, начинаются неприятности. Ладно, выходить-то нам все равно надо...

Он вытащил меч из ножен и медленно приблизился к двери. До нее оставался всего шаг-другой, когда створки беззвучно выгнулись под сильнейшим ударом, сомкнулись, вновь разошлись в стороны, содрогаясь так, будто были сделаны из папирусного листа, а не досок толщиной в палец. Бились в них явно не снаружи, а изнутри, точно какое-то огромное и сильное живое существо было заключено в самих воротах и сейчас прокладывало путь на свободу. Люди невольно попятнулись: они не испугались бы любого живого существа, вставшего на их пути, но взбесившаяся бездушная вещь — это что-то новенькое и потому жуткое...

— Оно вылезает, — очень спокойным тоном, давшим ей с величайшим трудом, сказала Фелле. — Что будем делать?

— Пробиваться, что же еще? — рыкнул в ответ киммериец. — Пошли, пока оно не выбралось...

Ворота наискось пересекла широкая трещина, отсвечивающая по краям синеватым блеском далеких молний, затем еще одна. В провалах что-то шевелилось, цепляясь за края и пытаясь преодолеть границу между живым и неживым миром. С шуршащим звуком надулась и разорвалась в клочья матово-желтая перепонка, открыв ворочающееся буро-красное месиво, пронизанное белыми трепещущими нитями. Бесформенная масса сбилась в плотный ком, начавший быстро приобретать очертания вытянутой головы.

На конце мотающегося туда-сюда и упрямо стремящегося вперед обрубка прорезалась длинная щель, ее верхняя и нижняя половинки, сплошь утыканые загнутыми назад клыками, разошлись, между ними заметался длинный и тонкий, похожий на червя язык. Существо дернулось, целеустремленно выдираясь из стискивающего объятия бывших ворот, на голове — теперь стало ясно, что это именно голова — открылись круглые золотистые глаза с крохотной точкой бездонного зрачка, сразу начавшие лихорадочно вращаться в орбитах.

— Какая мерзость, — чужим бесстрастным голосом высказал свое мнение Молчун. — Конан, как думаешь, можно его зарубить?

— А вот сейчас узнаем, — хищно оскалился северянин. — Держись сбоку, посмотрим, какого цвета у него кровь... Фелле, не стой столбом, держи факел, чтоб тебя!

Подземное создание прекратило мотать зубастой башкой, решив дать себе краткую передышку. Глаза монстра бессмысленно уставились куда-то вверх, и первый удар, обрушенный с двух сторон, заставил его болезненно дернуться. Из образовавшихся глубоких разрубов толчками потекла вязкая, почти черная кровь.

Чудовище клацнуло зубами, попытавшись достать быстрых созданий, мешающих ему, промахнулось, разинуло пасть и издало низкий стонущий звук, после чего с удвоенной яростью принялось прорываться на волю. На краю щели появилась когтистая шестипалая лапа, цепко впившаяся в частично уцелевшие доски. Фелле ткнула в морду зверя искрящим факелом, но особого успеха не достигла — похоже, существо не боялось огня.

Мечи застревали в густой, мгновенно стынущей и слипающейся массе, из которой была создана жуткая тварь, во все стороны летели ошметки мяса и брызги крови, и крохотная пещерка начинала походить на скотобойню в разгар рабочего дня.

Существо глухо ревело, лязгало зубами и даже сумело вытянуть наружу вторую лапу, но это было последнее, чего ему удалось добиться.

Беспорядочно дергающаяся голова вскоре повисла на нескольких чудом не перерубленных белых тугих волокнах, лапы заскребли по бывшим воротам, из щелевидной пасти, пузырясь, вытекала красноватая пена, и, рванувшись в последний раз, зверь затих. Его туловище, голова с выпученными глазами и раскинутые лапы мгновенно подернулись тусклым налетом, какой бывает на подгнивших фруктах, затем на глазах изумленных людей неведомое существо почернело, стремительно уменьшаясь в размерах, и исчезло.

Остались двери, развороченные так, будто в них долго и упорно лупили тараном, темнеющие лужицы крови на полу, приторно-сладкий запах разлагающейся падали и лежащий возле дверного проема золотой браслет.

— Меня сейчас вырвет, — заикаясь, сообщила побелевшая Фелле. — Ч-честное слово...

— Только не на меня, — бесчувственно сказал варвар, отступив на шаг.

Тут одновременно произошли две вещи — погас факел и с гулким грохотом рухнули створки дверей.

* * *

— Значит, тебя создали для того, чтобы попасть в Лабиринт?

— Да, — зеленоватая мерцающая тень на стене кивнула головой. — Я уже забыла, ведь это было так давно...

Крысенок перевел дух. Он сумел, постоянно отвлекаясь для объяснения Тени самых простых и понятных, на взгляд человека, вещей, рассказать ей всю историю, предшествующую появлению четверки людей в подземельях. А затем самоуверенно попробовал расспросить Тень о том, что представляют собой подземелья и что такое она сама, Тао. Обрадованная обитательница пещер вывалила неожиданно собеседнику все, что знала, и у Крысенка немедленно голова пошла кругом. Все же он сумел извлечь из вороха пестрых сведений несколько драгоценных крупиц, могущих принести пользу.

Во-первых, страшных существ со свиными рылами Тень именвала Стражами и утверждала, что они совершенно

безмозглы и беспрекословно подчиняются Хозяевам. Вторых, Хозяева, которых она постаралась описать, но Вайд все равно ничего не понял, не были настоящими хозяевами, а слушались еще кого-то, бывшего настоящим Хозяином Лабиринта. В-третьих, Тень без всяких раздумий узнала карту, запомненную Крысенком, и без колебаний заявила, что этот план сделала она.

После такого заявления Крысенок на какое-то время потерял дар речи, озадаченно почесал в голове и, запинаясь, попросил Тень повторить сказанное. Тао добросовестно повторила, добавив, что теперь припоминает — ее создал какой-то человек, специально для того, чтобы поместить в подземелья. Крысенок сосредоточился, вспомнил, как выглядел Вальдрио, и «показал» его Тени, воспринимавшей, как оказалось, мысленные образы. Тень отрицательно помотала головой — старый зингарец был ей незнаком. Почувявший запах невероятных тайн, Крысенок вцепился в Тень, как клещ в лошадиную шкуру, выспрашивая малейшие подробности и заставляя вспоминать, как она оказалась здесь.

Растерявшаяся от подобного напора Тао сумела составить мысленный портрет, и теперь пришел черед ломать голову Крысенку.

Показанный ею человек напоминал стигийца, и вид у него был таков, что Вайд очень не хотел бы даже случайно оказаться на пути этого человека, не говоря уж о том, чтобы стать его врагом. Тень, поразмыслив, вынуждена была признать, что после того, как она обошла весь Лабиринт и составила карту, ее создатель просто-напросто забыл о ее существовании, бросив на произвол судьбы.

— А зачем ему нужна была карта? — в который раз спросил у самого себя и у притихшей Тени Крысенок. — Раздобыть ту спрятанную вещь? Тогда почему он не пришел за ней? Или пришел?

— Не пришел, — уверенно сказала Тао. — Теперь я понимаю. Люди, которые пробираются сюда, ищут... э-э... волшебные вещи старых хозяев. Лабиринт не пускает к себе тех, кто умеет сам делать похожие, — а только обычных людей.

— Какие еще «старые хозяева»? — взвыл окончательно сбитый с толку Крысенок. — Ты же говорила, что здесь уже есть Хозяева!

— Есть, но те были раньше. Они ушли, оставили тут... как их... золото и вещи. И большую змею.

— Каменная, черная? — сообразил Крысенок. — В короне, с красными глазами?

— Она самая, — подтвердила Тень.

— Это Сет. Ему поклонялись люди-змеи, валузийцы. Когда ты появилась здесь, змеенюх уже не было?

— Не было. Одни Стражи и Хозяева.

— Ничего не понимаю, — обреченно сказал Крысенок. — Ну хорошо, а что такое может храниться в сокровищнице, ты знаешь?

— Ключ, — неуверенно предположила Тень. — Ключ от Лабиринта.

— Какой ключ? Зачем в пещерах какие-то ключи, что ими открывают?

— Ничего.

Крысенок застонал и в очередной раз спросил себя, зачем, зачем он во все это впутался? Сидел бы в Кордаве, никому не мешал, никого не трогал...

— С тобой все в порядке? — заботливо спросила Тао.

— Да! Хорошо, давай объясняй заново, может, я что-то недопонял? Ключ, которым ничего не открывают, так?

— Так, — жалобно сказала Тень, не на шутку испугавшись, что понравившийся ей человек сейчас скажет, будто она тупее Стража, а потом возьмет да уйдет. — Ключ, он не для того, чтобы открывать, а чтобы узнать...

— Что узнать? — перебил Крысенок.

— Кого. Того, кто нужен Лабиринту.

— Зачем? Для чего нужен?

— Не знаю...

В голосе Тени звучало такое неподдельное отчаяние от сознания своей тупости и сожаления о невозможности просто и понятно ответить на вопросы, что Крысенок махнул рукой:

— Не переживай. Если ключ есть, значит, должна быть и какая-то дверь для него. Главное, мы теперь точно знаем,

откуда карта и... Погоди, погоди, а как же вышло, что я ее помню?

— Ты неправильный! — радостно сказала Тао. Наконец-то она хоть одно поняла и знает точно! — Как и я. Я неправильная тень, а ты неправильный человек.

— Это с какой радости я неправильный? — растерялся Крысенок. — Всю жизнь был человек как человек, а тут...

— Конечно, неправильный, — стояла на своем Тень. — Ты слышишь меня, ты помнишь карту, ты можешь ходить по Лабиринту. Приходившие сюда раньше этого не умели, они даже меня не видели, хотя я проходила рядом с ними, представляешь?

— Очень хорошо представляю, — пробурчал Крысенок. В самом деле, ну кто, кроме него, пребывая в здравом уме, решил бы остановиться и поболтать с тенью? Нет, кое в чем Тао, безусловно, права — слишком уж тут много странностей, и чем больше пытаешься понять, что тут к чему, тем глубже увязаешь в загадках и недомолвках. Тень, конечно, рассказала ему все, что знает, и не ее вина, что чего-то он не понял.

Ясно одно: Тень, ее неизвестный создатель (наверняка стигийский маг!), карта, Лабиринт со всеми его Стражами и Хозяевами накрепко связаны между собой. Если бы удалось отыскать хоть кончик той нитки, потянув за которую можно распутать весь этот смотанный в невероятно давние времена клубок...

Когда вымерли валузийцы — две тысячи лет назад, три? Однако здесь, в джунглях, они, спрятавшись от всего мира, могли протянуть еще долго. Судя по словам Тени, она не застала людей-змей в Лабиринте, но покинули они его совсем недавно. Только вот что такое «совсем недавно» для Тао, которой, похоже, все равно — сто лет прошло или тысяча? Было бы намного лучше, если бы эту историю выслушал кто-нибудь умный и сказал, как тут быть... Кстати, что с капитаном и остальными?

Две зеленые и белая точки уверенно двигались прочь от красной стрелки, желтый огонек, забравшийся в самое сердце подземных хитросплетений, не сдвинулся с места. Значит,

они уже побывали в сокровищнице, или что там такое отмечено стрелкой? Интересно, нашли они этот загадочный ключ?

— Тао, а как выглядит ключ?

— Не знаю... Я его могу узнать, если увижу, но на что он похож... Ой, смотри!

На карте творилось что-то странное — возле трех быстро перемещающихся точек образовалось наливающее красным облако.

— Что это? — Не надо быть чрезвычайно умным, чтобы понять — творится неладное. — Что происходит?

— Хозяева натравили Стражей, — объяснила Тень. Ее спокойный зеленый цвет начал меняться на тревожный багровый. — Их там много... Они наверняка убьют твоих людей.

— Что-о? — Крысенок прыгнул с камня, на котором сидел, и заметался по пещерке. — С чего ты взяла?

— Стражи всегда убивают тех, кто им попадется. Они постоянно хотят есть, — растерянно отозвалась Тао. — Хозяева велют им, они и убьют. Так всегда бывает...

— Пошли, — решительно сказал Вайд. У него не было ни малейшего представления, что он собирается делать и что вообще можно предпринять в такой ситуации, но одно он знал совершенно точно — прятаться в углу он больше не станет. — Да пошли же быстрее!

* * *

Вернуться в зал со множеством дверей удалось без всяких помех, но по дороге завязался ожесточенный спор — была ли в действительности тварь, вылезавшая из бывших ворот, или нет? Молчун, неожиданно разговорившийся (видимо, под влиянием еще не схлынувшего азарта стычки), начал доказывать, что никакого зверя и в помине не было, он им всем троим померещился. Двери сокровищницы были изрублены в щепки, никто не спорит, но ведь никакого пролома на них не осталось! А каждый видел, что тварь, выбираясь наружу, ломала доски, значит, следы ее работы должны были непременно сохраниться! Спрашивается, где же они?

Фелле едва не ударилась в крик, повторяя, что тварь была, была, была! С кем же они, в таком случае, дрались?

Ни с кем. Предположим, в хранилище имеется неприметная дыра или щель, в которую в нужный миг пустили дым сожженных листьев того же пурпурного лотоса. Для такой простой работы, как поджечь несколько листочков и направить получившийся дым в отверстие, согдится и местный кабанчик. Они надыхались и, как результат, увидели чудовище, рвущееся из дверей. Поскольку все ожидали от подземелья какой-нибудь гнусной каверзы, то, особо не рассуждая, бросились делать из явившегося монстра отбивную, не сознавая, что на самом деле рубят дверь. Потом дым постепенно рассеялся, все пришли в себя, а побежденная тварь, соответственно, исчезла.

— Капитан, ну разве я не прав?..

— Всем показалось одно и то же? — недоверчиво переспросил Конан. — Я понимаю, если бы мы нанюхались лотоса, то могли бы и Сета вживе увидеть! Но чтобы троим померещилось одинаковое — не бывает такого! А вот что нам головы морочили и заставили поверить, будто ворота превратились в чудовище, — такое вполне могло случиться. Но, по-моему, зверь действительно там был. По живому ведь били, не по дереву.

С предположением, что мысль о лезущем непонятно откуда звере могла быть внушена со стороны, Метос согласился, но тотчас же задал вопрос — какой подлец мог учинить подобную вещь? Не здешние же волосатые хрюшки?.. Кстати, а вдруг искатели сокровищ, сами не зная того, прихватили из хранилища нечто весьма ценное для обитателей пещер? Может, ту самую загадочную вещицу, из-за которой все и началось? Хотя в основном брали алмазы...

— А если она и есть алмаз? — спросила Фелле. — Я столько слышала про магические кристаллы...

— Нам бы колдуна какого завалющего, — в шутку сказал Молчун. — Посмотрел бы на камешки и опытным глазом определил — этот волшебный, а тот можете идти и смело продавать. Но ведь обязательно надует, зараза, не проверить же никак... Капитан, как отличить магический кристалл от обычного?

Киммериец, поразмыслив, ответил:

— Очень просто — загнать все подряд, а потом послушать, какие сплетни поползут по городу...

Конан был уверен, что Вайд, поджав хвост и скуля, как побитая собака, будет ждать их в зале, где они так внезапно разминулись. Но зал пустовал — раненные звери исчезли, даже пятен крови на полу не осталось, Крысенок продолжал где-то шляться. Он не отозвался на крики, хотя на этот раз звали его долго и все вместе, а Метос уже не на шутку встревожился:

— Это же ребенок, в конце концов! Уличный, но ребенок, с ним может случиться что угодно!

— Я точно знаю, что с ним случится, когда он попадет-ся мне на глаза, — мрачно сказал киммериец. — Душу выну, чтоб в следующий раз думал, что делает...

Следовало как-то пробираться к выходу из подземелья. Северянин без труда мог определить нужное направление в любом лесу, не говоря уж о горах и море или, на худой конец, городе. С пещерами дело обстояло гораздо хуже — приметные места в крошечной темноте особенно не разглядишь, а коридор, по которому люди попали в зал, наглухо закупорен.

Был он вот здесь, и вел вроде как с заката. В этой же стене прорублены входы в еще три туннеля, и идут они вроде туда же, куда и ныне запертый. Дорогу, по которой они добрались сюда, было не так уж сложно запомнить, но никто же не предполагал, что проводник исчезнет в самый нужный момент... Убить за такое мало!

Все понимали, что надо бы поскорее убираться из подземного лабиринта, пока на непрощенных гостей и грабителей не свалилась новая клыкастая-зубастая напасть, и все же не торопились уйти из ставшего почти знакомым зала с бледно светящимися ветвистыми кораллами на стенах. Из мешков были извлечены оставшиеся припасы съестного, потом подремали вполглаза, и наконец стало ясно, что дальше тянуть нельзя. Если Крысенок еще жив — пусть теперь старается и догоняет, если мертв — тогда и ждать бесполезно.

Факелов осталось совсем мало, и их старались по возможности не зажигать, благо в приглянувшемся для дальнейшего пути коридоре по стенам пыльным цветом разрослась блекло светившаяся плесень. Туннель, прямой как стрела, шел, никуда не сворачивая и не разветвляясь, пол в нем ощутимо поднимался то вверх, то вниз. Неясные тени трех людей металась по стенам, причудливо изгибаясь на выступках камней. По подсчетам Конана, они прошли уже больше пяти сотен шагов, когда коридор внезапно раздался в стороны, образовав маленькую пещерку. Поначалу показалось, что это тупик, но в стене пещерки тускло светилась узкая щель.

За щелью находилась ровная гладкая стена, отвесно уходящая глубоко вниз, туда, где, переливаясь живым светящимся перламутром, бурлила на перекатах подземная река, и взлетевший над пропастью мост. Узкий, едва ли не в шаг шириной, каменный мост без всякого намека на перила. На другой стороне он упирался в темнеющий проем широкой арки. Река была довольно бурная, но до стоявших наверху людей долетал лишь еле различимый отдаленный плеск волн.

— Если свалишься, то костей уж точно не собрать. — Фелле выглянула из трещины в стене и с опаской посмотрела в заполненный колеблющимся серым туманом провал. — Пойдем туда или обратно вернемся, поищем другую дорогу?

— Пройти-то нетрудно. — Киммериец отодвинул девушку в сторону и прикинул, какое расстояние придется преодолеть над бушующей рекой. — Идем мы пока вроде в нужную сторону, так что чего возвращаться? Главное — вниз не смотреть и топтать, не останавливаясь, но и не торопиться.

Мост чуть подрагивал, ноги предательски скользили по гладко обтесанным камням, влажным от оседающих на них капель тумана и далекой воды. Где-то внизу глухо шумела река, пробираясь между камнями к одной ей известной цели. Мост казался бесконечным, но внезапно он оборвался, разлившись в широкую площадку, выложенную

зелеными и черными плитами. Вырубленная в скалах площадка не имела других выходов, упираясь в зеркально отшлифованную каменную дверь. На черной поверхности причудливым узором были разбросаны крупные неогранные самоцветы дымчатого цвета.

— Ну вот, я же говорила... — заикнулась было Фелле, но, поймав мрачный взгляд Конана, сразу умолкла. Молчун подошел поближе к загадочной плите и озадаченно осмотрел ее сверху донизу:

— Слушайте, но это же дверь, так? Ни замка, ничего...

— Створки с секретом, — предположил не менее озадаченный киммериец. — Может, надо встать на какое-то определенное место, а может, постучать...

Услышавшая его слова девушка немедленно постучала — сначала кулаком, потом, повернувшись к двери спиной, несколько раз изо всех сил пнула блестящую черную плиту каблуком.

— Даже не шевелится, — сердито сказала она. — Только ноги отобьешь. Пошли обратно, в самом деле!

— Погоди, — Метос присел и тщательно осмотрел вставленный в мелкозернистый камень полупрозрачный темно-серый кристалл с неровными гранями. — Зажги лучше факел.

— Зачем? — удивилась Фелле, доставая из своей котомки обмотанную паклей палку и начиная чиркать кресалом. — У нас факелов, между прочим, кот наплакал...

— Свети сюда, — Молчун не обратил на ее ворчание никакого внимания, едва ли не обнюхивая камни с видом напавшей на след гончей. — Пониже, ага, вот! Конан, ты в стигийских буквах разбираешься?

— Совсем спятил? — соболезнующе спросил киммериец. — От их закорючек сам Сет, если что-то понять захочет, загнется... Что ты там углядел?

Молчун отобрал у недоумевающей девушки факел и торжественно поднес его поближе к двери. Внутри темного кристалла замерцала тонкая золотистая нить, скрученная в замысловатый узор. С соседним освещенным камнем случилось похожее, только завитки оказались другими.

— Если это не стигийский алфавит, то пусть меня повесят! — уверенно заявил Молчун. — В Кордаве, возле Морского рынка! Ну, кто прав?

— Ты, — признал Конан. — Но нам-то что с этого?

— Как что? — возмутился бестолковостью капитана Молчун. — Если буквы, значит, они складываются в некое слово, а слово наверняка отпирает дверь...

После этого он погрузился в сосредоточенное молчание, по очереди освещая камни и что-то бормоча себе под нос. Северянин и Фелле помалкивали, терпеливо ожидая, подтвердится или нет догадка Молчуна. Наконец Метос еще раз оглядел все камни и с несколько растерянным видом обернулся к своим спутникам:

— Может, я где ошибся, но получилось вот что — три «А», то ли «Д», то ли «Т», затем точно двойная «Л», «Х», «Б» или «П», и еще «М», а вот что это может значить — ума не приложу... У кого есть догадки?

— «Сет — червяк»... — сооротив серьезную физиономию, предположила Фелле и фыркнула. — А вдруг это ничего не означает, нарочно сделали для таких вот умных, чтобы сидели и до конца жизни думали?

Молчун преувеличенно разочарованно вздохнул и обратился к киммерийцу:

— Если дверь, как и статую, сделали валузийцы, то какое слово они могли использовать, а?

— Откуда я знаю? Наверняка что-нибудь про своего дорогого змея...

— А как еще называют Сета? — не отставал Молчун.

— Повелителем Ночи, Отцом Мрака... Погоди-ка, в Черных Королевствах я слышал другое название... Как это... — Конан поскреб в затылке, припоминая давно слышанное слово. — Точно, Дамбаллах, вот как они его звали!

— Дамбаллах, — по буквам повторил Метос, одновременно с силой надавливая на соответствующие камни. С его последним движением казавшаяся цельной плита беззвучно распалась на две косо срезанные половинки, одна из которых провалилась вниз, а другая ушла в стену.

— Прошу,— хмыкнул Молчун.— Вот вам наглядное подтверждение необходимости образования...

— Ну какой ты у нас умный,— подлизывающимся голоском протянула Фелле и хихикнула.— Просто дальше некуда.

Они осторожно заглянули за дверь — там оказался зал, похожий на недавно оставленный, только в этом преобладали красные и ядовито-желтые тона да торчали неизвестно зачем поставленные многочисленные пузатые колонны с пучками каменных листьев на вершинах. Искатели сокровищ, настороженно оглядываясь по сторонам, переступили через порог и сразу же обернулись — половинки двери с еле слышным шорохом встали на место, а с внутренней стороны на них никаких камней не оказалось.

Когда люди, убедившись, что дверь не открывается, снова повернулись к залу, там произошли некоторые изменения. Такие, что Метос присвистнул и тихонько сказал:

— Капитан, по-моему, настал самый подходящий случай покричать: «Митра, помоги!..»

— А что, думаешь, соизволит? — невесело отозвался Конан, вытягивая меч из ножен.

— Наверное, нет,— помотал головой Молчун.— Но попробовать-то можно...

Зал, только что пустовавший, как карман наемника после хорошей гулянки, теперь заполняли угрюмо молчаливые подземные кабаны. Тварей собралось не меньше двух десятков, злобных, с оскаленными желтоватыми клыками и явно не собиравшихся упускать наконец-то попавшуюся добычу.

Глава девятая

Лабиринт (окончание)

Человек и тень бегут глубоко под землей по извилистому коридору. Не человек и его тень, а человек рядом с тенью, порой вспыхивающей красными сполохами. Тень, отбрасываемая непонятым существом, чуть опережает человека, неясным пятном скользит по мокрым стенам. Человек уверенно движется в полнейшей темноте, мельком спрашивая себя, отчего такое может быть, но тут же забывая о вопросе и полученном ответе. Он очень спешит, и подземный Лабиринт торопливо раскручивает сплетения своих туннелей, послушно ложась под ноги самыми короткими путями.

Тень и человек мчатся через пустующие великолепные залы, мимо заманчиво сияющих золотых статуй, провожающих их взглядами слепых глаз, вспугивают срывающихся со стен летучих мышей, не обращая ни на что внимания. Они проносятся по изящно изогнувшемуся над прозрачно-черной рекой мосту, и мост гудит под торопливыми шагами человека. Высунувшийся в коридор огромный Страж замечает бегущих, пугливо шарахается в сторону, прижимается к стене, пытаясь стать крохотным и незаметным. Тень сворачивает в незаметный проход, человек на бегу хватается за выступающий угол, едва не падает, но успевает повернуть, и они снова бегут рядом — тень по стенам, человек по земле.

— Быстрее! — кричит человек, и тень превращается в полосу тусклого багрового света, размазанную по коридору.

Они взлетают вверх по широким ступеням лестницы, проносятся по узкому туннелю, испуганно мечется гулкое эхо, но человек и тень уже далеко, они минуют стоящие нараспашку створки литых медных дверей, уходящих куда-то под потолок, одновременно сворачивают и замирают на месте.

Они успели.

...Крысенок и Тао стоят на прилепившемся к стене огромного зала балкончике и смотрят вниз. Туда, где два с лишним десятка рогатых зверей с кабаньими рылами, стоящих на задних лапах и покрытых густой шерстью, упорно зажимают в угол троих людей. Ветвистые наросты на стенах и колоннах зала испускают неяркий светло-оранжевый свет, коротко и ослепительно вспыхивающий на стали прямых клинков. На полу бьется, истошно взрывая и пытаясь подняться или хотя бы отползти в сторону, раненое животное с наполовину отрубленной передней лапой. На него никто не обращает внимания, занятые сородичи оббегают его стороной, точно лежащий на дороге камень.

— Смотри, Хозяин, — говорит Тень. — У колонны, почти напротив нас.

У раздутого посредине веретенообразного столба, поддерживающего потолок, неподвижно стоит закутанная в бесформенное темно-лиловое одеяние фигура. Стоит и чуть покачивается, как колеблемая водой водоросль, и, кажется, даже не касается пола ногами. Висящее в воздухе существо не предпринимает никаких видимых действий, просто наблюдает. Впрочем, кажется, иногда оно подает какие-то знаки несомненному вожаку кабаньей стаи — огромной твари, чьи вызывающе торчащие вперед рога украшены связками крохотных косточек, сухо брякающих при каждом движении зверя. После обмена знаками и согласного ответного хрюканья предводителя напор на защищающихся людей усиливается, хотя звери не решаются пересечь границу невидимого круга — каждый раз звонко щелкает арбалет, и раздается болезненный взвизг.

— ...Вон тот, высокий, продержится дольше всех, — тоном опытного завсегдатая уличных боев определила Тень. —

Был бы он один, может, даже прорвался бы. Двоих других быстро скрутят.

— И съедят? — отсутствующим голосом поинтересовался Крысенок. Тень кивнула и виновато, словно извиняясь за дурные привычки Стражей, добавила:

— А может, отпустят и снова ловить будут...

— Ты можешь что-нибудь сделать? — с прорвавшимся наконец отчаянием спросил Вайд. — Ну хотя бы напугать их?

Тао с сожалением покачала головой, ее звонкий голосок стих до почти беззвучного шепота:

— Там Хозяин. Он меня прогонит. А еще он может ослепить меня, и я пропаду... Прости, я не пойду туда, я боюсь.

Крысенок отлично понимал ее — при всем своем хорошим отношении к людям Тень вовсе не торопилась покинуть мир, пусть он для нее состоял лишь из темных подземелий, населенных чудовищами. Конечно, она не обязана ради каких-то незнакомцев лезть туда, где можно погибнуть... Но надо же как-то действовать!

От сознания собственного бессилия хотелось выть, и Крысенок не сразу услышал неуверенные слова Тени:

— Попробуй сам, может, у тебя получится...

— Что получится? — в полный голос заорал Вайд, уже не беспокоясь, что его могут услышать. — Пойти и сказать им: «Кыш, кыш!»? Что?!

— Вели им уйти, — серьезно ответила Тао. — Они разговаривают так же, как я, а Хозяин командует ими. Пусть он прикажет им прекратить охоту.

Крысенок ничего не ответил и в ярости ударил кулаком по мраморным перилам. Тень несла чушь еще большую, чем блаженной памяти матушка Акма. Прикажи этим подземным тварям, хорошо сказано!.. Ой, нет!

Одному из яростно визжащих кабанов удалось проскочить мимо сцепившегося с его собратом Конана, сбить с ног бросившегося навстречу Молчуна и рывком подцепить на желтые блестящие клыки Фелле. Зверюга дернула головой, девушка взмыла в воздух, выпустив арбалет и пытаясь

полоснуть чудовище по глазам выхваченным кинжалом, промахнулась и, пролетев над окружившими людей тварями, упала почти посредине зала.

Ее самострел отлетел в сторону, но вольная охотница из форта Ксоло не вскочила и не бросилась за ним, оставшись лежать неподвижной грудой зеленого тряпья. Метос яростно взвыл, на мгновение перекрыв все звуки в зале, и кинулся к ней, тут же затерявшись между лохматыми тушами.

Державшийся все время позади атакующих не особо крупный кабанчик, заинтересованный падением непонятного предмета, подошел поближе к не подававшей признаков жизни Фелле, тщательно обнюхал, фыркая и пыхтя, а затем попытался зацепить ее своими кривыми когтями за одежду и поднять. Похоже, он счел девушку своей законной добычей, которую следовало поскорее уволочь подальше от остальной стаи, чтобы без помех разобраться, на что ее можно употребить. После нескольких неудачных попыток подземный монстр сумел-таки взвалить обмякшее тело себе на плечо и, оглядываясь, заковылял к ближайшему выходу.

«А вдруг она еще жива? — мелькнула шальная мысль у оцепенело глядящего на это Крысенка. — Нет, нет, ну оставь же ее, ты, скотина, мешок с дерьмом, кому говорю!»

Чудовище остановилось, покрутило рогатой башкой, точно выискивая кого-то, недоуменно хрюкнуло и потопало дальше.

— Стоять! — истерически взвизгнул Крысенок, так что даже Тень испуганно вздрогнула. — Стоять! Положи ее, тварь!

Совершенно растерявшийся зверь обиженно заверещал, разжал лапы, и Фелле соскользнула вниз, мягко шлепнувшись на каменные плиты. Несколько мгновений обитатель подземелий стоял над ней, явно забыв о внезапно потерянной дичи и соображая, что делать дальше, затем огляделся по сторонам и решил принять посильное участие в общей свалке. Что его и сгубило — катающийся по залу рычащий и воющий клубок, в котором невозможно было

понять, где люди, а где животные, подмял неудачливого похитителя под себя и уволок следом.

— Получилось, — недоверчивым шепотом сказала Тао. — Получилось же! Не останавливайся, пугни Хозяина!

Живой сгусток из бешенства и злости распался, оставив на полу корчащихся в агонии неудачников с перебитыми хребтами и вываливающимися из распоротых животов скользкими петлями внутренностей. Кабаны образовали неправильной формы круг, в центре которого медленно и настороженно двигались двое. Косматый зверь с рогами, на которых сухо звякали косточки пальцев побежденных им в предыдущих схватках, с небывалой для неразумного животного сноровкой врастал тяжелый железный шар на короткой цепи, сплошь утыканный, точно еж иглами, острыми шипами.

Темноволосый рослый человек, вооруженный длинным широким мечом, перемещался с грацией хищного зверя, отбивая пробные выпады своего противника и легко ускользая от свистящего над его головой стального шара. Несколько раз промахнувшись, подземное создание утробно зарычало и, неожиданно прыгнув вперед, попыталось всей тяжестью своей туши сбить человека с ног. Тот увернулся, пропуская чудовище мимо себя, и с размаху погрузил клинок глубоко в бок взывшей от боли твари.

Увлекаемое собственным весом чудовище пролетело еще несколько шагов, свалив не успевшего убраться с дороги собрата, вскочило, не обращая внимания на сочащуюся кровью рану, замахнулось своим оружием, пытаясь запутать меч человека в звеньях цепи...

Это было жутковатое и красивое зрелище — Крысенок даже дыхание затаил, забыв, чем может закончиться сражение. Тень, повидавшая уже с несколько десятков боев между обитателями Лабиринта и приходившими сверху искателями сокровищ, окликнула его:

— Все равно человек не победит.

— Это почему? — возмутился Крысенок. — Сейчас капитан разделает эту зверюгу вдоль и поперек!

— Нет, — покачала головой Тао. — Хозяин смотрит, он не даст Стражу проиграть.

Хозяин — раскачивающийся темно-лиловый силуэт — наблюдал за сражением, чуть склонив голову набок. Крысенек слышал про гладиаторские бои, и Хозяин показался ему пресыщенным зрителем на подобном представлении, вернее, не зрителем, а устройтелем, заранее знающим, кто должен победить, а кого подцепят крючьями и уволочут с песчаной арены...

Вспомнилось и другое. Солнечный день, блики, пляшущие на волнах, покачивание корабля, и голос Сигурда с его неистребимым акцентом. О чем он тогда рассказывал внимательному слушателю по прозвищу Крысенек? А, об одержимых воинах с Севера, умевших на время битвы впасть в состояние дикого зверя, медведя там или волка, когда становилось неважно, сколько перед тобой противников — один или сотня. Крысенек отчетливо услышал собственный полный любопытства голос:

— А с тобой такое случалось?

— Однажды,— неохотно ответил Сигурд, скривившись так, будто эти воспоминания были ему неприятны.— Потом день валялся, мерзко было, точно полную бочку прокисшего пива вылакал. Когда безумие находит, ничего не помнишь, что делал. Как волна нахлынет, побарахтаешься немного и тонешь в ней...

Сейчас такая темная яростная волна поднималась из глубины Вайдовой души и сметала все, попадающее на пути. Значит, все уже расставлено по местам и рассчитано? А вот и не выйдет по-вашему, господа подземные Хозяева, кто бы вы там ни были...

Лиловая фигура шевельнулась, точно почувствовав неладное и потеряв без того вялый интерес к происходящей схватке. Хозяин повернулся, ища источник раздражения, и Крысенек увидел под складками калюшона выбеленный временем череп, черные провалы глазниц и мерцающие в них огоньки. Манящие и обманчивые огоньки, что кружат над бездонными болотными трясинами.

— Ненавижу,— процедил Крысенек, смотря сверху вниз на сдвинувшегося с места и поплывшего над полом Хозяина.— Сдохни!

Витки цепи захлестнули прямой меч возле самой рукояти, человек и зверь покатались по полу, рыча, как бешеные псы, человек оказался сверху, вцепился в покрытые буграми и наростами рога животного, рванул на себя, преодолевая сопротивление...

Голова косматого чудовища дернулась, запрокидываясь, подземная тварь захрипела, и в наступившей тишине раздался короткий отвратительный хруст, точно с размаху переломили о колено подгнившую ветку.

Человек выпрямился, поднял с пола меч, страхнув обившую его цепь и не видя приближающегося к нему сзади Хозяина. Круг стай, опешившей от зрелища гибели считавшегося доселе непобедимым вожака, разомкнулся, и, заметив парящего Хозяина, кабаны начали пятиться. Почувывший неладное человек обернулся, перехватывая клинок поудобнее.

— Прочь! — Подхваченный черной мутной водой, Крысенек наклонился с балкона, уже не понимая, кричит он вслух или приказывает мысленно.— Все вон отсюда! Убью!

Огромная волна тяжело поднялась, изгибая клокочущий пеной гребень, мягко накрыла Вайда с головой и потащила за собой, в темную неподвижную глубину.

* * *

Крысенку еще ни разу в жизни не доводилось терять сознание, и, очнувшись, он с удивлением обнаружил, что сидит, привалившись к толстой колонке перил, а в ноющей голове звучит назойливый голосок Тени:

— Проснись! Проснись!

— Да не сплю я...— пробормотал Крысенек, и Тао, облегченно вздохнув, замолчала.

Повернув голову (с трудом, потому что при каждом движении где-то внутри нее начинали перекатываться грохочущие валуны), Вайд посмотрел вниз. Поле боя осталось за людьми — зал совершенно пуст, если не считать трупов мертвых кабанов и валяющейся у колонны скомканной лиловой тряпки. Ага, вон и Молчун объявился, изрядно потрепанный, но вполне живой, сидит на корточках возле

Фелле. Шевелится она, или кажется? Нет, действительно шевелится, Метос помогает ей сестра, она трясет головой и, похоже, спрашивает, что произошло. А где капитан? Надо бы откуда спуститься...

Сначала получилось встать только на четвереньки, потом, цепляясь за стену и перила, подняться на ноги.

— Ты уходишь? — тоскливо спросила Тень, став почти неразличимой в оранжевом свете. — Совсем?

— А ты разве не со мной? — удивился Крысенок. — Сама же говорила, что хочешь наверх... Вот и пойдем.

Тень помялась, нерешительно переступая с ноги на ногу, и наконец выдавила:

— Страшно...

— Да не бойся ты! — Вайд протянул руку и погладил шершавый прохладный камень там, где качалась вытянутая головка Тао. — Никто тебя не обидит... Слушай, а что случилось с этим... Хозяином?

— Ты его убил, — кратко ответила Тень. — Стражи увидели, испугались и убежали сами.

Крысенок поперхнулся и подумал, что если он скажет об этом даже Молчуну, тот не поверит ни единому слову или в лучшем случае посмотрит эдак снисходительно и заговорит о чем-нибудь другом. А капитан просто от души посмеется. Так что лучше помолчать, верно, Тао? С чудовищами должны разбираться те, кому это на роду написано, а не сопляки, только и умеющие, что срезать кошельки у подгулявших бездельников...

Когда Вайд отыскал коридор, ведущий с балкона в зал, и вошел, заранее приготовившись к самому худшему, маленький отряд сидел, подпирая стену, и, судя по всему, решил, что делать дальше.

— Явился, — хмыкнул Конан, услышав неуверенные шаги. — Ну, и где тебя носило?

— Бить будешь? — спросил Крысенок, чувствуя, что против воли начинает улыбаться, как деревенский дурачок — от уха до уха, и ничего не может с собой поделать. — Я вас искал... А нашел кое-кого другого. Вот ее.

Тень осторожно высунулась из-за спины Крысенка, пошевелив ушками, и снова спряталась.

— Это что? — недоуменно спросил Молчун. — Ты где был, Вайд? Мы уж подумали, что тебя схарчили... Нет, в самом деле, оно движется. Что ты такое притащил?

— Это Тень, — сердито сказал Крысенок, обидевшись, что Тао называют «оно». — Она живая, и...

— Тень? — ледяным тоном переспросил киммериец, и Крысенок замолчал на полуслове, пожалев, что позади него сплошные каменные стены, в которых нет ни малейшей щелочки, куда можно спрятаться. — Крысенок, скажи честно, ты стукнулся головой? Я даже согласен поверить в то, что тебя поймали здешние свиньи и долго били, но только не говори мне, что ты подобрал живую тень.

— Но она действительно живая, — растерянно сказал Вайд. — Ее зовут Тао, и она хочет выбраться отсюда. — Он подумал и с вызовом добавил: — И она моя!

— Сгинь, — отрезал Конан. — И постарайся не попадаться мне на глаза. Вместе со своей тенью!

— Да пожалуйста, — протянул Крысенок, бочком отодвигаясь подальше от разозлившегося капитана и присаживаясь рядышком с Молчуном и Фелле: — У нас пожевать ничего не осталось?

— Сначала он где-то шляется, потом его еще и корми... — вполголоса проворчал киммериец, но Метос, похоже, убеждений капитана не разделял и начал рыться в мешке. Фелле, пришедшая в себя после падения, с искренним любопытством посмотрела на мерцавшую в отдалении Тень и шепотом спросила:

— Она правда живая?

— Абсолютно, — кивнул Крысенок. — Она даже разговаривать умеет.

— Пусть что-нибудь скажет, — попросила Фелле. — Как это она говорит, если она тень? Интересно, чья? По-моему, на зверя похожа — четыре ноги и голова. Может, ее кто-нибудь потерял?

— Она говорит, только вы ее не слышите, — объяснил Крысенок, понимая, что выглядит со стороны полным иди-

отом. Впрочем, он уже совершил все мыслимые и немыслимые глупости, так что еще от одной ничего не изменится. — Ее не потеряли, ее сделали.

— Как сделали? — Теперь заинтересовался и Молчун. — Теней теперь специально делают?

— Не знаю. Как демонов создают? Или их не создают, они где-то живут, а их вызывают оттуда? Принесли кровавую жертву в полнолуние — может, то самое животное, чьей тенью она была, прочитали заклинание — вот она и появилась.

— А кто — она не знает? — Фелле поднялась на ноги и подошла поближе к замершей на месте Тени. — И для чего ее сделали?

— Знает, — Крысенок вспомнил, что Тао показывала ему облик своего создателя. В голове у него заскрежетали огромные неповоротливые жернова, медленно сдвинутые с места появившейся смутной догадкой, и Вайд нерешительно окликнул:

— Капитан!

— Чего тебе?

— Никогда не доводилось встречать такого типа — стигиец, ростом где-то с тебя, желтый, как перезрелая дыня, нос крючком и с бородавкой, глаза черные и на морде написано: «Все люди в мире — мелкие ничтожества»? Скорее всего, маг, да не из слабых...

По мере того как Крысенок говорил, по лицу северянина медленно расплывалось выражение неподдельного изумления, постепенно сменяющееся на такую же неподдельную ярость:

— Ты его видел здесь?

— Нет. Тао сказала, что так выглядел человек, сотворивший ее. А кто это?

— Тот-Амон, Сетово отродье! — рявкнул в ответ Конан и добавил что-то непонятное, но явно характеризовавшее известного мага не с лучшей стороны. Крысенок поперхнулся недожеванным сухарем, а Метос озадаченно спросил:

— Слушайте, а вы оба уверены в том, что говорите? Откуда тут взяться Тот-Амону?

— Тао описывала в точности такого человека, — растерянно повторил Крысенок. — Он сделал ее, чтобы получить карту Лабиринта... Тот план, что был у нас, принадлежит Тени, она его нарисовала.

— Но как карта могла попасть в Кордаву, к Вальдерио? — задал вполне резонный вопрос Молчун. — И в таком случае вещи, за которой мы пришли, наверняка давно уже здесь нет.

— Есть, — сказала молчавшая до того Тень, и Крысенок вздрогнул от прозвучавшего у него в ушах пронзительного голоса. — Часть Ключа лежит вон в том мешке.

— А вот и нет, штука у нас, правда частично, — с гордостью сообщил Крысенок. — Кусок от нее. Чей это мешок?

— Мой, — рыкнул киммериец. — И это тебе твой демон наболтал? Мало мне было одного трепла, так теперь вас двое на мою душу? Ну-ка рассказывайте, что вы тут вынюхали, при чем тут стигийская гадина и где вторая половина этой штуки?

— Ее забрали люди, — сказала Тень, а Вайд добросовестно повторил.

— Какие люди? — теперь вопрос принадлежал дружному хору из четырех человек, потому что Крысенок тоже присоединился, совершенно не понимая, каких еще людей имеет в виду Тень.

— Те, что приходили до этих, — несколько туманно ответила Тао, и тут Крысенок не выдержал:

— Да погодите, не могу же я говорить одновременно и с вами, и с ней! Я сейчас с ума сойду!.. Тао, расскажи мне, только медленно и понятно, какие еще люди ходят в Лабиринте!

— Много людей, — растерянно сказала Тень. — Я думала, ты знаешь. Они пришли в... ну, где хранятся цветные камни и старые вещи, забрали половину Ключа и хотели уйти, а Старший Хозяин напустил на них Сторожа, и тот утащил нескольких из них к себе. Остальные убежали, спрятались от Стражей в Белой пещере и пытаются выбраться в Верхний Мир.

— Голову на отсечение даю, Боргеса и его дружки. И как только успели нас опередить? — уже спокойнее сказал Конан. — А в сокровищнице, значит, живет какая-то тварь? — Этот камешек был уже брошен в огород Молчуна.

— Человеку свойственно ошибаться, — невозмутимо ответил бывший ученик почтенного немедийского философа. — Я же не говорил, будто там совсем ничего нет... А почему молодчики графа, если это были именно они, не взяли всю вещь — как ты ее назвал, ключ?

— Наверное, тоже не знали, на что она похожа, — предположил Вайд. — Схватили первое попавшееся под руку и сбежали. А что там за зверь сидел?

— Хватит болтать! — Резкий окрик киммерийца лишил наострившего уши Крысенка возможности выслушать новую историю. — Хорошо, если этот демон... то есть тень, принадлежит Тот-Амону, то почему она околачивается здесь?

— Потому что больше ему не нужна, — послушно ответил Крысенок. — Он ее тут бросил, а сама она не может выбраться наверх.

— Очень похоже на мерзавца, — проворчал варвар. — Подумать только: бросить маленького беззащитного призрака на произвол судьбы. Скотина какая. Значит, сам Тот-Амон сюда не совался?

— Лабиринт не впускает внутрь никого, кроме обычных людей, если я правильно понял. — Крысенок припомнил слова Тени о том, что маги не могут войти в подземелья. — Если он побывал здесь, Тао знала бы об этом. Может, колдун и присылал своих людей, но собственной шкурой рисковать точно не стал.

— Знаете, что в этой заварушке самое забавное? — внезапно вмешалась в разговор молчаливо слушавшая Фелле. — Если вдруг выяснится, что нанял вас Тот-Амон. И капитан Конан-киммериец на него горбатился, словно ишак на занюханной шемитской ферме.

Варвар аж поперхнулся.

— Точно, смеху будет на все Южное побережье, — мрачно подтвердил он. — Ну уж нет! Однажды стигийский ублюдок меня уже обвел вокруг пальца, второго раза не будет!

* * *

Теперь отряд двигался куда быстрее. Шедший впереди Крысенок уверенно вел своих спутников к главному входу в подземелья. На кратком совете решили не возвращаться прежним путем, а попробовать подстеречь Боргесу и его людей. Те наверняка двинутся обратно той же дорогой, которой пришли. Даже имея карту на руках, вряд ли они рискнут выбираться из подземелий через какой-то иной выход, а уж тем более — с преследующими их по пятам Стражами. Тут живыми бы добраться, а не пещеры обшаривать...

Шли быстрым шагом в сгущающейся полутьме — факел был последним и догорал на глазах, плюясь искрами и исходя дымом. Какой-то свет давала бежавшая чуть впереди всех Тень, твердо решившая не покидать людей и расстаться с Лабиринтом.

Крысенок успел выпросить все подробности событий, происшедших с отрядом в его отсутствие, и теперь пытался угадать, что из прихваченных вещей может оказаться половинкой ключа. Выходило, что искомый предмет должен быть небольшим, но весьма ценным. Также вряд ли он выглядит как сломанный — тогда бы его просто не взяли...

За подобными размышлениями Вайд совершенно не обратил внимания на несообразности, творившиеся с ним самим. Ему не требовалось больше заглядывать в карту и вызывать белую направляющую нить, он и без того знал, куда и где надо свернуть. Он не оглядывался, как все, по сторонам, ожидая нападения, — был твердо уверен, что никто даже и подумать не смеет, чтобы встать у них на дороге. Неведомый Хозяин Лабиринта отпускал их, признавая победу пришельцев или просто потеряв интерес, благо у него оставались другие игрушки.

Места, через которые проходил маленький отряд, не отличались примечательностью и разнообразием. Похоже, все некогда обитаемые помещения располагались внизу, а здесь природа и прежние владельцы подземелья создали нечто наподобие пояса защитных укреплений. Соединив множество маленьких пещерок, они добились того, чтобы

любой попавший в них заблудился через три шага, а на четвертом либо свалился в узкую расщелину, либо забрел в очередной тупик.

В отличие от нижних ярусов, здесь обитала тьма-тьмущая летучих мышей и постоянно доносился пронзительный тоненький писк — крыс тут тоже расплодилось невероятное количество. Жирные длиннохвостые твари шныряли прямо под ногами, ничуть не боясь людей и гаснущего тусклого огня, или усаживались на задние лапы и провожали проходивших мимо гостей сверху взглядами крохотных черных глазок.

Всем почему-то показалось, что они углубились в Лабиринт не так уж и далеко, а возвращаться пришлось исключительно долго — прошли не меньше полулиги. Впрочем, под землей расстояния кажутся в два раза больше истинных. Очередной извилистый туннель вывел Конана со товарищи на узкую тропку, тянувшуюся по карнизу над рекой. Быстрая глубокая речка за долгие годы прогрызла себе ложе в толще скалы, и получился овраг шириной шагов в десять, с отвесными неровными стенами. Тропинка в полшага, загроможденная кое-где скатившимися сверху валунами, жалась вплотную к стенам, сужаясь порой до ширины ладони. По ней прошли совсем немного, когда вырвавшаяся вперед Тень вернулась с известием: «Впереди мост... и человек!»

За время, проведенное в пещерах, все настолько привыкли к неожиданно сваливающимся на головы различным чудовищам, что появление обыкновенного человека было воспринято с некоторым удивлением и настороженностью. Почти прогоревший факел на всякий случай выбросили в реку, и дальше шли, прячась за камнями и стараясь не привлекать внимания. Искатели сокровищ обычно не любят собратьев по ремеслу...

Мост, переброшенный через овраг, оказался вполне привычным — прочно обвязанные канатом толстые бамбуковые стволы. А на другом берегу, рядом с воткнутым между камнями факелом, действительно сидел человек с самострелом на коленях и пристально озираал окрестности,

иногда вставая и прогуливаясь вдоль берега. Похоже, одинокому часовому было несколько не по себе, иначе с чего бы он постоянно озирался, пытаясь смотреть одновременно и вперед, и себе за спину?

За караульным возвышались ворота. Две огромные, разошедшиеся от времени створки, запертые на такой же большой проржавевший засов. Сквозь множество щелей в досках пробивались косые солнечные лучи — там, наверху, был день.

— Он что, ждет нашего благополучного возвращения? — пробормотал Конан. — Фелле, можешь его снять, только без шума?

— Как нечего делать, — презрительно ответила девушка, пристраивая арбалет между валунами. Прищурилась, тщательно прицелилась — лицо ее в этот миг приняло хищное выражение — и плавным движением спустила тетиву.

Болт сорвался с ложа, с тихим жужжанием пронесся над рекой, человек на том берегу крутанулся, нелепо взмахнул руками и, оступившись, сорвался с крутого берега. Вода в месте его падения мгновенно забурлила, заметались какие-то длинные и сильные чешуйчатые тела, в клочья раздирая нежданно свалившуюся с неба добычу. Одна из водяных тварей высунула над поверхностью реки узкую плоскую морду, отчетливо щелкнув зубастыми челюстями, и скрылась в клочьях поднятой пены. Вниз по течению поплыло медленно расширяющееся алое пятно.

— У тебя стрел еще много осталось? — на бегу осведомился киммериец, пока они торопливо перебирались через лихо раскачивающийся мост.

— Как зубов у той зверюшки, что внизу бултыхается, — сердито ответила Фелле. — Десятка два, а потом придется отплевываться...

Солнечный свет, пусть даже и падающий тончайшими лучиками, после непроглядной тьмы Лабиринта показался просто ослепляющим. С цельного железного бруса, выполнявшего роль засова, слоями сыпалась ржавчина, но общими усилиями его вытащили из скоб и отшвырнули в

сторону. Конан и Метос навалились на одну из створок, та душераздирающе закричала, чуть отошла, застряла, снова сдвинулась с места и медленно приоткрылась. В образовавшуюся щель хлынул ощутимо горячий поток света, пахло влажной прелой листвой и духотой джунглей.

— Тао! — Свет был настолько ярким, что Крысенок не на шутку испугался — а вдруг Тень исчезнет? — Тао, ты где?

— Здесь, — ответил необычно притихший голосок. Заметно поблекшая Тень как замороженная передвигалась по выщербленным каменным плитам навстречу золотистым полосам. Вот она вошла в одну из них, блеск ее зеленоватых огоньков погас, зато Тень стремительно начала чернеть внутри. Теперь она стала похожа на настоящую тень, отражаемую невидимым животным.

А затем Тень оторвалась от пола. Точно кто-то вырезал из непроглядно-черного твердого бархата контур сказочного зверя и поставил его стоймя. Плоская фигурка покачалась влево-вправо, дернула головой и глубоко вздохнула. Ее тут же раздуло, как вытасченную со дна моря глубоководную рыбу, с той разницей, что она не лопнула, а стала живым существом. Странноватого вида зверем, похожим на причудливую помесь газели и пантеры, со своей собственной тенью, лежащей у когтистых лап.

— Ой, какая хорошенькая! — вырвалось у Фелле. — Разве это демон?

Новоявленное животное с атласно переливающейся черной шкуркой, короткой гривой и пушистым хвостом неуверенно сделало шаг, другой, втянуло воздух трепещущими розовыми ноздрями. Большие газели ушки нервно дергались, глаза цвета светлого янтаря косились по сторонам, пытаясь увидеть сразу все, что было вокруг.

Размером зверь был с крупную собаку, двигался по кошачьи мягко и беззвучно, осторожно ставя широкие лапы. На маленькой аккуратной головке поблескивал единственный слегка изогнутый вперед белый рог, отливавший перламутром и выглядевший довольно грозно.

— Ничего себе зверюшка, — озадаченно сказал Конан. — Кстати, Крысенок, с чего ты взял, будто это «она»? Это «он», сам посмотри!

Демон или не демон, но бывшая Тень явно принадлежала к мужскому, а отнюдь не женскому полу.

— Так она про себя говорила как про женщину... — растерянно ответил Крысенок. — Я и подумал...

— Он думал! — с нескрываемым сарказмом перебил киммериец. — Интересно, чем?

— Думают головой, — вмешался незнакомый людям, но отлично известный Вайду пронзительный голосок, напоминавший детский или высокий женский. — Я тоже не знала, кто я... Не знал.

— Оно еще и разговаривает! — хмыкнул Метос. — Теперь Вайду будет с кем поболтать...

— Ага! — радостно подтвердил Тао. — Я очень люблю говорить, только меня раньше не слышали...

Крысенок поймал устремленный на них с Тао яростный взгляд капитана и понял, что если он сам или бывшая Тень скажут сейчас еще хоть слово, то их жизням будет угрожать серьезная опасность.

— Тао, помолчи пока, ладно? — быстрым шепотом взмолился Крысенок. — Мы потом поговорим, обещаю!

Тао послушно примолк, но на его подвижной мордочке появилось выражение глубочайшего разочарования.

Четыре человека, выглядевших так, будто они только что вырвались из особо тяжелого заключения в подземной стигийской тюрьме, а по дороге проползли не меньше лиги по самым грязным лужам, и с ними маленький черный демон стояли на обширной площадке, очищенной от всякой растительности и вымощенной искрошившимся булыжником. За их спинами устремлялись к бледно-синему полуденному небу изрезанные временем и погодой желто-серые скалы, сложенные из пористого песчаника.

В скальную стену были вделаны совершенно неуместные в здешних диких и заброшенных краях ворота, высотой в три-четыре человеческих роста, украшенные множеством литых бронзовых плиток с изображениями причудливых

животных и растений. Большая часть плиток давно отвалилась или была отбита, фигурки на них покрылись густым зеленым налетом, так что порой было совершенно невозможно понять, что они первоначально изображали. Из-за полуоткрытой дверной створки тянуло холодом и сыростью.

— Здесь подождем? — спросил Молчун. — Караульного наверняка оставил Боргеса, значит, сам скоро объявится.

— Больше никогда в жизни не полезу ни в какие пещеры! — горячо сказала Фелле. — Мерзко, противно, холодно, и гады всякие...

Она не договорила — из раскачивающихся под ветром зарослей вылетела длинная, крашенная в зеленый цвет стрела и с глухим цокающим звуком глубоко вонзилась в ворота. Неизвестный стрелок промахнулся всего на каких-то полпальца, и Фелле не лишилась глаза по чистой случайности — она повернула голову, обращаясь к Метосу. За первой стрелой звонко свистнула вторая, направленная в киммерийца.

— Назад! — рявкнул Конан. — Прячемся!

Искатели сокровищ еле успели протиснуться обратно в щель между створками, как стрелы застучали по воротам, точно крупные частые градины по черепичной крыше. С визгом и скрежетом стал на свое место засов, и почти сразу же в двери ударили чем-то тяжелым. Древние створки содрогнулись, но выдержали. Снаружи разноголосо и негодующе завизжали.

— Что случилось? — шепотом поинтересовался у Крысенка ровным счетом ничего не понимающий и испуганный Тао.

— Дикари, — отозвался вместо Вайда Молчун. Северянин заглянул в трещину между досками и замысловато выругался.

— Много их там? — спокойно спросила Фелле.

— Порядочно. Вполне хватит, чтобы перебить всех нас.

— Смотрите, люди. — Крысенок бросил случайный взгляд на другую сторону ущелья — там перемещалась цепочка факелов, не меньше полутора десятков трепещущих огонь-

ков. Доносились тревожные голоса, кто-то громко и настойчиво требовал, чтобы остальные пошевеливались.

— Боргеса, — уверенно заявил Конан. Он оглядел маленькую площадку перед воротами, точно прикидывал, хватит ли места для того, чтобы развернуть небольшое сражение, и тут варвару пришла в голову шальная мысль.

— Молчун, Крысенок! Быстро сюда!

Идею, осенившую их капитана, понять было несложно. Висячий мост, переброшенный через реку, крепился с обеих сторон на паре толстых канатов, обмотанных вокруг установленных в незапамятные времена и почерневших от времени столбов. Достаточно было перерубить опоры, и мост неминуемо рухнет, а без него реку не перейти, разве что попробовать обшарить все берега в поисках брода.

— Рубить? — осведомился Метос, вытаскивая меч и примериваясь, как поудобнее расправиться со сплетенным из нескольких прядей канатом.

— Еще чего! Разматывать!

Крысенок почесал в затылке, безуспешно попытавшись догадаться, зачем надо отматывать канаты от столбов, вместо того чтобы без особых затей перерубить их и не дать команде «Блудливой красотки» подойти к воротам. Однако приказы капитана исполняются, а не обсуждаются, поэтому Вайд вцепился в толстый, пропитанный какой-то смолой канат, отдирая его от шершавой поверхности столба.

Когда Боргеса и его люди подошли к переправе, все было готово — дальний конец моста свисал почти до самой воды, а противоположный берег пустовал. Сквозь плеск бегущей воды отчетливо доносились голоса вопивших за воротами дарфарцев.

Глава десятая

Дарфар

Кто из них Боргеса? — Фелле, зло прищурившись, перемещала заряженный арбалет с одной мечущейся на противоположном берегу фигуры на другую. Добравшийся до реки отряд графа пребывал в явной растерянности. Они уже накричались до хрипоты, напрасно окликаая сгнувшегося караульного, потом сделали попытку перейти реку вброд, тут же близко познакомившись с подводными обитателями, и сейчас, столпившись на самом краю обрыва, старались разглядеть, что же случилось с мостом. — Какой он?

Граненый вытянутый наконечник болта менял цели, плавно перемещаясь то влево, то вправо. Фелле не забыла о том, что привело ее в пещеры, и не собиралась прощать убийство своего единственного оставшегося родственника. Ей нужна была жизнь зингарского аристократа, а все остальное сейчас не имело никакого значения.

— Погоди, — Конан, внимательно смотревший на другой берег, положил ладонь на темное ложе самострела, мешая девушке целиться. — Что ты собираешься делать?

— Как что? — яростным шепотом взвизгнула Фелле. — Ты обещал, киммериец! Я привела вас к пещерам только потому...

— Я знаю, почему, — не дал ей договорить северянин. — Послушай, Боргеса сам вынес себе приговор, еще в Кордаве, когда встал на моем пути. Он никуда от тебя не денется, но сначала пусть ответит мне на пару-тройку вопросов.

Потом можешь делать с ним все, что угодно. Хоть на медленном огне поджаривай.

— Нет! — Девушка зашипела разъяренной коброй. — Я должна его убить! Сейчас, а не потом!

— Да погоди ты! Я же не защищаю его, мне всего-то нужно кое-что узнать!

— Нет! — Фелле безуспешно попыталась выдернуть свое оружие, а прятавшийся неподалеку Крысенок сердито спросил:

— Вы можете орать потише? Они нас услышат.

— Фелле, угомонись, а то отберу игрушку, — пригрозил Конан. — Послушай, что я скажу. Боргеса все равно покойник. Но у него половина проклятой штуковины, из-за которой погибли мои люди, и он пытался меня подставить. Я хочу, чтобы Боргеса знал, за что будет убит, хотя это не слишком важно... Прежде чем отправиться к Нергалу, он выложит мне, во что ухитрился нас втянуть и кто стоит за его спиной. Погоди! — Киммериец резко выдернул у зарывавшей Фелле ее арбалет. — Вот так будет спокойнее. Не злись, отдам. Посмотри лучше вон туда и скажи, что видишь.

— Ворота, — с еле сдерживаемой яростью отозвалась Фелле.

— Там дарфарцы. Мы вчетвером при всем желании не сможем их перебить. Отсиживаться здесь — через пару дней сдохнем с голода, а дикари не двинутся с места. И, кстати, сдается мне, что кое-кто вовсе не собирается возвращаться в форт, а нацелился прогуляться к побережью...

— Не твое дело, куда я пойду, — угрюмо огрызнулась девушка, предательски вспыхнув. — Ну хорошо, я поняла. Хочешь предложить им сделку? Поднять мост, если они отдадут часть от вашей штуковины и помогут пробиться к реке? Ты не забыл, у них еще должен оставаться наш баркас... А что потом? И если они не согласятся?

— Еще как согласятся! — ухмыльнулся Конан. — Видишь, вон там, вниз по течению? Кто, по-твоему, так торопится сюда?

— Хрюшки идут! — вполголоса сообщил Молчун. — Десятка два, если не больше. И с ними еще какая-то тварь...

— Это Зубатка,— определил Тао, подняв голову и всмотревшись в полумрак над рекой.— Очень глупая и кусачая.

Бывшая Тень осторожно толкнула Крысенка в бок рогом и еле слышно сказала:

— У людей на том берегу половина Ключа. Вы хотите ее отнять?

— Хотим,— подтвердил Вайд.— Послушай, как ты думаешь, получится у меня еще разок пугнуть этих ваших Стражей, если понадобится?

— Конечно,— не раздумывая, ответил Тао.— Можно даже велеть им напасть на других людей.

Крысенок прикинул, не предложить ли такую идею капитану, и с сожалением отказался — не поверят. Даже если представить дело так, что Стражами якобы будет командовать Тао. Да и кто знает, вдруг в неминусовой суматохе уронят Ключ в реку, а оттуда его уже никому не достать...

На другом берегу тоже заметили приближающихся обитателей подземелья. Кто-то, потеряв голову от страха, прыгнул в реку, надеясь переплыть. Добрался он только до середины, рядом с ним вскипел беззвучный водоворот, и человек мгновенно, без всплеска, исчез.

— Вот теперь самое время побеседовать,— сказал киммериец, с нескрываемым удовольствием наблюдая за возникшей на другом берегу паникой.— Фелле, держи их под прицелом, но не увлекайся... Эй вы, отродья!

Он поднялся в полный рост, широко расставив ноги и ткнув кулаки в бока. На противоположной стороне реки растерянно замолчали, и, расталкивая всех, на обрывистый берег вышел высокий человек. Издалека можно было разглядеть лишь то, что неизвестный черноволос, порывист в движениях, но держится уверенно, точно не замечая приближающихся чудиц.

— Варвар, это ты там? — донесся металлически-звонкий голос.— Конечно, ты... Ну, и чего тебе надо?

Кабаны с сопровождавшей их Зубаткой — уродливым существом с огромной головой, смахивавшей на акулю,— неторопливо пробирались по узкой тропинке, прекрасно понимая, что угодившим в ловушку людям от них никуда

не деться. Экипаж «Красотки» жался все ближе к провисшему мосту, но, видно, уже ни на что не надеялся.

— Конан! — снова выкрикнул человек.— Хорошо, признаю, что проиграл! Да не молчи же, Сет тебя побери, скажи, какие условия? Половину? Все? Или ты подождешь, пока нас здесь сожрут?

— Могу и подождать,— невозмутимо отозвался киммериец. Дикари за воротами притихли, и это было хорошо — чем позже Боргеса и его люди узнают о том, что их ожидает, тем лучше. Пусть считают, будто северянин задержался лишь для того, чтобы полюбоваться на противника, признающего свое полное поражение.— А что, ты согласен отдать все? Я бы не отказался...

На другом берегу длинно и замысловато прокляли всех северных варваров, сколько их ни есть на свете.

— А еще благородный...— фыркнул Крысенок.— Чешет, как последний попрошайка с Вшивого Двора...

(Вшивым Двором в Кордаве именовали местечко у Старой гавани, где собирались, так сказать, отбросы нищенского сообщества, презираемые даже собратьями по ремеслу.)

— Может, и в самом деле забрать у них все? — задумчиво спросил у своего маленького отряда Конан.— Что по этому поводу думают мудрейшие философы?

— Жадность — величайший порок человечества,— торжественно, но не без иронии отозвался Молчун.— А лично мое мнение — золота никогда не бывает много.

— Эй, твоя занюханная светлость! — рявкнул киммериец.— Так и быть, переправа вам сегодня обойдется по дешевке! Мне нужна одна штучка, что ты увел из здешней сокровищницы.

— Какая? — крикнул Боргеса немного нервно, потому что Зубатка и ее спутники, явно намеревавшиеся плотно закусить, находились уже от силы в пяти десятиках шагов.

— Демон... То есть Тень, ты можешь узнать, у кого из них нужная половина? — Конан обернулся к внимательно наблюдавшему за непонятными людскими делами Тао.

— Могу, — кивнул однорогий зверь. — У того, что разговаривает с тобой. Она лежит в... Как называется вещь, похожая на те, что вы носите на поясе, но пришитая?

— Боргеса! Та самая, что припрятана у тебя в кармане!

Над рекой повисло молчание, нарушаемое шелестом волн и скребущими звуками, издаваемыми когтями Стражей.

— Хорошо, чтоб тебя... — донесся наконец ответ. — Мост-то подними!

— Какая поразительная сговорчивость, — заметил Метос. — Ну что, спасаем несчастные души, обреченные на безжалостное съедение?

Канаты медленно натянулись, мост, раскачиваясь и скрипя, занял подобающее ему положение. Увидев творимое людьми безобразие, чудовища из Лабиринта возмущенно захрюкали и попытались двигаться быстрее, что было нелегкой задачей для таких туш на узенькой тропинке. Добыча все равно ускользнула.

К тому моменту, когда первый из лохматых кабанчиков выбрался на площадку, мост снова провис над самой водой, став совершенно непригодным для переправы. Постояв над обрывом и порычав для порядка, звери стали один за другим снова спускаться на тропу. Зубатка задержалась дольше всех, пялясь злыми круглыми глазами на недосыгаемых людей. Человек, впервые увидевший младшего представителя некогда известного семейства графов Боргеса из Кордавы, наверняка не поверил бы, что сия особа умудрилась вызвать стойкую неприязнь не только у царствующего дома Зингары, но и в кругах, мало схожих с аристократическими. А Крысенок был просто донельзя удивлен — их маячивший где-то в отдалении противник оказался совершенно не таким, как он представлял.

Во-первых, Боргеса-младший абсолютно не выглядел законченным негодяем (а как, собственно, они должны выглядеть?), во-вторых, он был всего-то лет на шесть или семь старше Вайда, ну и, в-третьих, проигрывал господин граф достойно. Похоже, что такого не ожидал даже Конан. Боргеса, перейдя на безопасный берег, от души выругался, а затем без разговоров отдал крупный алмаз удивительного

светло-голубого цвета, признанный Тао за недостающую часть Ключа.

Узнав, кто такая Фелле, многословно и, кажется, искренне извинялся, утверждая, что не хотел смерти ее дядюшки, и заверял, что готов лично преподнести собственную отрубленную голову столь очаровательной женщине. Фелле отмалчивалась, но молчание ее было каким-то растерянным... Боргеса также вежливо полюбопытствовал, что представляет собой Тао и откуда он взялся. Известие о толпившихся за воротами дикарях воспринял спокойно, в отличие от своих людей, тут же начавших ворчать, что их обвели вокруг пальца. Коротко приказал всем заткнуться, заявил киммерийцу, что был о нем несколько лучшего мнения, после чего деловито спросил, как варвар собирается справляться с дарфарцами.

Похоже, Боргеса отлично понимал, что сейчас оба отряда зависят друг от друга — и тем, и другим нужно выбраться из пещер и достичь побережья. Вот там спор будет продолжен. Пока надо уцелеть.

Крики с наружной стороны ворот стихли, площадка перед входом в Лабиринт опустела, но, приглядевшись, можно было заметить в ближайших зарослях фигуры, быстро перебегающие с места на место. Осаждаемые и осаждающие выжидали, что сделает противник.

— Можно тебя на пару слов? — Кто-то слегка хлопнул Конана по плечу, и, обернувшись, варвар увидел Боргесу. Граф выглядел несколько встревоженным, но совершенно не огорченным тем печальным обстоятельством, что его обставили подчистую. Киммериец в подобном положении, наверно, вел бы себя так же — не повезло здесь, повезет в другом месте.

— Ну?

— Когда мы вырвемся отсюда, я собираюсь возвращаться по реке, мы оставили там под охраной баркас. Ты и твои люди пойдете с нами или предпочитаете прогуляться через джунгли? — словно уточняя нечто давно обговоренное, осведомился Боргеса. — Речка мелководная, но подняться вверх по течению до форта можно. Потом вернем баркас и двинемся к морю...

Он посмотрел в сторону стоявшей у ворот Фелле и извиняющимся тоном добавил:

— Нехорошо как-то вышло с этим фортом... Она действительно собирается меня убить?

— Просто жаждет, — с наигранным простодушием подтвердил Конан. — А шлаться по лесу мне надоело до смерти, так что мы отправимся с вами.

Боргеса кивнул, пристально уставился на носки своих потрепанных сапог, затем резко вскинул голову.

— Я сожалею, что по моей вине погибли твои люди, — отчеканил он и уже спокойнее добавил: — Знаешь, как это бывает — приказывает один, передает приказ другой, исполняет третий, а убивают четвертого, который совершенно ни при чем. В самом деле, я не хотел становиться твоим врагом, — он коротко улыбнулся. — Говорят, это очень опасно, а мне хочется еще пожить на свете. Могу даже вернуть то, что было в шкатулке. Мне нужна была только карта.

Что-то было не так. Уж слишком охотно, без всякого нажима и каверзных вопросов, граф выдавал свои секреты и признавался в сделанных ошибках. Ну-ка, если упомянуть Вальдрио, что он скажет?

— А зачем прикончили Вальдрио? Это он рассказал тебе о карте?

В темных глазах Боргесы появилось искреннее недоумение, он нахмурился, точно пытаясь сообразить, о ком его спрашивают, и наконец решительно заявил:

— Я не знаю такого человека. Если ребята из моей команды и убили его, то мне об этом ничего не известно. Про план подземелий я узнал от... Ну, скажем так, от людей, некогда входивших в мой экипаж, а затем перешедших к тебе. Они были недовольны своим положением и иногда ставили меня в известность о твоих намерениях. Мы незаметно шли за «Вестрелом»; в подходящий момент они украли карту и сбежали. Честно говоря, я рассчитывал, что капитан Конан повернет обратно, и совершенно не ожидал, что ты объявишься здесь, да еще и опередишь нас... Как вы умудрились пройти через пещеры? Мы и с картой-то едва не заблудились.

— Вот он провел, — Конан хмыкнул и ткнул во внимательно слушавшего Тао. Маленький демон, смекнув, что к чему, с готовностью закивал головой. Не объяснять же про Крысенковы странности...

— Этого я, конечно, не предусмотрел, — с огорчением признал Боргеса. — Ну да ничего... В конце концов до сокровищницы мы добрались. Тамошняя зверюга на вас нападала? У нас троих утатила, потом успокоилась и уползла обратно. Давненько я так не бегал! Ох, как мы оттуда дали деру...

Граф отошел к своим людям, а киммериец подумал, что рассказанная история очень правдоподобна. Настолько, что может действительно оказаться правдой: Боргеса не имел никакого отношения к Вальдрио, а действовал на свой страх и риск. Почему, собственно, они с Зелтраном решили, что эти двое людей связаны между собой? Только потому, что перед смертью Вальдрио навестил дом на Парусной улице, а затем был убит в той же хибаре, что и корсары с «Вестрела»?

Но Боргеса сам признался, что виновен в их гибели из-за своей излишней предосторожности. Случайное совпадение? Но убийства происходили в одном и том же доме... Что вообще делали там люди с «Красотки», да еще и в форме королевской гвардии? Правда, никому не пришло в голову точно разузнать, в какой именно дом заходил тихий знаток тайн, ведь на Парусной наверняка не один особняк... Выходит, что Боргеса — обыкновенный ловец удачи, тайком узнавший о чужом секрете и решивший этим воспользоваться, дабы чуток поправить свои пошатнувшиеся дела. Такое случается сплошь и рядом, Конан сам не раз проделывал подобное.

Тут киммериец напомнил себе о предостережении Чабелы. Принцесса неплохо разбиралась в собственных подданных, особенно в тех, что денно и нощно крутились во дворце. Если королевская дочка утверждает, что верить Боргесе ни в коем случае нельзя, значит, так оно и есть. Вряд ли граф рискнет сейчас предпринимать что-то против отряда с «Вестрела», но лучше никому не поворачиваться к нему спиной. Слишком уж спокойно он смирился с поражением.

Впрочем, какое тут поражение? Так, болезненный щелчок по излишней самоуверенности — ведь у Боргесы на руках остались камни из желтой шкатулки да вдобавок то немалое, что сумел прихватить в здешней сокровищнице.

Правда, если выяснится, что крохотная неведомая безделушка, этот самый Ключ, стоит в сотни раз дороже всего вынесенного из пещер... Вот тогда можно говорить о настоящем проигрыше.

— Что ему было нужно? — спросил незаметно подошедший Молчун. — Между прочим, я тут кое с кем перекинулся словом, так похоже, что нам невероятно повезло. У них здешние хрюшки половину отряда разделили в мелкую крошку...

— Клялся, что никогда в жизни не видел Вальдрио, а о наших делах пронюхал сам, — проворчал Конан. — И будто прикончил наших парней по чистой случайности. Еще предложил место на баркасе и идти к побережью вместе.

— А ты согласился? — недоверчиво уточнил Метос.

— Да.

— Я бы предположил, что он попытался обставить тебя, — медленно, точно рассуждая вслух, проговорил Молчун. — Молодой самолюбивый аристократ без гроша в кармане против битого-перебитого наемника... Ты ему веришь? — неожиданно закончил он.

— Нет, — отрезал киммериец. — Поэтому и согласился пробираться к берегу вместе. Так он будет у нас на глазах и не подстроит никакой пакости. Дойдем до моря, а там разберемся, кто из нас чего стоит.

Дальнейшие действия объединенных отрядов строились на старом как мир утверждении: в сражении побеждает не тот, у кого больше воинов, а тот, кто нахальнее себя ведет. Дарфарцы видели четырех человек, стоявших у ворот и скрывшихся при первых выстрелах. Вряд ли им известно, что теперь за створками прячется около двух десятков человек, твердо решивших выбраться из пещер. План был незамысловат: распахнуть ворота и, вопя во всю глотку и круша любого рискнувшего встать на пути, пробиваться по еле заметной старой дороге к реке. Требовалось преодолеть

около трех-четырех сотен шагов, а вот сколько дикарей засело в зарослях — оставалось неизвестным.

Старые ворота, не открывавшиеся нараспашку не одну сотню лет, отворились с ужасающим скрипом, слышным на всю округу. Выскочившие из Лабиринта люди удачно миновали простреливаемую насквозь площадку и вломились в густую поросль колючих кустов, окружавших вход в подземелья.

А дальше началась свалка. С пронзительными криками, хрустом ломаемых веток, а может, и костей, визгом скрепяющегося оружия — стального и бронзового... Свалка, в которой быстро перестаешь понимать, кто возле тебя, и успеваешь только вертеться на месте, не подпуская к себе лезущие напролом черные фигуры с безумными глазами одержимых убийц.

Рядом кто-то истошно вопит и катается по земле, через него перелетает звериный силуэт цвета глухой полночи и со всего размаху прыгает на твоего противника. Оба валятся, слышен хлюпающий звук, животное вскакивает на ноги, а человек остается лежать с разорванным горлом. Зверь торжествующе верещит, приседая на задние лапы, и уносится дальше. Звон металла и крики усиливаются, становясь просто нестерпимыми, и неожиданно обрываются, рассыпаясь на отдельные невнятные возгласы еще сражающихся и стоны раненых. Чей-то резкий крик: «Прекратить! Все! Да остановитесь же, болваны!» звучит над безжалостно истоптанными зарослями, и постепенно становится тихо. Значит, действительно все.

Конан тщательно вытер меч об тряпки, заменявшие его последнему противнику одежду, и огляделся. Маленький отряд с «Вестрела» уцелел; во всяком случае, все трое (если считать с Тенью — четверо) были живы и передвигались на собственных ногах, а не ползком. Тень что-то горячо доказывала Крысенку, привалившемуся к стволу дерева, Байд кивал, но, судя по выражению лица, понимал одно слово из трех. Похоже, Тао делился впечатлениями от первого в жизни боя. Маленький демон, пусть и лишенный особых магических дарований, оказался существом далеко не безо-

бидным и беспомощным: когти, зубы да еще рог, острый, словно только что заточенный кинжал...

Фелле бродила по площадке, собирая уцелевшие стрелы, Молчун вместе с несколькими людьми Боргесы общаривал заросли, разыскивая раненых. Иногда в кустах раздавался истошный вскрик — корсары добивали не успевших спрятаться дикарей.

Киммериец пересек залитую кровью полянку, попутно отвесив пинка еще шевелившейся черной фигуре, и присел рядом с Крысенком. Мальчишка вымученно улыбнулся и пробормотал:

— Говорила мне мама — не ходи, сынок, в пираты, они тебя плохому научат...

— Чему плохому? — тут же влез любознательный Тао. Не дождавшись ответа, обиженно фыркнул и прилег возле людей, посматривая по сторонам.

Откуда-то появились блестящие зеленые мухи и пронзительно жужжали, кружась над трупами. Конан прикинул, во что обошелся лихой прорыв из Лабиринта — пятеро убитых и столько же тяжелораненых. Могло быть и хуже... Кстати, где Боргеса?

Граф стоял рядом с мрачной Фелле, крутившей в руках сломанный арбалетный болт. Они о чем-то негромко разговаривали, но в долетавших голосах не было злости или раздражения. Наконец Фелле отрицательно покачала головой, повернулась и шагнула в сторону. Мгновение Боргеса пристально смотрел ей вслед, затем, резким движением схватив уходящую девушку за короткую разлохмаченную косу, рванул к себе. Фелле протестующе вскрикнула, попыталась вырваться... и неподвижно замерла на месте, почувствовав у горла холодное и острое лезвие.

— Та-ак... — зло процедил северянин. Его клинок, не убранный в ножны, лежал на траве рядом с ним, но Конан не успел схватить его, остановленный звенящим голосом Боргесы:

— Ты ведь не хочешь, чтобы с ней что-нибудь случилось, а, варвар?

Краем глаза киммериец уловил движение на краю поляны — побелевший от злости Метос шел как бык прямо

на Боргесу и его пленницу. Молчуна остановил Тао, вскочивший на ноги и загородивший дорогу. Тень, похоже, не слишком понимала, что происходит, однако сообразила, что любая попытка освободить Фелле может обернуться чем-то еще худшим. Крысенок зашипел, как разъяренный кот, и потянулся за своими ножами.

— Не дергайтесь, — Боргеса чуть пошевелил тонким стилетом. — Я не люблю проигрывать, варвар... так же, как и ты. Неужели ты решил, что так все и закончится? Я считал тебя умнее... На твоём месте я бы просто не пропустил нас через мост. Что ж, услуга за услугу — верни то, что взял, и будем считать, что мы в расчете.

— А не пошел бы ты... — спокойно отозвался Конан.

Его и графа разделяло шагов пять — один хороший прыжок. Экипаж «Красотки» стоит довольно далеко, они не успеют ничего сделать. Потом к пещерам, закрыть двери, и пусть ломаются хоть до скончания веков... Да, но перерезать человеку горло можно за одно мгновение. Допустим, он убьет Боргесу, однако Фелле-то этим не воскресишь! Сет, Нергал и все демоны, предупреждали же! Сам виноват — нечего было уши развешивать!..

— Я жду, — напомнил Боргеса. — Неужели жизнь прекрасной девушки не стоит какой-то паршивой побрякушки?

Фелле, несмотря на запрокинутую назад голову, сумела внятно выругаться и попыталась пнуть удерживающего ее зингарца.

— Подавился! — Голубая сияющая искорка пролетела над поредевшей травой и упала неподалеку от Боргесы.

— Просто замечательно, — глумливо хмыкнул тот, но девушку не выпустил. — Нет, нет, дорогие мои, вам не удастся устроить еще одно небольшое побоище. Ну-ка все встали и пошли! Обрато, капитан, обрато, вы меня совершенно правильно поняли...

Тяжелые деревянные створки, окованные бронзовыми пластинами, с грохотом захлопнулись за четырьмя людьми и маленьким демоном. С другой стороны шумно завозились, подпирая двери стволами только что срубленных деревьев. Кто-то крикнул пронзительно-звенящим голосом:

— В конце концов, я сохранил вам жизнь, хотя меня очень просили покончить с вами раз и навсегда! Надеюсь, мы никогда больше не встретимся, варвар!

Четыре человека молча стояли в прохладной полутьме, избегая смотреть друг на друга. С другой стороны ворот издевательски засмеялись, потом донеслись перекликающиеся голоса и постепенно удаляющийся топот многих ног.

— Хотите, я вас обрадую? — нарушил затянувшееся молчание неуверенный мальчишеский голос. — Вот.

Крысенок, покопавшись за пазухой, бережно вытащил какой-то крошечный предмет и разжал ладонь. В пробивающихся сквозь щели в досках солнечных лучах ярко блеснул крупный алмаз чистой воды, окрашенный в светло-голубой цвет.

— Украл, — еле слышно сказала Фелле.

— Самым простым и вульгарным способом, — вздохнул Крысенок. — Подменил.

Четверо переглянулись... и расхохотались. Маленький демон непонимающе пошевелил острыми ушками, но на всякий случай тоже тихонько захихикал.

* * *

— Вот, сам видишь, что получилось. А все из-за того, что не дал его пристрелить, — ворчала Фелле. — Сидим тут, понимаешь, как...

Конан ничего не ответил, продолжая с остервенением вгонять клинок в щель между двумя расшатанными досками ворот. Очень хотелось, чтобы на месте ни в чем не повинных створок оказался Боргеса. Это ж надо! Расскажи кому — не поверят! Нет, в Кордаву теперь точно лучше не показываться — засмеют!

Разве что вернуться и сказать Чабеле, что она была сто раз права, а некий Конан-киммериец как был тупым варваром, способным только пить вино да размахивать мечом, так и остался таковым. Несмотря на прошедшие годы, вколоченный в голову опыт и многочисленные передраги, из которых удавалось выкарабкаться. Гадючий выползок, ну я до тебя доберусь, куда бы ты ни спрятался...

Лезвие проскрежетало по прикрепленным снаружи бронзовым пластинкам и застряло. Конан со злостью рванул клинок на себя, вырывая его из подгнивших досок. Неожиданно ему стало смешно — а что, собственно, Боргеса собирается делать с половиной Ключа, да еще и поддельной? Вальдрио служил кому-то, и его хозяин наверняка сумел бы определить, подлинную вещь ему доставили или нет. Боргеса действовал сам по себе (только стоит ли в это верить?), значит, он может никогда и не узнать, что раздобытая им безделушка — не настоящая. Большой вопрос — кто кого обставил.

Крысенок сидел, съездившись и обхватив ноги руками. Ему было холодно и очень страшно. Не потому, что пришлось вернуться в Лабиринт — как раз сюда-то он вошел с удовольствием, пусть и не по своей воле. В подземельях он чувствовал себя защищенным от всех невзгод мира. Страшно было по другой причине.

Когда Боргеса схватил Фелле, Вайд, точно наяву, увидел кого-то, стоящего за графом. Человека — а может, не человека? — с холодным бесстрастным взглядом большой и опасной змеи. Человека, для которого все остальные люди были фигурками на черно-белых клетках той мудреной игры, что недавно завезли в Кордаву из Турана. Именно ему Боргеса обещал расправиться с капитаном «Вестрела» и его людьми, но не рискнул этого сделать: неизвестный был далеко, а вот Конан совсем рядом. Еще неизвестно, чем бы все обернулось, посмей граф хоть оцарапать Фелле... И таинственному незнакомцу сейчас везут голубой камень, который Боргеса искренне считает Ключом.

Крысенок сам не знал, как у него хватило нахальства и ловкости быстро и незаметно заменить подлинный самоцвет на очень похожий, прихваченный из сокровищницы. Повезло, что все в этот миг смотрели на Боргесу и Конана, а сам капитан совершенно не заметил, как у него из кармана вытаскивают камень.

Значит, на какое-то время все в безопасности — пока Боргеса доберется до своего нанимателя, пока тот поймет, что ему привезли половину требуемого, да еще и фальшивую... Но что будет потом? Крысенок ни на мгновение не верил в то, что

неизвестный на этом успокоится. Он наверняка начнет искать настоящий Ключ и рано или поздно узнает о «Вестреле».

Тогда дело примет совсем скверный оборот — этот некто, стоящий за спиной Боргесы, не остановится, пока не получит желаемого. Ему очень нужен Ключ. Непонятно, зачем и для каких целей, но ему необходима эта вещь. А значит, надо сделать все возможное и невозможное, чтобы она к нему не попала. Вот это, кажется, и называется — попасть из огня да в полымя...

Крысенок с тоской наблюдал, что происходит у ворот. Капитан с помощью Молчуна и Фелле сумел расшатать одну из досок, и теперь они втроем азартно ее выламывали. Хруст, протяжный треск, старое дерево поддается совместным усилиям, и в створке появляется рваная дыра, достаточная для того, чтобы туда протиснулся кто-то не слишком большой. Например, Тао.

Маленький демон, крутившийся рядом, с величайшей охотой вылез наружу, но через мгновение просунул мордочку обратно и доложил:

— Там три бревна. Подпирают ворота. Я сейчас попробую одно сдвинуть.

— Ломаем дальше! — скомандовал северянин. Два меча и длинный кинжал снова начали крушить изъеденную временем древесину, а с другой стороны донеслись пыхтение и возня — Тао изо всех силенок пытался отпихнуть толстый пальмовый ствол.

«Боргеса, наверное, уже на реке. — Мучивший Крысенка холод постепенно исчезал. — Бежит, торопится... Кому он везет Ключ? Почему эта маленькая штучка так важна?»

— В мой дом не попасть без ключа, — ответил негромкий, чуть надтреснутый голос, и уже начавший привыкать к здешним порядкам Крысенок не вскочил и не заорал, а удивленно огляделся по сторонам, ища невидимого собеседника.

— Тао? — на всякий случай окликнул Вайд. Тень, получившая возможность разговаривать вслух, не пользовалась мысленной речью, но вдруг ей понадобилось что-то сказать по секрету? — Тао, это ты?

— Нет, — отозвался голос.

— Тогда кто? — Незнакомец говорил о «моем доме», может, это и есть... — Ты — хозяин Лабиринта? — с опаской спросил Крысенок.

— У Лабиринта нет хозяина, — медленно и внушительно проговорили в ответ. — Пока — нет.

— А люди-змеи? — рискнул напомнить Вайд. — Разве это не их владения?

— Боры, забравшиеся в пустой дом, никогда не станут в нем подлинными жильцами, а уж тем более — владельцами. — В бесплотном голосе прозвучал оттенок горечи. — Я выгнал их отсюда.

В голове у Крысенка бурлил клокочущий водоворот из обрывков узанного и того, о чем он только догадывался, и он осторожно поинтересовался:

— Значит, ты... м-м... прежний хозяин, так? И не хочешь, чтобы Ключ опять попал к кому-то, кто тебе не понравится?

— Я не хочу, чтобы хранящееся здесь досталось тому, кто этого недостоин, — кратко и несколько расплывчато ответил Голос.

«Магические вещи, о которых говорила Тень? Это он имеет в виду, что ли? Или другое? Ничего не понимаю, но как интересно...»

— Ты знаешь, что Ключ у нас? — спросил Крысенок. — Может, отдать его тебе?

— Знаю. Нет, нужен не он, а кое-что другое. — Крысенку показалось, что его невидимый собеседник улыбается. — Я создавал это место, чтобы завершить свой путь в тишине и покое. И не предполагал, что Лабиринт не захочет оставаться всего лишь подземельями. Мне нужен хозяин.

— Хозяин для Лабиринта? — переспросил окончательно сбитый с толку Крысенок. — А где ты его возьмешь?

— Я искал и нашел. — Похоже, Голос обожал изъясняться загадками. — Я ведь, как и многие другие предвечные и нерожденные, раньше мог принимать человеческий облик. А значит, мог иметь детей от смертных женщин. Мне нужен был наследник, способный в будущем помочь мне... Впрочем, сейчас не время для столь серьезного раз-

говора, малыш. Если захочешь поговорить обо всем — приходи.

— Куда — приходи? — Вайду показалось, что он начинает медленно, но верно сходить с ума. — Сюда, в Лабиринт? И при чем тут я?..

— Вторая половина Ключа — раковина, — точно не слыша настойчивых вопросов Крысенка, продолжал Голос. — Приходи, у нас найдется о чем побеседовать. Я подожду, пока ты подумаешь и поймешь.

Вайду послышался короткий добродушный смешок, и Голос пропал.

Жуткий скрип возвестил о том, что Тао удалось-таки сдвинуть с места бревно, и левая створка ворот, подталкиваемая людьми, медленно сдвинулась с места. Наверное, у дверей Лабиринта, простоявших здесь не одну сотню лет, это был самый беспокойный день — их открывали уже третий раз.

На площадке перед воротами, разумеется, не было ни одной живой души, если не считать мух, роящихся над трупами дикарей. Идти к реке не имело смысла — баркас давно уже отчалил и движется вверх по течению. Так что особого выбора не оставалось — следовало положиться на удачу и возвращаться через негостеприимные джунгли к побережью.

Когда они уходили, Крысенок оглянулся назад, хотя знал, что это — дурная примета. Он не слишком удивился увиденному. Там, где полагалось красоваться черному провалу дыры с бахромой из обломанных щепок, были ровные старые доски. Ворота стояли плотно закрытыми, точно не было тут никаких людей, а только джунгли, желтые скалы причудливых очертаний да выцветшее голубое небо.

Вайд подумал: не сказать ли остальным, что от пролома не осталось и следа? Уже раскрыв рот, он вдруг криво усмехнулся, помотал головой и тихонько пробормотал себе под нос:

— Дом, понимаешь... Без ключей.

И промолчал.

Глава одиннадцатая

Побережье Стигии

Костер, разложенный под защитой круга наклонившихся внутрь валунов высотой в рост человека, полыхал вовсю. Дни в Стигии, конечно, жаркие, а вот ночи, особенно на морском берегу — очень холодные. Яркое оранжевое пламя вытягивалось мохнатым лисьим хвостом, мотаясь под порывами налетавшего с моря бриза.

Наступал вечер, время отлива, и по полосе мокрого песка, усеянного плетями водорослей, бродил причудливого вида черный зверь. Животное с явным любопытством смотрело на мечущихся туда-сюда крабов, обнюхало скользкий бугорок застрявшей на берегу медузы, и шустро отпрыгнуло в сторону, когда шипящая волна задела его лапы. Серdito фыркнув на волну, зверь — помесь газели и пантеры, да еще с единственным матово поблескивающим рогом — вперевалку побежал к костру.

Пламя, радостно пожирившее щедро подкладываемые дрова, освещало разбросанные повсюду дорожные мешки и двух человек. Один — малорослый, угловато-тощий, с копной давно нечесаных мокрых волос каштанового цвета — быстрыми движениями разрезал на длинные полоски кусок мяса. Полоски затем нанизывались на тонкие палочки и подвешивались над костром — жариться. Подбежавший зверь попытался выхватить из рук человека очередной кусочек, получил щелчок по носу и смиренно улегся рядом, смотря прозрачно-желтыми голодными глазами на готовящийся ужин.

— Ты его еще хорошим манерам научи, — посоветовал второй обитатель стоянки, высокий темноволосый варвар-северянин, лежавший забросив руки за голову и вроде бы дремавший.

— Мой демон, что хочу — то и делаю, — лениво отозвался тощий, нанизав последний кусок. — Правда, Тао?

— Совершеннейшая, — пронзительным голосом ответило животное. Оно говорило, забавно морща подвижную мордочку и дергая нижней челюстью. — Раз я твой демон, то ты меня и корми. А я есть хочу, дай кусочек!

— Потерпишь, — отрезал Вайд. — Еще не хватало — сырое мясо лопать. Я из тебя сделаю порядочного демона, понял?

— Понял, — черный зверь протяжно вздохнул, поняв, что выпросить ничего не удастся.

То, что Тао — животное плотоядное, выяснилось уже в первый день пути через джунгли. Бывшая Тень азартно погналась за взлетевшей птицей, догнала, подцепила на рог и притащила хозяину, которым безоговорочно считала Крысенка. Тао похвалили, птичку на дневном привале ощипали и только собрались поджарить, как маленький демон, принявшись, решительно вцепился в добычу и не отпускал до тех пор, пока от нее не остались одни косточки.

Отряд в это время стоял, на все лады проклиная прожорливую тварь и пытаясь отнять будущий обед. Пинки и уговоры не помогали. Наконец на Тао махнули рукой — в конце концов, это его первая нормальная кормежка с времен появления на свет. А птичка в лесу не последняя.

Тао потом брел позади всех, виновато пыхтел и клялся, что больше так не будет, но уж очень вкусно пахло... Жареное мясо ему, кстати, тоже понравилось, но меньше.

— Ну вот, — Крысенок подвинул поленья в костре и прислонился к теплему камню. — Сейчас погреемся немножко, и будет готово... Интересно, где это наши brave охотники изволят пропадать?

— В лесу, где же еще, — хмыкнул Конан.

— Теперь это называется — «ходить на охоту», — тоном старого брюзги протянул Вайд. — Вот в наше время...

Но выдержать роль ему до конца не удалось, он захихикал и уже обычным голосом спросил:

— Интересно, сильно мы промахнулись?

— На лигу, не больше, — лениво ответил киммериец. — Завтра днем будем на борту, и хватит с меня этой Стигии! Хотя я так и не разобрался до конца, во что мы вляпались. Честное слово, даже заплатил бы умнику, способному растолковать, кто кого здесь пытался надуть.

— Плати, — Вайд подставил сложенную ковшиком ладонь.

Конан приоткрыл один глаз и недоуменно взглянул на хмыляющегося Крысенка:

— Тебе-то за что?

— За сказочку, — невинным голосом ответил Вайд.

— Где ж это видано, чтобы платили за еще не сделанное? Сначала расскажи, а там посмотрим, стоит ли твоя «сказочка» хоть гнutoго медяка... И какая такая сказочка?

— Которую я сейчас буду рассказывать. — Крысенок перерзал, усаживаясь поудобнее, и заунывно, явно передразнивая уличных сказителей, начал:

— Давным-давно жили на свете боги и люди. Боги сражались, строили друг другу каверзы и производили на свет других богов. Люди занимались почти тем же самым, только они еще и умирали время от времени. Боги, как известно, помереть не могут.

И вот однажды одному из богов надоело жить на свете. То ли поклонялись ему из рук вон плохо, то ли просто наскучило ему все. Решил он создать себе тихое и спокойное местечко, где никто бы его не потревожил. Решено — сделано, смастерил он себе красивую могилку подальше от всех, забрался в нее и умер. Стигии тогда еще и в помине не было, но Ахерон уже существовал, и Валузия тоже.

Умер-то он умер, но, как всякий уважающий себя бог, не мог же он просто так взять да отдать концы. Тело, или что там у него было, — рассыпалось, а душа осталась. И могила тоже осталась, с кучей всяких магических штук внутри нее. Однажды натолкнулись на тихую гробницу

валузийцы, и так она им приглянулась, что они остались там жить. Получился Лабиринт.

Владельцу могилы, разумеется, не понравилось, что в его последнем пристанище шастают всяко-разные, смахивающие на змей, типы. Он их оттуда мигом выставил. Не слишком вежливо, я полагаю. Наученный горьким опытом, решил он тряхнуть стариной и запер двери на все замки. Правда, запер он их от магов любого вида и цвета, а вот про обычных людей совсем не подумал... Я понятно излагаю?

— Треплешься ты, а не излагаешь, — беззлобно проворчал киммериец. — Ну, давай дальше.

— А где моя монетка? — осведомился Вайд.

— Не заслужил пока. Дальше-то что было?

Крысенок перевел дух, подумал и честно признался:

— Вообще-то это все я лишь предполагаю... Может, все было и не так, но очень похоже... Ладно, а дальше вот что. Жил-был на свете небезызвестный Тот-Амон, любитель змей и всяких гадостей. Однажды он пронюхал про Лабиринт в дарфарских джунглях и ужасно расстроился — столько добра зря пропадает! Разузнав, что маг попасть в подземелья не сможет ни под каким видом, быстренько отыскал десяток-другой людей, которым все равно куда ползти, лишь бы за это заплатили побольше, и отправил их в Лабиринт, на разведку. Должно быть, ему оттуда притащили что-то такое, что бедняга едва умом не тронулся от невозможности туда попасть.

— Подумал он и создал не слишком умное существо, — Вайд погладил внимательно слушавшего Тао, — которое только и сумело, что обойти все пещеры, все посмотреть и все запомнить. Существо прогулялось по Лабиринту, составило карту, а затем было оставлено в подземельях за ненужностью. Похоже, оно так долго там гуляло, что стало намного сообразительнее, и из бестолкового демона получилась Тень. План подземелья остался у Тот-Амона. Не знаю, почему он им не воспользовался, — то ли других забот хватало, то ли не решился связываться с создателем Лабиринта. Зато Тот-Амон проведал о Ключе — вещичке,

что может открыть пещерные замки. С ее помощью, помимо прочего, он мог пробраться в Лабиринт и сам, а не посылать других...

— Это не то, что мы раздобыли? — перебил Конан.

— То самое, — кивнул Вайд. — Здесь начинается третья часть моей сказочки с участием насквозь знакомых личностей. Хочешь — верь, хочешь — не верь, а сплелась такая цепь из случайностей, что нарочно не придумаешь. Первым звеном в ней оказались карак «Вестрел» и две галеры — «Араминта» и «Блудливая красotka». Пока команда первого грабила вторую, третья околачивалась поблизости. Чистой воды совпадение — они тоже ждали рассвета, а дождались раздавшихся под боком воплей. Как только мы скрылись в тумане, Боргеса подобрался поближе к дрейфующей «Араминте», вытащил из воды тех, кто еще не успел утонуть, и выслушал занимательную историю о грабеже и убийстве. Потом, я думаю, он отправил рассказчиков обратно за борт... Прикинул граф так и эдак — с королем Фердруго он вроде не ссорился, хотя правящая фамилия и глядит на него косо. Рассказать королю об этой веселой проделке — глядишь, и толк какой выйдет... Боргеса, решившись, командует «полный боевой», галера разворачивается носом к Зингаре и отправляется в Кордаву.

Но граф у нас все же не полный дурак, и, прежде чем соваться с доносом к высокой короне, он хочет разузнать, что ему с этого может выйти — плохого и хорошего. Здесь опять начинаются мои догадки. Во времена охоты за Короной Змея Тот-Амон побывал в Кордаве, и здесь остались многие из его единомышленников. Боргеса и человек, известный нам как Вальдрио, входили в их число. С одной маленькой разницей — графу нужно было золото и только золото, все разговоры о приходе времени Змея и прочем он воспринимал лишь как досадную необходимость. Вальдрио требовались знания. Поэтому, мне кажется, Тот-Амон доверял Вальдрио (если он вообще способен кому-то доверять), а графа держал на привязи, как кусачую собаку. После очень спешного отбытия Тот-Амона наша парочка осталась ждать у моря погоды, а со скуки познакомилась поближе.

И тот, и другой были вхожи во дворец, только один был дворянином, а второй, увы, нет... Итак, Боргеса отправляется в гости к Вальдрио, или приглашает того к себе домой, поговорить о возможности подзаработать. Вот как это произошло...

Крысенок поднял руку с невидимым бокалом, а в его голосе прорезались надменные металлические нотки:

— И вы представляете, дорогой друг, они перебили всех до единого! Кто? Головорезы с «Вестрела», кто же еще! Да-да, именно те, которым покровительствует наш старый напыщенный индюк Фердруго. Как вы думаете, долго ли продержится в столице этот киммерийский громила, если король узнает о столь прискорбном происшествии? Вот и мне кажется, что недолго... Уф! Похоже?

— Очень,— согласился киммериец. История, рассказываемая Крысенком, походила на правду — одно событие цеплялось за другое, и никто не мог предсказать, что получится в итоге.— Ну и что?

— Да то, что Вальдрио оказался несколько умнее нашего графа! Он отговорил Боргесу немедленно бежать во дворец, убедил, что необходимо выяснить еще некоторые детали, что он сам все устроит, и отбыл. К себе домой. Где вытащил из потайного хранилища некую маленькую желтую шкатулочку и отдал несколько распоряжений. Как к нему попала шкатулка — лучше не спрашивать. Может, Тот-Амон подарил — за посильную помощь и верность великому делу Сета. Главное, Вальдрио знал, что находится в шкатулке, какую выгоду из этого можно извлечь, и понимал — другого подобного случая не представится. Ты эту штуку из-под земли вытащишь, а Боргеса может отправиться ко всем демонам.

Наш знаток тайн и секретов идет к Новой гавани, хватает за шиворот первого встречного побирушку и задает один вопрос: «Где сейчас команда «Вестрела»?» Ему указывают на «Девять стрел», а дальше происходит уже известный разговор. Во избежание возможных подозрений Вальдрио очень успешно разыгрывает постороннюю личность, которая лишь выполняет порученное. Шкатулку же, дабы

запутать желающих всерьез заинтересоваться происходящим, доставляют Сигурду. Все! Можно с чистой совестью идти к Боргесе и сообщить ему, что приема у короля ближайšie два дня не будет или что графу Боргесе в аудиенции отказано.

Вальдрио не принял в расчет одного — в «Девяти стрелах» сидели те, кто был предан Боргесе. Может, не всей душой, но какой-то ее частью. Они не расслышали всего разговора, но уловили весьма подозрительные вещи. Вальдрио ушел, за ним вышли мы, а за нами — кто-то из людей Боргесы. Вся компания, следя друг за другом, отправилась на Парусную. Доносчики успели первыми, так что, когда прибыл Вальдрио, граф уже имел некоторое представление, что происходит. Дома его наверняка не оказалось. Вальдрио передали отчаянный призыв прийти как можно скорее в Кривой переулочок — мол, стряслось что-то ужасное. Он и пошел, а мы — за ним.

Боргеса не собирался прощать бывшему другу-приятелю попытки обвести вокруг пальца. Вальдрио вошел в указанный дом, а выйти из него должен был только на Серые Равнины. Нас на всякий случай тоже схватили...

— Значит, его убил Боргеса? — Такие подозрения были у Конана и раньше, но теперь все окончательно становилось на свои места.

— Разумеется,— невозмутимо подтвердил Крысенок.— И я сильно подозреваю, что граф был одним из той парочки, что тащила Вальдрио и сбежала при нашем появлении. Вальдрио все равно ничего больше бы не рассказал — даже если бы они его не прирезали, старикан умер бы к утру. Боргеса вытянул из него все возможное, но графу было некогда возиться со шкатулкой. Он сообщил начальнику городской стражи о якобы виденном убийстве, навел на наш след и быстренько смылся. Если бы мы не успели вовремя убраться из Кордавы, то сейчас доказывали бы, что никого не убивали. К тому времени появились бы и новости об «Араминте». Такая вот веселая сказочка. И я боюсь одного...

— Чего? — не понял Конан, но насторожился.

Все, что Крысенок толковал о Лабиринте, не имело большого значения, но вот в событиях в Кордаве мальчишка, кажется, разобрался правильно. Двое проходимцев пытались обмануть друг друга и втянули в свой спор третьего, не имевшего представления, что происходит. Один из неудачливых искателей сокровищ мертв, второй пока жив, но это неприятность поправимая. Что же до Тот-Амона... Еще неизвестно, имеет стигийская гадина отношение к творящимся безобразиям или нет...

— За всем этим стоит не Боргеса, а Тот-Амон, который сразу поймет — камень не настоящий, — тихо и быстро сказал Крысенок, оглядываясь, будто на пустынном берегу его могли подслушать. — Страшно за «Вестрел». Игра не закончена, капитан, она только начинается...

* * *

Четыре человека — трое мужчин и женщина — неторопливо шли по берегу спокойного утреннего моря. Над водой поднимался призрачный белесый туман, звонко хрустели под ногами мелкие пестрые раковины. Вокруг идущих носился черный зверь, размером с крупную собаку, заставляя испуганных чаек взлетать с пронзительными возмущенными криками.

— Не верю я в твои рассказы про Лабиринт и прочее. Пещеры — они и есть пещеры, — нарушил тишину низкий раскатистый голос. — Все, что там есть, — это золото, камешки и страшилища. А больше ровным счетом ничего. Что-то ты после подземелий совсем свихнулся, Крысенок.

— Завладевший Лабиринтом получит власть, — упрямо отозвался Вайд. — Власть большую, чем у нынешних королей. Ты бы хотел, чтобы подобная оказалась, например, у Тот-Амона?

— Нет, конечно, — пожал плечами Конан. — Погоди, ты же сам твердил, что маг в подземелье попасть не может. Тот-Амон — колдун, значит, ему пещер не видать как своих ушей.

— А что помешает ему найти человека — не мага, но зато полностью преданного, который будет выполнять его

распоряжения? Или может статься, что Ключ как раз и поможет ему проникнуть в Лабиринт? — сердито возразил Вайд.

Он уже понял, что убедить капитана в разумности Лабиринта, вобравшего в свой камень сущность неведомого бога-создателя, не удастся. Для практичного киммерийца пещеры оставались только пещерами, и ничем иным, а Ключ — дорогой безделушкой.

Крысенок с помощью Тао сумел отыскать в мешке, набитом самоцветами, вторую необходимую часть древнего магического предмета. Теперь Ключ был собран полностью — серебряная витая раковина с покоящимся в ней светло-голубым алмазом. Хранился он в сумке у Вайда.

Переход по джунглям обратно к морю занял шесть дней. «Вестрел» к этому времени должен был вернуться и находиться поблизости, чтобы заметить поданный с берега сигнал. Отряд немного промахнулся — вышел не к месту высадки, а на лигу севернее, и теперь возвращался в бухту у Красных Скал, откуда начался долгий путь. Все трое пребывали в полной уверенности, что поход благополучно завершен: они достигли искомого места, нашли нужную вещь, и не забыли о себе. В походных мешках лежало, побрякивая в такт шагам, целое состояние.

Вайд не был уверен ни в чем, но объяснить причин своей неуверенности не мог, а потому помалкивал.

Солнце поднималось все выше, отражаясь в волнах и в тысячах блестящих песчинок. С океана потянул ветерок, заскрипели, мотая зелеными разлапистыми листьями, растущие вдоль берега пальмы. Далеко впереди показалась сначала неясная, но с каждым шагом становившаяся четче полоска далеко уходящих в море скал. Вскоре стало видно, что цвет камней — охристый, темно-красный с белыми вкраплениями.

Путники, не сговариваясь, зашагали быстрее. Черный зверь, сообразив, что приближается долгожданный конец пути, понесся длинными прыжками, не обращая внимания на сердитые оклики. Ему очень хотелось первым увидеть «плавающие по воде большие дома». Другого названия для кораблей Крысенку подобрать не удалось.

Тао добежал до каменных россыпей, покрутился на месте и вдруг стремительно помчался назад. Разогнавшись, он проскочил мимо людей, остановился, подняв веер взметнувшегося песка, и уже спокойно поравнялся с поджидавшим отрядом.

— Там человек! — выпалил маленький демон, взволнованно дергая большими газельими ушами. — Лежит между камней и не двигается!

— Какой человек? — озадаченно уточнил Конан. Людям на здешнем пустынном берегу, далеком от любых поселений, взяться было совершенно неоткуда...

— Не знаю, просто человек, — растерянно ответил Тао.

— Он живой? — поинтересовалась Фелле. — Что он делает?

— Ничего, лежит — и все. — Бывшая Тень из подземлий подумала и неуверенно добавила: — Кажется, живой...

— Так кажется или живой?

— Чего спорить, пойдем да посмотрим, — немедленно вмешался Крысенок.

Тао не ошибся. Неизвестно как умудрившись втиснуться в узкую щель между валунами, там лежал свернувшийся в три погибели человек. Рядом валялся короткий меч со слегка закругленным концом, покрытый высохшими разводами крови.

Когда неизвестного с трудом извлекли из его укрытия и перевернули на спину, киммериец негромко, но яростно проклял всех богов, каких только вспомнил, а Крысенок просто не поверил своим глазам.

— Сигурд!

Неудивительно, что они сразу его не признали, — рулевой «Вестрела» выглядел так, будто угодил на стигийские берега прямиком с кровопролитного сражения. Фелле, решительно отпихнув Конана и Вайда, присела рядом с неподвижным телом и попыталась определить, отправился уже ванахеймец на Равнины Мертвых или еще нет.

— Жив, — наконец произнесла она, донельзя изумленная этим простым обстоятельством. — Это свой?

— Это мой рулевой! — рявкнул разъяренный северянин. — Сет и его змееныши, что здесь произошло?

— Капитан! — негромко позвал Молчун. Голос у него был такой, что все обернулись. — Идите все сюда!

Он поднялся выше по склону и добрался до гребня каменистого холма, откуда открывался вид на полукруглую бухту. Шагах в тридцати от берега на маленьких волнах покачивались два корабля. Огромная длинная галера, на носу которой красовалась деревянная позолоченная фигура женщины с пышными формами, а рядом — казавшийся маленьким и невзрачным двухмачтовый карак. На берегу был разбит лагерь: пара походных шатров, вытащенная на берег лодка, дымящийся костерок, сложающиеся возле него в ожидании завтрака люди...

— «Красотка», — еле слышно сказал Вайд.

Ему никто не ответил — все остолбенело пялились на ровную зеленоватую гладь, переливающуюся под лучами полуденного солнца, и на два судна с убранными парусами. Тишину нарушил приглушенный сердитый голос Фелле:

— Чего стоите, как не знаю что? Этот рыжий, между прочим, сейчас концы отдаст — у него голова пробита и, кажется, ребра сломаны. Мне вода нужна и тряпки, может, еще получится залатать...

— Все, с меня хватит! — зло бросил Конан. — Фелле, Молчун, оставайтесь здесь. Фелле, если сможешь — постарайся спасти Сигурда. Ты... — он повернулся к Крысенку, продолжавшему во все глаза смотреть на море, точно не веря увиденному.

— Я пойду с тобой, — тоном, не терпящим возражений, заявил Вайд. Откуда-то он твердо знал, что не услышит привычного «нет, сиди здесь».

— Хорошо, — буркнул киммериец. — Только не делай глупостей. Вы двое, если что — возвращайтесь в форт.

Метос и Фелле молча переглянулись, и Крысенок понял — ни в какой форт они не пойдут. Если им выпало скоро умереть, то случится это именно здесь, на полосе сияющего белого песка возле спокойного и пустынного моря.

— Эй, погоди! — Фелле неожиданно вскочила, догнала уже отошедшего на несколько шагов Вайда и сунула ему в руки свой арбалет вместе с мешочком, из которого торчали

оперения стрел. Торопливо пробормотала: — Это последние, их там десяток, не больше. Удачи вам! — и бросилась обратно.

Что собирается делать Тао — никто не спрашивал. Это было понятно и так — маленький демон уверенной трусцой направился вслед за двумя поднимавшимися вверх по склону людьми.

* * *

Шесть человек из экипажа «Блудливой красотки», похотливо расположившиеся на берегу, ожидали от раскинувшихся кругом бескрайних лесов чего угодно, но только не появления оставленного на верную гибель Конана-киммерийца. Тем не менее вполне живой варвар шагал сейчас прямо к костру, сопровождаемый невысоким мальчишкой и странным черным зверем. В наступившей тишине отчетливо прозвучал стук упавшего в полупустой котелок ножа и чей-то сдавленный призыв к Митре. Дюжина изумленных глаз уставилась на подходившего северянина, точно он явился прямиком с Серых Равнин, откуда, как известно, еще никто не возвращался.

Замерший шагав в двух позади Крысенок мысленно порадовался тому, что не видит выражения лица капитана. Хотя радоваться было особо нечему — шесть человек, и неизвестно, сидят ли еще другие в стоящем неподалеку шатре. Если находящиеся у костра бросятся на них, можно успеть сделать пару выстрелов, а потом остается полагаться исключительно на ножи и на везение.

Один из корсаров — самый глупый или считающий себя самым смелым — неуверенно потянулся к висевшим на поясе ножам. Тао, нагнув голову, шагнул вперед и глухо зарычал. Намек был понят без слов — человек замер, не решаясь пошевелиться.

— Где Боргеса? — ровно и даже несколько равнодушно осведомился Конан. Широкое и длинное лезвие меча в его руке чуть покачивалось вверх-вниз, как язык собравшейся напасть змеи.

— Т-там... — один из трясущихся зингарцев указал на высокий шатер из плотного темно-алого шелка. — Он т-там с...

Почти одновременно с негромким окликом киммерийца: «Боргеса!» входные полотнища шатра раздвинулись и высунулась всклокоченная темноволосая голова.

— В чем де... — внезапно онемевший человек не договорил. Пожалуй, впервые в жизни Крысенок увидел, как происходит действие, обозначаемое словами: «Глаза на лоб полезли». Боргеса тупо вытаращился на незваных гостей, попытался что-то сказать, но издал только неразборчивое мычание.

— Где мои люди? — тем же спокойным и невыразительным голосом спросил капитан «Вестрела».

— Они на корабле, — отвечал не граф, а кто-то из сидевших у начинавшего медленно гаснуть костра. — Они все живы, но заперты в трюме...

— Ты! — Боргеса наконец справился с собственным языком. — Откуда ты свалился на мою голову?

— Из леса, — безразлично ответил киммериец. — Не все ли тебе равно?

Каким-то чудом граф сумел взять себя в руки, выбрался из шатра и встал на ноги. Крысенку даже стало немного жаль его — Боргеса был полностью ошеломлен случившимся. Он-то уверился в том, что треклятый варвар никогда больше не появится на его пути, и вот, пожалуйста!

Тягучее напряжение, повисшее над лагерем, прорвалось неразборчивым истошным воплем. Один из зингарцев не выдержал, схватился за меч и, прыгнув через затухающее пламя, попытался дотянуться до Конана. Звонко щелкнула спускаемая тетива, зажужжал тяжелый летящий болт.

Нападавшего, даже не успевшего сообразить, что случилось, отшвырнуло далеко назад. С пары шагов не промахнулся бы даже ребенок, а стрела ударяла не слабее лошадиного копыта, прошивая человека насквозь. Дергавшееся на песке тело постепенно затихало, но никто не обращал на него внимания.

— Мы можем договориться? — внезапно севшим голосом, из которого разом пропал металлический звон, спросил Боргеса. — Я заплачу... Сколько захочешь... Послушай,

я не хотел всего этого! — Он сорвался на крик. — Меня заставили!

— Ну и что? — хмыкнул Конан. — Какое мне дело до этого? Ты говорил, что не любишь проигрывать, вот и докажи.

Боргеса неожиданно успокоился и даже попытался улыбнуться. Улыбка вышла несколько кривоватая и вымученная.

— А ведь ты меня обманул, — негромко сказал он. — Камень не настоящий... Что тебе еще надо? Ключ у тебя, твой корабль и людей мы не тронули. Хочешь меня убить? Всего лишь за то, что я попытался разок обойти тебя? Я ведь сохранил тебе жизнь, хотя обещал расправиться с тобой.

— Век не забуду, — язвительно отозвался киммериец. — Только, видишь ли, дело в другом... Мне совсем не нравится, когда меня пытаются выставить отпетым болваном. Для кого ты доставал вещичку из подземелья? — резко закончил он.

— Для себя, — без запинки ответил Боргеса. — Нет, в самом деле, я хотел раздобыть ее для себя! Мне про нее говорил Вальдрио, правда, я не понял и половины того, что он нес. А когда узнал, каким образом он распорядился моим секретом, я...

— Ты его убил и сделал все, чтобы виновным в этом сочли меня, так?

— Ладно, — махнул рукой кордавец. — Я все понял. Уйдет только один, и так далее. Обещай хотя бы, что не тронешь моих людей. Они лишь выполняли приказ. Между прочим, я честно предложил твоей команде перейти ко мне, но они отказались...

— А Сигурд? — напомнил киммериец.

— Этот рыжий северянин? — Боргеса скривился, точно укусу хлебнул. — Он чуть не поднял бунт, устроил взбучку моим парням и сбежал. Не знаю, где он. Ты его встретил? Все вы, варвары, ненормальные...

Крысенок догадывался, каким будет исход разговора. Боргесе конец, его уже ничто не спасет. Зингарцы с «Красотки» вряд ли рискнут вмешаться в неминуемую схватку.

Остается только присматривать, чтобы не стряслось никаких неожиданностей. Вряд ли у графа спрятаны в лесу десяток-другой человек...

— Ты ничего не чувствуешь? — еле слышно спросил Тао, настороженно поворачивая голову во все стороны. — Здесь есть еще кто-то. Я его боюсь...

— Где? — Теперь Крысенок понял, что его беспокоит — холодный пронизывающий ветерок, возникший неизвестно откуда и порывами проносающийся над лагерем. Похоже, кроме Крысенка и Тени, никто не замечал ледяных воздушных струек. — Тао, оставайся здесь и смотри, чтобы никто из них даже пальцем не шевельнул! Я сейчас вернусь!

Демон понимающе кивнул и свирепо оскалил зубы — любому человеку, неосторожно решившему двинуться с места, сначала придется иметь дело с ним, Тао.

Крысенок сорвался с места и побежал в сторону близкого берега, уловив краем уха чистый свистящий звон — поединок начался. Теперь все зависело только от сражающихся, но Вайд не сомневался в том, кто победит.

Он миновал красный и темно-зеленый шатры, растянутые на колышках, пробежал мимо россыпи валунов, вспугнув гревшихся ящериц, и оказался на берегу моря. Холодный ветер дул навстречу и постепенно усиливался. Крысенок в растерянности огляделся — на побережье, кроме него самого и наполовину вытащенной на песок лодки, не было никого. Вайд потряс головой, пытаясь сообразить, откуда выползает свистящий морозный поток воздуха. Где-то неподалеку негромко заржала лошадь, ей ответила другая.

«Лошадь? Откуда здесь могут взяться лошади?»

Крысенку показалось, что он начинает сходить с ума: сначала ледяный ветер в краю, где камни скоро от жары потрескаются, потом конское ржание, хотя на ближайшие десять лиг в округе нет человеческого жилья! Может, уйти, пока жив и окончательно не свихнулся?

Среди тонких стволов подступавшей к самому берегу рожицы шевельнулось что-то крупное и темное, донесся отчетливый всхрап. Крысенок вздрогнул, выронил арбалет и схватился за сунутый за пояс кинжал. Привычная шер-

шавость рукоятки успокоила и заставила прийти в себя. Ну да, там, в роще, стоит лошадь. Похоже, не одна. Неизвестно, правда, откуда она появилась, да лошадь ли это вообще? Может, какой-нибудь здешний зверь... Но антилопы, кажется, ржать не умеют? Проще пойти и посмотреть.

Крысенок оглянулся и прислушался. Он отбежал от лагеря довольно далеко, но звуки продолжающейся схватки долетали даже сюда. Его присутствие на месте боя ничего не изменит — толку в драке от него все равно немного. Капитан прекрасно справится и сам, а в случае чего Тао поможет.

Новый леденящий порыв пронесся над берегом. Теперь Вайд не сомневался — источник зловещих дуновений находится в роще или за ней. Было страшновато. Не так, как возле входа в подземелья, а как возле заброшенного ночного кладбища. Да, именно кладбища... Крысенок стиснул нож крепче и шагнул вперед.

Рошица оказалась совсем маленькой. Вайд, прячась за стволами, быстро прошел ее насквозь и столкнулся нос к носу с четырьмя вороньими конями. Запряженные в зеленую с золотом колесницу лошади были крепко привязаны к крайним деревьям и тревожно фыркали, переступая с ноги на ногу. Увидев незнакомого человека, внезапно выскользнувшего из зарослей, четверка испуганно шарахнулась в сторону, мотая головами и пытаясь оборвать привязь.

Крысенок испугался едва ли не больше их. Его поразила колесница, сделанная в виде огромной кобры, раскрывшей капюшон. Плоская морда с разинутой пастью поднималась над спинами лошадей, скалясь кривыми клыками.

— Если это не Сет, то я... — начал было Вайд и оборвал сам себя, сообразив, что стоит подумать о другом — где владелец упряжки? А также кто он, как сюда попал и зачем? Непохоже, чтобы кони проделали долгий путь, да и колесница скорее парадная, чем дорожная...

Крысенок запоздало догадался, что усталился прямо в спину таинственному хозяину вороных и странной повозки. Высокий человек в просторной белой одежде стоял, не двигаясь, у самой полосы прибоя и неотрывно смотрел на два ко-

рабля посреди бухты. Крысенок обратил на него внимание только в миг, когда незнакомец плавным движением поднял правую руку. Солнечные лучи блеснули на широком медном браслете в виде свившейся тремя кольцами змеи.

— Что он затеял? — задумчиво пробормотал Вайд, наблюдая за действиями неизвестного и не замечая, что ему уже не страшно. Он опасался этого человека, как опасался бы дикого незнакомого животного, и только. Сейчас они были равны, и следовало любой ценой помешать человеку в белых одеждах сделать то, что он хотел.

Холод стал просто невыносимым. Так, глядишь, и до снега скоро дойдет. Снега Крысенок никогда в жизни не видел, но по рассказам представлял, как он выглядит.

На поднятой ладони неизвестного затанцевали крохотные язычки огня, бесцветные и неразличимые в ярком солнечном свете. Пламя постепенно росло, приобретая зловещий багровый оттенок и вытягиваясь в сторону моря. Спустя еще одно невероятно длинное мгновение шар из дымного косматого огня сорвался с руки своего создателя и плавно понесся над волнами. Мысленно продолжив его путь, Крысенок понял, где и чем завершится неспешный на первый взгляд полет. Шар неминуемо врежется в борт «Вестрела», и просмоленное дерево тут же вспыхнет...

— А вот и нет, — зло бросил Крысенок. — Не выйдет.

Пламенный комок преодолел почти половину пути и сейчас находился на равном расстоянии от карака и от галеры.

— Не выйдет, — упрямо повторил Вайд, совершенно не представляя, как он сможет помешать стремительному движению магического огненного клуба. Зато он очень хорошо представил, как вспыхнет и пылающим костром поплывет по воде «Вестрел». Костром, на котором сгорит вся команда, оставшаяся в трюме корабля. Нужно немедленно, любым способом остановить летящую смерть. Или заставить шар свернуть и направиться в другую сторону. Вот только как?

«А если эта штука, как чудовища в Лабиринте, слушается мысленных приказов? — лихорадочно рассуждал Кры-

сенок, следя за ровно, как по ниточке, движущимся языком огня.— Попробовать приказать ей повернуть?»

И тут послышался голос Лабиринта. Вроде бы говорил Он медленно, тихо и размеренно, но на самом деле весь безмолвный диалог между Лабиринтом и Вайдом не длился и трех мгновений.

«Слышишь меня?» — спросил Лабиринт.

«Слышу,— отозвался Крысенок.— Помоги скорее!»

«Постарайся сосредоточиться, выкинь из головы все посторонние мысли. Почувствуй свою мысль, облеки ее в желание. Желание преврати в Силу. Получается?»

Внутри Вайда начали нарастать странные изменения, будто кто-то невидимый, но обладающий невероятной мощностью вдохнул в него часть этой мощи. Это было подобно опьянению, как если бы человек выпил полный кубок старого аквилонского вина единым духом. Сила, пришедшая извне, разлилась по телу, согревая и будоража. «Собери ее в один луч,— посоветовал Лабиринт.— Луч направь на огненный шар. Как только они соприкоснутся, отдай приказ. Все очень просто».

Крысенок закрыл глаза. Перед внутренним взором Сила предстала в виде горячего, но не обжигающего бездымного огня. Он попытался собрать его в одну точку и сделать так, как приказывал Лабиринт. Вроде получилось.

— Стой! Да остановись же ты! — Вайд послал Силу к созданному неизвестным языку пламени, но, не сумев совладать с ее потоком, промахнулся. Огонь Лабиринта лишь слегка коснулся магического порождения. Никаких заметных изменений не произошло — шар все так же направляется к своей цели.

— С-скотина,— прошипел Вайд.— Стой!

Он снова собрал всю дарованную ему Лабиринтом мощь в пучок, зажмурился, сжал кулаки и, качнувшись всем телом, отослал приказ вперед. Над океанскими волнами сверкнул голубоватый луч, ударивший в пламенный шар.

Пылающий сгусток замедлил ход и, точно сомневаясь в правильности указанного ему пути, вильнул влево-вправо. Высокий человек на берегу встревожился, но не особенно.

«Получается, получается! — Крысенок от радости едва не завизжал вслух.— А теперь вперед!»

Огонь рванулся, как охотничья собака, услышавшая приказ: «Взять!» Пролетел над волнами, оставляя след из клубящегося пара, чуть поднялся вверх и со всего размаху впечатался в высокий, слегка изогнутый борт «Красотки». Пламя мгновенно охватило почти весь корабль, взлетев вровень с мачтой. Над галерой клубами повалил густой черный дым, сквозь который проблескивали красные всполохи. Крысенок разглядел две или три фигурки, успевшие прыгнуть с горящего судна в море, но больше, похоже, не спасся никто.

Вайд смотрел на окутанный пламенем и дымом корабль, склонив голову набок, и тихонько насвистывал. Он не испытывал особой жалости к оставшимся на «Красотке» — они бы при случае поступили точно так же, если не хуже.

Но что-то произошло вокруг — то ли в мире, то ли в нем самом. Теперь он знал, как зовут человека не берегу, знал, кто разговаривал с ним в подземельях и что ждет его самого в дальнейшем... Нельзя сказать, что от этого знания становилось радостнее, но зато наступило облегчение.

На дне выгребной ямы нашлась не единственная монетка, а целая алмазная россыпь. Оставалось только придумать, как ею распорядиться.

Крысенок выбрался из-за деревьев, отряхнул штаны от налипшего песка и палой листвы и не спеша подошел к одинокой фигуре у полосы прибоя. Услышав приближающиеся шаги, человек оглянулся.

— Вообще-то это корабль моего друга,— извиняющимся голосом сказал Вайд.— Да и как бы мы отсюда выбрались, без корабля? А тебе лучше убраться отсюда, да поживее. Кое-кто не откажется сменить все сокровища из пещер на твою голову.

— Даже так? — с легкой иронией спросил незнакомец. Когда он обернулся и заговорил, у Крысенка пропали последние сомнения. Именно этого человека имел в виду Тао, говоря о своем создателе.

Вместо ответа Крысенок кивнул и отступил на пару шагов в сторону. Сейчас он еще не может бросить вызов этому поклоннику Сета, но когда-нибудь, очень скоро...

Стигиец неторопливо отвязал своих лошадей, тревожно косящихся по сторонам, и забрался в колесницу. Прежде чем тронуть упряжку с места, он повернулся к снова зашвыстившему Крысенку:

— Кто ты?

— Хозяин Лабиринта,— беспечно ответил Вайд.— Постарайся не вставать на моем пути.

В глубине черных, глубоко посаженных глаз мелькнула тщательно скрываемая ярость.

— Хозяин? — проскрежетал Тот-Амон. — Молокосос, да ты хоть представляешь, во что ввязался?

— Понятия не имею,— откровенно признался Вайд.— Объясни!

Колдун стоял на колеснице будто замеченная снегом скала — непоколебимый и суровый. Темные глаза его смотрели вроде бы бесстрастно, но некоторое волнение выдавали руки: длинные сильные пальцы мяли поводья, и Крысенку показалось, будто ладони Тот-Амона чуть подрагивают. С чего бы? Неужели стигийский маг боится мальчишки?

— Ты связался с живым подземельем,— тяжело уронил колдун, выделив голосом последние два слова, а потом задумчиво повторил: — Да, живое подземелье. Смертным можно иметь дело лишь со смертными, не впутываясь в дела высших Сил. А сила, скрытая там, под холмами,— одна из таких. Ты встал на путь, ведущий к гибели. Человек не может быть Хозяином подземелья. Это у тебя сейчас появился хозяин. Думаешь, почему я не нападаю на тебя, хотя мог бы обратить в пепел за краткий миг?

— Ну? — простодушно спросил Вайд.

— Твой хозяин разгневется, если я отберу у него новую игрушку.— В голосе мага звучало нескрываемое презрение.— А я — человек благоразумный и стараюсь не раздражать лишний раз высшие Силы. Запомни, мальчишка, Лабиринт исключительно могуществен, и благодарение Сету, что он мало интересуется делами большого мира. И я не хочу, что-

бы он стал ими интересоваться. Если твой нынешний повелитель выползет из своих пещер, ему несдобровать. Я не угрожаю. Мой владыка просто предупреждает.

Вайд покосился на колесницу, и ему почудилось, будто глаза кобры недобро сверкнули.

— Уезжай. У тебя своя дорога, у меня своя,— ответил Крысенок и отвернулся. После недолгой паузы громыхнул голос Тот-Амона:

— Они пересекутся, эти дороги. Много раз. Как дороги наших владык, так и мои с тобой. Что ж, я не прощаюсь надолго. Привет твоему капитану.

Маг хлестнул поводьями обиженно заржавших коней, колесница выехала на полосу слежавшегося, плотного песка и быстро покатила прочь от лагеря. Крысенок посмотрел ей вслед, тихонько рассмеялся и прислушался — неподалеку хрустели безжалостно ломаемые ветви. Кто-то лез напролом через рощу, яростно круша все, что вставало на пути. Вполне может быть враг. Но сейчас Вайд не испугался, он вдруг понял, что теперь вообще ничего не боится.

Даже капитана Конана.

В нем, в Крысенке, беспутном пиратском юнге, над которым смеялись все и каждый, за какие-то мгновения случились такие изменения, что Вайд даже не представлял, во что его превратила Сила Лабиринта. И почему именно его? Однако руки-ноги на месте, голова цела, соображает вроде сносно. Крылья, как у летучей мыши, не выросли, и даже, что характерно, крысиного хвоста не появилось. А ведь могло — с этой магией в такое вляпаться можно — собственный капитан не узнает, не говоря уж о родной матери.

Но зато Вайд теперь точно знал, что неприятный господин по имени Тот-Амон испугался вовсе не Лабиринта, а его, зингарского оборванца. Недаром у стигийского колдуна руки дрожали. Пускай имеющаяся Сила пока не своя, а целиком заемная, но и собственная рано или поздно появится. И тогда посмотрим, кто победит в споре — служитель Сета или Хозяин Лабиринта.

Но зачем Лабиринту такой Хозяин? Беда с этими древними богами...

Черный однорогий зверь оказался на берегу первым. Увидел Крысенка, радостно завизжал и бросился навстречу. Выбравшийся вслед за ним человек был настроен куда мрачнее.

— Какого демона ты смылся? — рявкнул Конан, удивившись, что перед ним действительно Крысенок. — Видел, что стряслось с «Красоткой»?

— Конечно, — согласно кивнул Вайд. — Не сердись, я тут встретил одного твоего старого друга, и мы немного побеседовали. Он тебе привет передавал. Такой любезный...

— Какого друга? — настороженно спросил киммериец. — Здесь? Ты опять за свое?

— Да ты его хорошо знаешь, — весело сказал Крысенок, — и Тао знает. Он маг, маг из Стигии. Предпочитает называть себя Тот-Амон.

— Что?! — взвыл Конан. — Где он?

— Уехал. Он не получил желаемого, а в отместку пытался поджечь «Вестрел», — пожал плечами Крысенок. — Не слишком достойный поступок даже для стигийского мага, не находишь?

— Крысенок, — медленно и веско начал северянин. — Если ты опять врешь, я из тебя...

— Да не вру я ни капельки! — возмутился Крысенок. — Человеческим языком тебе говорю: нас тут поджидали. Если бы Боргеса не добыл подлинный камень, то следующим пришел бы Тот-Амон. Но ни тому ни другому не повезло. Маг сейчас торопится к своему кораблю, так что вам надо успеть смыться отсюда, а второй... Что с графом?

— Ничего, кроме хорошего, — хмыкнул Конан. — Этот гаденыш настолько привык полагаться на других, что сам даже не знает, за какой конец меч держат!

— Ты его... — осторожно поинтересовался Крысенок.

— Больно надо! Живой он. Увидел, как «Красотка» полыхнула, и грохнулся в обморок. Кто ее так, бедную?

— Я, — с гордостью сказал Крысенок и хихикнул. — Не веришь? Я так и знал...

Эпилог

Западный Океан, борт «Вестрела»

Так вот, я и говорю — этот троллий выкормыш свалился нам как снег на головы. Мы пришли на пару дней раньше срока, встали в бухте, утром просыпаемся, а он рядом торчит, — Сигурд допил содержимое своей вместительной кружки, неловко повернулся и болезненно охнул.

— Будешь вертеться — на всю жизнь останешься кривобоким, — притворно строгим голосом сказала Фелле. — Разбивать головы — это вы, варвары, мастера, а кому вы нужны-то будете, с пробитыми головами? Ладно, что потом было?

— Он заявил, что все, вместе с капитаном ушедшие в лес, погибли, — ванахеймец, стараясь двигаться как можно осторожнее, протянул опустевшую кружку Санче, взявшей на себя должность главного виночерпия «Вестрела». Девушка наклонила стоявший рядом с ней бочонок, темно-алая струя хлынула в подставленный сосуд. — А я сказал, что поверю в это, только когда увижу трупы собственными глазами. И то буду очень долго сомневаться. Короче, мы полаялись, нас растащили, хотя в морду я ему дать успел.

— Два раза, — уточнил Зелтран. — Санча, плесни-ка и мне немножко. Потом его побитая светлость долго заливался соловьем и звал нас перейти к нему. Мол, вашего капитана все равно в живых нету, и другого выбора нет. Мы подумали и ответили, что веры в его слова у нас тоже

нету. А если наш капитан действительно погиб, то по обычаю имеем полное право выбрать себе другого, из своей команды. И советы его нам без надобности. Он жутко обозлился и ушел, а мы решили ждать, как договаривались. До срока-то еще было три или четыре дня.

...Шесть человек сидели на нижней палубе карака, на низкой крыше кают-компания, застеленной звериными шкурами. Кораблик, всеми парусами ловя попутный ветер, быстро уходил от поросшего лесом пустынного берега. Посреди оставшейся позади бухты, выгнувшейся подковой, исходил дымом наполовину сгоревший остов большого судна. Остатки некогда гордого корабля чудом держались на плаву и походили на перевернутый обглоданный скелет кита. Обгоревшая до угольной черноты носовая фигура печально таранилась на далекий горизонт. К вечеру бывшей галере графа Боргесы наверняка было суждено затонуть.

— А на следующий день объявился этот... стигийский колдун, Тот-Амон, чтоб его припекло и на том, и на этом свете! — снова вмешался Сигурд, считавший, что рассказ о событиях на караке должен принадлежать только ему, как самому активному участнику и свидетелю происходившего. — Ух, как он орал на Боргесу! Даже у нас на борту было слышно. Кричал, что доверился полным болванам, которые провалили все его планы. Что втянули в дело лишнего человека, да еще такого, что нарочно не придумаешь! Будто позволили провести себя, как сопливые младенцы, и что все потеряно. Короче, много разного кричал, потом угомонился и послал беднягу графа к нам. Тот после нахлобучки был не то чтобы бледный, а слегка синеватый с прозеленью. Его позарез интересовали наши намерения. Мы честно ответили — ждать. Боргеса вяло намекнул — не могли бы мы ждать где-нибудь в другом месте. Тогда мы послали его подальше, а он даже не обиделся. Колдун его так допек, что он и на берег возвращаться не хотел. Сидел, ныл весь вечер, как ему не везет в жизни, а потом начал приставать к Санче.

— Мерзавец исключительный, этот ваш граф, — зло бросила девушка. Половина ее лица была скрыта повязкой и распушенными волосами.

Несмотря на свое легкомыслие и ветреность, подружка капитана «Вестрела» совершенно не собиралась выступать в роли переходящего приза. О чем и сообщила Боргесе, для верности сопроводив слова оплеухой. Умело изобразивший оскорбленного до глубины души аристократа, Боргеса схватился за меч, немедля выбитый Сигурдом, и поднял крик.

— Половина его мерзавцев сидела в лодках у нас под бортом и ждала, когда он заголосит, — мрачно сообщил Зелтран. — И рванула якобы спасать своего капитана. Хоть их и потрепали в лесу, но нас-то все равно было в три раза меньше... Вот и пришлось сдаться, а то бы перебили нас за милую душу. Сигурд пробился, прыгнул за борт, чтобы вас встретить, если что...

— Ну да, и нарвался на берегу на засаду, — хмыкнул неунывающий ванахеймец. — Повезло, что ночью они не стали меня искать. А то добили бы с удовольствием. Я хотел и Санчу с собой утащить, да не получилось...

— А-а! — с досадой отмахнулась девушка. — Сама виновата. Страшно было прыгать, высоко же, и плаваю я не очень...

Она с вызовом поглядела вокруг, но никто и не думал смеяться. Фелле сочувственно вздохнула, и Санча, шмыгнув носом, тихонько спросила:

— А Крысенок что, совсем не вернется?

* * *

...После внезапно вспыхнувшего на «Красотке» пожара Метос и Фелле, плюнув на всякую осторожность, примчались в лагерь, с твердым намерением либо героически пасть, либо узнать, что творится. К их удивлению, в лагере их встретили живые и невредимые Конан и Вайд, а также не совсем пришедший в себя Боргеса. Зингарцы из бывшей команды «Красотки» сочли за лучшее быстро сменить хозяина. Теперь они с мрачными физиономиями сворачивали шатры и копали могилу для своего приятеля, застреленного Крысенком.

Не менее мрачный Крысенок сидел на валуне, не отзываясь ни на какие вопросы. Тао околачивался поблизости,

путаясь у всех под ногами и недоумевая, почему его друг молчит. Лишь когда с каменного холма притащили неподвижного Сигурда и уложили в лодку поверх сложенных на дне вещей, Вайд оторвался от камня, окликнул капитана и сел обратно.

— Я остаюсь,— угрюмо сообщил Крысенок. Присевший рядом Конан удивленно присвистнул.

— Что? Умом тронулся?

— Мы с Тао остаемся и возвращаемся обратно,— внятно выговаривая каждое слово, повторил Вайд.— В Лабиринт.

— Зачем? — ошарашенно поинтересовался киммериец, окончательно уверившись в том, что Крысенок спятил.— Свет клином сошелся на этих пещерах?

— Сошелся,— уныло согласился Крысенок.— Против судьбы не попрешь. На, возьми.

Он вытащил из кармана тонкую цепочку с качающейся на ней серебряной раковинкой и голубым камнем.

— Выпьете в Кордаве за мое здоровье. Кстати, передай Чабеле: Тот-Амон в Зингаре больше не появится.

— Ты-то откуда знаешь? — недоверчиво спросил Конан, пряча драгоценную вещичку.— И как ты без этой штуки войдешь обратно? Да как вообще туда доберешься?

— Я теперь много чего знаю,— отозвался Крысенок и невесело улыбнулся.— И про себя, и про тебя, и еще много разного. Кстати, Тот-Амон нас не нанимал. Нас просто позвал Лабиринт. Древние боги способны на многое, в том числе и на такие авантюры. Это он передал нам карту, используя Вальдрио и простофилю стигийца. Лабиринт хотел видеть меня. А за то, что капитан Конан привез меня сюда,— дал ему награду в виде камешков. Это очень хорошие алмазы, честно.

— Сам знаю,— буркнул Конан.— Только как все-таки ты собираешься пройти через Дарфар? Сгинешь ведь!

— Я доберусь, — твердо сказал Вайд.— А Ключ... Он всего лишь приманка. Красивая игрушка. Слишком многие хотели в нее поиграть, а досталась она мне... Удачи тебе и счастливого пути.

Он поднялся с камня и свистнул прилегшему рядом Тао. Маленький демон с готовностью вскочил, фыркая и помахая пушистым хвостом. Киммериец остался сидеть, удивленно смотря вслед уходившей странной паре, затем вскочил и, сделав пару прыжков, догнал их.

— погоди, ты действительно собираешься пройти через джунгли? В одиночку?

Крысенок снизу вверх посмотрел на него и молча кивнул.

— Крысенок,— Конан оглянулся и понизил голос.— Мне начинает казаться, что ты не сошел с ума, но влип в нехорошую историю. Ты сказал, будто сжег «Красотку»...

— Сжег. Правда, Тот-Амон к этому тоже приложил свои волосатые лапы. Нечаянно.

— А теперь хочешь снова забраться в пещеры. Что ты сделал с собой?

— Ничего,— хмыкнул Крысенок.— Прыгнул за монеткой.

— Чего? Какой монеткой? — не понял северянин.

— Я уже рассказал тебе одну сказочку, но платы так и не получил. Ладно, послушай вторую. Однажды молодому наемнику предсказали, что он станет королем. Так оно и случится. Но если дикий северный варвар может занять трон, то почему бы уличному воришке не стать магом, а?

— Этого я никому не рассказывал, а тем более тебе! — возмутился Конан.

— А я и так знаю,— невозмутимо сказал Вайд.— Пошли, Тао!

* * *

— Не вернется,— неохотно ответил киммериец.— На что он тебе сдался? Вы же ссорились десять раз на дню.

— Ну и что? — удивилась Санча.— Потом помирились... Жалко.

Метос поднял лежавшую рядом с бочонком потрепанную виолу, попробовал подобрать простенькую мелодию. Инструмент отозвался жалобным звоном.

— Перестань,— скривилась Санча.— Кому налить?

Она собрала протянутые кружки и принялась по очереди наполнять их. Раздавшийся на юте крик заставил ее вздрогнуть и пролить часть вина на палубу.

— Парус! — орал вахтенный. — Парус на восходе! Галера!

— Быстро убрать все! — Конан вскочил на ноги. — Сигурд, ты куда? Сидеть! Фелле, присмотри за ним!

— Но... — заикнулся было возмущенный рулевой, насильно отстраненный от дел. Его не услышали. Команда, грохоча по трапам, высыпала наверх, пристально выискивая на горизонте замеченный парус.

— Шемиты, — определил киммериец, углядев движущееся темное пятно. — По местам, к повороту! Зелтран, где тебя носит?

«Вестрел» описал плавную дугу, меняя галс, и стремительно понесся наперерез неторопливо взмахивающей веслами галере.

ДИКАЯ ОХОТА

Глава первая

Далеко на северо-востоке от земли гирканцев, за полулегендарной Пантенией раскинулась страна ветланов. Цивилизация почти не коснулась этого заснеженного края, и лишь редкие торговцы, сбившись с пути в непогоду или спасаясь от кровожадных разбойников, случайно попадали сюда, неся с собой необычные для этих мест товары. И случалось, здесь они и оставались до конца своих дней. Кто-то просто долго откладывал отъезд, опасаясь дальнего пути, и затем постепенно забывал о возвращении домой, обзаводился чадами и домочадцами и поселялся в новом, тщательно собранном умране навсегда. А кого-то сразу привлекли доброта, простодушие, открытость и доверчивость ветланов, и он обрел здесь счастье и душевный покой.

Ветланы и впрямь изумили бы любого человека, называющего себя цивилизованным, тем, насколько складом характера напоминали детей, не знающих, что такое зло. Воинов у этого народа не было. Поразительно, но они никогда и ни с кем не воевали. Жили они на самом берегу Северного моря, почти круглый год покрытого льдами. Тундра, вплотную подходившая к берегу, казалась зеленой и плодородной только ветланам. Любой чужак погиб бы среди этих низкорослых деревьев, чахлой травы, странных мхов и необычных зверей. Как далеко простиралась тундра, никто не знал, ибо ни один охотник не проникал в нее дальше чем на три дня пути.

С запада земли ветланов прикрывали горы. Снег лежал на голых, острых камнях почти весь год, бесконечные ледники, оползни, лавины, камнепады делали их практически неприступными. К тому же солнце не баловало эти края и по полгода не показывалось на небе, а кому захочется ползать по опасным скалам при неверном, призрачном лунном свете?

На востоке... Что было на востоке, знал лишь Великий Шаман, ибо только он мог разговаривать с Тнарганом — богом солнца, которое как раз с востока и приходило к ветланам. Именно Великий Шаман должен был рассказывать божеству о всех деяниях его народа, и хороших, и плохих.

И лишь когда Тнарган сочтет, что хороших дел набралось уже много, он явит миру свой лик. Если бы ветланы не верили так свято в могущество Великого Шамана, в его искренность и правдивость, они поняли бы, конечно, что, твори они добрые дела или злые, солнце все равно явится в свой срок. Однако обмануть их было несложно, ибо они не знали лжи и считали, что у человека, говорившего неправду, распухает язык и тот не может дышать, а значит, погибает.

У ветланов не было ни правителей, ни вождей. Слушались тех, кто дожил до седых волос, и наиболее удачливых охотников. Как и во многих северных странах, где жизнь была полна опасностей и лишений, люди покидали этот мир довольно рано, и потому совершенно понятно, что тот, как говорили ветланы, кто раньше всех увидел солнце, оказался и наиболее хитрым, и наиболее смелым, и наиболее выносливым. А раз у него хватило ума много раз приветствовать Тнаргана, то и другим не зазорно прислушаться к его советам. Никто не осмеливался перечить старикам, их слово всегда было решающим. А удачливый охотник — это кормилец. У северного народа было принято делиться добычей. Разве можно сытно есть, если соседу не повезло на охоте и его дети голодны? Поэтому часто и охотились сообща, чтобы в домах всегда были и пища, и свет, и тепло.

Все это давали олени, алпачи и морские быки. Мясо замораживали и, мелко настрогав, ели сырым, из шкур шили обувь и ими же покрывали жилища-умраны, а жиром освещали и отапливали жилища: жир, горевший в каменных площадках, давал достаточно и света, и тепла, настолько, что даже грудные младенцы не мерзли долгими зимами, а это было очень важно, ибо к детям ветланы относились особенно. Не иметь детей — великая беда. Чем больше их в семье, тем счастливее и сами родители, и весь род.

Малышей никогда не наказывали, не ругали, не били. Никому и в голову не приходило отмахнуться от ребенка, потому что он мал и глуп. Ветланы считали, что человек при рождении уже обладает опытом и памятью всех предшествовавших поколений, а взрослея, может потерять их, если не прислушиваться к словам ребенка и не давать ему действовать по-своему. С первых самостоятельных шагов, с первых осмысленных слов любой ветлан становился равноправным членом сообщества, трудился наравне со всеми по мере своих постепенно возраставших сил, охотился, участвовал в общих советах, когда собирались жители всего стойбища и обсуждали наиболее важные вопросы.

В каждом отдельном стойбище жили, как правило, несколько семей. Обычно поселение насчитывало не более десяти умранов, и это было связано с тем, что люди не должны мешать друг другу охотиться, а кроме того, тундра, не слишком щедрая к людям, не могла накормить сразу многих. Давала же она и жерди для умранов, и лучинки на растопку, и травы, которые женщины собирали по весне, а потом, долгой зимой, заваривали как чай или клали в еду как приправу, когда надо было сварить похлебку, которой кормили малых детей, чтобы они росли крепкими и здоровыми, или больных, чтобы придать им силы, которая может выгнать из тела злобных духов — келе.

Духи у ветланов были разные, и добрые, и злые. Жили они повсюду, а где именно, никто не знал, кроме Великого Шамана, который и договаривался с ними по своему усмотрению. Любили келе слушать бубен Шамана, а он, выстукивая сложные, только ему известные мелодии, звал духов на

помощь, когда ветланы шли охотиться, умиротворял келе, когда они собирали колючие ветры, и те носили над землей обжигающе холодный снег, закрывая тропинки, заметая следы, уговаривал духов покинуть тело, когда келе поселялся либо в спине, либо в голове, в руках, ногах охотника и не давал тому даже пошевелиться от боли.

Не всегда келе слушались Шамана, и тогда тот пояснял, почему так произошло. Чаще всего — потому, что ветланы принесли не ту или не столь обильную жертву, какая требовалась духам, но иногда и потому, что, по мнению Шамана, человек вел себя неподобающим образом, не уважал стариков, не слушался Великого.

Могучий и всесильный человек — Великий Шаман. Трудная у него жизнь. Потому и умран у него самый большой и теплый, укрытый лучшими оленьими шкурами. Пол устлан белоснежными песцами, котел для еды — медный, а плоски вырезаны лучшими мастерами из бивней морских быков. Возле его умрана стояли несколько других, попроще. В одном обитали его помощники, которых он сам для себя отбирал среди наиболее смысленных ребятишек. В другом — женщины, обслуживавшие Шамана. Они грели его постель, чтобы духи холода не овладели Шаманом, готовили ему пищу, тщательно вылизывали посуду, чтобы остатки еды не портили Великому аппетит, шили для него одежду и обувь, разукрашивая их кусочками самого лучшего меха, ворсинками от шкур оленей, зубами пойманных охотниками хищников.

Никто, даже он сам, не знал, сколько Шаману лет. Да и не считали никогда ветланы года. Пять пальцев на руке — это известно даже самому малому ребенку. А сколько же надо рук, чтобы сосчитать, сколько раз светлый Тнарган восходил на небо? Во всем стойбище не наберется столько. И не стоит даже тратить время и силы на такую ерунду. Живет себе человек и живет, пока не настанет ему пора отправляться в дальний путь — в иную жизнь.

А закроются его глаза навсегда, соберутся люди, споют ему последнюю песню, оденут в новую меховую куртку, в каких ходили все ветланы, Шаман возьмет бубен, чтобы

оповестить всех, что еще один человек собрался в дорогу, и отнесут тело в тундру. Там его отыщут звери и справят по усопшему тризну, используя его самого как угощение. И лишь тогда попадет он на берег большого теплого озера, где встретит его бессмертная Рультана. Только один вопрос задаст она прибывшему: «У тебя были дети?» И если оставил человек после себя большое потомство, ждут его хороший умран, удачная охота и долгая жизнь, похожая на праздник. А коли прожил он зря, не посеял новую жизнь, рассердится Рультана и утопит его в озере. Зачем ему вечная жизнь, если короткой он распорядился так глупо и неумело?

Не всегда ветланы покорно ждали, когда придет их время покидать этот мир. Если нападали на человека особенно упрямые келе, которые ни за что не соглашались покинуть его тело, или старость отняла все силы, что даже двигаться стало трудно, надо было лишь сказать родным: «Хочу уйти». И тогда никто не может отказать в такой просьбе. Самые близкие возьмут тонкий пушистый мех и накроют им лицо желающему уйти, и будут держать до тех пор, пока его дыхание не остановится и сердце не перестанет биться, укажут дорогу к Рультане. И вовсе не потому это, что злы и бессердечны ветланы. Жизнь у них такая: старый и беспомощный отнимает силы, внимание, да и еду, которая нужна детям, чтобы они поскорее выросли. К тому же нельзя отказывать, если тебя о чем-то просят. Да и что эта жизнь, когда человека ждет другая, более счастливая, сытная и легкая? Ветланы не плакали и не горевали долго, когда кто-то уходил: рано или поздно все они обязательно встретятся.

Чужаку их жизнь показалась бы скучной, убогой и однообразной. Но это не так. Знали ветланы и радость, и любовь, и счастье, и печали, и даже ненависть ведома некоторым из них, хотя с этим чувством они старались бороться, ведь не рождался человек с ненавистью, видимо келе ему нашептывали ее. Главное их свойство — доброта. И еще честность. Никогда ветлан не нарушал данного им слова, никогда не отступался от намеченного, если уверен,

что цель его благородна, хотя вряд ли кто из них и слово-то такое знал: благородство. Просто оно естественно для них, как дыхание.

Истинными детьми природы были ветланы. И жизнь их, обычай, устои, отношения были так же просты и безыскусны. Доверчивые и открытые, щедрые и гостеприимные, они порой казались жестоки, как бывает жестока сама природа, которая позволяет зверям пожирать друг друга. Они никому не навязывали свой образ жизни, но для себя другого не мыслили. Они просто жили, не мечтая ни о славе, ни о богатстве, ни о власти. В их языке даже не было таких слов.

Но время неумолимо. Оно движется вперед, и меняются нравы, меняются люди, происходят самые невероятные события, и это тоже надо понять и принять, ибо ничто не бывает неизменным, даже сама природа.

* * *

Уже очень давно не было солнца. День не сменялся ночью, тьма царила над миром, и только луна проливала на заснеженную землю ровный неяркий свет. Сколько длилась зима и как скоро она сменится летом, Млеткен не знал, ибо, как и все ветланы, вел счет пятерками — по числу пальцев на руке. А дни и ночи, длившиеся в северном краю так долго, не поддавались такому исчислению.

Млеткен проснулся, обвел еще мутным спросонья взглядом свой умран и сразу заулыбался: пол, застеленный прочной алпачьей шкурой, тщательно выметен, в каменных площадках, наполненных свежим жиром, весело горел огонь, который жена Млеткена, Уквуна, подправляла время от времени костяной палочкой, чтобы на стены не садилась копоть. Сестра охотника, Анкаля, ловко орудуя острым ножом, сделанным из бивня морского быка, строгала большой кусок мяса на завтрак.

Славные женщины в его умране! Жена Млеткену досталась тихая, приветливая, работающая, а главное — подарила ему уже двоих сыновей и скоро родит третьего ребенка. Сестра — красивая, добрая, умная. Она во всем помогала Ук-

вуне, возилась с ребятишками, готовила еду, да еще успевала шить прекрасную одежду с изящными украшениями.

Вчера Млеткен сказал им, что собирается на охоту, вот они и поднялись пораньше, чтобы подготовить все необходимое. Определенно, ему повезло в жизни. Жаль только, отец, которого задрал давным-давно белый кровожадный медведь, не видел его счастья. И мать не дождала до хороших дней, когда сын вырос и стал лучшим охотником в стойбище. Вселился в нее злой келе, жег бедную женщину огнем изнутри, тряс ее тело, лишил рассудка. И тогда, ненадолго придя в себя, попросила она помочь ей уйти. Как ни горько было Млеткену, но не мог он отказать матери в ее последней просьбе.

Млеткен тряхнул головой, отгоняя тяжелые думы, и, сладко потянувшись, поднялся. Анкаля тут же протянула брату костяную плошку:

— Поешь. Уйдешь надолго, тебе надо хорошенько подкрепиться.

Охотник набрал целую пригоршню замороженного почти до белизны мяса и с удовольствием положил его в рот. Хорошая это еда, сытная, силы дает большие, глаза делает острыми, руки — крепкими. Млеткен ел молча и сосредоточенно, как и все ветланы, которые относились к пище очень серьезно. Покончив с мясом, он пожевал кусочек вяленой рыбы, а затем взял плошку с горячим травяным отваром. Прихлебывая ароматный напиток, он смотрел на жену, не переставая удивляться, как повезло ему, что эта чудесная женщина вошла в его дом. Уквуна, положив руку на уже заметный живот, сказала мужу:

— Еще долго ждать. Но, думаю, Тнарган уже увидит нашего малыша.

Млеткен важно кивнул, допил отвар, встал и натянул куртку, сшитую из тонкой оленьей шкуры и подбитую белоснежными песцами. Затем он взял несколько гарпунов, наконечники к которым вырезал сам, и тонкий, но прочный кожаный ремень с привязанным к нему крюком. Положив снаряжение в торбу, охотник повернулся к женщинам:

— Пожелайте мне удачной охоты.

Потом он обнял жену и сестру, опустился на четвереньки и быстро выполз из умрана. Возле дома его ждали трое друзей: Таграй, Комэ и Таюги. Все они были молоды, сильны и уже заслужили славу ловких охотников, хотя с Млеткеном ни один из них еще сравниться не мог. Таграй шагнул ему навстречу:

— Я проверил полынью. Не замерзла. Алпачи есть.

Охотники быстрым шагом направились к морю. Зима была холодной и снежной, и, чтобы обеспечить стойбище мясом, приходилось постоянно поддерживать полынью, к которой приходили алпачи. Они, правда, все равно нашли бы способ выбраться на лед. Алпач дышит легкими, ему необходим воздух. Если полынья замерзнет, он все равно продышит в нем отверстие — отдушину, а не справится один, на помощь явятся еще пять-шесть собратьев, и вместе они одолеют лед. Правда, охотиться возле отдушины труднее: она небольшая, алпач от нее далеко не отходит и спит очень чутко. Тут уж бить надо наверняка. Ранишь зверя, не добьешь сразу, уйдет и гарпун за собой утащит, а изготовить хороший костяной наконечник непросто. Сколько бивней перепортишь, пока добьешься нужного результата!

Пока Млеткен обдумывал приемы охоты, впереди показалась полынья. Он достал приготовленную заранее шкуру белого медведя, укутался в нее и пополз к открытой воде. Сколько придется ждать — неизвестно. На сей раз охотникам повезло. Прошло совсем немного времени, и из черной воды показалась небольшая темная голова. Видимо, алпач глотнул достаточно воздуха, потому что голова тут же скрылась, оставив лишь большие круги на поверхности. Вот вынырнул еще один, еще. Следующий алпач сразу же приглянулся Млеткену. Крупный, жирный зверь медленно плыл, словно опираясь о воду редкими жесткими усами. Он направлялся прямо к краю полыньи. Охотники замерли, чтобы неосторожным движением не спугнуть добычу. Алпач видит плохо, не запоминает ничего из увиденного, поэтому, если перемещаться аккуратно, он не заметит опасности. Правда, чутье у зверя отменное, но люди об этом знают и всегда заходят только с подветренной стороны.

Нетерпение овладело Млеткеном, ему захотелось побыстрее бросить гарпун, но он сдержался. Ведь если не подпустить алпача к самой кромке льда, потом его будет не достать из воды. Пропадет добыча. Такие ошибки опытному охотнику не прощаются.

Вот темная блестящая голова вынырнула совсем близко, и Млеткен, почти не целясь, метнул тяжелый гарпун. Раздался звук, похожий на всхлип, и из-под пробитой кожи фонтаном брызнула кровь. Алпач сильно дернулся и тут же затих. Настала пора действовать другим охотникам. Они, радостно крича, подбежали к краю полыньи, доставая на ходу ремни с крюками. Несколько ловких бросков — и крюки зацепились за прочную шкуру. Общими усилиями, быстро перебирая ремни обеими руками, Таюги, Комэ и Таграй вытащили огромную тушу на лед. Затем они повернулись к алпачу спинами и, закинув ремни на плечи, поволокли добычу к стойбищу. Удача сопутствовала им: охота оказалась недолгой и успешной. На несколько дней люди обеспечены едой.

Разделать тушу и поделить мясо, жир и шкуру было делом привычным, и вскоре люди начали расходиться по умранам, бережно неся жизненно важную добычу. Таюги ловким ударом острого ножа отделил крупный кусок мякоти и протянул его Млеткену:

— Отнеси Шаману.

— А почему я? — встрепенулся Млеткен. — Ты живешь ближе, вот и зайди по пути.

— Так нельзя, — покачал головой Комэ. — Это ведь твой гарпун пронзил алпача, тебе и нести Шаману его долю. А то в следующий раз он не станет просить келе о помощи.

— Если не можешь держать гарпун в руках, никакие келе не помогут, — возразил Млеткен.

— Что ты говоришь?! — замахал руками Таграй. — Шаман услышит, духам передаст, считай, потерял навсегда удачу. Гарпун гарпуном, а если алпач уйдет из полыньи? А если морские быки летом не придут в наше море? А если песцы убегут из тундры, а медведи и олени — вслед за ними? На кого будешь охотиться?

— Ладно, — поморщился Млеткен. — Пойду.

Он попросил друзей отнести жене свою часть добычи, а сам, еле переставляя ноги, чтобы хоть ненадолго оттянуть неприятную для него встречу, поплелся за пределы стойбища, туда, где стояли особняком три роскошных умрана: большой — самого Шамана и два поменьше — его помощников и женщин.

Шаман не имел имени. Конечно, при рождении его как-то назвали, но, по его словам, когда он был еще ребенком, злые духи, проникнув в его тело, чуть не погубили мальчика. Духов удалось не то уговорить, не то обмануть, но ребенок выжил, и ему пришлось сменить имя, чтобы злопаятные келе не узнали его. Но и это не помогло. Духи опять уложили его, уже юношу, на мягкие шкуры и зажгли внутри жаркий огонь. Еле-еле удалось его погасить, и юноша опять сменил имя. Когда же ему привелось снова бороться с келе, он с таким трудом вновь победил их, что решил больше не брать никаких имен.

С тех пор келе ни разу не смогли отыскать дорогу в его тело, а жители окрестных стойбищ называли его сначала Шаманом, а потом и Великим Шаманом, когда осознали его большую силу. Впрочем, никто не знал, было ли так на самом деле.

Шаман жил столь долго, что ни в одном стойбище не нашлось бы его ровесников. Никто не сомневался, что Шаман был всегда — как солнце, небо, море и тундра. И всегда будет. Как же можно обойтись без Шамана?

Никто никогда не возражал Великому, что бы тот ни решил и ни сказал. Он общался с такими силами, каких простодушные ветланы не могли себе и представить. Он говорил от имени духов и богов, а разве можно перечить им? А кроме того, Шаман жил так долго, что даже только этим снискал глубочайшее уважение. И только у Млеткена были очень сложные отношения со стариком. Охотник несколько не сомневался в его могуществе, всегда внимательно выслушивал умные и глубокие советы Шамана, был искренне благодарен ему за то, что старик несколько дней и ночей не выпускал бубна из рук, когда келе грызли тело матери Млеткена.

И вместе с тем он не любил старого обжору и сластолюбца. А все потому, что однажды, заметив, как выросла и похорошела Анкаля, Шаман пожелал поселить ее в умране для своих женщин. Этого Млеткен не мог допустить. Он понимал, что прислуживать Шаману, ублажать его и выполнять все прихоти — большая честь, но охотнику хотелось, чтобы у сестры была своя семья, дети, любовь и радость. Тем более он видел, какими нежными взглядами обмениваются Анкаля и Таграй, и несколько не возражал против того, чтобы близкий друг стал еще и близким родственником.

Погруженный в невеселые думы, Млеткен не заметил, как приблизился к жилищу Великого Шамана. Он потоптался возле входа в умран, тяжело вздохнул, опустился на четвереньки и вполз внутрь. Основная, жилая часть умрана была отделена роскошным пологом из лучших шкур зимних песцов. Откинув мягкий, шелковистый мех, Млеткен увидел, что старик полулежит на пышном ложе, а две женщины, присев рядом с ним на корточки, подают ему попеременно чаши с едой и питьем.

В плошках с жиром — жирниках — горел яркий огонь, и в умране было невыносимо жарко. На хозяине были надеты лишь тонкие кожаные штаны, а изящные фигурки его прислужниц прикрывали узенькие набедренные повязки.

Их кожа цвета темной меди блестела от пота, длинные прямые жесткие волосы почти касались пяток маленьких изящных ножек, раскосые темно-карие глаза блестели, на пухлых губах играли улыбки.

Шаман медленно повернул седую голову с длинными волосами, срезанными ножом на макушке, прищурился, словно не узнал гостя, и, помолчав, спросил, как это было принято у ветланов:

— Ты пришел?

— Я пришел, — ответил Млеткен, тоже как было принято, и только после этого добавил: — С благодарностью пришел. Охота оказалась недолгой и удачной, алпач — крупным. Я принес тебе долю.

С этими словами он протянул Шаману кусок мяса, завернутый в алпачью шкуру. Старик кивнул одной из женщин, которая тут же подхватила подношение, а затем повернулся к охотнику:

— Не мне. Это дар для келе, которые направили твою руку. — Он притворно вздохнул и добавил: — А мне, старику, уже почти ничего не надо.

Млеткен должен был тут же пожелать Шаману долгой жизни, но он промолчал. Шаман нахмурился, но, чтобы не нарушать традиции, предложил:

— Посиди со мной. Отведай моей пищи.

Отказаться от этого было никак нельзя, и Млеткену пришлось поблагодарить хозяина и согласиться. Весьма неохотно стянул он через голову куртку и сел рядом со стариком. Тот снова кивнул, и, как по волшебству, в руках женщины возникла еще одна тарелка с мясом, которую темноглазая красавица протянула гостю.

— Здоровы ли твои дети? — поинтересовался Шаман.

— Благодарю тебя, Великий, за заботу, — ответил гость. — Здоровы.

— Да обойдут их стороной злые духи! — воскликнул старик. — Скоро придет пора ставить на них знак рода. Ты не забыл?

У ветланов существовал обычай наносить на лица татуировку при помощи растертого в порошок камня и остро заточенной костяной палочки. Как правило, это был небольшой знак (у Млеткена и у его сестры на правой скуле красовалась маленькая чайка, а у его жены — утка), но за особые заслуги или за дополнительное подношение соответствующим келе можно было сделать и более сложный рисунок и даже нанести картинку на все лицо. Обойтись без знака рода было нельзя.

— Как можно забыть об этом! — воскликнул Млеткен. — Скоро начнем охоту на песцов, и тогда я смогу подготовить шкурки. Одну руку?

— Две, — твердо сказал Шаман.

— Почему две? — удивился охотник.

— Приведешь обоих сыновей сразу.

Шаман говорил тоном, не терпящим возражений, и потому Млеткену ничего не оставалось, как согласиться.

— А как поживает Анкаля? — продолжил разговор хозяин, и у гостя мгновенно испортилось настроение. — Ты еще не надумал привести ее ко мне?

— Она еще слишком молода, — угрюмо буркнул Млеткен.

— Чем раньше она приобщится к служению богам, тем лучшая жизнь ожидает ее в ином мире, — усмехнувшись, произнес старик.

— А может, у нее совсем другое предназначение?

— Не может, — сурово возразил Шаман. — Совсем недавно я видел еще один вещий сон. Анкалю настигнут злобные келе, если она не войдет в мой умран. Такие злобные, что я не смогу с ними справиться. И тогда она предстанет перед бессмертной Рультаной. Подумай, что ожидает ее, бездетную!

Млеткен побледнел от страха за свою сестру, но что-то в глубине его души восставало против того, чтобы отдать Анкалю Шаману. Не должна молодая красивая, полная сил девушка жить в умране старика. Неожиданно охотнику пришла в голову хитрая мысль:

— Но ведь если сестра придет к тебе и начнет служить богам, то она так и останется бездетной.

— Никто не знает, как распорядятся боги, — гнусно усмехнулся Шаман. — Может, ее изберет добрый дух, а то и какой-нибудь бог, и она родит ему сына.

Млеткену очень не понравилась ухмылка старика, и он вдруг подумал, что Шаман печется вовсе не об Анкале и не о богах, а жаждет удовлетворить свою похоть. Эта страшная мысль так ожгла охотника, что щеки его запылали, кровь прилила к голове, сердце выпрыгивало из груди. Нельзя так думать о Великом, нельзя подозревать его в нечестивости, а тем более во лжи. И все же он не мог ничего с собой поделать. Чем больше смотрел Млеткен на старика, чем больше слушал его, тем сильнее убеждался, что безумная его догадка верна. Испугавшись, что не сможет долго сдерживаться, чтобы не сказать Шаману об этом,

охотник быстро поднялся на ноги, поблагодарил хозяина за гостеприимство и тут же покинул его умран, едва успев натянуть куртку.

— Не забудь, я жду Анкалю! — крикнул Великий ему вслед.

Пока Млеткен добирался до своего жилища, в голове у него сложился план, как спрятать сестру от жадных глаз Шамана. Это, конечно, не было окончательным решением, но охотник надеялся, что позже придумает, как будет выкручиваться дальше, а пока ему хотелось только спрятать Анкалю, чтобы старик хоть на какое-то время забыл о ней. Млеткен решил, что устроит для сестры убежище где-нибудь в тундре и будет изредка навещать ее под предлогом охоты на песцов и оленей, а затем, ближе к весне, может, удастся сыграть свадьбу Анкали с Таграем, и тогда Шаману придется отступить.

Млеткен быстро юркнул в свой умран и, не успев еще раздеться, тут же поделился с женщинами своими мыслями. Они все поняли без лишних слов и согласились с ним. Теперь предстояло подумать, как лучше осуществить замысел. На радость охотника, вскоре его друзья заговорили о том, что пора начинать приманивать песцов, которых в последнее время стало появляться все больше и больше, а это означало, что у Млеткена есть вполне благовидный предлог, чтобы надолго отлучаться из дома.

Охота на маленьких хищников, одетых в удивительно красивые белоснежные шкуры, была занятием довольно легким, и ветланы приучались к ней с раннего возраста. Сначала надо было отыскать место, где песцы появлялись чаще всего. Это было несложно: зверьки оставляли на снегу четкие и глубокие следы, так что не надо обладать большим опытом, чтобы обнаружить их. Затем убивали нарму и относили ее в тундру. Туда, где следы появлялись постоянно. На сильном морозе нарма быстро замерзала и становилась твердой, как камень. Острые, но мелкие зубы песцов не могли справиться с ней, и звери приходили к приманке все чаще и чаще, постепенно обгрызая ее и привыкая к тому, что здесь им не грозит никакая опасность. Они ста-

новились беспечными и, подбираясь к еде, уже не присматривались и не принюхивались так долго и тщательно, как вначале.

Вот тут-то и наступала пора готовить западню. Возле обгрызенной нармы охотники выкапывали ножами глубокие ямки, ставили туда ловушки (капканы или затягивающиеся кожаные петли) и прикрывали их тонкими пластинками льда. Довольно скоро ветер заносил пластинки снегом, и они становились совершенно незаметными. Осмелевшие песцы приходили к кормушке, наступали на лед, и он ломался под их тяжестью. Хищник попадался, и теперь охотнику оставалось лишь забрать добычу. Ни со стрелами, ни с копьем на песца не выходили, ибо самое ценное в нем — мех, который ни в коем случае нельзя портить.

Отправляясь в тундру то проверить следы, то положить приманку, то изготовить ловушку, Млеткен с Таграем сосредоточенно сооружали землянку для Анкали. Копать невероятно твердую почву было трудно, но у друзей была благородная цель, и мысль о спасении девушки от посягательств похотливого старика придавала мужчинам сил. Оба понимали, что бросают вызов не только самому Великому Шаману, но и духам, благосклонным к нему, однако в битве разума и сердца на сей раз побеждало сердце.

Трудились они долго, но наконец необходимое углубление было готово, и Млеткен, выбрав несколько наиболее крепких деревьев среди довольно-таки чахлой растительности, соорудил укрепление для стен и крыши. Затем жерди накрыли прочной шкурой, завалили получившееся жилище землей и присыпали снегом. Изнутри его выстлали мехами, а вход завесили пологом. Издалека землянка напоминала невысокий холм, каких в тундре было предостаточно, и поэтому тот, кто не знал о ней, вряд ли мог что-нибудь заподозрить. Убежище было готово, и Анкаля переселилась в него. Теперь оставалось убедить жителей стойбища, что девушка пропала, заблудилась в тундре, и так организовать поиски, чтобы никто не обнаружил беглянку.

Млеткен разыграл великолепный спектакль. Он носился по стойбищу от умрана к умрану с горящими глазами

и созывал народ. Когда все собрались в центре поселения, охотник произнес самую длинную в своей жизни речь. Он рассказал всем, как любит свою сестру, как заменил ей и мать, и отца после смерти родителей, как надеялся выдать ее замуж за ближайшего друга, но потом засомневался, ибо сам Великий Шаман обратил на девушку свой благосклонный взор и призвал ее служить богам. А теперь Анкаля пропала. Она отправилась за льдом, чтобы, растопив его, приготовить травяной отвар, но ее нет уже так долго, что брат волнуется, не приключилась ли с ней беда, и обращается ко всем с просьбой помочь отыскать сестру.

Из толпы вышел старый Айван:

— Все мы знаем, как ты любишь сестру, Млеткен. И то, что она хорошая девушка, тоже знаем. Если на нее напали келе, это большое горе для всех нас.— Все согласно закивали.— Но мы не знаем, где ее искать. Надо пойти к Великому Шаману и спросить его.

Другой старик, Араро, добавил:

— У тебя на щеке чайка, Млеткен. У твоей сестры тоже. Надо поймать такую птицу и отнести ее Шаману, чтобы он задобрил духов, охраняющих твой род.

— Спасибо за хорошие советы,— отозвался Млеткен.— Вы добрые и мудрые люди. Я так и поступлю.

Зверя или птицу для жертвоприношения полагалось ловить живьем. Поэтому молодой охотник взял связку ремешков с прикрепленными к ним алпачьими зубами и отправился к морю. Чаек ловить было нетрудно, и часто охота на них служила развлечением для мальчишек. А кроме того, так они приучались ловить уток на лету. Чайка — птица глупая и прожорливая. Надо было просто разбросать на снегу мелкую рыбешку и подождать. Вскоре появились чайки. Они покружили над приманкой, оглашая воздух пронзительными криками, а затем начали быстро снижаться. Как только самая крупная птица оказалась в пределах досягаемости, Млеткен ловко бросил ремешки, и они накрыли ее. Чайка попыталась освободиться, но только запуталась еще сильнее. Алпачьи зубы тянули ее вниз и не давали взлететь. Млеткен осторожно приблизился к добы-

че, поднял ее и, крепко прижав к себе, понес к умрану Шамана.

Великий Шаман встречал охотника снаружи.

— Я слышал, в твой дом пришла беда? — спросил он, подозрительно глядя на Млеткена.

— Да,— ответил тот, низко опустив голову.— Анкаля пропала. Я принес чайку, чтобы ты задобрил келе нашего рода. А еще я хотел попросить тебя помочь разыскать сестру.

Если у Шамана и были какие-то подозрения, то они начали рассеиваться. Не стал бы Млеткен просить его о помощи, если бы хотел обмануть.

— Войди в дом,— велел старик, пропуская охотника вперед.

Внутри все было готово для жертвоприношения, и Млеткен невольно вздрогнул, подумав, что Шаман узнает новости до того, как кто-то сообщает ему их. Постель была отодвинута к стене, а в центре, на голом полу из оленьей шкуры возвышался прямоугольный камень с углублением посередине. Рядом лежал большой нож, изготовленный из белоснежного клыка и остро заточенный. Лезвие украшала замысловатая резьба, состоящая из магических знаков.

Шаман положил руку на голову чайки, и птица перестала трепыхаться, хотя сердце ее по-прежнему учащенно колотилось, готовое вот-вот выскочить из груди.

— Клади ее в углубление,— распорядился Великий.

Млеткен аккуратно положил жертву на камень, и она, безвольно опустив крылья, закрыла глаза. Шаман взял бубен, и зазвучала странная, чарующая мелодия. Охотник смотрел на старика, не отрывая взгляда ни на мгновение. Даже если бы ему и захотелось отвести глаза, у него ничего бы не получилось: мелодия заворожила его настолько, что Млеткен не мог даже пошевелиться. Неожиданно черты лица Шамана начали меняться, словно кто-то невидимый рисовал на нем сложный узор. Фигура старика расплылась, и ее очертания постепенно изменились настолько, что Великий уже не походил на человека. Перед изумленным охотником стояло какое-то неведомое ему существо, непрерыв-

но выбивающее на бубне все тот же ритм, от которого у Млеткена слегка кружилась голова.

Существо подошло к жертвенному камню, взяло в руку нож, не выпуская из второй руки бубен и постукивая им по колену. Затем странное создание полузаговорило, полузапело, обращаясь к келе, сковавшим крылья чайки, и уговаривая их поддержать ее еще немного. Птица вздрогнула всем телом, и по ее белому горлу полоснул нож. Но кровь, как это ни странно, не брызнула из раны, а медленно потекла в углубление, распадаясь на две тоненькие струйки.

Млеткен зачарованно смотрел на узкую полоску, возникшую на горле птицы, и потому не заметил, как невообразимое существо снова превратилось в Великого Шамана. Старик окунул желтый кривой палец в красную жидкость и повернулся к охотнику:

— Придвинься. Мне надо нарисовать на твоём лице знаки, чтобы келе позволили тебе находиться здесь.

Млеткен безропотно повиновался. Шаман, бормоча заклинания, начал что-то рисовать на лбу и щеках охотника. Затем он вывел те же узоры на своём лице. Все это время бубен не умолкал, и Млеткеному казалось, что он не сидит в умране Шамана, а плывет по широкой полноводной реке и волны мягко покачивают его. Неожиданно мелодия оборвалась, и охотник вздрогнул, словно кто-то плеснул в него полные пригоршни ледяной воды, и очнулся от наваждения.

Великий подошел к камню, взял нож и ловким движением вскрыл чайке грудную клетку.

— Смотри,— приказал он Млеткеному и ткнул пальцем в открывшиеся внутренности.

Как ни старался Млеткен увидеть что-нибудь необычное, он так ничего и не заметил и честно признался в этом старику.

— Смотри лучше,— настаивал Шаман, но снова охотник ничего не увидел.

Шаман опустился на пол, скрестив ноги, и снова взял бубен. На сей раз мелодия оказалась несколько иной, но подействовала на Млеткена точно так же, как и предыдущая.

Старик покачивался в такт музыке и распевал заклинания, а охотник не сводил изумленных глаз с большого рта Великого с крупными широкими зубами. Вдруг облик поющего снова начал меняться. На сей раз перед Млеткеном возникла огромная чайка, державшая в крыльях бубен. Она замолчала на мгновение, затем пронзительно вскрикнула и заговорила:

— Ее нет на берегу моря. И в глубинах его тоже нет. Она далеко от воды. Надо искать в тундре.

Мелодия затихла, и, словно очнувшись от сна, Млеткен увидел перед собой Шамана. Тот аккуратно положил бубен на пол и обратился к охотнику:

— Птица не смогла нам помочь. Тебе придется принести мне песка. Он ходит по тундре, у него и спросим.

Охотник смог только кивнуть, ибо голос отказал ему. Затем он поднялся на ноги и быстро покинул умран. Под тяжестью нахлынувшего на него горя Млеткен не заметил, как дошел до своего жилища. Неужели все их старания оказались напрасными?

Нельзя не принести Великому песка, ведь тогда станет ясно, что Млеткен обманул всех. Нельзя и принести. И в этом случае ложь обнаружится. Что ж, коли решился один раз свернуть с праведного пути, придется идти дальше.

Млеткен снова собрал жителей стойбища и сообщил им:

— Великий Шаман сказал, что Анкалю надо искать в тундре. Это моя сестра, я и отправлюсь на поиски. А если не отыщу ее, Великий Шаман поможет.

Трудно было не согласиться с его словами, и поэтому никто возражать не стал. Млеткен забрался в свой умран, рассказал все жене и спросил у нее:

— Уквуна, что же теперь нам делать? Я не хочу отдавать Анкалю старику. Но он может обо всем узнать у келе, и тогда нам придется покинуть стойбище. Никто не согласится жить рядом с лгуном.

— Надо вернуть ее. А потом вместе подумаем, что делать дальше. Вот поеешь и отправляйся. Ей, бедняжке, там страшно, наверное, одной-то.

— Плохо ты знаешь мою сестру! У нее отважное сердце. Она пила кровь оленя, как охотник.— Млеткен помолчал немного, потом улыбнулся и добавил: — И она очень хочет выйти замуж за Таграя.

Уквуна подала мужу мелко наструганную рыбу и немного мяса. Все это было сырым. Ветланы вообще почти не варили пищу, не знали ни приправ, ни даже соли. Бывало, в стойбища случайно забредали редкие торговцы, которые предлагали специи, но старики, отведав необычные продукты, начисто отвергли их. А что не по душе старикам, и для молодых не годится.

Иногда, правда, женщины приготавливали некое подобие похлебки из мяса или рыбы с травами. Но готовили ее только в том случае, когда нужно было подкормить человека, боровшегося с келе, потому что несчастному было трудно жевать жесткую сырую пищу. Воду, однако, кипятили, заливали ею травы (зимой — сушеные, летом — только что собранные) и пили настой, считая его, и небезосновательно, очень полезным.

Подкрепившись, Млеткен собрался в дорогу. Жена приготовила ему с собой немного еды, чтобы накормить Анкалю, и, потеревшись щекой об его щеку и выражая этим движением всю свою любовь к мужу, сказала:

— Иди. И возвращайтесь скорее. Я уже соскучилась по твоей сестре. Мне очень ее не хватает. Да и тяжело без ее помощи.

Охотник вскинул торбу на плечо и заспешил прочь из дома. Уквуна, как всегда, успокоила его и вернула ему веру в себя. Млеткену снова казалось, что все не так плохо, что он отыщет способ оградить сестру от бед и несчастий, что все у них получится. Достигнув первых деревьев, он остановился и прислушался. Стояла тишина, и только ветер подвывал потихоньку, гоня верхний слой снега. Млеткен углубился в тундру, решительно направляясь к убежищу Анкали. По дороге он несколько раз останавливался и оглядывался по сторонам. Они с Таграем так хорошо спрятали землянку, что Млеткен боялся пройти мимо нее. Наконец впереди показались знакомые очертания, которые

сумели распознать только острые глаза охотника. Он снова остановился, сложил ладони рупором и крикнул:

— Анкаля!

Сестра не отзывалась.

— Анкаля! — снова позвал Млеткен.— Это я, твой брат! Отзовись!

Тишина. Охотник забеспокоился и побежал к землянке. Снег возле нее был истоптан, полог сорван, внутри — никого. Млеткен сел на землю и завыл, словно волк. Кто-то похитил его сестру. Она отчаянно сопротивлялась, но разве может справиться девушка с похитителями? Где теперь ее искать? Он сам во всем виноват. Своей ложью он накликать настоящую беду. Теперь Анкаля и правда потерялась, и он не успокоится, пока не отыщет ее. Внезапно Млеткен замолчал, пораженный страшной догадкой: Шаман! Старик выведал у келе, где скрывается Анкаля, и украл ее.

Млеткен вскочил на ноги и помчался к умрану Великого. Откинув полог с такой силой, что чуть не сорвал его, охотник ввалился внутрь. Шаман возлежал на ложе, сыто улыбаясь и глядя, как танцует для него обнаженная женщина. Увидев Млеткена, он сначала удивленно поднял бровь, а затем жестом отослал танцовщицу. Та быстро накинула на себя куртку и выскочила наружу.

— Где она? — закричал Млеткен.— Что ты с ней сделал?

— О чем ты? — спросил Шаман, хитро улыбаясь.

— Где Анкаля? Ее нет в тундре!

— Значит, ты и без келе знал, где прячется твоя сестра? Ты обманул всех? — Великий нахмурился.

— Тебе все известно,— тихо проговорил Млеткен, тяжело опускаясь на пол.— Я солгал и согласен сполна заплатить за это. Но уж тебе ложь и вовсе не к лицу.

— Хорошо,— важно кивнул старик.— Давай говорить начистоту. Ты не хотел отдавать мне свою сестру и приготовил для нее убежище. Ничтожный, ты забыл, кому пытался сопротивляться. Конечно же, как только ты ушел отсюда, я продолжил разговор с духами, и они все рассказали мне.

— Где она? — перебил охотник Шамана. — Она жива?

— Конечно, жива. Зачем мне мертвая женщина? Я предпочитаю живых, — гнусно ухмыльнулся Великий.

— Верни ее мне.

— Забудь и думать об этом.

— Тогда я всем расскажу, каким богам прислуживают женщины, которых ты собрал у себя. Их единственный бог — ты!

— Кто поверит тому, кто уже однажды солгал? — ехидно поинтересовался старик.

— Об этом никто не знает. Я снова солгу — и объясню всем, что ты помог найти Анкалю, но за это потребовал, чтобы она разделила с тобой ложе.

— погоди, — нахмурился Шаман. — Так и быть, я снизойду до сделки с тобой. Ты оставляешь мне сестру, и о твоей лжи не узнает никто.

— Не буду я заключать с тобой никаких сделок!

— Забудь о сестре. Навсегда забудь! — вскричал Великий. — Ее нет сейчас здесь. И если ее не будет в моем умране, никто больше не увидит ее. И не стой у меня на пути. Со мной тебе не совладать. Ты сам выбрал судьбу для Анкалы. Ее продадут в чужие земли. Она не вернется в стойбище.

— Я найду ее.

— Попробуйся.

— Я найду ее, — упрямо повторил Млеткен. — А потом вернусь и расправлюсь с тобой.

Джерим не помнил свои сомнения, что они у совсем крошечным мляных вендийских джунной в непроходимых дебрях ма в люльке, сплетенной из ли времени всхлипывая во сне. койный сон. Именно эти звуки из женщин, отправившихся позвала подруг, и тихонько, свете, они пошли на шум. К оказалась более чем неожиданно

В мягкой слегка покачи лежал аккуратный сверток и очень дорогой ткани. Когда е щин заблестели слезы умиленным был розовощекий младет ми, закрученными в круп животике лежала записка, в

вольно скоро начал пытаться на них встать. Как он попал в такую глушь, почему его оставили на съедение хищникам, так никогда и не удалось выяснить. А впрочем, никто особенно и не старался это сделать. Младенца отнесли в деревню и отдали на воспитание одинокой бездетной немолодой уже женщине по имени Эндара.

Эндара восприняла найденыша как подарок богов и быстро привязалась к очаровательному мальчику настолько, что даже не могла представить, что когда-то его не было в ее жизни.

Джерим рос очень быстро, и годам к тринадцати это был уже вполне оформившийся юноша, высокий, стройный, с длинными слегка вьющимися черными волосами, отливающими синевой, благородным прямым носом, на котором обращали на себя внимание резко очерченные ноздри, и с удивительными глазами, посаженными слегка раскосом, но не как у кхитайцев, а наоборот, скошенными к вискам вниз, невероятного цвета. Их можно было назвать карими, но не темными и бархатными, как у большинства вендийцев, а, скорее, золотисто-рыжими. Находясь целыми днями вне дома, он не мог не загореть, но солнце, казалось, не палило его кожу, а лишь ласково гладило, и она так и не приобрела характерного для обитателей здешних мест оттенка.

И только тогда, задумавшись, почему он так не похож на окружавших его людей, Джерим поинтересовался у Эндары, в чем дело. Бедняжке вовсе не хотелось признаваться мальчику, что она не родная мать ему, но и лгать приемному сыну она не могла. Пришлось Эндаре рассказать о давних событиях. К ее радостному удивлению, Джерим отнесся к ее словам очень спокойно. Он обнял женщину, прижался к ней щекой и сказал:

— Кем бы ни были мои настоящие родители, я рад, что попал к тебе. У меня нет другой матери, кроме тебя, и я вовсе не буду любить тебя меньше оттого, что не ты меня родила.

Однако с этого дня юноша все чаще и чаще засиживался где-нибудь в стороне от людей, впадая в глубокую задум-

чивость. Похоже, он все-таки пытался вспомнить, кто он, однако все попытки, естественно, были напрасными. Однажды утром он отправился в джунгли, куда его словно манила какая-то сила. Он шел и шел, пока не поравнялся с тем местом, где когда-то висела его колыбель из лианы. Джерим долго стоял, ласково поглаживая растение, словно это были волосы его родной матери, и не заметил, как из зарослей показалась широкая, лобастая голова тигра.

Хищник замер, готовясь к прыжку, и когда мощные когтистые лапы уже готовы были оторваться от земли, юноша повернулся в его сторону и пристально посмотрел в глаза зверю, почему-то несколько не испугавшись. Неожиданно выражение оскаленной морды резко изменилось, мгновение назад готовый напасть на жертву и уничтожить ее, тигр заурчал, как большая домашняя кошка, мягко шагнул вперед и потерся головой о бок Джерима. Если звери могут улыбаться, то огромная полосатая кошка улыбалась.

Юноша положил ладонь на голову хищника и осторожно погладил ее. Тигр лизнул ему руку и лег возле ног, обвив их мягким хвостом, а затем посмотрел на Джерима, словно приглашая сесть рядом. Тот медленно опустился на землю, обнял тигра за сильную шею и замер, прижавшись щекой к теплой лоснящейся шерсти. Они сидели так долго, как будто встретились после долгой разлуки. Джерим не думал ни о чем.

Ему казалось, что он мог бы понять, уловить, услышать мысли зверя. Однако что-то ему мешало. Но он твердо знал, что рано или поздно сумеет снести последний барьер, и тогда постигнет язык животных.

Откуда пришла такая уверенность, юноша не понимал и готов был поступиться очень многим, чтобы проникнуть в эту тайну. Однако понимание пришло нескоро, а пока Джерим просто удивлял окружающих своими необыкновенными способностями. К нему тянулись животные и птицы, а несколько игривых и жизнерадостных гекконов даже поселились в доме Эндары. Сначала она побаивалась этих странных ящериц необычного вида, их огромных глаз, пристально глядевших с хищно заостренной мордочки, их

невероятной способности передвигаться по совершенно ровной и гладкой поверхности, неприятных перепончатых лап.

О гекконах ходили страшные рассказы. Никто из обитателей джунглей не сомневался, что укус геккона смертелен, что одного прикосновения к ним достаточно, чтобы кожа начала пузыриться, а мясо почернело и отвалилось, что из крови ящерицы колдуны изготавливают жуткие яды. Однако все это оказалось просто глупыми сказками, и вскоре обитатели деревни привыкли к игривым безобидным существам, а когда убедились, что те ловят надоедливых мух и других всевозможных насекомых, начали даже прикармливать их. У гекконов обнаружилось еще одно замечательное свойство: они были ночными животными, и поэтому юркие ящерицы нисколько не мешали людям.

Джерим теперь часто уходил в джунгли и подолгу бродил там, нисколько не опасаясь за свою жизнь. Злобные и по-настоящему ядовитые кобры приветствовали его, раздувая капюшоны и быстро-быстро работая тонкими языками. Роскошные павлины, которых в Вендии считали священными птицами, ибо в их красоте отражалось величие богов, выходили ему навстречу, раскрыв великолепные хвосты и позволяя вволю любоваться пестрым замысловатым рисунком ярких перьев. Пугливые зимородки садились ему на плечи.

Великаны джунглей — слоны — кивали ему вслед тяжелыми головами и приветливо взмахивали хоботами. Грациозные нервные газели доверчиво тыкались бархатными носами в его ладони и с гордостью показывали юноше своих очаровательных детенышей. Шумные, задиристые обезьяны, раскачиваясь на лианах, сопровождали Джерима во время его прогулок.

Но не только животные, а даже и растения ластились к нему, а те, которые могли причинить вред человеку, прятались при его появлении, стараясь стать как можно более незаметными, отстраняясь от юноши, чтобы не задеть его. Деревья, травы, цветы тянули к нему свои зеленые руки, словно хотели поделиться чем-то самым сокровенным.

Жители деревни привыкли к странностям Джерима и относились к ним снисходительно. Юноша был тих, приветлив, почтителен, никогда ни с кем не ссорился, а его природный ум вызывал у бесхитростных обитателей джунглей невольное уважение, и они даже обращались к Джериму за советами, если что-то не могли решить сами. А когда у молодого человека открылся новый дар, все заговорили о том, что его им послали боги.

Однажды утром Эндара не поднялась, как обычно, с постели. Тело ее сотрясала лихорадка, на щеках горел яркий болезненный румянец, острая боль стянула голову немолодой женщины жестким обручем. Джерим, напуганный болезнью приемной матери, сбегал за старухой, жившей на окраине деревни. Та занималась врачеванием, знала множество трав и умела готовить из них целебные отвары и настойки, заговаривала боль, снимала жар. Однако старуха, посмотрев на больную, поспешила прочь из хижины. Юноша догнал ее на пороге:

— Почему ты уходишь?

— Я не могу помочь ей, — нахмурилась старуха. — Не стоит ее мучить. Никакие травы не справятся с ее недугом.

— Но что же делать?! — воскликнул Джерим.

— Дай ей спокойно умереть. Просто пришла ее пора.

Джерим очень любил Эндару и не мог смириться с мыслью, что эта замечательная женщина должна покинуть этот мир, что никогда больше ее ласковые руки не коснутся его волос, что погаснет ее добрая улыбка. Юноша опустился на колени возле ложа больной, положил руку на горячий лоб, и мир померк. Джериму привиделось, что он идет по погруженному во мрак лабиринту, а навстречу ему один за другим выходят безобразные монстры. Они не угрожают молодому человеку, но от них исходит такое зло, что он не может пройти мимо и вступает с ними в единоборство. И чудовища в страхе бегут!

Сколько прошло времени к тому моменту, когда он очнулся, Джерим не знал, но лоб, на котором он все еще держал руку, не был уже горячим, Эндара прекратила бредить и крепко спала, дыша ровно и спокойно. Просну-

лась она через сутки совершенно здоровой. Слабость задержала ее в постели еще на несколько дней, но Джерим старательно ухаживал за матерью, и вскоре она уже была на ногах.

Происшествие всколыхнуло всю деревню. К Джериму потянулись слабые и немощные, и он исцелял всех. Лечение отнимало у юноши очень много сил, и, чтобы вернуть их, он надолго уединялся в джунглях, даривших ему бодрость и свежесть.

Прошло несколько лет. Джериму исполнилось семнадцать. Совсем постаревшая Эндара снова слегла, и на сей раз даже необычный дар юноши не смог удержать ее на земле. Когда женщина почувствовала, что последние силы покидают ее немощное тело, она позвала Джерима:

— Выслушай меня, сын мой. Я покидаю тебя. Теперь уж точно пришла моя пора. Когда ты развеешь последнюю горсть моего пепла, уходи из деревни.

— Почему? — вскричал юноша. — Я нужен этим людям! Я буду помогать им.

— Не перебивай. Иначе я не успею договорить. Ты отправишься на восток. Когда-то давно, еще в юности, я слышала, что там, где-то в горах или у их подножия, я точно не знаю, находится не то монастырь, не то обитель братства. Цель жизни этих людей — познание. Ты обладаешь удивительными способностями, но никому не известно, откуда они и как с ними обращаться. Твоя сила велика, но ты и сам не можешь оценить ее. Нельзя давать в руки младенцу остро заточенный нож.

— Я не младенец, мама, — возразил Джерим.

— Не буду с тобой спорить, — слабо улыбнулась Эндара. — У меня нет времени. Дослушай до конца.

Юноша кивнул.

— Пойдешь туда. Там ты насытишь свой голодный разум, ибо никто из нас не может дать ему и мельчайшей доли пищи, в которой он нуждается. Ты сумеешь понять свой дар и научишься использовать его. А потом поступай как хочешь. Тебе пора выбирать свой путь. Никогда не ходи дорогой Зла...

Эндара тяжело вздохнула, погладила Джерима по склоненной голове и тихо отошла. На ее губах играла умиротворенная улыбка. Она прожила долгую и хорошую жизнь, ей не в чем было себя упрекнуть, и этот мир она покинула с чистым сердцем.

Джерим соорудил для Эндары великолепный погребальный костер. Он собрал ветви сандалового дерева, чтобы дым от костра был любезен богам, сам сплел венки из разноцветных благоуханных цветов и украсил ими последнюю ложе той, что заменила ему мать. Женщины омыли тело покойной и обернули его белым полотном, сильно поседевшие волосы уложили в красивую прическу.

Все жители деревни пришли проститься с Эндарой. Каждый коснулся ее руки, затем своего лба и с легким поклоном отступил в сторону. Когда отзвучали слова погребальной молитвы, Джерим поднес к высокому костру факел, и огонь мгновенно охватил все сооружение. Как долго он горел, юноша не знал, ибо наблюдал внутренним взором, как душа Эндары покидала тело и устремлялась к небесам. Она была легкой и радостной, эта чистая душа, полная любви ко всему миру.

Огонь погас, и когда пепел остыл, Джерим собрал его в большой сосуд и отправился в джунгли, чтобы развеять там то, что осталось от Эндары. Последнюю горсть он долго держал на ладони, окончательно прощаясь, а затем легонько дунул, и серый порошок, взлетев на миг, исчез. Юноша постоял немного, склонив голову, потом повернулся и направился к деревне. Войдя в хижину, он собрал свои пожитки, окинул взглядом опустевший дом и оставил его навсегда.

Шел он долго, не замечая времени, не отмеряя пройденного расстояния. Спал он прямо на земле, не заботясь о своей безопасности, так как дикие звери не нападали на него, а пищу Джериму в изобилии поставляли сами джунгли. Белые крупные семена нута прекрасно утоляли голод, да и ароматные желтые бананы — любимое лакомство обезьян — неплохо подходили для плотного обеда. Тамаринд, рожковое дерево, щедро предлагал свои кисло-сладкие пло-

ды, прекрасно утолявшие жажду. Его с успехом могли заменить и дикие гранаты, и плоды каперсов, удивительно напоминавшие распустившиеся цветы своей ярко-зеленой оболочкой и алой мякотью, усыпанной серыми семенами.

Как ни хорошо чувствовал себя Джерим в джунглях, он в конце концов начал скучать без людей. Ему хотелось поговорить с кем-нибудь, тем более что за время путешествия вопросов, на которые он не мог дать ответа, у юноши накопилось немало. И вот однажды утром, словно стремясь выполнить его желание, джунгли расступились, и Джерим увидел высокую каменную стену. Сначала ему показалось, что это просто огромный оползень с горы, видневшейся на горизонте, но, подойдя поближе, юноша увидел массивные ворота из черного эбенового дерева. Сверху донизу их покрывала сложная затейливая резьба, однако, как ни старался Джерим, смысл многочисленных рисунков остался для него неясным.

У ворот стоял высокий старик в просторном одеянии. Джерим приблизился, слегка поклонился старцу и сказал:

— Приветствую тебя, отец! Да продлят боги твои дни. Да пребудет на тебе их благословение.

— Приветствую и тебя, сын мой,— спокойно ответил старец.

Джерим помолчал, надеясь, что его собеседник начнет задавать вопросы, но тот, казалось, не проявлял к путнику ни малейшего интереса. Тогда юноша заговорил снова:

— Моя мать, умирая, велела мне отправиться на поиски обители, где я обрету пищу для разума и познаю истину.

— Ты у цели,— ответил старик и снова замолчал.

— Могу ли я войти? — спросил Джерим.

— Попробуй.

Створки ворот открылись на удивление легко, и Джерим решительно шагнул внутрь. Каково же было его изумление, когда он обнаружил, что по-прежнему стоит перед стеной! Он шагнул еще раз, но снова у него ничего не получилось. Тогда он повернулся к стражу ворот:

— Я не могу этого сделать.

— Назови свое имя и иди,— посоветовал страж.

— Джерим,— громко произнес юноша и опять попытался войти в ворота, но по-прежнему остался на месте.— Зачем ты смеешься надо мной? — обиженно спросил он старика.— Если я не подхожу для вашей обители, так и скажи.

— Обитель Знания открыта для всех, кто на самом деле жаждет его. Ты назвал имя, которое дали тебе при рождении. Но все на свете имеет иные имена, скрытые, истинные. И люди тоже. Назови свое истинное имя, и тогда у тебя все получится.

— Но я не знаю других имен. Меня всегда звали только так,— удивился Джерим.

— А ты не торопись,— улыбнулся старец.— Подумай.

Джерим отошел в сторону и задумался так глубоко, что перестал замечать и ворота, и их стража. Вдруг ему послышалось, что кто-то шепнул: «Тавананда». Юноша вздрогнул, затем решительно тряхнул головой и направился к воротам.

— погоди,— остановил его страж.— Ты, похоже, услышал свое истинное имя, но пока еще не знаешь о нем ничего. Запомни, произносить его вслух можно только в стенах Обители Знания, ибо в нее не могут проникнуть приверженцы Зла. Знай, что тот, кому ты доверишь это имя, получит власть над тобой. Поэтому лучше бы его не знал никто, кроме тебя.

— А ты? — поинтересовался юноша.— Ты ведь сейчас услышишь его.

— Я не причиню тебе зла,— просто ответил старец, и Джерим почему-то сразу поверил ему.

Толкнув створку ворот, он громко воскликнул: «Тавананда!», и нога его ступила на каменные плиты, которыми был вымощен внутренний дворик. Джерим в изумлении огляделся по сторонам. Ему казалось, что он попал в совершенно другой мир. Даже небо над головой выглядело иным. Плиты дворика образовывали четкие геометрические фигуры. В промежутках между ними буйно росли совершенно незнакомые юноше деревья, которые, как он позже убедился, никогда не сбрасывали листву. В центре, переливаясь

всеми цветами радуги, бил небольшой фонтан, обложенный мрамором. Вокруг него стояли массивные скамьи из разных пород дерева. На некоторых из них сидели молодые люди в светло-серых бесформенных одеяниях. Кто-то общался с собеседником, кто-то читал, кто-то выводил на белоснежной тонкой бумаге, скорее всего, привезенной из Кхитая, славившегося чудесами, аккуратные письма.

Джерим стоял в полной растерянности, не зная, что ему делать дальше, куда идти, к кому обращаться. Он не хотел прерывать занятия почтенных мудрецов (потом, вспоминая свои испуганные мысли, он нередко веселился: мудрецы оказались самыми обыкновенными учениками, каким вскоре стал и он сам) и надеялся, что кто-нибудь из них сам заметит его. Ожидание затянулось, и Джерим уже собрался было с духом, чтобы заговорить с молодым человеком, лицо которого наиболее понравилось ему, как откуда-то из бокового прохода появился высокий стройный человек с волевым лицом зрелого мужа и совершенно седыми волосами старика. На человеке было надето такое же бесформенное одеяние, но оно могло поспорить белизной со снегами с самых высоких горных вершин.

Человек приблизился к Джериму:

— Приветствую тебя в Обители Знания. Я ее глава, Хранитель Мудрости. Назовись теперь и ты.

— Меня зовут...— Джерим на мгновение задумался и вдруг совершенно неожиданно даже для самого себя выпалил: — Тигр.

Хранитель понимающе улыбнулся и кивнул:

— Ты будешь способным учеником, как мне кажется, Тигр. Подойди поближе.

Джерим смело шагнул к Хранителю Мудрости, и тот положил на голову юноши сильную ладонь. На миг Джерим-Тигр перестал видеть и слышать, но тут в его мозгу прозвучал призыв: «Смотри и слушай, Тавананда!», и на него обрушился шквал всевозможных звуков, а глаза приобрели такую зоркость, что он смог увидеть каждый листок на дереве, стоявшем на расстоянии не менее пятидесяти шагов от него. Прислушавшись, Джерим понял, что слышит и пони-

мает язык трав, деревьев и птиц, которые окружали его, и счастливо заулыбался. Хранитель, заметив, каким счастьем озарилось лицо юноши, снова кивнул и сказал:

— По-моему, я не ошибся в тебе. Ты способный ученик.— Потом он подозвал одного из сидевших на скамье молодых людей: — Подойди, Ястреб. Это наш новый ученик. Проводи его и покажи ему келью, а затем отведи к Общему Столу.

Юноша, избравший для себя столь грозное имя, оказался невысоким, но сильным и гибким. У него было открытое светлокочее лицо с ясными и добрыми глазами, на которые то и дело спадала слегка выщая белокрутая прядь. Джерим пристально рассматривал его, не переставая удивляться: людей такой внешности ему еще никогда не приходилось видеть. Ястреб, заметив внимательный взгляд, усмехнулся:

— Я понимаю тебя. Ты, видимо, родом из этих мест. А здесь нету ни светлокочих, ни светловолосых. Зато у меня дома даже не слышали о таких людях, как ты.

— А где твой дом?

— В Бритунии.— И, заметив, что название страны ничего не говорит Джериму, Ястреб пояснил: — Это очень далеко отсюда. На северо-западе. Я жил у самых гор, в небольшой деревушке. У нас почти все время холодно, дождей много... Я тебе потом как-нибудь расскажу, если хочешь.

— Ты еще сомневаешься! — вскричал Джерим.— Конечно, хочу. Я вообще почти ничего не знаю о других странах. Я даже не знаю, кто я,— вдруг откровенно добавил он.

— Как это? — изумился бритунец.

— Меня нашли в джунглях. Крошечным младенцем, завернутым в тонкое полотно. При мне была лишь коротенькая записка с именем. Добрые люди вырастили меня, и я еще никогда не отлучался от нашей деревни так далеко. Но моя приемная мать умерла. Перед смертью она велела мне отыскать Обитель. И вот я здесь.

— Здесь хорошо,— улыбнулся Ястреб.— И очень интересно. Тебе понравится. Особенно если ты способный. Хранитель Мудрости считает именно так, а он никогда не

ошибается. Не каждого он привечает как тебя. Ну да ладно, нам пора. Я покажу тебе твой новый дом.

Джерим быстро освоился в Обители. Его голодный ум жаждал знаний, и юноша без усталости насыщал его, понимая, что теперь уже не сможет остановиться, пока не познает окружающий его мир до конца. Но и это ему казалось ничтожно малым. Как человек, долго бродивший по пустыне, приникает к живительному источнику, так Джерим жадно впитывал все новые и новые знания и не чувствовал насыщения.

Обитель Знания возникла в незапамятные времена. Когда-то очень давно могущественный Маг, наделенный от рождения не только великой силой, но и необычайно добрым сердцем и чистой душой, однажды понял, что истинный волшебник — тот, в кого боги вложили дар творить чудеса еще в утробе матери, а вовсе не тот, кто изучил магию по книгам. Если чародей не познал единения со всем живым, если не полюбил людей, растения, животных как самого себя, то он может обратить свои знания во зло. Тогда Маг, уже очень немолодой, отправился в путь. Он обошел весь мир и всюду искал избранных богами, но тех, кто еще не до конца осознал свои возможности, а может, и вовсе пока не обнаружил их в себе.

Собрав несколько десятков учеников, Маг привел их в дикую края, где доселе не ступала нога человека, и решил открыть здесь школу чародеев. Выбранное место находилось на краю почти непроходимых джунглей, у подножия неприступной горы. Многие поколения воспитанников трудились тут, пока Обитель Знания не стала такой, какой увидел ее Джерим.

Умелые руки вырубили в скале огромный замок со множеством галерей, переходов, узких и широких коридоров, балконов, больших залов и крошечных келий. В кельях жили и ученики, и их наставники. Роскошь была чужда этим людям, и потому в их жилищах, кроме простых соломенных тюфяков, предназначенных для сна, ничего не было. Для занятий существовали особые залы, книгохранилища, а также башни, прекрасно приспособленные для все-

возможных наблюдений. Множество внутренних двориков тоже прекрасно подходили для занятий разными премудростями.

Обедали все в просторной столовой, носившей название Общего Стола. Все обслуживали себя сами, а еду готовили по очереди. Собственно, это было совсем не трудно, ибо пищу воспитанников и наставников составляли дары природы: ягоды, орехи, плоды. Мяса не ел никто. Да и как можно приготовить жаркое из существа, чувства и мысли которого тебе понятны как свои собственные?

Отношения в Обители были, как правило, равными и вполне добрыми, ибо учеников объединяла общая цель — научиться правильно пользоваться даром богов: врачевать телесные и душевные раны, читать заклинания-обереги, наводить сложные иллюзии, понимать и беречь растения и животных и еще многое, многое другое.

С учениками занимались семь наставников — Учителей Силы, Мастеров. Они преподавали юношам и девушкам историю, грамоту, языки разных народов, мастерство. Мастер Сказаний мог часами, забыв обо всем на свете, рассказывать об истории Земли, излагать легенды и предания разных народов и народностей, описывать их быт, обычаи, обряды, перечислять богов, не забывая их имена и деяния.

С Мастером Стихий молодые маги проводили очень много времени. Они бродили по лесам, поднимались в горы, плавали в реках и озерах. Мастер учил их управлять Стихиями: устанавливать погоду, менять направление ветров, призывать дожди или, наоборот, утихомиривать их.

Мастер Растений знал о травах, цветах, деревьях, мхах и водорослях все. Ученикам приходилось целые дни напролет заучивать названия растений, их облик, назначение. Они должны были различать ядовитые травы и цветы и уметь использовать их для врачевания, ибо иногда даже яд можно применять с пользой; готовить отвары и настои и ни в коем случае не ошибаться, когда требовалось назвать болезни, от которых они помогают; знать, какие растения можно употреблять в пищу сырыми, а какие непременно надо варить; какие поделки можно изготовить из той или

иной древесины и даже как составлять букеты, чтобы они могли заменить письмо.

Мастер Животных, казалось, породнился со всей живностью, обитавшей в небе, воде и на суше. Он знал и понимал все живое. Хищники ласкались к нему; птицы садились на плечи и голову и что-то щебетали, посвистывали, клекотали; змеи ползали по нему, как по лианам, и повисали на шее разноцветными ожерельями; всевозможные маленькие зверюшки вечно сидели у него на руках, и даже рыбы подплывали к самому берегу, если он подходил близко к какому-нибудь водоему. Он учил своих воспитанников не только узнавать животных, но и (и это, пожалуй, было самым главным) просто любить их.

Мастер Земли знал все о ее недрах. Камни, столетиями гордо взиравшие на окружающий мир, делились с ним своими секретами. Источники стремились к нему навстречу, а неприступные горы пропускали его там, где ни один человек не сумел бы пройти. И когда он рассказывал о своем предмете, казалось, земля дышит, а камни улыбаются.

Полюбил Джерим и занятия с Мастером Превращений. Тот знал все заклинания на свете, умел наводить потрясающие иллюзии, мог превратить все что угодно во все что угодно. От него Джерим узнал, какое это непростое и ответственное дело — иллюзии и превращения. Чтобы создать хорошую устойчивую иллюзию, надо дать вещи новое имя, ибо определенному имени соответствует и определенная форма, и произнести сначала истинное, тайное имя, а затем новое, а уж потом приступать к превращениям. Так же можно изменить и себя, но во всех случаях очень важную роль играет имя. Ведь если забыть свое истинное имя, то никогда не вернешь себе прежний облик, а если его узнает кто-то другой, то он получит власть над твоей сущностью, сможет распоряжаться твоей жизнью и смертью.

Мастер Истины владел всеми древними языками и обучал им воспитанников. Все истинные имена, и растений, и животных, и людей, — это имена на самом древнем языке. Ученикам приходилось заучивать сотни и сотни толстен-

ных плотных свитков, на которых убористым почерком перечислялись имена и названия. Ошибаться было нельзя: любая, даже совсем крошечная, ошибка могла привести к роковым последствиям.

Пройдя все семь ступеней обучения, воспитанники представляли перед Хранителем Мудрости, Великим Мастером. Его знания были столь глубоки, а мудрость столь безгранична, что ему не приходилось задавать вопросы ученикам. Он сам видел, кто из них чего достиг, и определял их дальнейшую судьбу. Избранных, наиболее способных, Великий Мастер приглашал в Рощу Откровения, где они постигали понятия Добра и Зла, а потом давали обет служить Добру. Если во время церемонии обета появлялся благоприятный знак, ученик становился послушником, и для него наступал следующий этап обучения.

Только те чародеи, которые прошли послушание в Обители Знаний, умели творить настоящие чудеса, отличавшиеся от иллюзий и фокусов, как день от ночи. Они обучались врачевать без снадобий и даже возвращать жизнь, если тело еще не остыло и мозг не умер. Чтобы послушники могли распознать состояние мозга, в них развивали телепатические способности, а кроме того, у них открывался дар улавливать и различать настроение на большом расстоянии, причем не только людей, но и растений и животных.

Завершив послушание, маги проходили обряд посвящения в Подмастерья, после которого покидали Обитель. Если Подмастерье не нарушил обет служения Добру, он мог вернуться, но не раньше чем через тридцать лет, ибо обязан был применить полученные знания и отыскать хоть одного ученика себе на смену.

Вернувшийся становился Мастером и воспитывал новые поколения чародеев. Мало кто из обучавшихся в Обители нарушал обет, но если такое случалось, ворота из эбенового дерева не пропускали его. К тому же ослушника ждала кара: поединок с другим Подмастерьем, во время которого преступник должен был погибнуть. Уйти от возмездия было невозможно. Рано или поздно Великий Мастер узнавал о свершенном зле, и тогда на поиски отправ-

лялся Подмастерье, несущий негодяю смерть. Так повелел Маг, основавший Обитель Знания.

Несколько лет, которые Джерим провел в Обители, промелькнули для него незаметно. Каждый день был заполнен до отказа, и юноша жалел только об одном: никак нельзя замедлить ход времени, чтобы успевать как можно больше.

Он быстро стал любимцем всех Мастеров, и даже сам Хранитель Мудрости часто беседовал со способным учеником. Воспитанники даже поговаривали о том, что Хранитель готовит Тигра себе на смену. Однако Джерим не обращал ни малейшего внимания на подобные разговоры. Ему было некогда думать о том, что может произойти через несколько десятков лет. Он учился. Учился заново видеть мир и понимать его.

Когда настала пора предстать перед Великим Мастером, Джерим числился среди лучших учеников. Хранитель пригласил его к себе, долго смотрел в умные рыжие глаза любимого воспитанника, а потом сказал:

— Вот и закончилось твое обучение, Тигр. Ты нашел в Обители то, что искал?

Юноша задумался на мгновение и совершенно неожиданно ответил:

— Нет.

— Нет? — изумился Хранитель Мудрости. — Разве ты получил мало знаний?

— Когда я первый раз вошел в ворота Обители, я не знал ничего, — пояснил Джерим. — За годы, проведенные здесь, мой голодный разум впитал огромное количество всевозможных сведений, но мне этого мало. Я чувствую, что способен на большее. Пойми, это не гордыня говорит во мне. Просто я так чувствую. — Он помолчал немного и добавил: — Прости, если обидел тебя.

— Обидел? А что такое обида? — усмехнулся Великий Мастер. — Обижается лишь глупец, а умный человек делает выводы из сказанного. Ты прав, Тигр. Тебе этого мало. Что ж, Роцца Откровения примет тебя. Вот потом и поговорим.

Джерим, с трудом сдерживая охватившее его волнение, подошел к Хранителю, взял его руку и приложил к своему лбу.

— Благослови меня, Мастер, — тихо попросил он.

— Зачем тебе это? — отозвался Хранитель. — Тебя уже благословили боги.

— Мне очень это нужно.

Хранитель Мудрости кивнул и, не снимая руки со лба юноши, произнес необходимые слова. Джериму показалось, что чистая живительная влага омыла его душу. Он светло улыбнулся, затем опустил голову в полупоклоне и быстро покинул келью Мастера.

В Роцце Откровения, которую посадил первый Маг со своими учениками, всегда было лето. Деревья никогда не сбрасывали листву, травы не меняли цвет, многочисленные прекраснейшие цветы наполняли воздух благоуханием. Легкий ветерок резвился в пышных кронах, заигрывал с травами и кустами, и казалось, что Роцца все время что-то говорит, однако понять ее суждено было далеко не каждому, даже из тех, кому выпало счастье посетить Роццу.

С первых шагов по шелковистому травяному ковру Джерим испытал доселе неведомое ему чувство. Нечто подобное, наверное, испытывает странник, после многолетних мытарств вернувшийся домой и обнаруживший, что его не забыли и ждали долгие годы. Джериму хотелось лечь и прижаться щекой к каждой травинке, потом пройтись по Роцце, обнимая и поглаживая каждое дерево, вдохнуть полной грудью напоенный ароматами воздух и в конце концов остаться здесь навсегда. Это было хорошим знаком: Роцца ждала его и приняла безоговорочно.

Джерим знал, что где-то в Роцце сейчас должен находиться и Ястреб, ставший ему за годы пребывания в Обители другом. Сначала юноша пытался разыскать бритунца, чтобы поделиться с ним своими впечатлениями, но вскоре убедился в тщетности своих попыток и оставил эту затею. Дни быстро сменяли один другой, время, отведенное на пребывание в Роцце, шло, Джерим наслаждался душевным покоем и тихой радостью, наполнявшей его, но с ним ничего

не происходило, и наконец это стало беспокоить молодого чародея, ведь если он не дожидается таинственного знака, ему никогда не стать Подмастерьем и придется довольствоваться теми крохами большого Знания, которые он уже получил.

И все-таки Джерим дождался! Однажды ночью ему привиделся удивительный сон, первый со дня пребывания в Роще Откровений. К нему пришел благообразный старец в белом одеянии с легкими, как пух новорожденного птенца, волосами и длинной совершенно седой бородой до пояса. Старец поманил юношу рукой, и тот повиновался, ибо от седобородого исходила такая мощная сила, что даже мысль о несогласии с ним не могла возникнуть.

Не говоря ни слова, старец повел Джерима из Роши. Они шли очень долго, взбирались на казавшиеся неприступными горы, поднимаясь к самым облакам; бродили по непроходимым лесам, и деревья расступались, показывая потайные тропинки; шли по бескрайним пустыням, где пески, стоило старцу прикоснуться к ним рукой, выбрасывали тонкие фонтанчики живительной влаги; проходили по рекам и озерам, словно под ногами была не холодная вода, а надежная твердь; опускались на морское дно, и зеленые глубины открывали перед ними свои сокровищницы. Затем они вернулись в Рошу, и старец наконец-то заговорил:

— Тавананда, ты увидел сейчас весь мир, каким до тебя его знали немногие. Только человеку с ясным внутренним взором открываются эти глубины. Только человек с чистой душой может к ним прикоснуться. Теперь тебе пора. Ты должен покинуть Рошу Откровения и начать наконец путь к Истине. Готов ли ты посвятить свою жизнь служению Добру?

— Готов, — коротко ответил юноша.

Джериму хотелось задать множество вопросов, но седобородый старец исчез, растаяв в предрассветной дымке. Юноша проснулся и понял, что к нему приходил сам первый Маг, что их головокружительное путешествие и есть тот самый долгожданный знак, открывающий ему дорогу к

дальнейшему познанию мира. Джерим рассмеялся так громко, что с ветки ближайшего дерева вспорхнула испуганная птица.

— Прости меня, пернатый друг, — промолвил юноша. — Я не хотел тебя пугать. Просто я так счастлив, что не могу даже рассказать об этом.

Молодой маг быстро поднялся и, как ни хорошо было ему в благословенной Роще, решительно направился прочь. Он хотел поскорее отыскать Хранителя Мудрости и поведать ему о случившемся. Однако слова не понадобились. Едва Великий Мастер увидел Джерима, он сразу все понял.

— Можешь не объяснять, Тигр. Я все знаю. Тебе выпала великая честь: сам Маг приходил к тебе. Что ж, я несколько не сомневался, что тебе еще рано покидать Обитель. — Он обернулся, принял из рук подоспевшего Мастера Истины светло-голубое одеяние и протянул его Джериму: — Ступай. Переоденься. Отныне ты послушник.

— Но как же обет служения Добру? — растерялся Джерим. — Церемонии-то еще не было...

— Для того, кто дал слово самому Магу, — ответил Хранитель Мудрости, — не нужны церемонии.

Джериму хотелось, чтобы время послушничества тянулось как можно дольше, ибо каждый день, каждый час, даже каждый миг дарили ему новые знания, навыки, умения.

Если бы ему в детстве сказали, что он сможет читать чужие мысли, как следы зверей в джунглях, слышать их, как голос друга, что ему станут ведомы настроения и чувства людей, животных, трав и цветов, которых он даже никогда не видел, а может быть, и не увидит, что он сумеет поднять человека со смертного одра, вернуть уже ступившего на Серые Равнины, не превращая его в зомби, а оставляя нормальным и полноценным, он просто расхохотался бы, а потом заявил, что подобным образом шутить неприлично. Теперь же он все это знал и умел.

Ему открылись тайны жизни и смерти, ему была дарована великая сила, и, умело обращаясь с нею, он мог неустанно творить добро.

Итак, к великому огорчению Джерима, пребывание в Обители Знаний подходило к концу. Настал день, когда Хранитель Мудрости позвал его к себе и сказал:

— Завтра ты пройдешь обряд посвящения в Подмастерья. Это будет твой последний день в Обители. Наутро следующего дня ты покинешь ее. Но не печалься. Ты еще можешь вернуться. Для этого надо прожить вне наших стен три десятка лет, ни разу, даже в мыслях, не нарушить данного Магу слова и отыскать хотя бы одного нового ученика. После этого ворота вновь откроются перед тобой. Тогда ты станешь Мастером. А сегодняшний вечер проведешь в своей келье. Тебе есть о чем подумать.

Весь вечер Джерим вспоминал свою жизнь, с самых первых шагов, с самых первых впечатлений, и в конце концов решил, что правильно выбрал путь. Более того, этот путь для него — единственный. И тогда он понял, почему перед обрядом посвящения мага оставляют наедине со своими мыслями: если он хоть на миг усомнится, его нельзя отправлять к людям, беззащитным перед огромной силой, которой он обладает.

Обряд оказался на удивление простым и коротким. В зал для общих сборов, который в Обители назывался Очагом, пришли послушники, подготовленные к посвящению, и все Мастера, щедро делившиеся с ними своими знаниями, а также Хранитель Мудрости, которого молодые маги считали своим духовным отцом. Мастера и маги сидели у противоположных стен Очага на длинных деревянных скамьях.

Будущие Подмастерья по одному подходили к Мастерам и вставали на одно колено. Каждый Мастер клал послушнику на голову руку и произносил одну и ту же очень краткую речь:

— Ты пришел сюда с открытой душой и уходишь с открытой душой. Ты пришел сюда с жадной познания и уходишь, до конца не удовлетворив ее, ибо познание бесконечно. Ты дал обет служения Добру, и отныне оно для тебя — верховное божество.

Затем послушники поднимались с колен и поворачива-

лись к Хранителю Мудрости. Тот касался тонкими изящными пальцами сначала лба, затем губ, а потом сердца каждого, словно накладывая печать на полученные знания и навыки, и говорил:

— Отныне ты Подмастерье Обители Знаний. Да приведет тебя дорога к Мастерству.

Обряд закончился, и наутро следующего дня Джерим покинул Обитель, решив для себя, что обязательно вернется в эти стены. У него не было дома, не было семьи, не было даже земли, о которой он мог бы сказать, что родился там. Весь мир был открыт для молодого чародея, и Джерим решительно зашагал вперед, торопясь навстречу этому распахнутому перед ним простору.

Глава третья

Благословенный, роскошный, радостный и шумный город Аграпур, раскинувшийся на берегу моря Вилайет, зимой превращался в невообразимый кошмар. Мокрый снег, с утра до вечера и с вечера до утра падавший с небес крупными хлопьями, засыпал каменные мостовые и тут же оборачивался хлюпавшей и чавкавшей грязной жижей и глубокими лужами. В такую мерзкую погоду никому не хотелось даже носа высовывать на улицу. Лишь изредка появлялся богатый паланкин, который несли отчаянно ругавшиеся носильщики, а все остальное время в городе можно было встретить только воров, блудниц, попрошаек, бродяг, и потому в зимние месяцы лицо города менялось до неузнаваемости.

Владельцы всевозможных трактиров и гостиниц, правда, не жаловались, ибо для них наступало благословенное время. Вот и сейчас хозяин «Красного сокола» довольно потирал руки, видя, что свободных столов в его заведении почти не осталось. Тут было тепло, сухо, подавали вполне сносную еду и вино, не вызывавшее изжоги и икоты, а танцовщицы славилась красотой, изяществом и доступностью. Что еще нужно уставшему солдату, с утра пораньше маршировавшему на плацу, больше похожему на болото, вору, сбившемуся с ног в поисках богатого ротозея и наконец-то отыскавшему добычу, или контрабандисту, удачно сбывшему товар и позволившему себе немного отдохнуть, как не посидеть в тепле и уюте, не выпить приличного

вина, присмотреть себе пышную красотку и, договорившись о цене, подняться с ней наверх по скрипучей деревянной лестнице в тесные, но чисто убранные комнатенки с широкими мягкими постелями?

За одним из столов, вальяжно развалившись, сидел молодой гигант лет двадцати от роду с нечесаной гривой черных волос. Его пронзительно синие глаза слегка осоловели, и это было неудивительно, если учесть, что за сегодняшний вечер он поглощал уже пятый кувшин терпкого красного вина. Рядом с ним удобно устроился его приятель, плутовскую рожу которого наискось пересекала черная повязка, скрывавшая давно потерянный в драке глаз.

Черноволосый поднял кувшин, тряхнул его как следует, прислушался, затем перевернул его кверху дном и задумчиво уставился в стол. Его ожидания оказались напрасными: на ровную деревянную поверхность не пролилось ни капли. Молодой человек с грохотом опустил на стол увесистый кулак, которым запросто можно было повалить боевого слона, и заорал:

— Еще вина!

— Конан, — обратился к своему собутыльнику одноглазый, — держи себя в руках. Товар мы сдали, но следующего пока не предвидится. Сам знаешь наше ремесло: то пусто, то густо.

— Деньги — грязь, — усмехнулся Конан. — Не будет товара, всегда найдется чей-нибудь дом, до отказа набитый всяким барахлом. В конце концов, воровство ничем не хуже контрабанды. Тебе, Ордо, не к лицу благочестивость.

Зная упрямство и привычку своего давнего приятеля не думать о завтрашнем дне, Ордо прекратил всякие попытки убедить его не спускать все монеты сразу. Он замолчал и принялся рассматривать танцовщиц. Те нисколько не скрывали своих прелестей и, наряжаясь, чаще всего ограничивались ожерельями, браслетами и наилегчайшими одеяниями, более походившими на ленты, нежели на юбки. Что и говорить, зрелище было увлекательным, и вскоре Конан тоже сосредоточился на нем. Он почти уже решил, какая из

красоток развяжет сегодня его кошелек, как от приятных мыслей его отвлек новый посетитель.

Дверь таверны медленно отворилась, и на пороге возник человек странной наружности. Одет он был в длинную меховую куртку с капюшоном, отороченную мехом, который когда-то, похоже, был белым, но теперь изрядно истребился. На широком скуластом лице выделялись почти черные раскосые глаза. С первого взгляда его можно было принять за кхитайца, но стоило присмотреться получше, как становилось ясно, что к этой далекой стране он не имеет никакого отношения. Его кожа цветом напоминала старую медь, а почти квадратной формы толстые губы были столь яркими, что, казалось, на них лежит слой краски. Тонкий прямой нос на широком лице выглядел несуразно маленьким, однако незнакомца нельзя было назвать некрасивым. Новый посетитель откинул промокший капюшон, и Конан удивился еще больше: длинные прямые и, по-видимому, жесткие волосы были коротко срезаны на макушке, придавая мужчине более чем странный вид.

Незнакомец постоял на пороге, словно не решался войти, но затем все-таки шагнул вперед, прошел между столами и приблизился к хозяину таверны. Поговорив о чем-то с хозяином, странный мужчина кивнул и направился к лестнице, однако пробыл наверху недолго и вскоре спустился вниз. Куртки на нем уже не было, но и надетые под ней широкая рубаха и штаны из тонкой кожи говорили о том, что незнакомцу неведома ткань. Или что он просто не привык к ней.

Мужчина сел за один из свободных столиков и жестом подозвал девушку, обслуживавшую посетителей. Что он ей сказал, Конан не слышал, но зато увидел, как глаза девушки округлились от изумления. Она задумалась, закусив губу, потом решительно кивнула и удалилась на кухню. Вскоре она вернулась, неся тарелку, на которой лежал увесистый кусок сырого мяса. Не обращая внимания на присутствующих, незнакомец достал острый костяной нож и начал медленно есть, отрезая от мяса тоненькие полоски и с явным удовольствием пережевывая их.

Ровный гул, висевший в воздухе таверны, как густой дым над остывающим пожарищем, постепенно стих, настолько необычный посетитель заинтересовал окружающих. Большинству он явно не нравился. И дело было вовсе не в том, что он вызывал неприязнь, просто все изрядно выпили, настроение оставляло желать лучшего, но поводов для ссор никто не находил, и потому напряжение нависало над головами, как гроза. Незнакомец же пришел издалека, был тут чужаком, и наиболее задиристые уже лихорадочно обдумывали, к чему бы прицепиться, чтобы не начинать драку, а якобы ответить на вызов.

Первым нашелся один из самых гнусных людишек, время от времени заглядывавших в таверну. Его имени никто не знал, вполне возможно, что он и сам давно забыл его и привык к прозвищу Белозубый. Кто назвал так этого громилу, вряд ли он и сам вспомнил бы, но этот кто-то был, похоже, весельчаком, ибо все свои зубы до единого Белозубый порастерял в бесконечных уличных пьяных драках.

Белозубый повернулся к своим собутыльникам и громко сказал, чтобы слышали все:

— Никогда не жрите сырого мяса, а то и от вас будет вонять так же, как от этого косоглазого.

Запашок от незнакомца был и правда не из приятных. В том, что он не знаком ни с горячей водой, ни с мылом, сомневаться не приходилось. Но в конце концов, он ведь и не в королевский дворец пришел. В таверне собирались разные люди, и некоторым из них тоже не мешало бы хорошенько помыться. Однако приятели Белозубого заготовали во все глотки и на всякий случай положили руки на пояса, где у каждого висел нож. Незнакомец оторвался от еды, поднял голову, внимательно посмотрел на весельчаков, улыбнулся и вновь принялся есть. Белозубый оторопел. Он никак не ожидал такой реакции.

— Чего скалишься?! — заорал он. — Видал? — И он показал добродушному противнику увесистый кулак. — Щас врежу по зубам!

— У меня-то хоть они есть, — ответил незнакомец, пожимая плечами.

Говорил он с каким-то невероятным акцентом, и Конан, который, несмотря на свою молодость, уже побродил по свету, не понял, откуда тот явился.

Белозубый и его спутники только того и ждали. Они повскакивали с мест, выхватывая ножи. Громила подскочил к столу, за которым сидел незнакомец, резким движением руки сбросил на пол тарелку с остатками мяса, а второй рукой схватил противника за грудки и поднял его со скамьи. Не успел тот опомниться, как тяжеленный удар обрушился на его голову. Конан встрепенулся, но Ордо остановил его:

— Тебе-то что за дело? Не вмешивайся.

— Да он ведь как ребенок! — возразил Конан. — Посмотри, он даже драться не умеет.

— Ну и что? — равнодушно зевнул одноглазый. — Не надо было вякать.

Конан согласился с приятелем, но продолжал пристально следить за дракой, чтобы все-таки вмешаться, если дело пойдет слишком далеко. Ждать ему долго не пришлось. Пьяная компания навалилась на беззащитного незнакомца и начала его дубасить чем попало. Киммериец никогда не отличался особой чувствительностью и нежным сердцем и не вступал в чужие потасовки, однако своеобразный варварский кодекс чести, которому он неукоснительно следовал, не позволял ему спокойно смотреть, когда обижают слабых, женщин и детей.

Конан быстро понял, что незнакомец миролюбив и мягок и не может постоять за себя. Варвар вскочил, легко оторвал от пола тяжелую скамью и бросился к дерущимся. Стоило ему один раз опустить на головы свое оружие, как толпа рассыпалась, оставив несколько неподвижных тел.

Увы, вмешался он слишком поздно. Конан наклонился над незнакомцем, лицо которого превратилось в кровавое месиво, тот медленно открыл глаза, набрал в легкие воздуха, словно собирался что-то сказать, но силы покинули его, глаза помутнели, уголки губ дернулись, он выпрямился и затих. Киммериец приподнял голову погибшего и увидел на высокой скуле изображение маленькой черной чайки.

«Странная татуировка», — подумал Конан и, сам не понимая почему, осторожно коснулся ее пальцем.

Вдруг яркая вспышка ослепила варвара, его обдало жаром, а по телу пробежала дрожь. Это длилось всего мгновение. Варвар тряхнул головой, отдернул руку и выругался. Он терпеть не мог всевозможного колдовства, а тут явно вмешалась какая-то неведомая сила. Конан ощупал себя, провел рукой по лицу и, убедившись, что с ним ничего не произошло, вернулся к Ордо.

— Я говорил тебе, не лезь, — начал одноглазый.

— Что-то я сегодня быстро набрался, — ответил Конан, словно не слышал слов приятеля. — Пойду спать.

— А девочка? — напомнил Ордо.

— К Нергалу всех девок вместе взятых! — рявкнул киммериец. — Спать хочу. Завтра поговорим.

Конан медленно поднялся по скрипучей лестнице, пинком отворил дверь и, не раздеваясь, повалился на кровать. Заснул он мгновенно, словно в выпитое им сегодня вино был подсыпан сонный порошок. Ему приснился удивительный сон.

Бескрайние заснеженные просторы. Куда ни кинь взгляд, всюду снега, снега, снега. Ледяные кристаллики играют на солнце разнообразными цветами, словно кто-то рассыпал ровным слоем множество мелких бриллиантов. Холодно. Холодно так, что киммериец даже во сне почувствовал, как густой от мороза воздух с трудом проходит в легкие. Конан идет по ледяной пустыне, точно зная, что впереди его ждет дом, жена, дети. Еще несколько шагов, и вдалеке показывается необычное строение: треугольное, остроконечное, покрытое шкурами неизвестного животного. Он приближается к дому, и в памяти всплывает совершенно незнакомое раньше слово: умран. Видимо, так называется строение.

Откидывается низкий полог, и из умрана на четвереньках выползает очаровательная хрупкая женщина в такой же меховой куртке, какая была надета на незнакомце. Чуть раскосые черные глаза женщины светятся радостью. Она бросается навстречу киммерийцу и восклицает:

— Млеткен! Где ты так долго пропадал? А где Анкаля?

Конан внезапно проснулся и резко сел. Кром! Не сходило ли он с ума? Однако самым удивительным оказалось то, что он тут же вспомнил имя женщины: Уквуна. Вспомнил? Он никогда не знал его! Он нигде прежде не встречался с этой женщиной и вместе с тем осознавал, что она близкий и родной ему человек.

Негралово отродье — этот незнакомец... Что он такое сделал? Откуда появились чужие сны? В том, что сон чужой, Конан нисколько не сомневался, но как такое могло случиться, объяснить был не в состоянии. Он замысловато выругался и попытался снова заснуть, но стоило закрыть глаза, как опять злые ветры закружили над землей снежные вихри. Варвар заставил себя проснуться, встал и, тяжело ступая по лестнице, спустился вниз.

В таверне сидело несколько посетителей, мрачно накачивавшихся подогретым вином. На киммерийца никто не обратил внимания, и это было их счастьем, ибо Конан настолько разозлился, что, подними хотя бы кто-нибудь на него глаза, он тут же ввязался бы в драку.

Последствия свершившегося накануне побоища были тщательно убраны, трупы куда-то унесли, и лишь расколовшаяся от мощного удара скамья напоминала о том, что тут произошло вечером. Конан осмотрелся по сторонам и решительно шагнул к столу, за которым раньше сидел незнакомец. Варвар потребовал вина и попытался сосредоточиться. Это у него плохо получалось, потому что он больше привык работать кулаками и мечом, нежели головой. Однако он горел желанием разобраться в том, что с ним случилось. В голову лезли всевозможные мысли, но ни одна не помогала ему понять происшедшее. «Анкаля, сестренка...» — вдруг подумал он и вздрогнул. Опять начинается! Да что же это за проклятие?!

В свои неполные двадцать лет Конан успел побывать во многих странах, немало пролить крови, познать рабство, обучиться воровскому мастерству, попробовать жизнь наемника, заниматься контрабандой. Ему уже не раз приходилось сталкиваться со всевозможными магами, ведьмами, демонами, и ни один из них не ушел от острого меча ким-

мерийца. Он не боялся ни оживших мертвецов, ни воинственных мумий, ибо знал, что с ними можно покончить, он бросал вызов богам, когда охранял священную рощу, но и из этой схватки вышел победителем.

Именно варвар раскрыл тайну магического меча Скелоса, это он вместе с неповторимой Карелой уничтожил мага Аманара и золотого демона Морат-Аминэ, Ловца Душ (при мысли о своенравной, непредсказуемой рыжеволосой красавице Конан улыбнулся, и его настроение стало не таким мрачным). И все равно киммериец с великой опаской относился ко всему, что было связано с волшебством. Победы победами, но до сих пор он выходил на бой со зримым врагом, а то, что сейчас с ним происходило, не поддавалось никакому объяснению. Во всяком случае, сам Конан не мог справиться с этой загадкой.

Для начала он решил поговорить с Ордо. С одноглазым киммериец познакомился в шайке Карелы, Рыжего Ястреба, и тот неоднократно сумел доказать свою преданность и надежность. Кроме того, Ордо обладал ясным и трезвым рассудком, чего сейчас Конану явно недоставало.

Ордо внимательно выслушал сбивчивый рассказ взволнованного приятеля и криво усмехнулся:

— Предупреждал ведь я тебя, не пей так много. Пропипись как следует, и все встанет на свои места.

— Как ты не понимаешь! — вскричал варвар. — Спать то как раз я и не могу спокойно. Мне снятся какие-то дикие сны.

— Ты что, приятель, снов начал бояться? — изумился Ордо. — Что-то на тебя не похоже.

— Конечно, не похоже, — горячо откликнулся Конан. — Именно это я и пытаюсь тебе объяснить. Этот узкоглазый, наверное, был колдуном и навел на меня какую-то дрянь, которая теперь мешает мне жить.

— Тебе ли бояться колдунов, — спокойно ответил Ордо. — Сколько их уже отвели твоего меча?

— Да этот-то и так уже подох! — разозлился киммериец. — Я не могу драться со снами и дурацкими мыслями.

— Плюнь и забудь, — пожал плечами одноглазый.

— Легко тебе говорить, — проворчал Конан. — Это не ты обзавелся женой где-то в снегах и сестрой, которой никогда в жизни не видел.

— И не увидишь. Скоро придет новый товар. Некогда будет о всякой чепухе думать. Да и спать почти не придется.

Этот разговор, как ни странно, немного успокоил Конана, тем более что несколько следующих дней его не мучили ни чужие воспоминания, ни странные сны. Он благополучно спустил в различных кабаках почти все свои деньги, ошастливил страстными ласками половину припортовых красоток, выпил целое море вина и вновь почувствовал себя прежним. К этому времени Ордо разыскал очередного заказчика, и контрабандисты принялись готовиться к серьезному делу. Однако когда почти все было готово и оставалось лишь решить несколько мелких вопросов, чтобы начать действовать, Конан вдруг почувствовал, что ему надо срочно покинуть Аграпур и двинуться на север. Чем было вызвано такое неожиданное изменение всех его планов, он объяснить не мог. Просто ему надо было куда-то идти, и как можно скорее.

Ордо вспылил так, что, казалось, под ним сейчас загорится скамья:

— Ты совсем рехнулся?! Мы все на тебя рассчитывали, а ты собираешься бросить нас ни с того ни с сего.

— Пойми, — попытался оправдаться киммериец. — Это не я. Кто-то тянет меня отсюда, и если я откажусь... Да нет! Не могу я отказаться!

— Ну и убирайся на все четыре стороны! — рявкнул Ордо, поднялся со скамьи и ушел, ни разу не обернувшись.

Конан хотел броситься за ним, но понял, что все равно ничего не объяснит приятелю, потому что сам не знает, что с ним происходит. Вскоре он уже был в Аките, но, убедившись, что его там ничего не держит, покинул город на следующий же день. Ноги сами вели его в Замору, хотя ему совершенно не хотелось туда идти. Сумасшедшие сны опять вернулись. Чаще всего ему снилась молоденькая девушка с такой же крошечной чайкой на щеке, как и у незнакомца, которого он столь опрометчиво бросился защищать. Девушка смотрела на него печальными глазами и твердила

одно и то же: «Торопись, Млеткен, торопись. Еще немного, и я не выдержу. Тогда ты больше не увидишь меня».

Конан пытался отвечать ей, сказать, что он вовсе не Млеткен, что он даже не знает, кто такой Млеткен, но в своих снах он был немым. Сны всегда обрывались неожиданно, словно кто-то стирал огромной тряпкой картинку и оставлял лишь непроницаемый черный фон. Временами киммерийцу казалось, что он сошел с ума окончательно, однако когда он вновь обретал способность спокойно и разумно мыслить, то понимал, что какие-то неведомые силы затеяли с ним большую игру, и давал себе слово довести ее до конца. Он мог бы и не давать слова, ибо все равно был не в силах сопротивляться мощным толчкам, направлявшим его все дальше и дальше неизвестно куда.

После нескольких дней изнурительного пути (изнурительного потому, что Конан сам себе напоминал безмозглое животное, которого палкой гонят не то на водопой, не то на закление) он пересек границу Заморы. Ближайшим городом, лежавшим на его пути, был Аренджун, столица государства. Аренджун не зря называли городом воров. И сам город, и его окрестности издавна привлекали всевозможный сброд: грабителей, карманников, шлюх, разнообразных преступников со всего света. Путники, направлявшиеся в столицу, опасались ходить поодиночке, но даже и большие компании часто либо погибали, либо расставались со всем своим добром.

Конану нечего было бояться. Он несколько не сомневался, что справится с любыми головорезами, и поэтому шел открыто, ни от кого не прячась. До Аренджуна оставалось менее дня пути, когда далеко впереди киммериец рассмотрел силуэт одинокого путника. Смелчак был высок ростом, черноволос и, похоже, довольно-таки силен. Но даже зоркие глаза варвара, сколько он ни напрягал их, не увидели какого бы то ни было оружия. Конан решил немного сбавить темп и понаблюдать. Безоружный путник вполне мог оказаться приманкой. Банды грабителей иногда выставляли на дорогах либо миловидную девушку, либо симпатичного ребенка, либо хлипкого юношу. «Приманки» обманом завлекали путешественников в самое

логово, где их и обирали до нитки, а иногда и перерезали им глотки.

Путник явно направлялся к Арэнджуну и, похоже, не спешил. Однако его медлительность не была вызвана осторожностью, весь его облик говорил о том, что он ничего не боится. Лишь один раз он остановился, посмотрел по сторонам, а затем, пожав плечами, двинулся дальше. Не успев он пройти и сотни шагов, как из кустов, которые росли как раз в том месте, где он останавливался, выскочили пятеро мужчин. Все они были невысокими, юркими и очень быстрыми. Грабители, а Конан нисколько не сомневался, что это были именно они, окружили путника и вытащили из-за поясов длинные ножи.

Киммериец, двигаясь бесшумно, словно хищник в джунглях, почти догнал их и спрятался в тех самых кустах, где раньше сидели бандиты. Теперь он мог рассмотреть всех. Головорезы, несомненно, были заморийцами. Об этом говорили и их смуглая кожа, и тонкие черты лица, и темные, густые волосы. Путник был не менее чем на голову выше любого из них, прекрасно сложен, молод и хорош собой. В его странных светло-карих, почти рыжих глазах светились ум и доброжелательность. Ни один мускул не дрогнул на его лице, когда грабители достали ножи.

— Вы, наверное, думаете, что у меня есть золото и драгоценности? — спокойно спросил он.

— Мы ничего не думаем, болван! — гаркнул один из бандитов. — Гони кошелек, а что в нем, сами разберемся.

— У меня всего несколько монет, — сказал высокий, — но с какой стати я должен отдавать их вам?

— Тебе что, жить надоело? — поинтересовался главарь.

— Да нет, нисколько. К жизни надо относиться серьезно, поэтому я и предлагаю вам разойтись по-хорошему. Мне бы совсем не хотелось причинять вам зла.

Грабители захохотали так, что у главаря даже выступили слезы на глазах.

— Вот повеселил так повеселил, — полусказал, полувсхлипнул он, проводя по грязному лицу не менее грязной рукой. — Так и быть, за это мы тебя отпустим.

— Об этом я вам и говорил, — кивнул путник и повернулся, собираясь уйти.

— Эй, погоди! Ты-то пойдешь, а кошель останется.

Путник посмотрел на бандитов печальными глазами и тяжело вздохнул. Так, наверное, смотрит мать на непонятливых малышей. Ей не хочется наказывать детишек, а слов для их увещевания она уже не находит.

— Вы так ничего и не поняли. Как жаль...

— Он еще будет нас жалеть... — начал было главарь, но слова застряли у него в глотке.

В том месте, где только что находился путник, стоял здоровенный тигр, остервенело бьющий хвостом по бокам. Хищник зычно рыкнул, показав при этом острые клыки, и поднял лапу, намереваясь нанести удар. Но бить было некого. Грабители бросились врассыпную, оглашая воздух душераздирающими воплями. Вскоре все они скрылись за горизонтом.

Тигр посмотрел им вслед и зевнул. Конан выхватил меч и прыгнул вперед, мгновенно оказавшись напротив зверя. Но не успел он даже поднять меч над головой, как на месте хищника снова стоял тот же путник.

— Не горячись, — остановил он киммерийца, приветливо улыбаясь. — Ты ведь не такой же остолоп, как они.

— Ты колдун? — нахмурившись, задал варвар совершенно глупый вопрос.

— Нет, — покачал головой путник. — Я маг. Подмастерье Обители Знаний.

— Что отродье Нергала, что Нергалово отродье — одно и то же.

— Все нет. Я служу Добру. А ты кто?

— Ветлан... Кром! Я киммериец. Конан.

— А меня зовут Джерим. Я из Вендии. Но почему ты сказал сначала «ветлан»?

— Понятия не имею. Я даже не знаю, кто такие ветланы.

— Это маленький народ. Они живут очень далеко отсюда, на самом севере, — пояснил Джерим. — На берегу Северного моря. За тундрой.

Конан задумался. В большинстве его странных снов он видел как раз северную страну. Значит, этот таинственный Млеткен, который последнее время не дает ему покоя, ветлан? Боги пресветлые! Неужели придется тащиться в такую даль, чтобы разобраться во всем этом? Вот влип так влип.

Джерим терпеливо ждал, когда рослый киммериец заговорит с ним. Чародей, конечно же, мог заглянуть в мысли варвара и, может быть, даже помочь ему, но данный Подмастерьем обет не позволял ему читать чужие мысли без ведома человека, за исключением самых крайних случаев. Сейчас опасность никому не угрожала, ничья жизнь не висела на волоске, а потому Джерим был вынужден бездействовать.

Он молча рассматривал могучую фигуру Конана, бугристые, налитые силой мышцы, резкие, словно высеченные в камне, черты лица, и этот человек все больше и больше нравился магу. Он чувствовал, что киммериец по-своему честен и благороден, что, несмотря на его явно бурное прошлое, он не кровожаден и не зол, что он может стать верным и надежным спутником. К тому же Конан явно нуждался в помощи, хотя и сам не знал об этом. Наконец Джерим не выдержал:

— Куда ты направляешься?

— Сам не знаю. Куда-то на север.

— Ты не похож на праздного гуляку.

— У меня есть цель.

— Не буду спрашивать какая, — пристально посмотрел на варвара Джерим. — Но если ты не возражаешь, я мог бы составить тебе компанию.

— Терпеть не могу колдунов, — нахмурился Конан. — От вас одни неприятности.

— Резко, зато откровенно, — рассмеялся вендиец. — Я уже объяснял тебе, что я не колдун.

— А тигр у тебя просто в дорожном мешке живет, — усмехнулся киммериец.

— А... То, что ты видел, было просто иллюзией. Фокусом. Никакого тигра. Картинка.

— Ага, — кивнул Конан. — От этой картинки бандиты столько наложили в штаны, что отсюда пахнет. Показывай

свои фокусы кому-нибудь другому, а я обойдусь без них. Ступай своей дорогой.

— Зря ты так, — огорчился Джерим. — Тебе вполне может пригодиться моя помощь.

Лучше бы он этого не говорил. Варвар нахмурился, как грозовая туча.

— До сих пор я не нуждался в няньках и, как видишь, жив и здоров. Мне не нужны никакие попутчики.

— Что ж, — печально улыбнулся чародей. — Насильно мил не будешь. Прощай.

С этими словами он резко развернулся, чтобы уйти. На том месте, где он только что стоял, столбом взвилась пыль, и Джерим исчез, словно привиделся Конану во сне. Киммериец ошарашенно огляделся по сторонам, но его собеседника нигде не было видно. Неожиданно в дорожной пыли что-то блеснуло, и варвар нагнулся, чтобы получше рассмотреть, что это такое. У его ног лежала небольшая, размером меньше ладони, изящная фигурка, сделанная из чистого золота. Мастер, изготовивший ее, был большим умельцем. Тонкие черты лица статуэтки выражали доброжелательность, глаза, сделанные из крошечных камней золотисторыжеватого цвета, казалось, внимательно смотрели прямо в глаза Конану, и даже сам металл на ощупь не был холодным и безжизненным.

Полуболевшись вволю своей находкой, варвар аккуратно положил ее в потрепанную дорожную сумку. «Колдун так спешил, что обронил своего божка, — подумал он, — и даже не заметил этого. Что ж, колдовство колдовством, а золото всегда остается золотом. Очень кстати. В Арэнджу-не эту игрушку можно выгодно продать». Радуюсь неожиданной удаче, он поспешил вперед, не глядя под ноги. И напрасно. Не успел Конан сделать и нескольких шагов, как его правая нога провалилась в какую-то не слишком глубокую ямку, подвернулась, и киммериец рухнул ничком на землю. Острая боль пронзила его, а перед глазами закружились в бешеной пляске яркие звезды.

Придя в себя, Конан попытался встать, но не тут-то было: нога совершенно не слушалась его. Он осторожно оцупал

неестественно вывернутую и опухавшую прямо на глазах лодыжку и смачно выругался. Сомнений не оставалось: нога сломана, и идти варвар не мог. Собрав в кулак всю свою волю, он все же поднялся, стараясь не наступать на больную ногу, и поглядел по сторонам в поисках дерева с низкими ветвями или крепкого кустарника. Конан хотел вырезать две палки, чтобы закрепить перелом, и третью для посоха, без которого ему ни за что теперь не дойти до города.

Ни одного подходящего дерева поблизости не оказалось, но справа от дороги киммериец увидел высокие густые кусты с толстыми ветвями. Сжав зубы, еле преодолевая боль, пронзавшую мозг при каждом шаге, он заковылял к обочине, но вскоре понял, что больше не может идти, и пополз. Пыль забивалась ему в рот и нос, обильно струившийся по лицу пот мешал видеть, но варвар упорно продвигался к цели и, достигнув ее, сел, аккуратно пристроив посиневшую ногу на мягкой траве. Отдышавшись, Конан достал нож и срезал пару ветвей, которые показались ему достаточно прочными.

Теперь надо было их чем-то прикрепить к лодыжке, и киммериец начал шарить в сумке, надеясь отыскать там кусок веревки, который он туда положил, собираясь в дорогу. Как назло, под руку попадалось что угодно, кроме того, что было нужно. Разозлившись на преследовавшие его неудачи, варвар, рыча и изрыгая проклятия в адрес всех известных ему богов и демонов, перевернул сумку и вытряхнул ее содержимое на траву.

Золотая статуэтка, подобранная им в пыли, сверкнув на солнце, улетела в самую гущу кустарника. Следом за ней из сумки наконец-то вывалилась веревка. Облегченно вздохнув, Конан принялся обматывать ее вокруг ноги, стараясь закрепить палки так, чтобы они не съехали при ходьбе в сторону.

Увлеченный своим занятием, он все же услышал, как за его спиной хрустнула ветка, и резко обернулся. Возле самых кустов стоял вендиец.

— Откуда ты взялся? — удивился киммериец, уверенный, что маг намного опередил его.

— Я услышал, как ты ругаешься, и понял, что у тебя неприятности. Я могу чем-то помочь?

— Можешь. Затяни узел потуже. Не бойся причинить мне боль. Я терпеливый, — сквозь зубы усмехнулся Конан.

Джерим присел рядом с ним на корточки и начал быстро разматывать веревку.

— Что ты делаешь? — закричал варвар. — Я просил завязать ее, а ты...

— Не горячись, — улыбнулся вендиец. — Я хочу осмотреть твою ногу.

— Чего на нее смотреть? Самый обычный перелом. В Арэнджуне полным-полно костоправов. Они знают, что с ним делать.

— Я тоже знаю.

Джерим отвязал палки, провел прохладной ладонью по распухшей лодыжке, что-то быстро пробормотал, и боль мгновенно утихла. Затем он обхватил ногу Конана руками и, читая нараспев какое-то длинное заклинание, в котором киммериец не разобрал ни слова, начал мять ее, словно лепил что-то из мягкой и податливой глины. Когда он наконец замолчал, варвар с изумлением увидел, что безобразная сизая опухоль спала.

— Теперь тебе надо отдохнуть, — сказал чародей. — Спи.

Он легко коснулся лба Конана своими тонкими пальцами, и глаза киммерийца мгновенно закрылись. Сон его был легким и приятным. Чужие видения, мучившие его последнее время, не явились, и, проснувшись, Конан ощутил себя свежим и прекрасно отдохнувшим. Рядом сидел Джерим. Увидев, что варвар открыл глаза, маг ласково улыбнулся ему:

— Встань.

— Ты в своем уме?! Как я...

— Встань.

Конан почему-то послушался и даже задохнулся от изумления: от терзавшей его боли не осталось и следа, а перелом, похоже, сросся, словно его никогда и не было.

— Как ты это сделал? — повернулся он к вендийцу.

— Меня многому научили в Обители Знаний. В том числе и врачеванию. Это совсем не сложно. — Не дав вар-

вару и рта раскрыть, он продолжил: — Солнце скоро сядет. Успеем дойти до города?

— Теперь успеем. Я чувствую себя так, как будто заново родился.

— Так ты позволишь мне пойти с тобой? Вдвоем веселее. Или ты все еще не доверишь мне?

— Не знаю почему, — серьезно ответил Конан, — но, кажется, доверяю. Ты странный колдун. Зла в тебе нет. Если тебе все равно, куда идти, можешь пойти со мной.

Киммериец быстро собрал разбросанные на траве пожитки, затянул завязки на дорожной сумке и собрался было идти, но тут вдруг вспомнил о золотой фигурке.

— Знаешь, — обратился он к чародею, — когда ты так странно исчез, я нашел на дороге маленького золотого божка. Он, наверное, принадлежит тебе? — Джерим кивнул. — Только он выпал из сумки, когда я искал веревку, и улетел в кусты. Сейчас я его найду.

— Не надо, — остановил его вендиец. — Я шел с той стороны и подобрал его.

Они внимательно осмотрелись, не забыли ли чего-нибудь, и поспешили к дороге, чтобы попасть в Арэнджун до темноты.

Конану не раз приходилось бывать в Замоге, а Шадизар стал для него почти родным городом, ибо здесь юного варвара обучили воровскому искусству, здесь он прожил довольно долго, и только обстоятельства вынудили его покинуть шумный, веселый город. Арэнджун Конан знал намного хуже и поэтому приятно удивился, когда понял, что столица почти ничем не отличается от привычного Шадизара. Те же заполненные народом многочисленные улочки, те же крикливые торговцы, те же ротозей-богачи, примерно такие же кабаки, красотики, гомон, пыль, неразбериха. В такой обстановке варвар чувствовал себя как рыба в воде, и его настроение заметно улучшилось. Он решил выбрать небольшой постоялый двор, плотно закусить и как следует отдохнуть.

Все было бы хорошо, не случись с ним очередная странность. Конан и его спутник уже подходили к массивной деревянной двери, над которой красовалась вывеска «Черно-

окая Дайна» с изображением соблазнительной танцовщицы, как варвар неожиданно резко остановился. С его зрением начало происходить что-то невероятное, словно он вдруг увидел все глазами двух людей сразу. Туманные волны то застилали его взор, то исчезали куда-то, и одни и те же люди виделись киммерийцу совершенно по-разному. Конан затряс головой, стараясь отогнать наваждение, но оно не проходило, и тогда варвар повернулся к Джериму, словно прося его о помощи. Магу не надо было ничего объяснять. Он подошел к Конану, провел ладонью по его глазам, и наваждение тут же исчезло, как будто его никогда и не было.

— Пойдем, — позвал Джерим. — Похоже, нам есть о чем поговорить.

Он толкнул дверь трактира, и она на удивление легко поддавалась. Внутри «Черноокая Дайна» ничем не отличалась от большинства подобных заведений. Тяжеловесные деревянные столы, ряды прочных лавок, стойка, за которой стоял невысокий смуглый человек со взглядом не то лисы, не то шакала, помост, на котором танцевали три девушки, стремившиеся скорее соблазнить посетителей своими прелестями, нежели изумить грацией и мастерством.

Конан плюхнулся на скамью и жестом позвал хозяина. Тот мгновенно очутился возле столика, словно не подошел к нему, а перенесся по воздуху.

— Как тебя зовут? — мрачно поинтересовался варвар.

— Алпан.

— У тебя найдется пара комнат?

— К великому сожалению, двух свободных комнат нет, — заискивающе улыбнулся трактирщик. — Только одна. Но зато какая! Просторная, светлая, чистая.

— Ты что, не видишь, что нас двое?

— Вижу, господа, вижу. Но в комнате две кровати, и вам там будет вполне удобно.

Щуплый черноглазый жулик почему-то вызывал у киммерийца редкостное отвращение, и варвару очень хотелось сомкнуть пальцы на этой тоненькой шейке. Он уже совсем было собрался это сделать, как неожиданно вмешался Джерим:

— Ну что ж, одна так одна. Мы вряд ли задержимся тут надолго.

— Уговорил, — махнул рукой Конан. — Надеюсь, у тебя есть приличное вино?

— Все, что пожелаете. И вино, и еда на любой вкус, и девочки. Скоро начнет выступать сама Дайна. Это незабываемое зрелище.

— Катись ты к Нергалу в задницу со своими девочками, — окрылся Конан. — Принеси вина и мяса. Побольше. И побыстрее.

Алпана словно ветром сдуло. Не прошло и нескольких секунд, как к столу уже приближалась яркая миловидная женщина, зазывно покачивавшая крутыми бедрами. В руках она несла огромный поднос, на котором стояли два кувшина и тарелки со всевозможной снедью. Конан дождался, когда она осторожно поставит свою ношу на стол, вручил красотке серебряную монету и, когда женщина повернулась, чтобы уйти, звонко шлепнул ее по упругим ягодицам. Прелестница тут же заулыбалась, но киммериец жестом показал ей, что не нуждается в ее услугах. Ему было не до любовных утех. Хотелось хоть немного отдохнуть и поскорее разобраться в кошмаре, так внезапно обрушившемся на него.

Какое-то время Конан и Джерим ели молча, наслаждаясь отдыхом. Оба прекрасно знали, что их ждет еще долгий путь, полный приключений и опасностей. Но если маг видел это, хоть пока еще и не совсем ясно, своим внутренним зрением, то киммериец даже не задумывался о будущем, ибо все его дороги всегда были полны и опасностей, и приключений. Поэтому-то он и умел ценить короткий отдых. Наконец насытившись, он обратился к своему спутнику:

— Ты сказал, что нам есть о чем поговорить. Похоже, ты прав. Но мне бы не хотелось сегодня ничего обсуждать.

— Не буду настаивать, — спокойно ответил Джерим. — Но раз уж мы решили идти вместе, неплохо было бы узнать друг о друге хоть что-нибудь. Хочешь, для начала я расскажу о себе?

— Не здесь. Поднимемся наверх.

Комната, как это ни странно, на самом деле оказалась и светлой, и чистой, и просторной. Возле противоположных

стен стояли две широкие и вполне удобные кровати, в углу — высокий кувшин с водой и тазик, у окна примостился небольшой столик, а возле двери возвышался массивный деревянный сундук, обитый медью. Крышка его была откинута. Видимо, он предназначался для вещей постояльцев.

Конан проверил, насколько прочны запоры на двери, и, судя по всему, остался доволен: широкая железная щеколда двигалась легко и надежно запирала дверь. Природная осторожность и многочисленные приключения приучили киммерийца к тому, что нельзя расслабляться, не убедившись в надежности укрытия. Джерим с любопытством наблюдал за действиями варвара. Выросший в тихой глухой деревушке, а затем в Обители Знаний, куда не мог проникнуть никто задумавший недоброе, он с благодарностью воспринимал уроки, которые, сам того не ведая, давал ему Конан.

Путники устроились на своих кроватях, и маг начал рассказывать историю своей жизни. Киммериец слушал его затаив дыхание. Природный ум Конана тоже был ненасытен, и потому варвар всегда жадно впитывал новые знания. Он, конечно, никогда не стал бы посвящать свою жизнь учению, он просто физически не смог бы провести несколько лет в покое и бездействии, но каждый раз, когда выпадала возможность узнать что-нибудь новое, Конан не упускал ее.

Постепенно он проникался все большим доверием и симпатией к своему неожиданному спутнику, и хоть его отношение к магии и чародейству не претерпело особых изменений, он готов был согласиться, что и среди этой разношерстной братии есть вполне приличные люди. Может, этот Джерим и поможет разобраться в том, что происходит с киммерийцем.

Джерим закончил свой рассказ. Конан с благодарностью взглянул на него:

— Спасибо. Ты был откровенен. Я не люблю лгунов. Ты нравишься мне, и, как знать, может, мы подружимся.

— Теперь твоя очередь, — улыбнулся маг.

— Не сегодня. Я так устал, что, кажется, могу проспать несколько дней.

Едва Конан договорил эту фразу, как мгновенно заснул, словно провалился в черную бездну. Какое-то время он спал без сновидений, но вскоре на него опять обрушился чужой сон. Безбрежная заснеженная равнина. Ночь. Но не темная, непроглядная, как на юге, а светлая, ясная. В небе стоит огромная луна, освещающая все ровным светом, вполне достаточным, чтобы разглядеть, что происходит вокруг.

Северное море покрыто льдами, занесенными снегом. Впереди видна небольшая полынья. Неожиданно над ней показывается симпатичная темная голова какого-то морского животного (в мозгу варвара мгновенно вспыхивает его название, доселе совершенно ему неизвестное: алпач) с большими черными глазами и жесткими усами. Застыв ненадолго над водой, алпач вновь погружается, а потом опять выныривает, выкидывая на лед широкие плоские ласты. Оперевшись на них, словно на руки, зверь медленно вытаскивает на лед тяжелое, крупное тело, покрытое капельками влаги, которые тут же замерзают. Алпач, извиваясь, отползает от полыньи и замирает на белом снегу как изваяние. Спит?

С подветренной стороны к животному тихонько подползает огромная туша, покрытая грязно-белым мехом. Конан сразу же узнает ее: белый медведь. На таких ему приходилось охотиться в Асгарде. Хитрая и кровожадная тварь. Медведь ползет осторожно, то и дело останавливаясь и поворачивая большую голову в сторону алпача, но тот ничего не замечает. У алпача плохая память, он тут же забывает о том, что видел.

Вот белый хищник, улучив момент, прыгает, но не на добычу, а на полынью, закрывая своей жертве путь к отступлению. Алпач с неожиданным для его размеров проворством начинает отползать, надеясь найти другую полынью. Но никаких окон во льдах больше нет, и медведь издает рев, в котором слышатся и радость, и торжество. Лениво, словно нехотя, хищник настигает добычу и сильным ударом проламывает мягкий череп, а затем резким движением когтистой лапы вспарывает жертве живот.

Конан вскрикнул, словно длинные острые когти вонзились в его собственную плоть, и проснулся. Он изо всех сил

сжал голову руками, словно стараясь выдавить невысказанное *ничто*, не дававшее ему покоя ни днем, ни ночью, и только потом открыл глаза.

Все в порядке. Та же комната, где он заснул накануне, та же обстановка. На соседней кровати, разбуженный криком киммерийца, сидел Джерим и пристально смотрел на своего спутника.

— Что-то приснилось? — приветливо спросил он варвара.

— Ничего страшного. Впрочем... Да, нам пора поговорить. Со мной несколько дней назад произошла одна странная вещь...

И Конан принялся рассказывать вендийцу обо всем, что случилось в Агратуре, о знакомце с крошечной чайкой на скуле, о его гибели, о том, как его начали мучить чужие сны и видения, как неожиданно в мозгу всплывали неизвестные доселе имена...

Джерим слушал, не сводя глаз с Конана, иногда кивал, иногда удивленно поднимал брови, закусывал губу, щурился, как бы пытаясь что-то вспомнить. Когда киммериец замолчал, Джерим тихо проговорил:

— Кажется, я догадываюсь, в чем дело.

— Так объясни! Я не могу так! Кто-то пытается управлять мной?

— Ты мне доверяешь? — вопросом на вопрос ответил маг.

Конан немного подумал и кивнул:

— Вполне.

— Тогда ляг и расслабься.

Киммериец вытянулся на кровати и закрыл глаза. Джерим подошел к нему и, приговаривая что-то нараспев, принялся водить руками над Конаном, не касаясь его. Варвару почудилось, что его обдувает легкий теплый ветерок, обволакивает что-то мягкое, лаская и успокаивая. Наконец чародей замолк и убрал руки. Конан открыл глаза и увидел, что по лицу Джерима обильно струится пот. Видимо, действие огня у мага немало сил.

— Вставай. Я могу рассказать тебе, что произошло. Слушай. Такое случается очень редко, и то только тогда,

когда сталкиваются две очень сильные личности. У твоего незнакомца была цель, к которой он стремился так, что никакие препятствия не могли остановить его. И лишь со смертью он не сумел поспорить.

— А я тут при чем? — встрепенулся Конан.

— Не перебивай. Ты говоришь, прикоснулся к птице, изображенной на его щеке?

— Да. И что с того?

— У ветланов, того народа, о котором я тебе рассказывал, есть обычай ставить на лицах знак рода — метку, оберег. Когда человек погибает, душа не сразу покидает его тело. Должно пройти какое-то время, очень малое. Именно в тот миг, когда душа незнакомца устремилась в полет, ты коснулся метки. Для ветланов это означает позвать душу умершего. Не на всякий зов она откликается, но так как ты человек сильный, смелый и честный, она отозвалась. Теперь в твоём теле живут две души: твоя и того ветлана. Ты позвал ее и должен достичь той цели, к которой стремился человек с чайкой на щеке. Лишь тогда его душа найдет успокоение и покинет тебя, отправившись по своему пути.

— Но как я узнаю, чего он хотел?

— Давай попробуем разобраться. Ты слышал имя Млеткен?

— Да. Так назвала меня женщина во сне. Я почему-то сразу вспомнил, как ее зовут. Уквуна.

— Тогда Млеткеном звали незнакомца. А Уквуна, по видимому, его жена.

— Но она не сказала ничего больше. Ничего о том, что за цель могла быть у ее мужа.

— Погоди. Еще была Анкаля. Кажется, сестра? Она тебя, то есть его, звала и просила поторопиться? Значит, с ней приключилась какая-то беда. Он спешил ей на помощь.

— Но как найти ее?

— Скорее всего, он что-то успел узнать. Не зря ведь ты так решительно направился на север. Надо внимательнее прислушиваться к своему внутреннему голосу. И еще... Не знаю, согласишься ли ты...

— Что еще?

— Видишь ли, я умею читать мысли. Если бы ты позволил заглянуть мне в твои и, конечно же, Млеткена, то, может, удалось бы выяснить что-нибудь.

— Читай.

— Погоди. Не торопись. Если я сделаю это, у тебя не останется никаких тайн от меня. Я увижу все. Ты готов к этому?

— Я не сожалею ни о чем. И ни в чем себя не виню. Мне нечего стыдиться. И тайных помыслов у меня нет. Читай.

— Тогда сядь, закрой глаза и доверься мне. Обещаю никогда не использовать того, что узнаю.

Это длилось невероятно долго. Одно дело — просто прочесть мысли человека, открывшегося перед тобой, совсем другое — рассмотреть и распознать, кому из двух личностей принадлежат те или иные знания, планы, надежды, стремления, отбросить все несущественное и выделить главное. Джерим устал так, словно с утра до вечера втаскивал на высокую гору тяжелые камни. В конце концов он легким прикосновением разбудил Конана:

— Я узнал все.

— Скорее рассказывай! — вскричал Конан.

Но он не услышал ни слова. Джерим мгновенно погрузился в глубочайший сон. Он лежал на кровати, как покойник, и только едва заметно поднимавшаяся и опускавшаяся грудь говорила о том, что маг еще жив. Киммериец спустился вниз, плотно поел, выпил вина, затем побродил по городу, вернулся, посидел в трактире, разглядывая танцовщиц.

Выступала сама Дайна. Это оказалась очаровательная молоденькая девушка, гибкая и грациозная. Рядом с ней другие танцовщицы становились незаметными, как незаметна днем тонкая бледная луна. Но женщины сейчас не занимали Конана, и он, лишь отметив про себя, что Дайна хороша и привлекательна, допил свое вино и поднялся наверх, чтобы проверить, как себя чувствует Джерим.

К большой радости киммерийца, маг уже успел вполне прийти в себя. Бледность, заливавшая его лицо, исчезла, и на смуглые щеки вернулся легкий румянец, глаза блестели,

и весь его облик говорил о готовности прямо сейчас отправляться в путь. Джерим бросился навстречу Конану:

— Садись скорее. Я такое узнал!

— погоди, приятель, не торопись, — остановил его варвар, прекрасно понимавший, что вендийцу необходимо прежде всего основательно подкрепиться. — Сначала хороший кусок мяса, а уж потом разговоры.

Несмотря на бурный протест чародея, Конан отвел его вниз и как следует накормил. Когда Джерим, отдуваясь, заявил, что не в состоянии проглотить больше ни крошки, киммериец согласился выслушать его.

— Этот незнакомец действительно ветлан, и зовут его Млеткен. У него есть юная сестра Анкаля, красавица и умница. Шаман их стойбища присмотрел ее для своего умрана. Млеткен не хотел отдавать сестру, да и она не рвалась в дом к старику. Они повздорили, и старый пень выкрал девушку. Договориться с Млеткеном ему не удалось, и тогда Шаман продал Анкалю заезжему торговцу, который как раз гостил в соседнем стойбище. Млеткен бросился разыскивать сестру. Но ее хозяйка часто менялась, так как нрав у девушки крутой и никому не удавалось ее усмирить.

— Мне уже нравится эта девушка, — заметил Конан. — Ее и правда стоит поискать.

— погоди. Незадолго до гибели Млеткен узнал, что, похоже, его сестра находится где-то недалеко от Кезанкийских гор. Ее купил очередной работородец, который направляется к расположенному там не то монастырю, не то обители какого-то сомнительного культа.

— Кезанкийские горы? — переспросил киммериец. — Дурное место. Но ничего, и не в таких местах бывали.

— Это еще не все! — воскликнул Джерим. — Похоже, сами Светлые боги устроили нашу с тобой встречу. Я не ошибся, сказав, что нам с тобой по пути. Это было, видимо, предчувствие.

— А ты здесь при чем? — удивился варвар.

— Сейчас объясню. Понимаешь, покидая Обитель Знания, мы даем обет служения Добру. Нарушать его не по-

зволено никому. Отступивший от своего слова должен погибнуть. Так было всегда. Его разыскивает кто-нибудь из Подмастерий и вызывает на поединок. Преступник должен заплатить кровью за нарушение клятвы... Я сказал, так было всегда? Нет, только однажды за всю историю существования Обители клятвопреступник ушел от возмездия. Это был очень сильный маг, и его так и не смогли найти. С тех пор прошло много времени. Сменилось несколько поколений Подмастерьев, и даже некоторые Мастера покинули этот мир. Но о предателе помнят.

— И что?

— Тебе предстоит исправить великую несправедливость. Девушка, которую ты ищешь, прошла через множество испытаний, и всегда ее окружали злые и кровожадные люди. — Джерим сглотнул и внимательно посмотрел на киммерийца, словно обдумывая, стоит ли говорить дальше. — Так вот... Я прожил свою жизнь в покое и благодати и ничего не знаю об этом мире. То есть я знаю о нем очень много, но все это — из книг. О настоящей жизни мне мало что известно. — Он снова замолчал, понимая, насколько сбивчива его речь. — Если я пойду с тобой, я увижу ту сторону жизни, которая в ином случае осталась бы для меня неведомой. И как знать, — он глубоко вздохнул, — может, сумею разыскать отступника. Тогда мне удастся выполнить свой долг.

— Долги чести надо платить, — кивнул Конан. — Я согласен.

Они быстро поднялись в свою комнату, собрали нехитрые пожитки и поспешили дальше на север. Конана теперь не угнетало происходившее с ним, он был даже благодарен Млеткену, доверившему варвару довести свое дело до конца. Молодая, горячая кровь киммерийца кипела и звала на подвиг, сильные руки стосковались по оружию, могучее тело жаждало битвы.

Глава четвертая

Северо-восток Бритунии был наименее заселенной частью этой полудикой страны. Кезанкийские горы, испещренные узкими извилистыми долинами, вздымались к небесам острые высокие пики. Горцы, населявшие их, имели славу людей неприветливых, суровых и подчас жестоких, так что мало находилось желающих путешествовать по этим местам в поисках весьма сомнительных приключений. Но именно поэтому наиболее отважные или любопытные могли обнаружить в крохотных долинках много интересного. Мало кто, например, знал, что в одной из таких долин уже очень и очень давно располагалось Святилище Тнихе — богини плодородия и плотских утех.

Когда возник этот культ и какую страну можно считать его родиной — на этот вопрос вряд ли сумел бы ответить даже многоопытный ученый. Но он существовал и прижился на бритунских землях, может быть потому, что одной из наиболее почитаемых богинь здесь была Виккана — богиня природы. Жрицы Святилища Тнихе не стремились к известности, однако ручеек паломников и торговцев, хоть и очень скудный, не иссякал. Те, кому становилось известно об этой странной богине, надеялись вымолить у нее кто утраченную мужскую силу, кто обильные урожаи на своей земле, где не произрастало ничего, кроме сорняков.

Торговцы же, то есть наиболее отважные и сильные из них, ибо путешествие по Кезанкийским горам всегда было сопряжено с многочисленными опасностями, знали, что,

если они благополучно доберутся до ворот Святилища и вернутся обратно, их усилия будут щедро вознаграждены. Здесь никогда не скупилась, если товар оказывался подходящим. Жрицы с удовольствием приобретали дорогие ткани, украшения, различную снедь, тонкие вина, рабов, как мужчин, так и женщин. Мужчины становились стражниками, женщины — послушницами, а иногда и жрицами.

Богиня Тнихе была незлобивой и щедрой на плотские утех. Настолько щедрой, что, в отличие от большинства других богов, не взирала на свою паству с небес, а воплощалась в ту или иную жрицу и проживала вместе с нею ее жизнь, снисходя до избранных паломников и до старейшин окрестных поселений, если те обращались в Святилище за помощью. Когда земная жизнь воплощения Тнихе подходила к концу, богиня выбирала себе другое тело, каждый раз молодое, сильное и красивое.

Ей прислуживали лишь Высшие жрицы, обязанные своим высоким положением красоте, изощренности в искусстве любви и глубокому природному уму. Ступенькой ниже стояли жрицы обычные — те, кто с восторгом принял культ Тнихе и решил посвятить свою жизнь служению ей. Были в Святилище и послушницы. Ими становились женщины и девушки, либо приходившие сюда по доброй воле, либо присылаемые родными или старейшинами, либо купленные жрицами у работоторговцев. Они ублажали паломников по-проще и победнее, а также многочисленных стражников, охранявших Святилище.

Ниже послушниц в иерархии Святилища стояли лишь те, кто, как считалось, готовится к послушанию. Это в основном были рабыни, которые по тем или иным причинам не желали служить Тнихе. Их никто особо не неволил, но на их плечи ложилась вся тяжелая работа: стирка, приготовление пищи, уборка, шитье, ткачество и многое другое. Мало ли найдется занятий, когда надо обихаживать несколько сотен людей! Однако если девушка из «готовящихся к послушанию», измученная нескончаемым трудом, изъявляла желание стать послушницей, это всячески поощрялось.

Всем женщинам без исключения строго-настрого запрещалось покидать пределы Святилища. Большую часть времени, не занятую культовыми обрядами, они проводили довольно-таки однообразно. Каждая стремилась как можно дольше сохранить свою привлекательность, и поэтому женщины постоянно следили за своей внешностью, что и отнимало у них большую часть дня. Когда паломников было много, конечно, скучать послушницам и жрицам не приходилось, но если по каким-то причинам ворота Святилища оставались долгое время закрытыми, то женщины с немалым удовольствием одаривали всевозможными ласками друг друга, ибо любые плотские утехи были угодны богине Тнихе. Здесь не существовало понятия недозволенного.

Сейчас шел сезон дождей. Бесконечные ливни обрушивались на землю непрекращающимся потоком, словно гигантские водоносы, сидя на тучах, без устали опрокидывали одну за другой огромные бочки. Узкие лесные и горные тропинки, по которым и в сухое время года было не так-то легко пробраться, сделались совершенно непроходимыми. На паломников нечего было и рассчитывать, разве что кого-нибудь могло погнать в дорогу полное отчаяние. Да и торговцы старались в это время года не забираться так далеко в горы. Однако один смельчак все-таки нашелся. Это был печально известный бритунец по имени Эктан. Он торговал людьми.

Свой товар Эктан находил повсюду. На юге он сбывал пользующихся большим спросом бритунских женщин, прельщавших южан белокуроыми волосами и покорным нравом, а с юга вез экзотический товар: изящных кхитайнок, великолепно сложенных кушитских женщин, шемиток с глазами испуганного оленя, бойких замориек — всех, кого ему удалось так или иначе приобрести по случаю.

На сей раз Эктану не слишком повезло. На облепленной грязью повозке, безразлично уставившись во тьму, сидели всего четыре женщины и двое мужчин. Долгий путь вымотал несчастных до такой степени, что, предоставься им возможность бежать, никто не воспользовался бы ею. Да и куда бежать, когда дом каждого из них находился очень и

очень далеко, а ни сил, ни денег, ни еды — ничего у них не было. Да и охраняли их неплохо. Эктан всегда брал с собой вооруженный до зубов отряд. Он хорошо платил своим людям, и они были ему верны, насколько могут быть верны наемники хозяину, не забывавшему об их нуждах.

Все устали до предела, вымокли до нитки и продрогли до костей, и даже пленники обрадовались, когда впереди наконец-то показалась высокая стена с тяжелыми воротами. Однако повозка направилась не к ним. Ворота предназначались только для паломников, а для торговцев существовало отдельное здание, дальше которого их никогда не пускали.

И даже если торговцы выражали желание встретиться с кем-нибудь из послушниц, чтобы в их лице выразить свое почтение богине Тнихе и пожертвовать немалые суммы на нужды Святилища, их общение проходило в специально отведенных для этого комнатах в том же здании. Двери этого строения выглядели гораздо скромнее, чем главные ворота, но ничуть не уступали им в прочности. Находились они недалеко от ворот, в той же неприступной стене.

Эктан несколько раз опустил кулак на массивные деревянные створки, обитые металлом. Никакого ответа. Подождав немного, он заколотил в дверь пяткой. Наконец в верхней части одной из створок приоткрылось маленькое окошко, и из-за толстой решетки показалось недовольное лицо стражника:

— Кого еще принесло в такую мерзкую погоду?

— Это Эктан! — Торговец изо всех сил старался перекричать вой ветра и шум ливня. — Товар привез!

— Вижу, вижу, — проворчал стражник. — Не товар, а грязные крысы какие-то.

— Не твоего ума это дело, — разозлился Эктан. — Долго ты еще будешь держать меня на холоде? Вот я расскажу, как тут встречают честных торговцев.

— Если ты честный, — пробурчал стражник, налегая на засов, — то я — левая пятка Тнихе. — Но, на его счастье, Эктан его не слышал.

Дверь медленно, с противным скрипом отворилась, и повозка въехала в тесный внутренний дворик, над которым был сооружен навес. Хоть Эктана и знали в Святилище, из сторожки тут же выскочили несколько здоровенных детей, вооруженных мечами и длинными ножами. Они обступили повозку и, пока не переверошили лежавшую на ней кладь и не ощупали каждого пленника, никому не разрешили сделать ни одного шага. Затем торговца проводили в здание, где обычно совершались сделки. Туда же отвели и рабов, но дальше порога их не пустили. Правда, измученные люди были рады и этому. Здесь, во всяком случае, не лил дождь и не свистел пронизывающий ветер.

Один из стражников отправился доложить о прибытии торговца. Живой товар обычно отбирали лишь Высшие жрицы, и поэтому Эктану пришлось немало подождать. Он уселся на лавке, вытянув ноги и всем своим видом показывая, что явился не как проситель или мелкий лавочник, а как постоянный поставщик, знающий цену и себе, и своему товару. «Товаром» же овладело полное безразличие. Они просто наслаждались теплом, как блаженствует дворовый пес, которого хозяева, неожиданно пожалев, пустили в дом. Все они уже не по одному разу сменили владельцев и потому достались Эктану почти даром, однако он, проделав такой трудный и долгий путь, не хотел продешевить и готовился к нелегким торгам. Обрато он собирался возвращаться без рабов, ибо больше сбыть их было негде.

Наконец маленькая, почти незаметная дверь в противоположном конце помещения отворилась. На пороге возникла высокая статная женщина в просторном одеянии незамысловатого покроя. Ее пышные волосы светло-пепельного цвета были уложены в простую прическу, сине-зеленые, как спокойная морская гладь, глаза смотрели строго и внимательно.

Высшая жрица кивнула Эктану и жестом приказала рабам встать в ряд. Мужчины, невысокие, но, видимо, когда-то обладавшие силой и ловкостью, а сейчас изнуренные выпавшими на их долю злосчастиями, явно приглянулись ей. Если их отмыть и откормить хоть немного, они смогут

работать с полной отдачей. Но показывать свой интерес жрица не хотела и потому долго ощупывала мускулы, заглядывала в рот, осматривая зубы, словно выбирала себе лошадь, а потом все-таки кивнула:

— Этих возьму. За каждого по одному желтому самоцвету.

— Да продлит Тнихе твою красоту и молодость! — воскликнул Эктан. — Ты посмотри на них! Один камень? Три. За каждого.

— Чего мне смотреть? — усмехнулась жрица. — Я уже насмотрелась. Пока их откормишь, чтобы они вновь стали похожи на людей, потратишь в сто раз больше. Три за обоих.

— Нет, — покачал головой Эктан. — Три за каждого. Они сильные. Молодые.

— Как хочешь, — пожала плечами жрица. — Можешь оставить их себе, раз они так тебе нравятся.

— Ну ладно, — пошел на попятный торговец, опасаясь, что сделка сорвется, но все же не желая уступать. — По два камня за каждого, и они твои.

Жрица задумалась. Рабы стоили явно дороже, чем запрашивал Эктан. В конце концов, их можно будет сбыть кому-нибудь из паломников, когда прекратятся эти проклятые ливни и паломничество возобновится. Так или иначе, для Святилища это невеликая трата. Окинув мужчин еще одним долгим взглядом, жрица кивнула:

— Хорошо. По два камня.

Она подозвала одного из стражников и велела отвести свое приобретение к послушницам, жившим при сторожке. В их обязанности, кроме всего прочего, входил уход за новичками. Затем жрица повернулась к женщинам. Теперь она не торопилась. В Святилище не было дурнушек, не было и тех, фигура которых не могла вызвать великое желание, ибо даже те из паломников, кто уже начинал забывать, к какому полу он относится, пробуждались тут, словно рождаясь заново.

Конечно, не только соблазнительные формы послушниц или жриц были тому причиной. Обитательницы Святили-

ща Тнихе знали и чудодейственные травы, и необходимые заклинания, и умопомрачительные приемы, с помощью которых можно было и мертвеца превратить в блистательно-го любовника, однако внешность служительниц Тнихе должна была быть безукоризненной.

Внимание жрицы сразу же привлекла темнокожая молодая женщина с роскошными черными волосами, завивающимися мелкими колечками. Жрица шагнула к ней, провела рукой по шелковистой коже, которую не испортили ни лишения, выпавшие на долю бедняжки, ни колючий ветер, ни холодный дождь.

— Разденься,— приказала жрица, и темнокожая красавица покорно скинула жалкое тряпье, и без того плохо скрывавшее ее наготу.

В зеленых глазах жрицы загорелся огонек: рабыня была сложена великолепно. За такую прелесть не жалко и заплатить. Жрица обернулась к торговцу:

— Десять алых самоцветов.

— Согласен,— прохрипел оторопевший от такой щедрости Эктан.

Две следующие девушки не слишком понравились жрице, но обе были молоды, милы, хотя принадлежали к тому типу женщин, у которых с возрастом очарование исчезает без следа. Однако пока юность делала их привлекательными, они вполне могли пригодиться в Святилище. Без особых споров и пререканий Эктан получил за каждую по четыре камня. Для него такая цена оказалась более чем приемлемой.

Последнюю девушку жрица рассматривала очень долго, пытаясь определить, к какому же народу принадлежит эта изящная, словно статуэтка, миниатюрная женщина, наделенная столь необычной красотой. Совершенно прямые, жесткие черные волосы тяжелым потоком спадали ей на спину, укрывая девушку не хуже плотной ткани. В мерцании множества свечей кожа красавицы отливала старой медью, раскосые черные глаза казались бездной, пухлые губы блестели, маня и вызывая головокружение. На высокой скуле, как будто готовая устремиться в полет, выделялась крохотная черная чайка.

— Как тебя зовут? — поинтересовалась жрица, и у Эктана от изумления глаза вылезли из орбит: жрица никогда прежде не снисходила до разговора с «товаром».

— Анкаля,— отозвалась девушка с равнодушием зомби.

Ей было уже все равно, что с ней произойдет дальше. После того как люди Шамана выволокли Анкалю из землянки, заботливо сооруженной Млеткеном, а затем Великий продал ее заезжему торговцу, к несчастью девушки прибывшему в соседнее стойбище, в ее жизни произошло столько событий, что ветланка словно окаменела. Ни одно воспоминание больше не мучило ее, не ранило душу. Девушка могла совершенно равнодушно размышлять о своей жизни, как будто это была жизнь другого, неизвестного ей человека.

Сначала торговец намеревался оставить Анкалю себе, ибо девушка привлекала его, вызывая жгучее желание. Но после того как он едва не лишился глаз, а его жирные щеки украсили несколько глубоких царапин и следы от острых зубов непокорной северянки, он поспешил избавиться от нее и попытался сбить с рук в Гиркании. Гирканцы к его предложению отнеслись довольно равнодушно, но в конце концов нашелся один желающий за небольшие деньги обзавестись хорошенькой женщиной, которая, кроме всего прочего, занималась бы его хозяйством.

Однако Анкаля отказалась от еды и питья, и незадачливому покупателю пришлось вернуть покупку торговцу. Тот никак не хотел расторгать сделку, и гирканцу ничего не оставалось, как согласиться на очень невыгодные для себя условия.

Когда торговец, проклиная тот день и час, когда согласился купить дикарку, добрался до Заморы, он продал Анкалю первому же владельцу таверны, которому приглянулась девушка, после чего поспешно покинул страну. Однако и в таверне Анкаля не прижилась, ибо наотрез отказалась выходить к посетителям, а тем более танцевать перед ними. Первому же ловеласу, который ухватил ее за бок, она располосовала все лицо. После этого ей пришлось сменить хозяина. В следующей таверне все повторилось.

Она меняла хозяев, меняла города, но нигде не приживалась, ибо больше всего на свете хотела вернуться домой, отчаянно тоскуя по своей заснеженной родине. Постепенно эти чувства сменялись тупым безразличием, но и оно вовсе не означало покорности. Девушка замкнулась в себе, глубоко в душе лелея мечту об освобождении. Сейчас она спокойно стояла перед жрицей, видя в ней лишь очередного покупателя и даже не задумываясь о том, зачем нужна этой роскошной женщине.

— Откуда ты? — поинтересовалась жрица.

— С севера. Я ветланка.

— Никогда не слышала о таком народе, — удивилась жрица, но Анкаля промолчала в ответ. Тогда жрица повернулась к Эктану: — Двадцать самоцветов.

— Сколько? — подпрыгнул торговец.

— Двадцать пять.

— Конечно, конечно, — поспешил согласиться Эктан, не веря своему счастью.

— Ты останешься на ночь? — спросила жрица.

— Только до рассвета.

— Тебе выделят комнату. И послушницу. Возблагодари Тнихе.

На это торговец даже не рассчитывал. Товар, который он считал бросовым, принес ему целое состояние. Лучше всего, конечно же, было немедленно убраться отсюда, пока жрица не поняла, каков характер у ее нового приобретения, но Эктан не мог заставить себя тронуться в путь ночью под проливным дождем. Он мысленно обратился ко всем богам, которых только смог припомнить, чтобы ему удалось благополучно унести ноги, и направился в комнату, где его ждала еда, мягкая постель и горячая женщина.

Жрица обратилась к Анкале:

— Я сама займусь тобой. Пойдем.

Она повела девушку за собой через маленькую дверь. За ней открылся большой внутренний двор, густо поросший травой. Ливни сделали свое дело, и земля превратилась в непроходимое месиво. Однако от здания, где принимали торговцев, а также от главных ворот куда-то в глубь двора

вели дорожки, вымощенные старыми, потрескавшимися от времени плитами. Анкаля шла словно во сне, не глядя под ноги, пока наконец не пересекла двор и не оказалась у входа в следующее помещение, вырубленное прямо в скале. Высшая жрица толкнула дверь, и та, легко поддавшись, отворилась.

На стенах длинного узкого коридора были укреплены факелы, дававшие довольно много света, но девушка не смотрела по сторонам. Коридор круто повернул, и за поворотом показался ряд дверей, тянувшийся по обе стороны коридора. Время от времени какая-нибудь дверь приоткрывалась и оттуда высовывали очаровательные головки женщины, провожавшие жрицу и ее спутницу любопытными взглядами. Наконец коридор закончился очередной дверью. Открыв ее, жрица вошла в небольшую комнату, середине которой стояла глубокая деревянная ванна. Рядом располагались кувшины с водой, от которых поднимался горячий пар.

— Раздевайся, — велела жрица, — и садись в ванну. Я сама вымою тебя. Потом ты поешь и отдохнешь, а после этого мы с тобой побеседуем.

Анкаля скинула свое тряпье, однако ногой не осталась, ибо густые волосы укутали ее до пят, словно плащом. Жрица одобрительно хмыкнула. Анкаля шагнула в ванну, затем села и закрыла глаза, наслаждаясь теплом и невыразимой негой, которую после долгого пути, холода и сырости может дать только горячая вода. Жрица скинула свои одежды и тоже забралась в ванну. Густо намылив руки, она начала мыть девушку, задерживаясь на ее груди, животе, бедрах. Рот жрицы приоткрылся, дыхание стало прерывистым, но Анкаля не обращала на нее никакого внимания, а жрица, которой нельзя было отказать в уме и опытности, действовала очень аккуратно и осторожно. Она снова намылила руки, и ее тонкие пальцы заскользили по лобку девушки, чуть ниже, по внутренней стороне бедер...

Анкаля сидела словно статуя, высеченная из холодного мрамора, и лишь один раз приоткрыла глаза и удивленно взглянула на жрицу, когда та вдруг вскрикнула и испусти-

ла едва уловимый стон. Но жрица погладила ее по голове, на миг прижавшись к девушке всем телом, и успокоила ее, сказав, что все в порядке и не надо ни о чем волноваться. Собственно, Анкаля и не волновалась. Ей хотелось поскорее очутиться в постели и спать, спать, спать. Поэтому она даже отказалась от ужина. Жрица не стала настаивать и отвела девушку в отдельную комнату, в роскошной обстановке которой выделялась большая кровать, накрытая пуховой периной. Едва Анкаля донесла голову до подушки, как сон тут же сморил ее. Она не слышала, как жрица, стоя на пороге, тихо сказала:

— Спи, милая. Я подумаю, стоит ли тебе быть послушницей. Может, я оставлю тебя для своих утех.

Анкаля сладко спала и видела счастливые сны о том, как возвращается домой, а жрицу, утопавшую в пышных перинах на великолепном ложе, мучила бессонница. Не сразу стала Высшей жрицей красивая молодая женщина, по доброй воле выбравшая для себя служение богине Тнихе. Симонея пришла в Святилище много лет назад, и ее послушание длилось до тех пор, пока не услышала она в своем сердце зов богини. Тогда, все еще молодая и привлекательная, она удостоилась обряда посвящения в жрицы. И хоть минуло с тех пор немало лет, Симонея помнила все до мельчайших подробностей.

В то далекое утро ее разбудили на рассвете. Вознеся молитву сладострастной богине, Симонея приняла ванну из шести заговоренных трав, затем, поднявшись на каменную площадку, расположенную вровень с крышей Храма, обсушила свое тело, открыв его утренним солнечным лучам и ласковому ветру. Спустившись вниз, она направилась в крохотную келью, где послушницы расчесали ее пышные мягкие волосы, распустив их по нежным белым плечам будущей жрицы. Весь день до сумерек она провела в одиночестве, не принимая ни еды, ни питья. Все ее помыслы были направлены лишь к Тнихе, ибо Симонея готовилась к встрече с богиней.

Когда начало темнеть, за Симонеей явились три послушницы, которые отвели ее в Храм. В большом круглом зале

на площадке из зеленого камня, выложенной в самом центре, стоял постамент со статуей Тнихе: обнаженной женщиной из белого мрамора, которая сидела, согнув ноги в коленях и широко расставив их, так чтобы ее принадлежность к полу не оставляла сомнений. Изящные руки богини лежали на безупречной формы груди, как бы лаская жесткие соски. По стенам были укреплены факелы, сделанные из различных пород редких ароматических деревьев. Одурачивающий запах кружил голову, не позволяя отвлекаться на земные мысли. Откуда-то издали доносился очень тихий стук барабанов, выбивающих один и тот же ритм.

Войдя в Храм, Симонея скинула с себя одежды и, почти не касаясь пола, вышла на середину зала. Послушницы и жрицы, присутствовавшие на обряде, отошли к стенам и стали почти невидимыми в тени. Откуда-то из стены, где располагалась потайная дверь, появились шесть Высших жриц. Все они были обнажены, их прелестные головки с распущенными волосами украшали венки из желтых цветов. Жрицы окружили Симонею, взяли за руки и начали танцевать, подчиняясь ритму, выбиваемому барабанами. Их крутые бедра колыхались, вызывая нестерпимую жажду наслаждений.

Постепенно они расцепили руки и закружились каждая в своем танце, который заканчивался тем, что жрицы, одна за другой, ложились у ног Симонеи, не нарушая круга. Теперь настал черед ее танца. Она танцевала долго, каждым движением и жестом выражая преданность богине и неземной восторг от того, что посвятила Тнихе свою жизнь. Закончился танец только тогда, когда Симонея, совершенно обессиленная, мягко опустилась на зеленые плиты.

Жрицы поднялись на ноги и помогли встать Симонее, а затем повели ее прочь из зала через ту же потайную дверь. За ней оказался узкий, темный коридор, в конце которого виднелся слабый свет. Пока Симонея шла к свету, чьи-то руки, невидимые в кромешной тьме, обтирали ее уставшее тело холодной водой, подогретыми маслами и тонкими благовониями. Свет, как оказалось, исходил от факела, закрепленного над входом в пустую тесную комна-

ту. Здесь Симонее предстояло провести ночь, чтобы встретиться с Тнихе. Если богиня не удостоит ее беседы, несчастной придется до конца своих дней оставаться послушницей, причем самого нижнего уровня, той, что дарит ласки лишь стражникам.

Симонее, дрожа не то от холода, не то от нервного возбуждения, напряженно ждала явления богини, и Тнихе предстала перед ней. И не просто предстала, а поведала, что для следующего своего воплощения изберет тело Симонее, а потому до тех пор ни красота, ни молодость не покинут женщину.

Взяв с нее слово молчать обо всем происшедшем, богиня удалилась, а Симонее, едва дождавшись утра, вернулась в Храм. Там ее встретили Высшие жрицы. Одна из них, самая красивая, держала в руках тонкий костяной нож, остро заточенный. Уверенными движениями она сделала крестообразный надрез на внутренней стороне бедра Симонее и окропила ее кровью гениталии богини.

Затем Симонее подали чашу козьего парного молока. Она сделала шесть глотков, а остатками жрицы омыли ее тело и лицо. Затем жрица, пролившая ее кровь, надела на голову вновь посвященной венки из желтых и красных цветов. Впереди был год испытаний, после которых Симонее получила право носить венки только из желтых цветов и участвовать в обрядах.

Шли годы, летели дни. Не счесть паломников, которым Симонее вернула радость жизни, и в конце концов она перестала воспринимать мужчин как источник наслаждения. Она просто служила Тнихе, сея блаженство, восторг и плодородие. Но молодое горячее тело жаждало ласки, и Симонее научилась получать ее от женщин. Анкаля поразила жрицу своей необычной дикой красотой и разожгла в ее сердце, сама того не подозревая, всепоглощающую страсть. Ради этой великолепной северянки Симонее была готова на все и теперь со все возрастающим нетерпением ждала утра, когда сможет коснуться жестких черных волос, заглянуть в раскосые глаза и броситься в эту бездну, забыв обо всем на свете.

Наконец, не выдержав, Симонее решительно откинула одеяло и, кое-как набросив на себя одежду, поспешила в комнату Анкаля. Постояв немного под дверью, жрица тихонько открыла ее, на цыпочках вошла внутрь, присела на край кровати и замерла, любуясь своим земным божеством. Ветланка спала, то всхлипывая, то улыбаясь во сне. Симонее протянула руку и осторожно коснулась кончиками пальцев нежной щеки. Анкаля вздрогнула и тут же открыла глаза.

— Кто ты? — испуганно спросила она, ничего не понимая спросонья.

— Симонее. Ты не узнала меня, милая?

— А... — Анкаля приподнялась на локте. — Прости, я не сразу поняла, что это ты. Пора вставать?

— Нет, — ласково улыбнулась жрица. — Еще очень рано. В Святылище обычно спят долго. Просто мне не терпелось увидеться с тобой и поболтать немного. Ты знаешь, куда попала?

Анкаля покачала головой, и Симонее принялась рассказывать:

— Это Святылище Тнихе — богини плодородия и плотских утех. Она дарует мужчинам силу, женщинам — детей, земле — урожай. Мы служим ей своими душами и телами. Время от времени Тнихе воплощается в тело кого-нибудь из нас, так что живая богиня всегда с нами. Ее нынешнее тело уже состарилось, и, когда ему придет пора покинуть этот мир, Тнихе выберет себе другое. Может, даже мое, — неожиданно для себя призналась Симонее и тут же поспешила исправиться: — Каждая из нас надеется на это.

— Ты такая красивая и добрая, — ответила Анкаля, — что Тнихе обязательно выберет тебя.

— Хочется верить. Ну да ладно. К нам приходят паломники. Мужчины. Женщины — очень редко, почти никогда. Мы выслушиваем их просьбы и помогаем, используя полученные здесь знания и умения. За это они щедро одаривают Святылище. Паломникам незначительным, у которых мелкие просьбы, помогают послушницы. Некоторым — жрицы. А если просьба сложна, если требуется эсо-

бая сила — Высшие жрицы. В исключительных случаях до паломника нисходит само воплощение Тнихе. Еще мы дарим лаской стражников. Все они — рабы, жизнь у них нелегкая, и мы стараемся скрасить ее, ибо Тнихе любит ласки, радость, наслаждение, а потому наш удел — дарить их как можно щедрее. Но стражников ублажают только послушницы, да и то не все, а только те, кто не блещет ни умом, ни умением. И это справедливо, ведь у рабов нет своей воли.

— А что буду делать здесь я? — испуганно спросила Анкаля. — Я не хочу дарить лаской незнакомых мужчин.

Симонея усмехнулась и погладила девушку по голове, затем, юркнув в ее постель, обняла и крепко прижала к себе:

— Я не дам тебя в обиду, не бойся.

Тонкие, чуть подрагивающие пальцы Симонеи пробежались по шее девушки, замерли на упругой груди, скользнули к животу, лобку, бедрам. Анкаля застыла от изумления. Ее никто никогда не ласкал, и ощущения, обрушившиеся на нее, ошеломили девушку. Жрица коснулась горячими губами ее щеки, быстро лизнула шею, затем, откинув одеяло, прикинула жадным ртом к напрягшемуся соску. Анкаля вскрикнула и попыталась отодвинуться, но Симонея крепко держала ее в своих объятиях. Жрица иступленно целовала живот девушки, затем наклонилась ниже и быстро-быстро заработала языком. Анкале показалось, что она стала невестомой, свет померк, и ее захлестнула волна такого острого наслаждения, что она закричала и вонзила ногти в пышную шевелюру Симонеи.

— Я для тебя все сделаю, — бормотала жрица. — Только одари меня своей любовью, отдай мне нежность и ласку...

Анкаля слабо сопротивлялась. Неожиданно раздался резкий стук в дверь, и чей-то звонкий голос прокричал:

— Высшая жрица! Высшая жрица! Ты здесь?

— Здесь, — отозвалась Симонея, не скрывая злости и раздражения. — Кому я могла понадобиться?

— Паломники!

— Что?! Какие паломники в это время года? — изумилась жрица.

— Не знаю. Меня прислали сказать, что двое мужчин просят открыть ворота для паломников.

— Сейчас приду. Я вернусь, любовь моя, — добавила Симонея шепотом и поспешно покинула комнату.

Возле главных ворот стояли послушницы, которые, отталкивая друг друга, норовили заглянуть в маленькое смотровое окошко. Однако стоило появиться Симонее, как они тут же расступились. Жрица взглянула в окно. За воротами стояли двое мужчин. Оба были молоды, привлекательны и, по всей вероятности, сильны.

— Кто вы? — строго спросила жрица.

— Я паломник, — ответил один из мужчин, пристально взглянув на Симонее, и жрицу поразила необычайная окраска его глаз — светло-карий, почти рыжий. — Я проделал долгий путь, чтобы предстать перед светлыми глазами благословенной Тнихе. У меня есть к ней просьба. С собой я принес дары, которые, надеюсь, светозарная богиня не побрезгует принять.

— А ты? — перевела взгляд жрица на второго мужчину, широкоплечего гиганта с ослепительно синими глазами.

— Это мой телохранитель, — ответил за него спутник. — Я никогда не отправляюсь из дома без него.

Жрица распахнула ворота, но когда синеглазый попытался шагнуть вслед за хозяином, остановила его:

— Твоему господину тут ничего не угрожает. Он пойдет один. А ты ступай к соседним воротам и скажи стражникам, что тебя послала Высшая жрица Симонея. Там тебя примут.

Гигант сжал зубы так, что желваки забегали по его скулам, однако возражать не стал, а, обменявшись быстрыми взглядами с господином, покорно направился к другому входу.

— Как зовут тебя, почтенный господин? — поинтересовалась жрица. — Откуда ты прибыл?

— Я из Вендии. Зовут меня Джерим. Вот, возьми, — и он протянул Симонее туго набитый мешочек.

В мешочке лежали самые обычные осколки горных пород, не стойвшие ровным счетом ничего. Но великое умение чародея наводить убедительные и прочные иллюзии превратило их в драгоценные камни чистой воды. Жрица, однако, не приняла дар.

— Сначала умойся и отдохни с дороги. Потом изложишь свою просьбу. Подношение отдашь той жрице, которая придет оказать тебе помощь.

Джерима провели в одну из комнат для паломников, где он принял ванну, съел несколько ароматных фруктов и немного отдохнул. Когда ему начало казаться, что ожидание слишком затянулось, дверь его комнаты неслышно открылась и на пороге возникла невысокая изящная женщина с огненно-рыжими волосами, одетая в прямое платье из грубой ткани.

— Высшая жрица ждет тебя, паломник, — сообщила она и повела его за собой.

По дороге Джерим пытался выяснить, нет ли среди послушниц Святилища северянки с маленькой чайкой на щеке, но его провожатая лишь пожимала плечами, словно не понимала ни слова из того, что он говорил. Оставив тщетные попытки, маг решил лучше повнимательнее смотреть и слушать. Его привели в зал, где в креслах с высокими спинками сидели шесть женщин, наряды которых напоминали скорее легкую утреннюю дымку, нежели одежды из ткани. Кресла стояли полукругом, по три с каждой стороны. Между ними, в середине, возвышался трон. Он пустовал, но чародей мгновенно догадался, что трон предназначен для живого воплощения Тнихе. Видимо, она выходила только к особым паломникам.

Джериму захотелось посмотреть на эту женщину, и он быстро придумал для себя захватывающую историю. То и дело закатывая глаза и глубоко вздыхая, он поведал красавицам, что прибыл из далекой Вендии, что принадлежит к стариннейшему роду, лучшие представители которого прославились подвигами и добродетелями. Он жил беспечно и счастливо до недавних пор, пока с ним не приключилась беда. Не утратив мужской силы, он потерял вкус к

плотским утехам. Ни чьи ласки не радовали его, ни чья красота не вызывала восторга, и, даже исполнив свой супружеский долг, он не испытывал никакого наслаждения. И он добился своего. Жрицы, пошептавшись, сообщили паломнику свое решение:

— Дело твое трудное. Никто из нас, скорее всего, не справится с ним. Ликуй, смертный! До тебя снизойдет сама Тнихе.

Джерим ожидал, что воплощение богини появится в зале и займет трон, однако этого не произошло. Одна из жриц громко хлопнула в ладоши, и в дверях возникла та же рыжекудрая красотка. Она жестом поманила чародея и повела его за собой, по-прежнему не произнося ни слова. Послушница привела паломника в роскошнейшие покои, в середине которых стояла кровать, где запросто могли поместиться десять человек. В углу красовался изящный резной столик, уставленный всевозможными сосудами из полудрагоценных камней. У противоположной стены уютно расположились два глубоких мягких кресла. Джерим уселся в одно из них и принялся ждать.

Ждать пришлось недолго. Дверь открылась, и в покои легкой походкой вошла высокая стройная женщина, укутанная в тончайшие шелка. Голову и лицо ее закрывала маска, сплетенная из золотых и серебряных нитей. Маска могла обмануть кого угодно, но не мага. Едва взглянув на вошедшую, Джерим содрогнулся. Богине, то есть той, чье тело выбрала она для своего воплощения, было по меньшей мере лет восемьдесят. Лицо ее, некогда прекрасное, покрыли морщины, зубов во рту почти не осталось, а то, что когда-то было волосами, торчало на полулысом черепе жуткими сивыми клочками.

— Я знаю, что привело тебя ко мне, паломник, — заговорила Тнихе глухим голосом. — Я помогу тебе. Ты вновь обретешь блаженство и будешь испытывать его впредь.

Джериму вовсе не хотелось ничего испытывать в объятиях кошмарной старухи, и он решил пойти на изощренный обман. Собрав всю свою волю, всю силу, чародей принялся создавать наиболее сложную иллюзию из всех, что

ему приходилось когда-либо придумывать. Он не трогался с места, а старая карга, как ей казалось, подвела его к столику, взяла высокий бокал, перемешала в нем несколько жидкостей из разных сосудов и велела выпить. Пока двойник мага осушал бокал, она, завывая, читала какое-то длинное заклинание. После этого Тнихе сбросила свои шелка и, приказав паломнику раздеться, поманила его за собой на ложе.

Джерим с радостью не смотрел бы, как извивается иссохшее желтое тело, как открывается в сладострастном вопле беззубый рот, но, чтобы поддерживать иллюзию, вынужден был не сводить с Тнихе глаз. Он даже не мог молить богов, чтобы это безобразное представление поскорее закончилось, ибо ни на миг не мог отвлекаться. Иначе иллюзия развеется и обман обнаружится. А этого допускать было никак нельзя. Джерим надеялся, что, пока он тут «возвращает утраченное удовольствие», Конан доберется до цели. Тогда маг получит сигнал и кинется на помощь киммерийцу.

Напрасно молодой и весьма самонадеянный чародей думал, что так легко сможет справиться с богиней Тнихе! Жрица, в теле которой жила богиня, была в конце концов просто обычной земной женщиной, и Джерим сумел управлять ее рассудком, но при этом страшно оскорбил саму Тнихе. Сладострастие, плотские радости, наслаждение, которые несут с собой самые смелые ласки, были сутью богини, и тот, кто отвергал их, становился ее врагом.

С великим изумлением Джерим вдруг увидел, что тело старухи резко выгнулось, вздрогнуло и замерло, а его образ, якобы дарующий ей ласки, растаял, как тают ночные тени, когда восходит солнце. Маг кинулся к роскошному ложу и приложил ухо к иссохшей груди жрицы, но ничего не услышал. Несчастная была мертва. Неожиданно над ее телом поднялось бледное золотистое сияние. Оно становилось все ярче и ярче и обрело очертания женской фигуры. Вот появился стройный и гибкий стан, вот легкие, как солнечный свет, локоны заструились по плечам, вот на расплывчатом пятне, что было на месте головы женщины, проступили тонкие черты. Глаза видения открылись и

установились на Джерима. Затем призрачная женщина нахмурилась и указала на чародея рукой. В его мозгу загремел разгневанный голос:

— Ничтожный! Ты посмел противиться мне, богине! Тебя ждет суровое наказание!

Комната закружилась в демонической пляске, голову Джерима сжала дикая боль, и его сознание померкло. Тнихе взглянула на поверженного врага, усмехнулась и, легко пройдя сквозь стену, исчезла.

Легко миновав несколько комнат и коридоров, разгневанная богиня явилась в свой храм, где Высшие жрицы молились ей. Когда отзвучали слова последнего песнопения, над неподвижным изваянием Тнихе возникло золотое сияние и богиня заговорила:

— Сестры мои! Вы верно и честно служили мне все это время. Тело, выбранное мной для земного воплощения, угасло. Настала пора выбрать другое. Имя моей избранницы — Симонея. Немедленно приведите ее сюда.

Жрицы бросились выполнять приказание богини, но она остановила их:

— Нет! Я сама пойду с вами. У нас нет времени на церемонию. В Святилище проникли враги.

Сияние, исходившее от статуи, обрело форму облака и легко понеслось по воздуху, ведя за собой взволнованных жриц.

Конан тем временем уже начал поиски. Он благополучно выбрался из комнаты, предоставленной ему для отдыха, и, двигаясь с изяществом и бесшумностью пантеры, пересек большой внутренний двор. Повинуясь какому-то дикому, первобытному чутью, он безошибочно отыскал дверь, через которую Симонея провела Анкалю в ее покои. В коридоре было пусто, однако варвар ни на миг не позволял себе расслабиться. Его чуткий слух улавливал малейшие шорохи, а необычайно зоркие глаза видели в полумраке ничуть не хуже, чем при ярком освещении.

Киммериец совсем уже собрался сделать очередной шаг, как где-то впереди едва слышно скрипнула открывающаяся дверь.

Конан замер на одной ноге, стараясь даже не дышать. Затем до его ушей донесся легкий шорох женского платья, и варвар, удовлетворенно кивнув, в несколько мягких прыжков оказался возле входа в комнату любопытной рыжеволосой прелестницы. Зажав огромной рукой рот насмерть перепуганной женщине, Конан повелел ей молчать и быстро втащил ее в комнату. Усадив пленницу на кровать, он присел перед ней на корточки и сказал:

— Не бойся. Я не причиню тебе вреда.

Она испуганно кивнула.

— Я ищу женщину. Молодую. У нее раскосые глаза и маленькая чайка на щеке. Знаешь, где она?

— Знаю. Я видела, как Высшая жрица вела ее по коридору. В самом его конце, справа, пустовала комната. Видимо, ее поселили там.

— Спасибо тебе. И не поднимай шума,— предупредил Конан, сжав пальцы на рукояти меча.

Неслышно, словно тень, он выскользнул в коридор и поспешил дальше. Дверь в комнату Анкалы варвар разыскал довольно быстро, но она оказалась заперта. Выругавшись сквозь зубы, киммериец налег на дверь плечом, однако из этого ничего не вышло. Тогда он осторожно постучал.

— У меня болит голова,— донеслось из комнаты.— Умоляю тебя, Симонея, дай мне побыть одной.

— Открой, Анкаля,— шепотом попросил Конан.— И побыстрее, пожалуйста.

— Кто ты?

— Меня прислал Млеткен.

— Млеткен?! — вскрикнула девушка.— Где он?

— Не до разговоров, девочка,— начал злиться варвар.— Если хочешь унести отсюда ноги, открывай.

Послышалось шлепанье босых ног, щелкнул засов, и дверь распахнулась. На пороге стояла очаровательная миниатюрная женщина с испуганными глазами. Второе «я», поселившееся в теле Конана, встрепенулось, и комната поплыла перед глазами киммерийца.

— Не лезь! — рявкнул он.— Если хочешь, чтобы я спас твою сестру, не мешай мне управлять моим телом.

Девушка вскрикнула и отшатнулась от непрошенного гостя.

— Успокойся,— обратился он к Анкале.— Я не сошел с ума. Все это долго и сложно объяснять. Меня на самом деле направил сюда твой брат.— И, окинув взглядом полуобнаженную фигурку, добавил: — Оденься. За воротами не жарко.

— У меня ничего нет,— ответила девушка, готовая расплакаться.

— Только не реви. Накинь на себя одеяло. Потом что-нибудь придумаем.

Анкаля укуталась в одеяло, но не смогла в таком виде ступить ни шагу, не то чтобы бежать. Киммериец взвалил ее на плечо и мысленно обратился к приятелю: «Джерим, я нашел ее. Теперь надо как-то отсюда смыться». Чародей не мог услышать его, но варвар об этом пока не знал и надеялся на помощь приятеля. Конан повернулся лицом к двери и собрался уходить, но в проеме возникла та самая красавица, что встречала их с Джеримом у ворот.

Сейчас она напоминала тигрицу, у которой пытаются отобрать детеныша. Издав звериный рык, она бросилась к варвару, выставив вперед руки с растопыренными пальцами, как будто хотела либо разодрать ему в кровь лицо, либо выцарапать глаза. Конан едва заметно шевельнулся, и Симонея проскочила мимо него, повалившись ничком на кровать. Однако жрица обладала неплохой реакцией и умела владеть своим телом. Мгновенно извернувшись, она уже снова летела на похитителя, шипя при этом, как клубок разъяренных змей.

Конану пришлось поставить свою ношу на ноги и принять вызов Симонеи. Он не любил драться с женщинами, но сейчас ему ничего иного не оставалось. Только природная ловкость и обостренное чувство опасности помогли ему вовремя сделать выпад и схватить жрицу за обе руки, иначе на сей раз она достигла бы цели. Чтобы совладать с бешеной мегерой, надо иметь огромную силу, и, по счастью, варвару ее вполне хватило. Он поднял Симонею над головой и бросил жрицу на перину, а затем навалился на нее сверху,

но вовсе не для того, чтобы осыпать красавицу поцелуями. Выдернув из-под нее простыню, киммериец быстро спеленал Симонею так, что она не могла пошевелить даже пальцем. Однако рот ей заткнуть вовремя он не успел, и жрица завопила что было мочи:

— Стража! Помогите!

Дверь тут же распахнулась, но на пороге возникли не стражники, а Высшие жрицы, над головами которых парило золотое облако. Не успел варвар и глазом моргнуть, как облако обрело очертания прекрасной женщины. Призрак порхнул к связанной Симонее и накрыл ее собой, словно одеялом. По телу жрицы пробежала дрожь, а из глаз заструился неземной свет. Неожиданно простыня, которой была спеленута Симоней, развязалась, и перерожденная красавица величественно поднялась с постели.

— Взять его! — приказала она. — Теперь я — Тнихе.

Больше оставаться здесь было нельзя, и Конан, снова взвалив Анкалю на плечо, бросился по коридору к выходу. Едва он успел выскочить во внутренний двор, как навстречу ему ринулись несколько вооруженных стражников, привлеченных воплями жрицы. Не бросая своей драгоценной ноши, варвар выхватил меч, и голова самого шустрого стражника с плеском шлепнулась в лужу. Его тело сделало еще несколько шагов, словно хотело догнать свою голову, но жизнь покинула его, и стражник упал. Второй выставил меч, защищаясь, но это его не спасло, и после резкого удара его меч вместе с отрубленной рукой упал на каменную плиту.

Отбиваясь от нападавших, Конан медленно, но верно приближался к воротам. Незавидная участь собратьев прибавила пыл стражников, и они уже не так рьяно набрасывались на могучего гиганта. Однако их было слишком много. Будь Конан один, он, скорее всего, отбил бы, но Анкалю отпускать было нельзя, ибо в творившемся хаосе девушка могла потеряться или, что еще хуже, погибнуть.

Симоней-Тнихе внезапно возникла среди дерущихся и крикнула:

— Взять его! Живым! Награда — свобода и богатство.

Присутствие живой богини и ее щедрое обещание придали нападавшим сил, и они с удесятеренным пылом бросились на Конана. Чтобы отбиться, он был вынужден опустить укутанную в пуховое одеяло Анкалю. Несчастную девушку тут же подхватили жрицы и быстро уволокли в Святилище. Киммериец взревел и бросился на врагов.

— Кром! Где же этот несчастный вендиец, задери его сотня демонов! — вскричал он и оглянулся в надежде увидеть своего спутника.

Это было его роковой ошибкой. Сзади на голову Конана обрушился удар невероятной силы, меч выпал из его рук, и земля ушла из-под ног.

* * *

Сознание медленно возвращалось к киммерийцу. Он попытался открыть глаза, но яркая вспышка света и сотни маленьких молоточков, застучавших по его голове, заставили Конана прекратить напрасные попытки. Он застонал и перевернулся со спины на бок. Мягкое, упругое ложе плавно заколыхалось под ним. Несказанно удивившись, Конан ощупал пространство вокруг себя. Шелковые простыни, легкое, почти невесомое и одновременно теплое одеяло... Где это он? Затем киммериец провел рукой по телу и с изумлением обнаружил, что совершенно раздет. Он снова попробовал открыть глаза и на сей раз сумел разлепить тяжелые веки.

Превозмогая боль, пульсировавшую в висках, Конан осмотрелся. Роскошным ложем, на котором он лежал, не побрезговал бы и король. У противоположной стены довольно-таки просторной комнаты с зарешеченными окнами и массивной дверью стояло еще одно ложе, убранное нежно-голубыми простынями и толстой пуховой периной. На нем, утопая в необъятных подушках, лежал Джерим. Судя по всему, маг крепко спал.

— Джерим, — хрипло позвал приятеля киммериец, — Джерим, проснись...

Чародей не отозвался, а лишь перевернулся на другой бок, слегка при этом всхрипнув. Это движение, а также

попытка разбудить вендийца отняли у Конана остатки сил, и он снова погрузился в глубокий сон.

Когда он опять проснулся, на краю его постели сидел Джерим, выглядевший вполне свежим и бодрым. Боль пробудилась вместе с варваром, и он тихо застонал.

— Не шевелись, — распорядился чародей. — Тебя чем-то сильно ударили по голове. Молчи. Сейчас я тебя вылечу.

Он положил руки на голову Конана, сильно сжал ее, отчего киммериец даже поморщился, затем начал гладить его по волосам, быстро-быстро что-то приговаривая. Боль отступила, и сознание прояснилось, Конан вновь обрел способность говорить.

— Где мы, Джерим? — спросил он, как только маг замолчал и убрал руки с его головы. — Что происходит? Если мы в тюрьме, то откуда такая роскошь? А если мы в гостях, то зачем решетка на окне?

— Я могу лишь догадываться, — печально улыбнулся вендиец. — Мы прогневали богиню Тнихе, и она готовит для нас наказание. Но так как она не кровожадна, то и условия нашего заточения вполне приличные.

— Что с Анкалей?

— Не знаю. Она где-то здесь. С ней все в порядке. Я это чувствую.

Дверь комнаты (или тюремной камеры?) тихо отворилась, и на пороге возникла молодая женщина, одетая лишь в полупрозрачную набедренную повязку. В руках она держала большой поднос, уставленный разнообразными угощениями. Среди блюд с едой возвышались два изящных кувшина и два массивных золотых кубка. Не произнося ни слова, красотка, зазывно виляя крутыми бедрами, прошла мимо ложа Конана и поставила поднос на низкий столик с изогнутыми ножками. Затем все так же молча она направилась к двери. У порога женщина задержалась, ибо ее набедренная повязка, зацепившись за ручку двери, легко скользнула на пол. Прелестница низко нагнулась, отчего у киммерийца потемнело в глазах, подняла полоску тончайшей ткани и выскользнула в коридор. До ушей узников донесся звон ключей, и все снова погрузилось в тишину.

— Хороша, — причмокнул Конан.

— Ты неисправим, — рассмеялся чародей. — Мы с тобой заперты в этой клетке, а тебя волнуют прелести блудниц.

— Когда они перестанут меня волновать, значит, я уже нахожусь на Серых Равнинах, — улыбнулся варвар. — Впрочем, и там, наверное, найдется несколько красоток...

— Давай лучше посмотрим, что она принесла, — перебил его Джерим.

— Слушай, — не унимался Конан, — тебя что, совсем не интересуют женщины?

Вендиец долго молчал, а потом, набрав в грудь побольше воздуха, словно собирался нырять на дно морское, быстро ответил:

— Не знаю. У меня не было ни одной.

— Вот это да! — воскликнул киммериец, спуская ноги на пол. — Если бы ты знал, сколько потерял!..

— Еще узнаю, — коротко ответил Джерим, явно не желая продолжать разговор на эту тему. — Давай поедим.

Они плотно закусили, причем Конан с восторгом и чавканьем наслаждался прекрасно приготовленным мясом, а Джерим довольствовался овощами и фруктами, позволив себе, правда, небольшой кусочек сочной жареной рыбы. Обильный завтрак они запили вином и соком, найдя в кувшинах.

Насытившись, Конан внимательно осмотрел комнату и, не обнаружив ничего более подходящего, соорудил себе набедренную повязку из полосы шелка, оторвав ее от простыни. Затем он развалился на постели, потянулся и лениво проговорил:

— Хорошая тюрьма. Отдохнем немного и примемся за дело.

— Ты что-нибудь придумал? — поинтересовался чародей.

— Пока нет. Однако мы еще живы, а значит, выход найдется.

Долго отдыхать им не пришлось. Дверь снова отворилась. На сей раз внутрь вошли одна за другой три обнаженные очень молоденькие девушки. На их изящных шеях играли, переливаясь, яркие ожерелья, на запястьях и щико-

лотках позвякивали золотые браслеты. Откуда-то полилась мелодия, и гости начали танцевать. Такого удивительного танца Конану еще никогда не приходилось видеть. Каждое движение обольстительных танцовщиц все больше и больше пробуждало в нем жгучее желание, постепенно овладевавшее киммерийцем и мутившее его рассудок. Покосившись на Джерима, Конан увидел, что щеки чародея залил лихорадочный румянец, рот его приоткрылся, глаза помутнели. Он сидел на ложе, прижимая колени к подбородку, словно пытался удержать рвущуюся в бой плоть. Варвар усмехнулся и вновь повернулся к танцовщицам. Одна из них, кружась в такт мелодии, подошла совсем близко к его ложу, и Конан, рванувшись вперед, попытался поймать девушку. Однако стоило ему сделать резкое движение, как музыка смолкла, а танцовщины исчезли, словно никогда тут и не появлялись.

— Что это было? — почти шепотом спросил Конан.

— Иллюзия, — сглотив, отозвался Джерим.

— Иллюзия? Зачем?

— Похоже, это привет от Тнихе, — печально улыбнулся маг. — Интересно, что она еще придумает?

Однако сколько ни пытались Конан и Джерим разгадать планы рассердившейся на них богини, никому из них даже и в голову не могло прийти, какой будет месть обиженной женщины. Впрочем, как поведет себя женщина по отношению к мужчине, отвергшему ее ласки, не смог бы угадать никто, порой и сама женщина.

День прошел довольно спокойно, и одиночество узников лишь дважды нарушали послушницы, приносившие им еду. Обе они не проронили ни слова. Поздно вечером в комнату заглянула еще одна женщина, которая пробыла там совсем недолго. Также храня молчание, она подошла к стене, откинула висевший на ней ковер, показала мужчинам скрывавшуюся за ковром дверь и ушла. За дверью оказалась прекрасная ванная комната.

— Интересно, долго ли они будут держать нас здесь? — спросил Конан, кутаясь в длинную мягкую простыню и стяхивая остатки воды со своей косматой гривы.

— Наверное, до тех пор, пока Тнихе не решит, что с нами делать, — отозвался Джерим. — Но я чувствую, что никто не испытывает к нам вражды.

— Как это? — удивился варвар.

— Я могу на довольно большом расстоянии распознать чувства людей и животных, — пояснил чародей. — Смерть нам не грозит.

Однако то, что ожидало их в ближайшие несколько дней, для молодых и крепких мужчин было едва ли лучше смерти. В их комнате появлялись очаровательные девушки, одна соблазнительней другой, все совершенно разные. Они манили, дразнили, зазывали узников, но стоило страстям накалиться до предела, как прелестницы таяли, словно легкий утренний туман. Напрасно и Конан, и Джерим убеждали себя, что все это — лишь иллюзия, наваждение и что в следующий раз они не дадут увлечь себя. С желанием, которое вызывали у них чудные красотки, совладать было невозможно. К вечеру, вконец измученные неутоленной страстью, мужчины без сил падали на свои ложа и засыпали тяжелым сном, который не приносил облегчения.

Однажды утром киммериец, с трудом разлепив припухшие и покрасневшие веки после нескольких часов беспокойного сна, увидел, что чародей сидит на полу, скрестив ноги, положив на колени руки ладонями вверх и закрыв глаза. Слегка удивленный, варвар не стал тормозить приятеля, а решил подождать, что будет дальше. Наконец Джерим поднялся на ноги и, бросив на приятеля быстрый взгляд, улыбнулся:

— Кажется, я знаю, как нам сбежать отсюда.

Вымотанный непрерывающейся пыткой, которую придумала для них оскорбленная и разгневанная богиня, вендиец, решив, что не причинит этим никому зла, совершил мысленное путешествие по Святилищу. Ему удалось узнать, что жрицы готовятся к сложному и ответственному ритуалу. Так как Тнихе избрала новое тело для своего земного воплощения, Высших жриц осталось всего пять. На место шестой должна быть выбрана новая. Но так как церемония требовала присутствия самой богини, которая на это время

вселялась в изваяние, стоявшее в храме, ей приходилось ненадолго покинуть телесную оболочку. Чтобы Симонея при этом не пострадала, она должна была подготовить себя к обряду.

Три дня Симонее предстояло провести в очищающих молитвах, затем ее ожидали семь ванн, каждая из семи различных трав, а потом она готовила для себя питье, состав которого ей сообщала Тнихе, и после этого погружалась в глубокий сон, пока богиня снова не вернется в ее тело. Все это требовало пристального внимания Тнихе, а значит, на время подготовки к ритуалу она оставит узников в покое. Это и был их единственный шанс.

— А как же Анкаля? — внимательно выслушав Джерима, спросил Конан.

— Во время ритуала она будет в храме среди послушниц, которым разрешено присутствовать там. Мы должны будем прокрасться туда незамеченными. Вряд ли кто обратит на нас внимание, все будут слишком заняты.

Джерим оказался прав. В этот день никто не истязал мужчин, и к вечеру они уже разработали план бегства из Святилища. Дождавшись дня торжественной церемонии, они начали действовать. Открыть замок, запиравший комнату, было несложно. К великой радости узников, их никто не охранял, ибо стражникам было строго-настрого запрещено входить сюда. Полностью доверившись знаниям и умениям вендийца, Конан покорно шел за ним, и вскоре они достигли храма.

Действо только что началось. К счастью, факелы, источавшие одуряющий аромат, освещали только самую середину зала, где возвышалось изваяние богини, окруженное золотым сиянием. Удивительно зоркие глаза киммерийца не нуждались в ярком свете, и, едва сдержав радостный возглас, он увидел, что Анкаля стоит далеко от статуи, возле одной из дверей, ведущих в храм. Голова и плечи девушки были опущены, и весь ее вид говорил о полном безразличии, видимо окончательно овладевшем ею. Ее не интересовало происходившее вокруг, но и о бегстве она, похоже, не помышляла. Совершенно бесшумно, словно огромная тень,

скользнул Конан к девушке, обхватил ее правой рукой, а левой зажал ей рот, чтобы Анкаля не закричала и не помешала киммерийцу осуществить его намерения.

Все шло на редкость удачно. Никто и не заметил исчезновения одной из послушниц, настолько напряженное действие увлекло всех. Даже если сама Тнихе и почувствовала присутствие мужчин в храме, она не могла нарушить ход церемонии. Оставалось лишь обмануть или перебить стражников. Конан настаивал на последнем, не сомневаясь в том, что легко справится с обленившимися за время нетрудной службы некогда сильными воинами, но Джерим не хотел поднимать лишнего шума. После недолгих препирательств киммериец был вынужден согласиться с чародеем, ибо время поджимало, надо было как можно скорее смыться отсюда. К тому же Анкаля от испуга потеряла сознание и до сих пор не приходила в себя, что сильно беспокоило варвара.

Едва беглецы ступили на каменные плиты двора, как вендиец остановил Конана:

— Постой. Мне надо подготовиться. Прошу тебя, ничему не удивляйся. Смело иди к воротам и постарайся как можно быстрее открыть их. Другой возможности у нас, скорее всего, не будет.

Джерим закрыл глаза и начал читать заклинание. Когда он замолчал, Конан с изумлением увидел, что одет в роскошный шелковый халат, на плече держит легкий расшитый коврик, а об руку, унизанную великолепными перстнями, трется головой огромный огненно-рыжий тигр. Киммериец тряхнул головой и решительно зашагал к воротам, возле которых стояли, вытаращив глаза, стражники. Подойдя к ним, тигр оскалится, показывая белоснежные клыки, и грозно зарычал.

Стражники завопили дурными голосами и повалились лицами в грязь, закрывая головы руками. Конан, злорадно усмехнувшись, с удовольствием пнул ногой одного из перепуганных рабов и, в три прыжка очутившись возле ворот, начал быстро открывать засов. Тот не поддавался, и тогда вместо злобного хищника рядом с киммерийцем возник

Джерим. Вдвоем они распахнули тяжелые створки и бросились в глубь окружавшего Святилище леса, направляясь к горам.

Бежали они долго, пока не убедились, что никто не преследует их. Да этого и не могло быть, ибо всем обитателям Святилища, а особенно стражникам-рабам, было строжайше запрещено покидать его пределы, но ни Конан, ни Джерим об этом не знали. Киммериец чувствовал себя в горах как дома и потому довольно легко отыскал вполне пригодную для привала пещеру. Осторожно опустив Анкалю на землю, он быстро соорудил костер, и вскоре влажные сучья уже потрескивали, а мягкий, ароматный дымок наполнял невысокие своды. Девушка очнулась, села, поплотнее закутавшись в одеяло, и посмотрела на своих похитителей широко распахнутыми глазами.

— Кто вы? Что все это значит? Куда мы идем?

— Успокойся. Мы друзья,— ответил Джерим.— Отдохни немного и перекуси. А потом мы все тебе расскажем. Времени у нас теперь предостаточно.

Глава пятая

Шли дни. Путники упрямо пробирались через мрачные, неприветливые Кезанкийские горы на северо-восток, стараясь не попасть на территорию Гипербореи. Конану уже несколько раз приходилось сталкиваться с жестокими обитателями этой страны, и, хоть победа всегда оставалась за ним, киммерийцу вовсе не хотелось подвергать ни мага, ни девушку лишним опасностям. Им вполне хватало трудностей, которые в изобилии поставляли дикие горы, где даже звери селились неохотно.

Однако путь их лежал в холодную снежную Ветланию, а потому их одежда совсем не годилась для такого путешествия. Обсудив с Джеримом все за и против, варвар все же решился спуститься к крохотному поселению, лежавшему у подножия гор. Гордость смелого и удачливого воина невыразимо страдала оттого, что ему пришлось воспользоваться мастерством чародея, но здравый смысл все же подсказывал Конану, что не стоит лишний раз рисковать, ибо сейчас он отвечал не только и не столько за свою жизнь, сколько за жизнь Анкали, доверенной ему ее погибшим братом, который ради счастья сестры отказался от успокоения своей души.

То ли великий Кром покровительствовал своему отчаянному сыну, то ли Джерим постарался изо всех сил, в очередной раз создавая блистательную иллюзию, но гиперборейцы встретили их вполне мирно и даже согласились продать необходимую теплую одежду, не задавая лишних

вопросов и не покушаясь на жизнь и свободу непрошенных гостей. Правда, гости оказались стоворчивыми и в обмен на нужные им вещи легко предлагали любой товар, какой только могли представить себе поселенцы. Не прошло и двух дней, как гиперборейцы с изумлением обнаружили, что выторговали всего-навсего груды мелких грязных камушков да кусочков подгнившей коры, но было уже поздно, и за обманщиками никто не захотел гнаться.

Теперь путешественники были снабжены самым необходимым: меховыми куртками и штанами, прочной обувью и кое-какой провизией. Им оставалось рассчитывать только на собственные силы и желание достичь цели, а этого как раз у них было с избытком. Конан вырос в горах, и потому для него самые узкие тропинки и отвесные стены не представляли никакой сложности. Джерим также довольно легко переносил все тяготы пути, а вот Анкале было очень и очень трудно. Ей еще никогда не приходилось попадать в такие суровые условия, но, проникнувшись к своим спасителям доверием, она во всем полагалась на них, а они поддерживали ее как могли. Она все еще относилась несколько настороженно к вендийцу, ибо, как и киммериец, побаивалась любой магии, но, видя, что варвар, которого она полюбила как собственного брата, считает Джерима своим другом, постепенно оттаивала.

Они благополучно достигли перевала, а еще через пару дней спустились с гор и ступили в тундру. Здесь Анкаля почувствовала себя гораздо лучше, ибо наконец-то ее окружал привычный пейзаж. Она делилась со своими спутниками всем, что знала и умела, а они оказались благодарными учениками. Особых опасностей ожидать было неоткуда, ибо в тундре обитали в основном мелкие хищники, а людей путники и вовсе не встречали. Добычи тут было хоть отбавляй, и уже в первый вечер Конан и Анкаля, сидя у тихонько потрескивавшего костра, с наслаждением жевали свежую оленину, а Джерим, даже причмокивая от удовольствия, хлебал некое подобие супа из коры и пахучих мхов.

Анкаля много рассказывала о своей жизни, об обычаях и нравах своего народа, о Великом Шамане. Киммерийцу

порой казалось, что он уже прожил жизнь среди ветланов, он видел лица людей, которых называла девушка, он всей душой ненавидел Великого и жаждал его крови. И неизвестно, чья душа, его или Млеткена, пылала более яростным желанием отомстить, да, собственно, для варвара это было совсем не важно. Джерима больше всего интересовали рассказы о Шамане. Тогда он весь превращался в слух, время от времени кивая и едва заметно улыбаясь своим мыслям.

Постепенно тундра, и так не отличавшаяся разнообразием и буйной растительностью, начала редеть, сильные порывы ветра стали изредка доносить дыхание моря. По всей вероятности, до Ветлании было уже совсем близко. Яркое солнце, светившее и днем, и ночью, что поначалу раздражало киммерийца, разрыхлило снег, в воздухе запахло весной. Прошло больше года с тех пор, как Анкаля покинула свой дом, и теперь сердце девушки трепетало от ожидания встречи с близкими ей людьми. У нее словно открылось второе дыхание, и она начала торопить своих спутников, подгоняя их вперед и вперед.

Однажды днем (день это был, утро или вечер, Конан ни за что не сумел бы определить, но Анкаля, повинуясь природному чутью, прекрасно отличала день от ночи, несмотря на то что солнце вовсе не покидало небосвод) девушка вдруг схватила киммерийца за руку и воскликнула:

— Смотри! Вот она.

Впереди виднелся небольшой холмик, который вполне можно было принять за аккуратную кочку, ничем не отличающуюся от себе подобных, довольно часто встречающихся в тундре. Но память Млеткена подсказала варвару, что это землянка, которую охотник устроил для сестры. Ее сильно занесло снегом, но, подойдя поближе, Конан рассмотрел едва заметное отверстие — вход, возле которого валялся оторванный полог.

— Значит, до твоего дома совсем недалеко? — обрадовался киммериец.

— Да, — кивнула Анкаля. — Давайте переночуем здесь, а потом уже двинемся дальше.

— Зачем? — удивился Джерим. — Зачем ночевать в лесу, когда идти осталось совсем немного?

— Я не могу этого объяснить, — вспыхнула девушка. — Я так долго ждала этого дня... Мне надо подготовиться...

Люди Шамана так спешили утащить Анкалю отсюда, что все вещи, которые принес для нее Млеткен, остались на месте. Опытный охотник правильно выбрал место для убежища: за прошедший год его никто так и не нашел. Конан прикрепил сорванный полог, Анкаля вытряхнула грязь, накопившуюся за время ее отсутствия, подобрала опрокинутую плошку, положила в нее кусочек алпачьего жира, растопила его, подожгла и помешала тоненькой костяной палочкой. Маленький жирник быстро прогрел землянку и осветил ее ровным, уютным светом. Здесь было очень тесно, но никто не жаловался, ибо ни один из путников не вырос в роскошных дворцах. Для них было главным, что есть крыша над головой, что крохотный огонек отогревает тела и души. Поужинав, все тесно прижались друг к другу, свернувшись в какой-то невероятный клубок, и заснули.

Конану снился светлый и добрый сон, в котором он разговаривал с Млеткеном, и суровый охотник говорил ему, что очень жалеет об одном: им так и не привелось стать друзьями. Затем ветлан поблагодарил киммерийца за его мужество и доброту и попросил потерпеть еще совсем немного: как только Шаман будет наказан, душа Млеткена предстанет перед старой Рультаной и поселится в хорошем умране, где будет поджидать Уквуну. Конан пытался ему ответить, но, как и прежде, не мог произнести в своем сне ни слова.

Несмотря на тесноту, путники прилично выспались и, подкрепившись, решительно направились к стойбищу Анкали. Они не знали, какой прием их ждет, ведь Млеткен и его сестра бросили вызов самому Великому Шаману, но надеялись, что природная мягкость и гостеприимство ветланов не откажут им и на сей раз. Уж очень не хотелось начинать отношения с незнакомыми людьми, к которым ни Конан, ни Джерим не испытывали ни вражды, ни злобы, с потасовки. Тем более, зная, что у этого северного народа

нет воинов, киммериец прекрасно понимал, чем могла бы закончиться любая стычка. А он вовсе не жаждал крови соплеменников Анкали.

Они шли совсем недолго, когда перед глазами путников открылся ослепительный простор: лучи солнца, становившегося день ото дня все жарче и жарче, растопили льды, и Северное море явило людям свой лик. А между ним и тундрой, из которой вышли путники, вдоль побережья раскинулось стойбище — ряд совершенно необычных для глаз варвара и вендийца остроконечных строений, затянутых шкурами. Людей не было видно, но Анкаля пояснила, что женщины, скорее всего, занимаются домашними делами, дети играют где-нибудь на берегу, а мужчины, видимо, готовятся к охоте, ибо открывшаяся вода означает великое событие — пришло время ловить морских быков.

Из умрана, стоявшего на краю стойбища, появилась милостивая женщина. Конан сразу же узнал ее: Уквуна, жена Млеткена, которую он не раз видел в своих странных снах. Уквуна подняла руку и, приложив ее к глазам как козырек, пристально посмотрела на путников, затем охнула, сделала два нерешительных шага в их сторону и вдруг медленно осела на подтаявший снег. Анкаля со всех ног бросилась к ней и помогла подняться. Женщины обнялись и заплакали.

— Не может быть, — бормотала сквозь слезы Уквуна, — не может быть. Все думали, что ты умерла, и лишь Млеткен верил, что найдет тебя.

— Он меня и нашел.

— Но где? Где он?! — вскричала Уквуна. — Что это за люди? Почему его нет с вами?

— Я все объясню тебе, — со вздохом ответила Анкаля, предвкушая нелегкий разговор. — Что же ты не зовешь нас в дом?

Нехитрое убранство умрана несказанно удивило и Конана, и Джерима. Им еще никогда не приходилось бывать в таких домах. Все казалось странным: и то, что на столь небольшом пространстве помещалось все необходимое для вполне удобного существования, и то, что маленькие жир-

ники давали достаточно и тепла, и света, и то, что на стенах, сделанных из шкур, не видно ни малейшего следа копоти, хотя мыть умран было явно не принято. Ветланы практически не использовали металлов, посуда была сделана из кости или камня. Все здесь было непривычным и чужим, но ощущение покоя и уюта не оставляло гостей.

Разговор с Уквуной получился нелегким. Как объяснить женщине, что в этом черноволосом гиганте, заполнившем своим могучим телом почти все свободное пространство, живет душа ее мужа? Как докажешь ветланке, свято соблюдавшей обычай своего народа, что Великий Шаман — лгун и мерзавец? Как расскажешь ей о далеких странах, лежавших отсюда на расстоянии многих дней пути, когда она даже представить себе не могла, что где-то далеко за тундрой вообще живут люди, причем такие разные, совершенно непохожие друг на друга?

Спасибо Джериму, он оказался прекрасным рассказчиком. Терпеливо, словно маленькому ребенку, он сумел так красочно и доходчиво описать Уквуне все их похождения, что в конце концов несчастная женщина поверила им. Да и как не поверить собственным глазам, когда вот она, Анкаля, сидит рядом, живая и невредимая, и, слушая юношу со странными рыжими глазами, все время кивает, во всем соглашаясь с ним?

В умране было жарко, и Анкаля, сбросив с себя всю лишнюю одежду и оставшись в узенькой набедренной повязке, предложила гостям тоже раздеться, что они с радостью и сделали. Уквуна подала ароматный отвар из множества трав, которые собрала еще прошлым летом, и Конан, с удовольствием прихлебывая горячий напиток, вдруг впервые со дня знакомства с Анкалей заметил, как необычайно хороша спасенная им девушка. Ему нестерпимо захотелось обнять ее худенькие плечи, коснуться губами изящной шеи, посадить прелестницу себе на колени, но в тот же миг он вздрогнул, словно уже протянул руку за спелым, сочным плодом, а кто-то изо всех сил шлепнул его по руке. «Я понимаю, это твоя сестра, — мысленно обратился он к душе Млеткена. — Я тоже готов полюбить ее всей душой, но тело-

то, надеюсь, принадлежит все-таки мне?» Затем, поняв нелепость происходящего, варвар криво усмехнулся и завел длинную беседу с Уквуной, чтобы не думать о прелестях девушки.

Уквуна, довольно быстро свыкнувшись с тем, что услышала от вендийца, немного ожила и начала рассказывать о жизни стойбища. Зима прошла спокойно, и лишь несколько самых старых людей отправились к Рультане. Светлый бог Тнарган не разлюбил свой народ и вовремя одарил его теплом и светом. Таграй часто навещал Уквуну, помогал ей перезимовать, делясь своей добычей, и, похоже, надеялся на возвращение Анкаля, ибо все это время даже не посмотрел ни на одну девушку. При этих словах Анкаля вспыхнула, и киммериец понял, почему Млеткен столь яростно пресек его вождение.

— А почему не видно никого в стойбище? — поинтересовался Джерим. — Куда все делись?

— Да никуда, — пожала плечами Уквуна. — Наступил сезон охоты на морских быков, и мужчины вышли в море.

Неожиданно перед глазами Конана предстала такая ясная картина, словно он не сидел в умране, а охотился сейчас вместе с мужчинами стойбища. Это снова проснулась память Млеткена. Охота была излюбленным его занятием. Да это и не удивительно, ибо каждый морской бык давал мяса не меньше, чем двадцать алпачей, а к охоте на них готовились задолго до начала сезона. Выход в море был настоящим праздником для любого ветлана.

Внутренним зрением Конан увидел Северное море, скинувшее тяжелые льды и дышавшее полной грудью. На темной воде, которая казалась плотной, играли морские быки. Откуда-то из глубин показывались их головы, похожие на старые пни, огромные, с белыми острыми бивнями, с большими губами, на которых торчали жесткие щетинистые усы. Быки, открыв зубастую пасть, набирали воздух, взмахивали лапами и снова ныряли. Только опытный охотник мог определить, где снова покажется голова зверя. Для этого нужно было знать, как он ныряет, заметить, в какую сторо-

ну направлены клыки, как глубоко он ушел под воду. Замешкаешься или ошибешься — не видать удачи.

Для охоты на морских быков у каждого охотника были заготовлены специальные ремни, один конец которых привязывали к гарпуну, а к другому концу прикрепляли поплавки: надутые мешки из алпачьей кожи. Если не подготавливать поплавок, то убитый бык камнем уйдет на дно и добыча пропадет. Алпачий же мешок либо показывал, куда нырнул раненый зверь, либо удерживал мертвого быка на плаву, пока охотники не подбирали его.

Киммериец тряхнул головой, отгоняя наваждение, и услышал, как Джерим задает следующий вопрос:

— А женщины?

— Так ведь весна, — пожала плечами Уквуна.

— Ну и что?

— Лед-то сошел, вот женщины и вышли на берег за морской капустой. Ее сейчас много на мелководе. И рыбы тоже. Ребятишки постарше бросают в нее камни, а потом собирают добычу, которую море выкидывает на берег. Хорошее началось время. Сытное.

— Значит, мы пропустили праздник спуска лодок на воду? — спросила Анкаля. — Жаль. Я очень его люблю.

— Ты вообще любишь праздники, — рассмеялась Уквуна. — Погоди, вернутся мужчины с охоты, повеселишься. Пусть твои друзья увидят, как ты танцуешь.

— Не знаю, — внезапно погрустнела Анкаля. — Какие тут танцы! Шаман не даст мне жизни.

— Шаман — не твоя забота, — отрезал Конан.

— И, похоже, не твоя, — вдруг вмешался Джерим. — Он, видимо, сильный колдун, и ты вряд ли сумеешь одолеть его. Мне бы хотелось встретиться с Великим.

— Не горячись, — остановил его киммериец. — Млеткен доверился мне. Его душа успокоится только после того, как Великий будет наказан. Я должен хотя бы увидеть это Негралово отродье. Где он живет?

— На противоположном краю стойбища, — ответила Анкаля. — Его умран стоит отдельно. А рядом — еще несколько. Там живут его женщины и помощники.

— Неплохо устроился, пень трухлявый, — усмехнулся варвар. — Ладно, чего выжидать? Прямо сейчас к нему и схожу.

— Его не победить мечом, — предупредил чародей. — Можешь мне поверить, в магии я разбираюсь гораздо лучше тебя.

— И не таких видали!

Конан оделся, ловко выполз из умрана и запагал к жилищу Великого. Подумаешь, могущественный маг! За свою недолгую жизнь киммерийцу не раз приходилось вызывать на бой всякую нечисть, бросать вызов не только людям, а даже спорить с богами. Надо еще посмотреть, что представляет собой этот гнусный старикашка. Ясно одно: хватит ему поганить землю, пора отправляться к Неггалу. Там его место!

Дом Великого киммериец нашел сразу. Ругнувшись сквозь зубы, варвар встал на четвереньки, еще раз выругался по поводу неудобного входа и забрался в умран. Шаман восседал на груди белоснежных песцовых мехов. Его седые длинные волосы были тщательно уложены в замысловатую прическу, на морщинистых щеках чернели и краснели магические знаки, помогающие беседовать с келе. На коленях Великого лежали два бубна, и он тихонько выбивал на них какой-то сложный ритм. Судя по всему, старик знал заранее о приходе Конана и тщательно готовился к нему.

— Так ты и есть Шаман? — поинтересовался варвар.

— Великий Шаман, — поправил его старик.

— Это кому как, — пожал плечами дерзкий киммериец.

— Тебя привел Млеткен. — Шаман не спрашивал, он утверждал.

— Млеткен мертв, к твоей радости. Но радоваться тебе, старик, рано, потому что жив я, и я пришел разобраться с тобой.

— Ты? — Губы Великого скривились в усмешке. — Попробуй.

— А тут и пробовать нечего. Я вырежу твою гнилую печень и забью ее в глотку Неггала. Пусть полакомится своим детищем.

С этими словами Конан решительно шагнул вперед, схватил старика за волосы и поднял его. Шаман сморщился от боли, но, быстро взяв себя в руки, что-то забормotal, не переставая бить в бубны.

Не успел киммериец и глазом моргнуть, как в его кулаке остался лишь клочок седых волос, а возле ног растеклась шипящая лужа, в которой плавали глаза старика и его рот, нагло ухмыляющийся. Глаза насмешливо следили за варваром. Тот с силой швырнул на пол начавшие шевелиться космы и смачно плюнул в середину лужи, стараясь попасть в глаз.

Жидкость, окружавшая глаза и рот старика, задымилась, и из образовавшегося белого облака снова возникла фигура Шамана, довольно потиравшего руки.

— Справился? — хихикнул Великий.

Конан зарычал и в стремительном прыжке сомкнул свои сильные руки на тонком горле веселившегося мерзавца. Однако горло в его кулаке вдруг зашевелилось, и киммериец с ужасом и отвращением увидел, что держит маленькую серебристую змейку. Она открыла рот, и на самом кончике белого зуба выступила крохотная капелька смертельного яда. Варвар отбросил гадину и собрался было раздавить ее ногой, но она увернулась и вспорхнула под крышу умрана маленькой птичкой. Звонко чирикнув, птичка устремилась вниз, и перед Конаном снова возник Шаман.

— А ты еще мечом меня попробуй, — захохотал старик. — Ты ведь великий воин, киммериец! Что тебе стоит пронзить мне сердце?

— Нет у тебя сердца, гнусный демон! — воскликнул Конан. — Но жить ты не будешь!

С этими словами он выхватил клинок, который отобрал у одного из перепуганных насмерть стражей Святилища Тнихе, и, издав пронзительный боевой клич, бросился на Великого. Будь на месте Шамана обычный человек, стальное лезвие развалило бы его на две части, но меч легко, словно резал туман, прошел сквозь тело колдуна. И в этот же миг Конан увидел, что рядом с Шаманом, на которого

он напал, стоит еще один, зашедшийся в смехе так, что слезы брызнули из его выпуклых от старости глаз.

— Порадовал старика, повеселил от души, — закудахтал Великий. — Спасибо тебе, сынок! Я давно так не смеялся.

— Грязный шакал твой сынок! Рано радуешься, Нергалов пес! Тебе все равно не жить!

Он принялся рубить мечом без разбора, рассекая меха, разбивая посуду, опрокидывая жирники. Но чем сильнее бил киммериец, тем больше фигур Шамана возникало вокруг него. В конце концов варвара окружила целая толпа корчившихся от хохота омерзительных стариков, которые прыгали, показывали языки, улюлюкали и махали руками, показывая на ошалевшего от всего увиденного Конана кривыми желтыми пальцами. Кто из этих старых шутов был настоящим Шаманом, определить оказалось невозможно, и, в очередной раз махнув клинком наугад, Конан остановился.

— Посмейся напоследок, сын крысы и змеи! Я скоро вернусь за тобой, и тогда посмотрим, кто из нас засмеется громче.

С этими словами киммериец сунул меч в ножны и, резко развернувшись, покинул жилище старика. Однако он не стал наклоняться, чтобы выползти из умрана, а двумя руками разорвал прочную шкуру, и в стене образовалась огромная дыра, в которую со свистом ворвался ветер. Вслед варвару несся язвительный смех Великого, и Конан прибавил шагу, чтобы поскорее убраться отсюда. Похоже, Джерим был прав. Надо придумывать иной ход, чтобы совладать с Шаманом.

Вернувшись в умран Уквуны, Конан рассказал всем о происшедшем. Вендиец внимательно слушал, кивая, и наконец сказал:

— Ты еще раз подтвердил мою правоту. Шаман — не просто колдун. Это очень сильный маг. И очень злобный. Оставь его, Конан. Это теперь моя битва.

— Так что же ты медлишь?!

— Все не так просто, — покачал головой Джерим. — Шаман много раз встречал восход солнца, и с каждым

восходом его мощь росла. Для борьбы с ним надо привлечь такие силы, о которых ты даже не подозреваешь.

— Ты боишься? — изумился киммериец.

— Нет, — даже не обиделся чародей. — Он не сможет победить меня. Но если я не подготовлюсь к решающей схватке, пострадают люди. Ты ведь не хочешь этого?

— Не хочу. Но как долго еще ждать?

— Он сам должен бросить мне вызов. Думаю, это скоро произойдет.

Конан не любил и не умел ждать, однако приготовился поскучать немного, пока не наступит пора распрощаться с душой Млеткена и отправляться назад, где его ждет совсем другая жизнь, полная приключений, опасностей, бед и наслаждений. Но долго скучать ему не пришлось. К вечеру вернулись охотники. Боги и море были милостивы к ним, и добыча оказалась великолепной. В этот вечер во всех домах появилось мясо, так много мяса, что его должно было хватить надолго. По этому поводу решили устроить праздник, самый настоящий: с угощением, песнями и танцами.

Побродив по свету и рассмотревшись на всякие диковинки, киммериец думал, что его уже трудно чем бы то ни было удивить. Однако он ошибался. На праздник собралось все стойбище. Старики и дети образовали круг, а все остальные устроились позади. Почетных гостей, вернувшихся Анкалю домой, посадили вместе со стариками, оказывая тем самым Конану и Джериму великую честь.

Сначала самый старый охотник рассказал гостям длинную легенду о том, как бог моря Ульвурган, бог солнца Тнарган и богиня тундры Уакат породили ветланов и обучили их жить в мире и трудах. Затем Араро, лучший певец стойбища, спел несколько охотничьих песен, которые тут же подхватили все собравшиеся. Песни были длинными, заунывными, и не толкну Джерим в бок киммерийца острым локтем, тот непременно бы захрапел и насмерть обидел бы гостеприимных хозяев. Анкаля, за время своих мытарств научившаяся говорить на других языках, переводила гостям и легенду, и песни, но варвару от этого было не легче: песни ветланов казались Конану простым пере-

числением всего, что замечали вокруг зоркие глаза опытных охотников. Он зевнул, с большим трудом скрывая скуку, и подумал, что лучше бы им принесли чего-нибудь поесть...

Словно отвечая на невысказанное пожелание гостя, ветланы расступились, и несколько человек внесли в круг угощение. Сначала гостям предложили отведать тонко наструганной сырой рыбы. Конан, понимая, что обижать хозяев нельзя, осторожно положил в рот маленький кусочек. К его удивлению, это оказалось довольно вкусно, и если бы добавить немного соли, то такая еда даже могла доставить определенное удовольствие. Но соли ветланы не знали и никогда не употребляли ее. Так что пришлось киммерийцу довольствоваться совершенно пресной пищей, что, однако, нисколько не испортило ему аппетита.

Следующим блюдом была мороженная оленина, которая показалась варвару безвкусной, но он покорно сжевал ее и даже нашел в себе силы благодарно улыбнуться. Однако долго ему улыбаться не пришлось, ибо щедрые хозяева предложили дорогому гостю изысканное лакомство: найденные в желудке оленя непереваренные остатки ягеля. Собрав все свое мужество, Конан решительно проглотил отвратительную, на его вкус, чуть кисловатую кашку. И буквально через несколько мгновений почувствовал, что, если прямо сейчас не покинет сборище, лакомство брызнет из него фонтаном. Он пробормотал слова извинения и стремглав кинулся прочь. Анкаля быстро проговорила что-то, и старики удовлетворенно закивали головами.

Когда слегка побледневший киммериец вернулся в круг, уже произошла очередная смена блюд, и теперь все радостно жевали сырое мясо только что пойманного морского быка. После ягеля Конану было все равно, что есть, и он присоединился к пирующим. Правда, на какой-то миг он в душе позавидовал Джериму, который не ел ничего мясного и сумел объяснить эту свою странность ветланам так, что никто не обиделся на него. Когда подали горячий травяной отвар, варвар испытал невыразимое облегчение: праздничный обед закончился.

Однако за все свои мучения Конан был вознагражден, ибо теперь наступило время танцев. Такого блистательного зрелища ему еще никогда не приходилось видеть и вряд ли впредь посчастливится увидеть что-либо подобное. Ветланы не просто танцевали. Выросшие среди дикой природы, они были необычайно наблюдательными, и их танцы-игры скорее походили на удивительное представление.

Все присутствующие подвинулись, освободив побольше места для танцующих. Кто-то взял в руки бубен и начал тихо-тихо выстукивать мелодию. В круг вошел юноша, слегка согнув спину и плавно взмахивая руками. Он остановился, прислушиваясь, наклонил голову набок и вдруг стал удивительно похожим на ворона, выискивающего добычу. Долго ждать ему не пришлось, ибо в круге появилась «утка»: девушка, вразвалку передвигавшаяся на корточках, пропустив руки под коленями, и время от времени почесывавшая носом, словно клювом, плечо.

«Ворон» замер на миг и тут же бросился к «утке», зависнув над ней с расправленными крыльями. Еще чуть-чуть — и он бросится на жертву и начнет клевать ее. Но тут внимание «ворона» привлекла иная добыча. Повернув голову в другую сторону, он вытянул шею и, несколько раз взмахнув крыльями, отправился туда, где неожиданно оказалась раненая нарма. Худощавый юноша, изображавший ее, медленно вползал в круг, выбрасывая вперед руки, как лапы. Плотно прижатые друг к другу ноги волочились, напоминая хвост. Но силы, похоже, совсем покинули «нарму», и, вздрогнув несколько раз, она замерла.

Появился еще один «ворон», и оба набросились на «нарму», не подававшую никаких признаков жизни. Один «ворон» уселся на спину добычи и начал носом долбить ее спину. Второй «ворон» тем временем выклевывал жертве глаза. Неожиданно послышался глухой рык, и в круг медленно вошел «медведь». Испуганные «птицы» шарахнулись от «нармы». Однако они не спешили улетать, а уселись неподалеку, чтобы дожидаться, когда «медведь» насытится и уйдет, оставив им объедки. «Медведь» острыми когтями (растопыренной пятерней) провел по животу

«нармы», как бы вспарывая его, затем облизнулся и смачно зачавкал...

Конан не отрываясь смотрел на блестящее представление и потому не заметил, как в кругу появилось еще одно действующее лицо — самый страшный хищник. Шаман. Его сопровождали три женщины, каждая из которых держала в руках по два бубна. Великий словно возник из-под земли, и на миг все замолчали. Музыка смолкла, танцующие замерли, а потом попятились, освобождая Шаману место. Не говоря ни слова, старик сделал знак женщинам, и они начали выстукивать разные мелодии, удивительным образом сливавшиеся друг с другом. Великий вышел на середину, поднял руки над головой и застыл словно статуя.

— Не слушай музыку, — шепнул Джерим Конану. — Старайся думать о чем-нибудь постороннем.

Киммериец удивленно взглянул на него, но ничего не ответил. Чародей не сводил с Шамана глаз и только время от времени потряхивал головой, как будто пытался отогнать наваждение. Варвар же, повинувшись приятелю, старательно вспоминал свою лихую жизнь контрабандиста, одноглазого Ордо, красоток из различных таверн, извивавшихся под музыку. Музыка... Она манила, убаюкивала, покачивала, как в люльке...

Сам того не замечая, Конан полностью подчинился ритму, выстукиваемому на бубнах. Великий между тем уже не стоял как каменное изваяние. Прямо на глазах у изумленных людей черты его лица начали меняться, фигура приобретать совершенно иные очертания, и вот в середине круга возвышался уже не глубокий старик в длинной меховой куртке, а огромный морской бык с желтыми бивнями и получеловеческим лицом — сам Ульвурган, бог моря. Ветланы попадали на колени и прятали свои лица в ладонях, боясь навлечь на себя гнев божества, ибо, хоть охота и оказалась удачной, жертву Ульвургану еще не приносили. Неужели он явился за ней сам?

Морской бык поднял один из ластов и громовым голосом потребовал:

— Поднимите головы и слушайте меня!

Все подчинились, хотя в большинстве глаз горел панический страх. Ветланы понимали, что прогневали Ульвургана, и готовы были заплатить любую цену, которую он сейчас им назначит. Но божество не успело произнести больше ни слова. Едва оно открыло рот, как Джерим зашелся в кашле, словно его грудь терзали десятки демонов. И прямо на глазах собравшихся грозный бог снова превратился в Шамана. Едва превращение закончилось, приступ кашля у вендийца прошел. Великий повернулся к дерзкому и сурово спросил:

— Кто ты?

Джерим ответил длинной фразой на языке, совершенно неизвестном ни Конану, ни тем более ветланам. Лицо старика исказила немыслимая гримаса, он резко развернулся и вышел из круга. Шаман собрал все свои силы, чтобы не побежать. Впервые за долгие годы ему было страшно, страшно так, что мысли путались в голове и земля уходила из-под ног. Фраза, которую он услышал от незнакомца, напомнила Великому о самом страшном преступлении, свершенном им много лет назад. Ужас ледяной волной окатил старика. Этот высокий стройный юноша с такими странными рыжими глазами принес ему смерть. Угроз Конана Шаман не испугался, ибо обладал такой силой, что ни один смертный не мог причинить ему вреда, но второй чужак... Слова, произнесенные им, огненными буквами горели в мозгу колдуна, терзали его душу, пробуждая воспоминания, которые он столько лет старался заглушить. И вот теперь, когда ему это удалось, когда он успокоился и уверовал в свое бессмертие, все рухнуло. Не думал он, что смерть все-таки настигнет его, придет так внезапно, так не вовремя. А может, и киммериец не так прост, как кажется? О боги! Сколько неразрешимых вопросов сразу обрушилось на его седую голову!

Животный ужас гнал Великого домой, но лицо старика не выражало ничего, напоминая застывшую маску, в то время как его мозг лихорадочно работал. Надо было срочно избавляться от непрошенных гостей. Но как? Ветланы — народ миролюбивый и добросердечный, они никогда не

нарушат законов гостеприимства и не причинят гостям никакого вреда. Значит, надо убедить их, что чужаки принесли с собой зло. Что с их приходом на северный народ обрушатся всевозможные беды. И тут Великого осенило. Он остановился, и по морщинистому лицу разлилась блаженная улыбка. Он придумал, как настроить людей против чужаков! Пусть ни у кого не поднимется рука на гостей, но ведь их можно прогнать! А издалека этот рыжеглазый юнец не сможет дотянуться до него. Вряд ли он обладает достаточной для этого силой. Во всяком случае, свою драгоценную жизнь Шаман сумеет сохранить.

Вернувшись в свой умран, который заботливые женщины уже успели починить, старик прогнал всех и начал готовиться к сильному заклинанию. Когда-то давно, так давно, что теперь уже Шаман не мог и вспомнить когда, он научился общаться с силами природы. Теперь Великий намеревался обрушить на головы ветланов страшную бурю. Несмотря на преклонный возраст, голова Шамана работала прекрасно, а память еще ни разу не отказывала. Он без труда вспомнил нужные слова, произнес истинные имена ветра, снега, воды, солнца и заставил их вести себя так, как ему было нужно. Стихии негодовали, сопротивлялись, но не смогли устоять против человека, владеющего тайной истинных имен.

И Стихии ополчились против ни в чем не повинных ветланов. Казалось, небо смешалось с твердью земной. Солнце исчезло, словно никогда и не существовало. Невероятной силы ветер поднял еще не растаявший снег и закружил его в демонической пляске. Куски льда, плотные комья снега обломки деревьев и кустов скручивались в гигантские спирали и неслись по побережью, сметая все на своем пути. Огромные волны вставали стеной и с грохотом обрушивались на берег, круша лодки, унося в пучину людей. Умраны складывались и падали. Буря выла, стонала, вопила, и в ее смертном вое тонули крики, стоны и мольбы несчастных.

Посреди этого безумия стоял, воздев над головой руки, Великий Шаман, выкрикивающий заклинания. Вдруг он

хлопнул в ладоши, и Стихии покорно угомонились. Снова засияло солнце, море послушно втянуло назад дикие волны, ветер шершавым языком разровнял вздыбленную землю и затих. Разрушения оказались настолько велики, что ветланы даже не смогли сразу осознать, какая беда пришла на их землю. Уцелело всего несколько жилищ, погибли люди, пропали дети. Старики спешно отправились к Великому за помощью и советом, как делали это всегда, когда в стойбище случалось что-нибудь необычное. Шаман встретил их приветливо и, обеспокоенно вглядываясь в испуганные лица, сказал:

— Келе обозлились на вас, ветланы. Вы приняли чужаков как родных. Вы устроили праздник, не принеся жертвы Ульвургану. Вы разрешили вернуться сестре охотника, опозорившего себя ложью, и даже позволили ей прийти на праздник.

— Что же нам делать, Великий?

— Я попытаюсь договориться с келе. Я буду просить богов даровать вам милость. Но вы должны принести богатые дары, чтобы жертва была принята. А чужаки должны немедленно уйти из стойбища. И не только из стойбища. Пока они не удалятся отсюда на расстояние не меньше пяти дней пути, я ничего не могу обещать вам. И женщина пусть уходит с ними.

— Благодарим тебя, Великий. Ты всегда был добр к нам.

Если бы кто-нибудь из покидающих умран Шамана обернулся, он увидел бы довольную улыбку на лице старика. Его замысел удался! Скоро чужаки исчезнут из его жизни навсегда, все снова пойдет своим чередом. А этот наглый юнец, осмелившийся грозить ему, самому мудрому и сильному магу из всех когда-либо ступавших по этой земле, пусть кусает себе локти. Не должен ценок тявкать на седого пса, не может шакал противостоять матерому волку.

Старейшины вернулись в разрушенное стойбище и поведали всем, что сказал Великий. Люди, слушая их, согласно кивали. Шаман всегда умел договариваться с келе, и

никто не осмеливался ему перечить. Обсудив все между собой, решили направить к умрану Уквуны двоих: Таграя, лучшего охотника, и Айвана — самого старшего. Таграю очень не хотелось нести такую ужасную весть, ибо он всем сердцем любил Анкалю и вовсе не желал, чтобы она покинула стойбище, но слово старших — закон. Опустив голову, он поплелся следом за Айваном.

Уквуна и ее гости занимались починкой жилища, но, увидев приближающихся Таграя и Айвана, оставили свои дела, и хозяйка пригласила всех внутрь. Когда все уселись на мягких шкурах, старик сказал:

— Мы были у Шамана. Он сказал, что келе прогневались на наш народ. Нельзя было привечать чужаков. Нельзя было пускать обратно сестру того, кто осквернил себя ложью. Вы должны уйти.

— И ты поверил этим сказкам? — вскричал Конан. — Ваш Великий спятил!

— Великий стар и мудр. Он всегда заботился о нас. Не порочь его.

— Не горячись, Конан, — заговорил Джерим. — Прости его, Айван. Он молод, его язык иногда опережает мысли.

Киммериец удивленно взглянул на друга, но тот лишь улыбнулся ему в ответ, и Конан решил помолчать и посмотреть, что будет дальше.

— Анкаля, — вдруг встрепенулся Таграй. — Ты знаешь, что я всегда мечтал стать твоим мужем. И если тебе придется покинуть стойбище, я уйду вместе с тобой. Я так решил.

— И ты не горячись, Таграй, — повернулся к нему Джерим. — Я хочу обратиться к тебе, Айван. Скажи, в стойбище до нас появлялись когда-нибудь чужаки?

— Очень редко.

— А как вы принимали их?

— Так же, как и вас.

— И келе гневались?

— Никогда.

— Почему же они так рассердились сейчас? Ведь мы пришли с чистым сердцем и вовсе не желали никому зла.

— Может, потому, что вы привели сестру Млеткена?

— Даже если Млеткен и солгал, о чем никто, кроме Шамана, ничего не знает, почему его сестра должна отвечать за его ошибки? Она страдала в чужих землях и больше всего хотела вернуться к своему народу, который очень любит. Разве она поступила плохо?

— Нет. Ее вины тут нет.

— Вот видишь. Ты давно живешь, Айван. Ты тоже стар и мудр. Наверное, дело не в нас и не в Анкале.

Старик задумался. Он пытался понять, почему, когда он слушал Шамана — верил Шаману, а теперь, когда слушает этого спокойного и приветливого чужака, в его словах тоже звучит правда. Но ведь так быть не может. Кто-то из них ошибается или, что гораздо хуже, намеренно лжет. Но чужак искренне хочет во всем разобраться. Значит... Нет, этого тоже быть не может. Что же делать? Айван не заметил, что задал этот вопрос вслух.

— Что делать? — переспросил Джерим. — Не торопиться с решением. Расскажи всем о нашем разговоре. Давайте подумаем вместе.

Когда Айван и Таграй ушли, Конан поинтересовался у чародея, что происходит.

— Понимаешь, — пояснил маг, — бурю вызвал Шаман. Меня в Обители обучали управлять Стихиями. И он тоже умеет это делать. Он хочет выжить нас отсюда, запугав доверчивых ветланов.

— Если он устроил такое, то что же этот облезлый козел придумает дальше? — воскликнул киммериец.

— Пока не знаю, — ответил Джерим. — Но теперь я готов поспорить с ним.

День прошел совсем незаметно, словно был вдвое короче других. Все были заняты. Надо было восстановить поврежденные умраны, дать кров тем, от чьих домов не осталось и следа, разыскать тела погибших и, свершив над ними необходимые ритуалы, отнести несчастных в тундру, чтобы их души могли предстать перед Рутьаной. Сегодня у нее много гостей, много новых умранов появится в ее владениях, и чтобы старуха встретила их благосклонно, ей

приготовили щедрую жертву: каждый отбывающий в дальний путь нес с собой кусок свежего мяса морского быка.

От непрерывных хлопот и множества новых, совершенно необычных впечатлений Конан изрядно устал, и стоило ему коснуться щекой мягких мехов, как глубокий сон сморил его. Ему снились бескрайние снега. Он шел по белой пустыне, холодный ветер хлестал его по щекам, но он не сдавался. У него была какая-то цель, и он знал, что ни в коем случае не должен сворачивать с нечеткой тропы, освещенной неверным светом бледной луны.

Вдруг чьи-то легкие и очень холодные пальцы тихонько коснулись щеки киммерийца, и он мгновенно открыл глаза. Возле его ложа сидела на корточках очаровательная очень молоденькая девушка в тонких, полупрозрачных одеждах. Увидев, что Конан проснулся, она улыбнулась ему и приложила палец к губам, призывая к молчанию, а затем бесшумно поднялась на ноги и поманила варвара за собой. Сам не зная почему, он направился вслед за ночной гостью, даже не накинув меховую куртку и не обуваясь.

Снаружи было холодно, но Конан словно не ощущал мороза. Незнакомка, все так же не произнося ни слова, двинулась вперед. Ее босые ступни почти не касались снега, настолько легкой была ее походка. Киммериец быстро догнал ее и схватил за руку.

— Постой. Кто ты? Куда ты зовешь меня?

— Зачем тебе мое имя, варвар? — засмеялась она, и Конану показалось, что это зазвенели маленькие серебряные колокольчики. — Ты красив и могуч, у нас таких мужчин нет. Я хочу, чтобы ты вошел в мой умран и подарил мне сына.

— А где твой дом? — поинтересовался киммериец. — Я не видел тебя в стойбище.

— Ты многого еще не видел, — снова засмеялась престелница. — Смотри, вот он.

Она показала изящной ручкой куда-то в сторону моря, и Конан действительно увидел возвышавшийся вдалеке очень странный умран. Он был выше всех остальных в стойбище и покрыт шкурами какого-то неизвестного варва-

ру животного. Они были очень светлыми, серо-голубыми и походили на ткань из легкой утренней дымки.

На миг Конан ощутил нереальность всего происшедшего и тряхнул головой, стараясь отогнать наваждение, но ни дымчатый умран, ни прелестная девушка не исчезли.

— Ты живешь одна? — обратился он к незнакомке.

— Почему ты спрашиваешь об этом? — удивилась она.

— Чужой незнакомый мужчина ночью в твоём доме...

— Ах, вот что тебя смущает, — улыбнулась девушка. — Наш народ иначе смотрит на отношения между мужчиной и женщиной. Для нас главное — дети. Они должны быть красивыми и здоровыми. А наш ребенок унаследует память не только моего, но и твоего народа. Он будет самым лучшим в нашем стойбище.

Конан пожал плечами. Что ж, не ему менять чьи бы то ни было обычаи. Девушка мила и желанна, так почему он должен отказываться от ее ласк, которые она так настойчиво ему предлагает? Отбросив все свои сомнения, он решительно зашагал вперед, стараясь не отставать от чудесной спутницы, легкой и быстрой, как ветер.

Шли они довольно долго, и наконец перед киммерийцем возник серо-голубой умран. Осталось сделать всего пару шагов, затем быстро юркнуть внутрь, а там... Конан на мгновение помедлил, оттягивая грядущее удовольствие. Девушка остановилась у самого входа, обернулась и, увидев, что варвар не идет дальше, позвала его:

— Смелее, Конан. Что же ты медлишь? Я сгораю от нетерпения. Ну же, Конан...

Он уже совсем было собрался шагнуть вслед за ней, как сзади донеслось:

— Стой! Конан, стой! Ни шагу больше, иначе погибнешь!

Киммериец досадливо поморщился, но все же обернулся на голос. К нему со всех ног мчался Джерим.

— Ну чего тебе еще, вендиец? — рассердился Конан. — Девушка...

— Какая девушка?! Посмотри!

Конан взглянул туда, где только что стояла прекрасная незнакомка, и не увидел ничего. Он стоял на льду, а впе-

реди, всего в паре шагов, зияла огромная полынья, в которой плескалась черная вода. И сразу же он почувствовал, что холодный ветер пробирает его до костей, а ноги... Ноги почему-то не ощущали холода. Конан с изумлением взглянул вниз: его ступни побелели и стали твердыми, как дерево. Он нагнулся и пощупал ногу. Ничего, словно нога больше не принадлежала ему.

— Скорей! — крикнул подбежавший Джерим, накидывая на своего друга меховую куртку. — Скорей назад.

— Что с моими ногами? — ошарашенно спросил Конан.

— Ты отморозил их. Но это не страшно. Я вылечу тебя.

— Что это было?

— Шаман. Он никак не может смириться с нашим присутствием. Меня не обманет даже самая изощренная иллюзия, но ты — другое дело. Он хотел заманить тебя в полынья, и ему это почти удалось.

— А как ты...

— Я? Плохим бы я был чародеем, если бы не почувствовал, что тебе грозит опасность.

За разговорами они дошли до умрана Уквуны, где их встретили обеспокоенные женщины. Стоило Конану попасть в теплое жилище, как обмороженные ноги пронзила острая боль. Он застонал сквозь зубы и медленно опустился на спальные меха. Его била дрожь, голова пылала, словно из его роскошной гривы кто-то сложил костер. Анкаля поднесла киммерийцу плошку с отваром, а Джерим, пока Конан маленькими глотками поглощал питье, захлопотал у его ног. Великое искусство врачевания, которым был наделен вендиец, снова спасло его друга. Боль постепенно утихла, к ногам вернулась чувствительность, и Конан заснул крепчайшим сном без сновидений. Когда же он открыл глаза, от вчерашнего недуга не осталось и следа.

Шаман рассвирепел оттого, что в очередной раз потерпел неудачу, и начал действовать еще решительнее. И так как ветланы не торопились к нему с подношениями, а чужаки все еще не покинули стойбища, он снова начал созывать Стихии, чтобы на сей раз удар пришелся прямо по

непрощенным гостям. Каково же было его изумление, когда, едва начав читать заклинание, он почувствовал такое мощное противодействие, что слова застряли у него в горле. Неужели он ошибся в юнце и тот вступил с ним в поединок едва ли не на равных? Напрасно Великий грозил небу кулаками и посылал проклятия всему миру. На сей раз Стихии не подчинились ему. Тогда он решил: раз этот щенок напросился сам, что ж, он выйдет с ним один на один и уничтожит его. Пусть все видят, сколь велика сила Шамана! Он раздавит дерзкого, как мелкую суетливую букашку.

Гнев клокотал в груди Великого, ярость затуманивала взор, и он заторопился в стойбище, чтобы еще раз доказать всем, что никому не позволит становиться на своем пути. И даже если небо обрушится на землю, даже если сам он погибнет, он все равно одолеет врага, все равно не подчинится воле этого рыжеглазого.

Страшным полярным волком ворвался Шаман в стойбище и бросился к умрану Уквуны. Почувствовав его приближение, Джерим вышел ему навстречу. Короткое заклинание — и волка окружил огненный круг. Запахло паленой шерстью, зверь заскулил и вдруг завис над землей тяжелой снежной тучей. Огонь закружился на месте и, обернувшись сильным ветром, погнал тучу прочь. Камнем упала она с высоты и поднялась из сугроба могучим белым медведем. Тут же перед ним возник огромный морской бык. Он схватил хищника за голову лапами, на которых торчали острые длинные когти, и приготовился нанести решающий удар бивнями, но медведь ускользнул от него, приняв облик охотника с заточенным гарпуном в руках. Размахнувшись, он изо всех сил вонзил гарпун в спину быка, однако это был уже не бык, а крупный серый валун, и гарпун с треском переломился.

Как зачарованные следили за необычным поединком собравшиеся зрители. Такого никому из них еще не приходилось видеть, да и вряд ли еще когда-нибудь удастся. Конан вынул из ножен меч и держал его в крепко сжатом кулаке, чтобы рвануться на помощь другу, если понадобится.

ся. Но тот, похоже, пока прекрасно справлялся сам. Джерим надеялся, что старик устанет, замешкается, растеряется. Вот тогда-то и можно будет нанести решающий удар. Но Великий очень хотел жить, и потому поединок все еще шел на равных.

Самые невероятные хищники, порожденные смелой фантазией, рвали друг друга в клочья, злобные птицы, закрывавшие крыльями полнеба, щелкали острыми стальными клювами, огонь боролся с водой, снег с солнцем, деревья с кустарниками, заросли колючей травы душили благоуханные цветы, мускулистые исполины ломали друг другу ребра, но противники оказались достойными друг друга, и ни один не хотел уступать.

Постепенно Джерим начал терять силы. Конечно, на его стороне были молодость и сознание того, что он бьется за правое дело, но Шаман обладал гораздо большим опытом, а ненависть заставляла его кровь быстрее течь по жилам. Снова враги замерли друг перед другом, на сей раз каждый в своем облике. Шла жестокая ментальная схватка, незаметная для окружающих, но от этого ничуть не менее суровая.

Джерим раскинул плотные мысленные сети, пытаясь поймать в них мозг Великого и поработить его, но тот прожигал в ней дыры, и ячейки становились настолько крупными, что Шаман без особого труда ускользал из них. Тогда вендиец создал прочные тиски и начал сжимать ими голову старика, но тот сумел противостоять и им, и не только противостоять, но и перейти в наступление. Молодой чародей почувствовал, что слабеет. И тогда ему в голову пришла спасительная мысль. Сосредоточившись, он призвал на помощь Хранителя Мудрости и соткал из воздуха его образ. И, увидев перед собой благообразного старца, Великий затрепетал.

— Вот мы и встретились, Тхарата! — прогремел грозный голос, и Шаман, услышав свое истинное имя, мягко осел на землю. — Много лет тебе, клятвопреступнику, удавалось избежать возмездия. Признаться, я и сам начал сомневаться, что дождусь того дня, когда смогу взглянуть в

твои лживые глаза и заставлю остановиться твое черное сердце.

— Постой, учитель, дай мне хотя бы объясниться... Очистить душу...

— Как смеешь называть меня учителем ты, воспользовавшийся Высшим Знанием, чтобы творить зло? Разве учил я тебя жить в довольстве и сытости, обманывая ближних своих? Это я надоумил тебя торговать людьми? Это Мастера Обитатели подогревали твою ненасытную похоть? Что ты можешь объяснить? Какие слова есть у нарушившего великую клятву? И разве есть душа у смердящего сгустка отбросов?

— Да, я признаю свою вину, — залепетал Шаман. — Но не лишай меня жизни, и я искуплю ее. Я клянусь...

— Ты не можешь клясться, — нахмурил брови Хранитель Мудрости. — Ты уже однажды давал клятву и легко преступил ее. Неужели ты, ничтожный человечиска, думал, что можешь безнаказанно плюнуть в лицо первому Магу? Даже десяти жизней не хватит, чтобы искупить твою вину, настолько велика и тяжела она. Ты и сейчас цепляешься за свою жалкую жизнь, ибо превыше всего ценишь свою гнилую плоть. Но я не оставлю тебе ни малейшей надежды. Расставшись с телом, душа твоя не отправится на Серые Равнины, ибо ничем нельзя очистить ее. Она исчезнет без следа, испарится, растает.

— О справедливейший! — взмолился старик. — Ты не можешь быть так жесток даже по отношению ко мне.

— Жесток? — усмехнулся Хранитель. — Разве это жестоко — очистить мир от скверны? Многие поколения Мастеров и Подмастерьев мечтали об этом миге, когда расплата настигнет тебя. Ты содеял столько зла, что еще нескольким поколениям моих учеников надо непрестанно трудиться, чтобы залечить раны, нанесенные тобой всему живому.

— Но я... Я еще мог бы... Я так много умею... Я так долго копил опыт... Мои знания...

— Твои знания больше никогда не понадобятся тебе. В твоей душе я не вижу раскаяния, а значит, она не должна

существовать. В тебе не осталось ничего человеческого, ибо только добро и сострадание дает человеку право называться человеком. Ты ничто. Избравшему для себя путь Зла нет и не может быть пощады.

Ужас охватил Шамана и так сжал ледяными пальцами его сердце, что оно остановилось. Издав пронзительный крик, старый негодяй рухнул ничком на землю. Хранитель Мудрости повернулся к Джериму, положил руку ему на голову и с доброй улыбкой произнес:

— Я не ошибся в тебе, сын мой. Среди многих моих учеников, и славных, и достойных, только тебе была по плечу эта задача, и ты блестяще справился с ней. Больше я тебе не нужен, но, если понадобится, мой мозг и мое сердце всегда открыты для тебя.

С этими словами Хранитель исчез, а Джерим отер пот со лба и медленно опустился рядом с поверженным врагом.

Он смотрел на труп предателя, но почему-то не испытывал радости. Он ничего не испытывал. Поединок отнял у вендийца столько сил, что в его душе не осталось никаких чувств. Он просто выполнил свой долг. Конан бросился к другу и потрянул его за плечи:

— Ты в порядке?

— Да, — слабо улыбнулся маг. — Я просто очень устал.

Вдруг взор Конана затуманился, а когда киммериец вновь обрел способность ясно видеть, возле него стоял Млеткен. Сквозь коренастую фигуру охотника можно было смотреть, как сквозь прозрачную воду. Из толпы, окружавшей место поединка, донеслись возгласы изумления и ужаса. Млеткен поднял руку и обратился к соплеменникам:

— Не бойтесь меня. Мое тело давно мертво, а душа не покинула этот мир только потому, что жажда мести была настолько сильна в ней, что не отпускала ее. Теперь моя душа свободна, и ей пора предстать перед Рультаной. Будь счастлив, мой народ.

С этими словами образ Млеткена исчез, растаял, словно тонкий слой льда под сильными лучами солнца. Конан пояснил всем:

— Его душа жила во мне. Я нес ее с далекого юга. Она не могла успокоиться, пока Анкаля не вернется в родной дом и пока злой и лживый Шаман обманывает вас, пользуясь вашей доверчивостью. Теперь я могу уйти. Мне больше нечего делать тут. Вы славные люди, но мне больше по сердцу битвы и опасности, приключения и драки.

— А твой друг? — спросил Айван.

— Я пока не знаю, — отозвался Джерим. — Мне бы хотелось отдохнуть.

— Оставайся с нами, — предложил старик. — У нас больше нет Шамана, и келе набросятся на нас со всех сторон. А ты сильный маг. И добрый. Будь нашим другом и защитником.

— Помнишь, Айван, что я говорил тебе совсем недавно? — улыбнулся вендиец. — Никогда не надо торопиться с решением.

На следующий день киммериец покинул стойбище. Ему было жаль расставаться с Джеримом, которого он успел и полюбить, и оценить по достоинству. Но чем большее расстояние отделяло варвара от северной страны Ветлании, тем меньше сожалений оставалось в его душе. Он был воином, вором и контрабандистом, его неугомонная натура звала его вперед и вперед, огромный мир ложился под ноги, рука сжимала рукоять меча, который давно не пробовал крови врагов и истосковался в ножнах.

Ветланы, добрые и приветливые, нравились Конану, но он ни за что не согласился бы жить тихой и размеренной жизнью. Он не любил прямых, наезженных дорог. Другое дело — узкая, петляющая тропинка, где за каждым поворотом кроется неожиданность. Он мог дышать только вольным ветром, щедро сдобренным запахом опасности. Скорее вперед, на юг, где его заждался хитрый и ловкий Ордо, одноглазый приятель, в жилах которого тоже текла кровь разбойника и ловкача.

ЗАПАДНЯ

Глава первая

Ба, да никак это Пленси Скурато по прозвищу Гриб! Можешь не прикрывать свою гнусную рожу капюшоном, старый греховодник, я узнал тебя по бородавке на кончике носа!

— И я признал тебя, Гарчибальд Беспалый, хоть ты и воротил морду и кутаешься в плащ. Плащ у тебя, надо признать, отличный: ты, видать, специально разводил в нем моль, дабы устроить настоящее кружево из дырок!

— А что это у тебя под накидкой, старина Пленси, столь похожее на горб старца? Неужто тебя так скрутило во цвете лет?

— Вижу, и ты едешь не пустым в форт Либидум, Гарчибальд. Что это за штука приторочена к твоему седлу? Сдается мне, то копье, и древко его из осины, а наконечник серебряный...

— Глазастый ты, Гриб, ничего не скажешь. Я специально вымазал копье сажей, но от тебя ничего не скроешь. Молодец. Но и я малый не промах, хочешь, расскажу, что ты несешь на спине?

— Стоит ли, друг мой? Ну мало ли чего таскает в котомке усталый путник: одежду, пресные лепешки, кусок сушеного мяса...

— Мясо зайца, хитроумнейший Скурато, и не просто мясо, а лапки, отрезанные горбуном у сего несчастного зверька в ночь полнолуния на погосте! Надеюсь, ты не забыл, что заяц должен был лишиться жизни не иначе как

при полной луне и с помощью шнура, скреплявшего косу девственницы?

— Желательно рыжей девственницы, Беспальй. А позволь осведомиться, что за дивный запах, от которого зажал бы нос и последний нищий в трущобах Тарантии, щекочет мне ноздри? Уж не твой ли воротник из шкурок бродячих котов, надетый поверх кольчужной рубашки, издает столь сильное благоухание? С этим ты, пожалуй, переборщил: достаточно было бы пары хвостов, приколотых к наверху шлема.

— Кто знает, дорогой Гриб, что достаточно, а что нет в нашем деле. Ты ведь тоже не ограничился заячьими лапками, слишком велика торба под твоим плащом. Что там еще? Кольца Иштар? Корень мандрагоры, вырытый под виселицей, в том месте, куда упало семя повешенного? Порошок Черного Лотоса пополам с истолченной перечной лианой? Я угадал?

— Частично, друг мой. Подозреваю, и я не ведаю всех твоих секретов.

— Во всяком случае, Гриб, нет тайны, ради чего мы оба прибыли в Либидум. Не станем делать вид, что привели нас сюда дела слишком различные,— мы не юнцы, и честолюбие не заменяет нам осторожности. Будем держаться вместе, или ты предпочитаешь метнуть ножи?

— Никогда не против сыграть в эту игру, старина, но только не с тобой и не сейчас. Ты прав, лишь юноши, не обремененные знанием жизни, хватаются за рукоять хассака при каждом удобном и неудобном случае. Уж коли судьба свела нас при въезде в удел старика Партера, останемся друзьями. Во всяком случае, до тех пор, пока нам обоим это выгодно.

Сей разговор, могущий склонить любого постороннего слушателя, ежели бы таковой оказался поблизости, к мысли, что беседующие являются по крайней мере записными чернокнижниками, происходил на пыльной дороге, ведущей к дубовым воротам форта Либидум, укрепленного городка, стоявшего на берегу реки Боевого Скакуна посреди земель, именующихся Боссонскими Топями.

Боссонские Топи, отделявшие величайшую державу Хайбории Аквилонию от диких и мрачных Пустошей Пиктов, населенных дикарями, некогда, как утверждали иные грамотеи, явились причиной раздора между богами, так и не сумевшими договориться между собой: благословить или проклясть сей край, где среди малярийных болот и многочисленных ручьев лежали участки плодороднейших черноземов, способных прокормить самого ленивого хлебопашца.

Собственно, лень и спокойное благоденствие подданных, вызванные усилением военного сословия аквилонцев, способного защитить свои уделы от набегов свирепых, но менее организованных племен киммерийцев, а также дикарей Пограничного Королевства, именуемого так скорее ради удобства произношения, нежели в силу истинного положения дел, равно как и от войск немедийцев, народа воинственного, но раздираемого междоусобицами, заставили некогда короля Хагена обратить свои взоры на закат, туда, где лежали пределы пиктов, потомков древних переселенцев из-за моря, столь невежественных, что предпочитали они до сих пор каменное оружие железному. Закованные в броню рыцари Аквилонии с огнем и мечом прошли от границ своей державы до реки Черной, уничтожая пиктов именем Митры, вырезая целые деревни, сажая мужчин на колья и насилуя женщин. На берегу реки Громовой был возведен форт Велитриум, ставший столицей нового края.

Пикты ответили отчаянным сопротивлением, применяя против аквилонцев столь же жестокие и коварные методы ведения войны, как и сами завоеватели. К счастью для хайборийцев, дикари были разделены на множество племен, неспособных объединиться в единую силу. Это помогло Аквилонии постепенно очистить свою западную границу от пиктских племен и обжить эти дикие местности.

Король Хаген разделил новые территории на четыре части: Конаджохару, Орисконти, Конавагу и Чохиру — и назначил правителем каждой своего доверенного вассала. Эти нобили были обязаны предоставлять земельные наделы на вверенных им территориях каждому, кто имел силы и желание удержать их и дать отпор набегам пиктов. В

Боссонские Толи потянулись различного рода авантюристы, беглые каторжники и просто люд, уставший от притеснений, чинимых в цивилизованных землях феодалами, полагавшими всякое свое действие угодным богам и даже не трудившимися ставить свечу за невинно убиенные души своих ленников и вилланов. Постепенно в новых провинциях, называемых отныне Свободными Землями, поселились люди отчаянные, презирающие всяческие законы, кроме закона собственной силы, и не ставящие ни в грош ни пиктов, ни эмиссаров центральной власти, наезжавших время от времени из стольной Тарантии, дабы объявить о восшествии на престол очередного самодержца.

Впрочем, королей Аквилонии долгое время устраивало подобное положение вещей. Во-первых, земли державы избавлялись естественным образом от лихих людей, предпочитавших вольницу Свободных Земель строгостям судебных чиновников, во-вторых, сии отчаянные головы создали надежный барьер на пути проникновения дикарей в более цивилизованные края. Эту политику проводили и наследники Хагена, вплоть до короля Нумедидеса, владевшего Аквилонией ко времени описываемых событий.

Однако пикты не были столь слабы, как рисовали дикарей придворные стратеги. Вскоре произошло восстание, которое возглавил пиктский колдун Зогар Саг, после того как был захвачен и оскорблен аквилонскими пограничными отрядами. Он сумел привлечь на свою сторону вождей нескольких кланов около Конаджохары, которые объединили свои силы, чтобы напасть на аквилонцев. Зогар Саг сумел отравить несколько колодцев в форте Тусцелан и повел пиктских воинов на штурм укрепления. За одну ночь форт Тусцелан и вся Конаджохара были потеряны. Из семисот пятидесяти человек, составляющих гарнизон Тусцелана, в живых остался только один...

После падения Конаджохары многие поселенцы бежали в Орисконти или Чохиру, но другие основали новые поселения близ форта Тхандара на реке Боевого Скакуна, южнее Чохиры. Эти обнесенные крепкими деревянными стенами городки, среди которых был и Либидум, впоследствии вы-

росли в собственную провинцию Тхандара, во главе с избранным губернатором, и только номинально входили в состав Аквилонии.

Король Нумедидес, занятый делами более важными, почти не обратил внимания на вновь созданную провинцию. Он не стал посылать туда отряды и одобрил кандидатуру губернатора Бранта, сына Дрого. Тхандарцы образовали собственную армию, состоявшую из прославленных боссонских лучников и отрядов сорвиголов, именуемых следопытами, построили укрепления и сумели успешно отразить набеги дикарей без помощи Аквилонии. Каждый форт обзаводился своими гарнизонами, во главе которых стояли избранные начальники, именуемые шарифами. Они совмещали военную и судебскую власть и пользовались беспрекословным авторитетом — до тех пор, пока жители их терпели и не выбирали нового голову. Форт Либидум в те времена процветал под рукой шарифа Партера, старого рубаки, снискавшего славу еще во времена первых вылазок за Громовую реку.

Двое беседовавших на пыльной дороге принадлежали к славному племени людей, именующих себя следопытами. Были то люди вольные, веселые и опасные. В Аквилонии многих из них ждала виселица, здесь же они ходили в героях.

Небольшими отрядами, а то и в одиночку проникали эти отчаянные головы за Черную реку, в гиблые места, безраздельно принадлежавшие дикарям, чтобы свершить месть, провести разведку, а то и просто пожить в пиктских селениях: от Гандерланда до Пуантена за экзотические безделушки, добытые зачастую ценой жизни целых селений, платили хорошие деньги. Несколько севернее жили пиктские племена, умевшие варить чудный вересковый мед, тоже бывший целью набегов. Секрет напитка хранился дикарями пуще жизни, недаром и поговорка имеется: «Молчит, как пикт о вересковом меде».

А ежели ты ходишь в гиблые земли, так умей не только от стрел и каменных топоров обороняться. Шаманы и друиды пиктские, даром что грязные да нечесаные, волш-

бой владеют изрядно, а потому набор оберегов и магических предметов для любого следопыта — дело обязательное.

Но на сей раз вовсе не предстоящая вылазка в Пустоши привела Пленси Скурато и Гарчибальда Беспалого к воротам Либидума, и предметы, перечисляемые обоими в пику друг дружке, были весьма необычными.

Гарчибальд Беспалый был мужчина статный, горбоносый и смуглый — родом из Пуантена. Он восседал на крепкой лошади и посматривал на собеседника свысока, чему способствовали остатки сословной гордости: Гарчибальд некогда принадлежал к не слишком знатному, но все же баронскому роду. Пленси, напротив, был тощ, белобрыс и вертляв. Где он родился, не знал никто, включая самого Гриба. В Либидум он прибыл пешком. И все же ни тени подобострастия не было в облике худосочного следопыта: в Боссонских Топях зачастую не сила важна, а хитрость и опыт. Опыта Скурато было не занимать, и Беспалый о том прекрасно ведал.

— Предлагаю отправиться в таверну «Волчий зуб» и обсудить все за чаркой доброго вина, — предложил пуантенец. — Один, как говорится, в поле не воин, а двое...

— Трое, — сказал Пленси, указывая на дорогу.

Гарчибальд обернулся и увидел всадника, неторопливо к ним подъезжавшего.

Всадник сей привлекал внимание с первого взгляда. Был он рыж, огромен и обликом своим подобен глиняному истукану, только что вынутому из печи для обжига. В руках он держал длиннющее копье, украшенное вместо вымпела плохо выделанной шкурой какого-то животного, за спиной висел огромный круглый щит, а к седлу были приторочены булава и тяжелый арбалет, из тех, которые устанавливают на специальные треножки, чтобы посылать стрелы в защитников крепостей.

— Да никак это Гуго Пудопалый, — удивленно молвил пуантенец, приставив ладонь козырьком к глазам: всадник ехал со стороны заходящего солнца.

Гуго двигался на них, как осадная машина на крепостную стену.

Завидев стоявших посреди дороги, он что-то глухо прорычал и положил поросшую рыжим волосом лапу на рукоять огромного двуручного меча, бившего по задним ногам его лошади.

— Тот самый Гуго, — ухмыльнулся Пленси, — который как-то в одиночку одолел две дюжины пиктов. Говорят, дикари не смогли стащить его с лошади и от позора вскрыли себе животы.

— А еще говорят... — начал было Беспалый, но тут рыжий великан привстал в стременах, разинул пасть и гаркнул:

— С дороги, канальи!

Гарчибальд и Скурато переглянулись. Подобный вызов в Свободных Землях значил только одно: немедленный поединок на метательных ножах. Правда, Гуго не признавал местных традиций: всякому оружию он предпочитал свой двуручный Трипамадор, которым был способен сокрушить дубовую рощу.

— Я как раз хотел заметить, что, по слухам, наш Пудопалый не отличается хорошим зрением, — быстро проговорил пуантенец.

— А у нас есть дело поважней, чем дорожная драка, — так же торопливо молвил Пленси.

Он шагнул на обочину, Гарчибальд осадил коня на другую, и рыжий верзила проследовал мимо, гордый, как перзрелая девица накануне свадьбы, и величественный, как Железная Башня стольной Тарангии.

— Ты заметил? — спросил пуантенец, когда лучи закатного солнца запылали на медной оковке щита за спиной Гуго. — У него на шее связка чеснока.

— Да, — кивнул задумчиво Пленси. — И разит от него так, словно наш Пудопалый поглотил всю чесночную колбасу во всех тавернах Свободных Земель.

Глава вторая

Катль на тауранском наречии значит «кот». Провинция Тауран граничит с Боссонскими Топями, и немало тамошних словечек перекочевало в жаргон боссонцев. Хотя боссонцы и презирают своих соседей и называют их «бычеглазой деревенщиной, не знающей леса». Презирают, потому что тауранцы, бывшие некогда форпостом Аквилонии на западе, теперь остались в тылу Свободных Земель, хотя и продолжают считать себя защитниками величайшей державы хайборийского мира.

Катль значит также «кошачий коготь», а боссонцы именуют этим словом метательный нож, столь популярный в Свободных Землях. Пожалуй, более популярный, чем тяжелый лук, коим в совершенстве владеет каждый здешний воин. Но войны живут на довольствии, а нож — принадлежность всякого свободного человека, и от того, как ты им владеешь, зависит и твой кусок пирога, и сама жизнь.

Посему прозвище «Катль» за просто так не дается. Надобно его заслужить, а Бэда его заслужил и готов был отстаивать, пока рука не ослабеет.

Бэда был человеком от природы незлобивым и любил улыбаться. Во всяком случае, в прежние времена. Улыбался он по-простецки, растягивая толстые губы, а крепкие щеки, гладкие и упругие, розовели при сем, как у младенца.

Теперь его здоровая физиономия несколько подвыцвела, кожа приобрела сероватый оттенок, а густые брови чернели, словно нарисованные сажей, и под ними время от

времени вспыхивали холодной сталью серые глаза — так блещет клинок кинжала, неосторожно приоткрытый темной полой плаща... И когда он, стоя возле ограды дома шарифа Партера, чему-то недобро улыбался, легко было понять, почему форт Либидум, да и, пожалуй, вся Тхандара, с некоторых пор боится этой улыбки куда больше, чем хмурого, исподлобья взгляда Бэды Катля.

Крупные звезды усыпали небо, и в окнах бревенчатых домов Либидума зажглись огни, когда Катль, уставший от длительного ожидания, потянулся, как кошка, собирающаяся на ночную охоту, и как кошка выпускает когти из мягких замшевых подушечек на лапах, так Бэда вытащил из-за левого плеча тяжелый нож-хассак с наборной ручкой, ласково взвесил его на длинных пальцах и любовно упрятал обратно в ножны.

Проделав это, он легко преодолел невысокий забор, отделявший двор шарифа от улицы, и быстро зашагал к дому. Заглянув в окна и удостоверившись, что Партер отсутствует, жена и слуги хлопочут на кухне, а сторож, коему надлежит бродить в ограде с колотушкой, мертвецки пьян, Бэда обогнул дом и через веранду легко проник внутрь. Он неплохо знал расположение комнат и легко отыскал помещение, служившее шарифу кабинетом. Поставив удобный стул в дальнем углу, Катль уселся, скрестил на груди руки, уперся затылком в стену и закрыл глаза. Он отлично знал, что, если в ночной темноте опустить веки, все чувства начинают работать более изошренно. Первая часть плана прошла гладко, теперь следовало немного подождать и поразмыслить.

Перед мысленным взором Бэды мелькали картины его бурной и далеко не праведной жизни.

Кто была его мать, он не ведал, папаша же, обладатель красного распухшего носа и желтых клыков, столь длинных, что они всегда торчали из-под верхней губы, был существом злобным, грубым и недалеким. Папашу часто били, заодно доставалось и сыну, которого старый пьяница таскал за собой, заставляя просить подавание и петь жалобные песни. Били, однако, не до смерти: невинная пухлая физио-

номия ребенка, столь отличная от страшной рожи папаша, вызывала в сердцах экзекуторов если не снисхождение, то хотя бы некоторое недоумение, гасившее боевой пыл. Что и говорить, старик протянул до шестидесяти годов только благодаря располагающей внешности сына.

Из своих детских впечатлений Бада вывел два умозаключения, повлиявших на его дальнейшую жизнь: во-первых, когда бьют, это очень неприятно, во-вторых — он обладает некими способностями, отличающими его от других людей.

Последнее открытие он сделал в роковой день, когда пьяные служители Галпаранского цирка насмерть забили дубинками его родителя. Не иначе сам Нергал шепнул старику попытать счастья и устроить будущее наследника, а заодно и свое собственное. Они отправились к владельцу шатра, юный Бада спел свою самую жалобную песню и неумело прошелся на руках вокруг арены. Песня вызвала громовой хохот грубых циркачей, а хождение на руках — пинки, коими их и погнали в дождливую ночь.

Катль поехал, вспомнив, как плюхнулся лицом в жидкую грязь, посреди которой, словно дивный остров в холодном море, плавал волшебный дворец, расцвеченный гирляндами масляных ламп. Галпаранский цирк процветал, и едва ли не самой большой его гордостью, наряду с карликами, акробатами и слонами, были пять огромных фонарей, забранных цветными стеклами и озарявших вход в обитель чудес — желтый, красный, зеленый, синий и фиолетовый.

Поднявшись из лужи, родитель что-то злобно пробормотал, нащупал под ногами камень и запустил его в цветные огни старческой беспомощной рукой.

Камень, конечно, не долетел и глухо стукнул в брезентовую стенку цирка.

«Да сгорит сие место разврата, да покроют язвы рожу нечестивого Заббармана, кол ему в задницу!» — такими словами сопроводил свое действие покойный папаша.

И еще он добавил, что Митра, видно, наказал его за грехи тяжкие, послав сына, напрочь лишенного голоса, слу-

ха, а также иных талантов и достоинств, способных облегчить его собственную судьбу, равно как и участь престарелого родителя. Если не считать пухлой невинной физиономии, которая Баде больше не пригодится, поскольку престарелый родитель собирался испортить ее напрочь и бесповоротно.

Страх за собственное лицо и жалость к отцу смешались в сердце отрока, посему он поднял увесистый булыжник и пустил его в красный фонарь. Он метил именно в красный, так как цвет этот был для него самым ненавистным, напоминая о вечно маячившем перед глазами отцовском носе. Фонарь со звоном лопнул, и в грязь полетели сверкающие осколки.

«Славно, — ощерил клыки старикан, — а теперь давай в желтый!».

Следующий камень угодил точно в обозначенную цель. Юный Бада вошел во вкус.

«Сейчас треснет синий», — объявил он и тут же исполнил обещание, метко послав следующий булыжник в фонарь нужного цвета с расстояния никак не менее пятидесяти шагов.

Старый пьяница снова плюхнулся в лужу и принялся кататься в грязи, корчась от хохота.

«Ай да сынуля, — неслось из хлябей, — ай да наследничек, кол тебе в задницу! Уважил старика, потешил...»

«Зеленый!» — возгласил Бада гордо.

Изумрудные брызги обрушились великолепным стеклопадом как раз на головы выбегавших из цирка людей во главе с самим хозяином Заббарманом.

Погоня была недолгой. Отец и сын плохо знали Галпаран, в котором оказались впервые, а потому заскочили в тупичок, упиравшийся в глухую стену. По какой-то неведомой надобности строители вбили в кладку железные скобы, и Бада с ловкостью кошки взлетел по ним на крышу строения. Родитель же, испуганно пыхтевший сзади, сорвался под ноги преследователей и нашел в этом глухом проулке смерть: на сей раз мстители оказались безжалостными и превратили тело старика в кровавое месиво.

Когда Бэда спустился из своего убежища, все было кончено. Он завернул тело в дырявый плащ и закопал на пустыре, опасаясь выносить за городские ворота.

Несколько лет Бэда скитался по Аквилонии, приворовывая, перебиваясь случайными оказиями, гнул спину на подневных работах, терпел унижения, холод, голод и иные тяготы и лишения бродяжнической жизни, пока не оказался наконец в Боссонских Топях.

Надобно заметить, что Свободные Земли влекут многих именно возможностью изменить судьбу, разбогатев быстро и с наименьшим ущербом для себя. Иные делеют надежду обогатиться в набегах на пиктские земли, другие предпочитают грабить единоплеменников, служаки рассчитывают на богатое довольствие, причитающееся за крепкую руку и верный глаз, честолюбцы надеются достичь высокого положение не родовитостью и знатностью, а исключительно умением заговаривать зубы и расточать обещания.

Что ж, случалось и бывшему конюху стать шарифом, но Бэда обрел свою фортуна не в пиктском капище и не в ручье, несущем золотые песчинки: он нашел сокровище в себе самом.

Он понял, что ножи, посланные в цель, всегда эту цель настигают — подобно камням, разбившим некогда фонари Галпаранского цирка.

Глава третья

Брайнт Ивкар, прозванный Великолепным, гроза Боссонских Топей, открыл глаза розовоцекому парню, похожему больше на ученика булочника, чем на демона, которым его вскоре стали считать многие. До их встречи Бэда носил при себе хассак, но, будучи от природы незлобивым и даже несколько робким, пользовался им исключительно в мирных целях: для резки хлеба и строгания пик, которыми бил рыбу в окрестных ручьях.

В тот памятный день Брайнт Ивкар пил в таверне «Три негодая», что и поныне стоит на главной площади форта Тхандара. Пил он в мрачном одиночестве: посетители, видя злоещее облако, покрывавшее грозный лик известного бандита, робко жались по темным углам за дальними столиками.

Каково же было их удивление, когда дверь таверны открылась и невысокий малый с пухлой полудетской физиономией, возникший в питейном заведении, бестрепетно направился к стойке и уселся на высокий табурет рядом с Ивкаром.

Бандит с трудом приподнял левое веко и в полном недоумении уставился на нахала.

Нахал заказал стопку хайреса пополам с водой.

Брайнт поднял правое веко.

«Я сегодня неплохо заработал,— дружески сказал ему розовоцекий незнакомец,— удачно продал форель. Разрешите вас угостить?»

«Форель?» — спросил Ивкар, скривив свою рябую физиономию так, словно услышал нечто весьма отвратительное.

«Отличная форель, месьор, восемь здоровенных рыбин. Что вам заказать?»

Бандит молчал. Подавальщик за стойкой принялся поспешно убирать с полок самое ценное. Некоторые посетители украдкой стали пробираться к выходу.

«Ты меня оскорбил, — сказал наконец Брайнт. — Пойдем на площадь, я всажу нож тебе в горло.»

И, не оглядываясь, направился к дверям, положив ладони на рукояти длинных хассаков, висевших в кожаных, украшенных бисером ножнах у него на бедрах.

«Увы, мой юный друг, — успел шепнуть таверщик Бэде, прежде чем молодой человек последовал за своим неожиданным противником, — Брайнт Ивкар очень не любит, просто терпеть не может форели...»

Поединок вершился по всем правилам на залитой полуденным жарким солнцем площади Тхандары. Брайнт в совершенстве владел метательным искусством и отправил на Серые Равнины не один десяток дерзнувших «поиграть в ножички», но на сей раз коса нашла на камень. Когда тяжелый хассак Ивкара, вылетевший от правого бедра бандита, словно ядро из аркбаллисты, запел в знойном воздухе песню смерти, нож Бэды встретил его на полпути и сбил на землю.

Удивленные возгласы зрителей возвестили, что тхандарцы поражены не меньше, чем если бы увидели перед собой отряд пиктов, вооруженных железными мечами.

«Что это ты сделал?» — спросил Брайнт, приписав оказию хмельным парам, затуманившим его глаза.

«Отбил ваш удар, — спокойно отвечал Бэда. — Иначе мы оба были бы уже мертвы.»

Бандит расхохотался.

«Мальчишка! — всхлипывал он, хлопая себя по ляжкам. — Ты что же, думаешь, что можешь одолеть самого Ивкара?! Помолись Митре, или кому ты там молишься: я намерен продолжить!»

С этими словами он сжал рукоять второго хассака.

«Но у меня только один нож», — сказал Бэда. Ему очень не хотелось умирать в такой прекрасный день, однако ножи за левым плечом были пусты.

«Один?! — взревел его противник. — Да ты спятил, парень, если разгуливаешь по Боссонским Топям практически безоружным! Ну, счастлив твой бог, что ты до сих пор жив. Подними свою железку и сразись с настоящим мужчиной!»

Бэда подобрал нож, и все повторилось: следующий бросок Ивкара был отбит столь же точно и неотвратимо.

Зрители на сей раз просто онемели. Все отлично знали, что Брайнт носит при себе по крайней мере с полдюжины метательных ножей: у бедер — самые большие, способные при хорошем броске пробить кольчугу; по два за каждым плечом, размерами поменьше; и еще два маленьких, укрепленных в ножнах на запястьях, но эти в счет не шли — разили лишь на три шага и у настоящих воинов презрительно именовались «зубочистками».

Обладая подобным арсеналом, бандит мог спокойно превратить розовощекого незнакомца в подобие дамской подушечки для булавок, но делать этого не стал.

Ивкар подобрал свои хассаки, внимательно осмотрел нож Бэды, убедился, что на лезвии нет магических знаков, и протянул клинок молодому человеку.

«Ладно, парень, — сказал он как всегда мрачно, — хоть ты и упомянул при мне ненавистную рыбу, считай наш поединок оконченным. Брайнт Ивкар умеет ценить чужие таланты. Только заруби на своем пухлом носу: даже с подобным умением ты не протянешь в Свободных Землях до первой щетины на твоих розовых щечках. Уж на что я, Брайнт Великолепный...»

Вот тут Бэда снова метнул свой нож.

Бросок превзошел все ожидания: пролетев почти на расстояние выпущенной стрелы, клинок прочно засел в глазнице некой темной личности, таившейся на крыше ближайшего здания и уже поднимавшей свой арбалет, целя в голову Брайнта. Испустив жуткий вопль, человек кубарем скатился по кровле и застыл возле дощатых ступеней веранды.

«Засада! — заревел Ивкар. — Зуб Гулла вам в глотку! Ко мне, коняга!»

Он свистнул в два пальца, и из-за угла сарая вылетел великолепный гнедой жеребец. Бандит вихрем вознесся в седло, но, прежде чем он успел дать коню шпоры, длинная стрела боссонского лука вошла ему между лопаток и, пробив изнутри кожаный нагрудник, залила луку потоком крови. Ивкар еще держался в седле, когда два тяжелых болта, пущенных из арбалетов, разворотили его шею и затылок...

В поднявшейся сумятице Бэде удалось унести ноги. Он бежал в самые глухие места Топей, где отсиживался до осени, полностью посвятив время совершенствованию искусства, столь щедро отпущенного ему богами. Памятуя об ужасной гибели Брайнта Великолепного, он решил всерьез отнестись к преподнесенному небожителями дару и использовать его если не для блистательных подвигов, то хотя бы для сохранения собственной жизни.

Когда зарядили дожди, Бэда уже вполне освоил искусство «игры в ножички». Он облазил все близлежащие фермы и усадьбы, составив себе целую коллекцию клинков: от изящных дамских стилетов до кухонных ножей. Он научился метать их от бедра, из-за спины, лежа, в прыжке, с завязанными глазами и еще десятком других способов. Он крал у фермеров брагу, напивался вдрызг, а потом всаживал хассак с пятнадцати шагов в медную монету. Когда, проснувшись в пещере, где отсиживался после бегства из Тхандары, он обнаружил пригвожденную к корню летучую мышь и вспомнил, что ночью сон его тревожил какой-то писк, Бэда понял, что достиг совершенства и может освободить себя из добровольного затворничества.

Мудрецы утверждают: бывает чрезвычайно опасно, когда человек, независимо от возраста, осознает, что наделен свыше особыми качествами, отличающими его от других. Однако Бэда, осознав свои дарования, вовсе не возгордился. Бывает ведь, что рождаются люди, способные бегать быстрее других, или любить женщин по десять раз за ночь, либо ходить на руках по канату под куполом цирка. Все во

власти богов, и подобными способностями человек должен гордиться не более, чем какой-нибудь везунчик, совершенно случайно наткнувшийся на богатейший золотой рудник.

Так думал Бэда, обладавший от природы нравом ровным и незлобивым, но, продолжая сравнение, он полагал, что, точно так же как счастливчик, нашедший золотоносную жилу, не может не использовать чудесную находку себе во благо, так и он, Бэда, просто не вправе не использовать свои фантастические способности, дарованные ему не иначе как самим Мардуком, Небесным Воином.

Три года громких приключений и разнузданной жизни принесли ему славу и прозвище Катль, «кошачий коготь». Он заработал его холодным самообладанием, которое, вкупе с наивной физиономией, просто бесило самых опасных пройдох из тех страшных и свободолюбивых людей, что во множестве шастали по Боссонским Топям. Бесило и толкало к гибели.

В Свободных Землях мужчина считается взрослым, только когда первая щетина украсит его щеки и подбородок. И хотя Бэда был крепышом, способным побиться на кулачках с любым записным драчуном, многие принимали его за мальчишку. Эта ошибка стоила жизни двум рослым гандерландцам, с которыми Катль разругался в маленьком форте на севере Чохиры. Бэда был готов полностью возместить все расходы на похороны, но это не помогло: его схватили и отволокли в тюрьму.

Так Бэда впервые убедился, что сила не только у того, кто умеет метать нож: местные шарифы не зря избирались населением для защиты общественных интересов и зачастую вершили суд сообразно не справедливости, но произволу.

Катль бежал, еще год слонялся по Боссонским Топям, испробовал опасное занятие следопыта и скучное ремесло хлебопашца, пока судьба не закинула его в Либидум.

Он прибыл сюда, имея некоторые обязательства, вызванные все тем же поразительным умением метать ножи. Однажды, поупражнявшись в этом искусстве за много лиг от Либидума, он с удивлением обнаружил, что все взрослое

население городка, где он тогда обитал, гонится за ним по пятам с ужасными, полными звериной злобы воплями, явно собираясь вздернуть беглеца на ближайшем суку. Такая перспектива Катля отнюдь не устраивала, тем более что у него оставалась только одна «зубочистка», поэтому Бэда счел за благо вступить в переговоры и в качестве выкупа за троих пострадавших жителей предложил отыскать пользующегося дурной славой бандита-убийцу, известного под кличкой Черный Джок. Предложение было принято, и Катль пустился по следам Джок, ведущим в сторону Либидума, где негодяя ждала почти что любимая женщина.

Однако бандит куда-то затерялся, и Катлю пришлось провести две седмицы в праздном ожидании. За это время он сам стал жертвой девических чар, по уши влюбившись в дочь шарифа Партера, прекрасную Эллис, которая большую часть времени жила в Аквилонии у своего дяди-виконта и лишь дважды в год навещала отца, развлекаясь соколиной охотой и осмотром заброшенных пиктских капищ.

Эллис, существо крайне своенравное, предпочитала конные прогулки в сопровождении одного лишь прыщавого мальчишки-слуги, вооруженного маленьким арбалетом, более годным украшать стену женской спальни, чем защищать от опасностей, подстерегающих путников в Боссонских Топях. Так что, когда на девушку напал оплеть, невесть как заползший в эти освоенные людьми места из болотин за Черной рекой, Бэда явился как нельзя более кстати...

Но тут воспоминания Катля были прерваны шумом, раздавшимся из-за двери кабинета. Подкравшись на цыпочках к створкам и заглянув в замочную скважину, Бэда увидел ярко освещенную гостиную и красную рожу какого-то незнакомого фермера. Шариф Партер сидел за длинным столом с видом мрачным и непреклонным.

Это меняло планы Бэды. Он рассчитывал встретиться с шарифом один на один.

Глава четвертая

— Спасибо, шариф, я не буду садиться.
— Как хочешь, Баткин, если уж так торопишься...
— Прямо сейчас отправлюсь на ферму.

— Это ночью-то?!

— А вдруг он опять придет? Добро своим горбом наживал, так что терять его за просто так не хочется.

— Добро добром, а жизнь дороже, Баткин. Впрочем, как знаешь.

— Как знаешь! В том-то и дело, если бы я что знал, так к тебе бы не пришел. Чай, у самих луки да арбалеты имеются. Знаю я одно: вот уже с прошлого полнолуния какая-то тварь пользуется моими закромами, словно лавкой пьяного купца. Тащит все что ни попадя, а теперь и меня хочет погубить!

— Ну-ну, Баткин, спокойней, мы в Боссонских Топях, а не за стенами Тарантии.

— Стены! Говоришь — стены! Моя ферма обнесена двойным частоколом, но для этой бестии с Волчьих Холмов нет преград! Мало того, что он проникает повсюду, — когда я посылаю в погоню своих работников, ублюдку всегда удается скрыться!

— Прямо какой-то демон.

— Вот-вот, шариф, демон то и есть. Ни стрела его не берет, ни копьё...

— Ты все же сядь, Баткин. Выпьем винца, под него лучше думается. Мирта!

Шариф обернулся к дверям, ведущим на кухню, откуда немедленно появилась его жена, несущая большой запотевший кувшин и две кружки. Фермер смирился с неизбежным, уселся за стол и едва пригубил пьянящий напиток.

— Я уже слышал об этой бестии с Волчьих Холмов, — сказал шариф, делая добрый глоток. — Все мы о ней слышали. Дошло до того, что женщины пугают неведомым злодеем своих детей. Но — у страха глаза велики. И мне кажется, я могу объяснить, в чем дело, не прибегая к потусторонним силам. Когда ты прошлый раз поделился своей бедой...

— Прекрасно помню, — воскликнул фермер, — ты пытался меня убедить, что в Волчьих Холмах вовсе никого нет! Моя ферма-де стоит возле дороги, и мало ли какая шваль могла залезть в сарай...

— Но послушай, Баткин, разве я не с полным пониманием отнесся к твоим словам? Разве не взял я отряд и не прочесал Волчьи Холмы до самого Темного Провала? И что же? Четыре раза мы прошерстили местность вдоль и поперек и никого не обнаружили. А в отряде было немало известных следопытов. Скажи, разве они упустили бы твоего злодея?

— Не знаю я, — потупился фермер, — а только это еще не доказательство...

Краска залила широкое лицо Партера. Никто доселе не подвергал сомнению его репутацию отличного охотника и следопыта!

— Может быть, ты и прав, — сказал он, сдерживаясь. — Может быть, и ерунда, что лучшие следопыты Либидума перевернули холмы сверху донизу и не нашли не только самого злодея, но и никаких следов его пребывания. Может быть. А только сам подумай, Баткин, неужели бы он ни разу не спустился сюда, к нам, вниз, и не попользовался бы кладовыми жителей форта? А?

— Не знаю, — повторил Баткин уныло, — что я, с ним кашу ел? Все, что мне известно, так только то, что кто-то беспрестанно грабит мою ферму!

Шариф крикнул и осушил кружку. Он с удовольствием бы погнал фермера пинком под зад, но Баткин, Нергал его задери, был одним из его выборщиков, которым вскоре предстояло подтвердить вотум доверия главе местной власти: ему, Партеру. Или не подтвердить. А у фермера были друзья, у тех друзей — собственные, и слух о бесчинствах какого-то неведомого разбойника мог весьма повредить репутации шарифа, отвечавшего за спокойствие в здешних краях.

Партер принял официальный вид и разгладил седые усы, придававшие его плоскому некрасивому лицу нужный оттенок мужественности.

— Ладно, какими доказательствами вы располагаете?

— Он всегда делает одно и то же!

— В прошлый раз вы обнаружили след неизвестного человека и отсутствие целого окорока, после чего со своими людьми организовали преследование похитителя, пока не увидели его скачущим верхом на прекрасном гнедом жеребце. Полагаю, что расстояние на тот момент между вами и преследуемым составляло не более полета арбалетной стрелы.

— Гораздо меньше! Мы были так близко, что рассмотрели в лунном свете его черные волосы и голую спину, покрытую шрамами.

— Но вы не стреляли?

— Нет, так как надеялись взять злодея живым и доставить на суд!

Партер задумчиво глянул на фермера:

— Ты давно в Боссонских Топях, Баткин?

— Третий год, месьор.

— Мог бы усвоить, что в Свободных Землях сначала стреляют, а потом думают о судопроизводстве. Всади ты стрелу между лопаток того ублюдка, и нам не пришлось бы скучать, решая твою проблему.

Он снова налил из кувшина и залпом осушил кружку.

— Хорошо, ты продолжаешь думать, что именно этот человек все обворовывает вас?

- Не сомневаюсь!
- Доказательства?
- Вчера я опять видел его едва ли не в ста шагах!
- В ста шагах?
- И при этом лицо его было освещено!
- Это очень важно, Баткин, постарайтесь его описать.
- Думаю, шариф, это был Черный Джок.

Челюсть Партера поехала вниз, и из уголка рта потекла по подбородку тонкая струйка вина.

— Ты снятил,— хлюпнув горлом, выдавил старый воин,— Черного Джок убил этот псих Катль, ты помнишь...

— А только говорят, что Джок воскрес и прячется в Волчьих Холмах,— упрямо сказал фермер.

— Заткнись! — взревел шариф, опрокидывая графин и кружку.— Я никому не позволю марать мое честное имя и ставить под сомнение то, что говорю! Бада Катль прикончил Джок, а я арестовал Баду Катля и отправил в Тхандару! Губернатор Брант осудил молодца крошить камень в рудниках Немедийских гор, это все знают. Что ты болтаешь — Джок был мертвее мертвого, хассак вошел ему в правый глаз и раздробил череп! Как он мог уцелеть?!

Несчастный Баткин отпрянул, едва не упав с лавки.

— Да не я это придумал, шариф, видит Митра, не я,— забормотал он растерянно.— Стайв это, брательник двоюродный, он это решил, не сносить мне зубов до осени! Он этого парня возле сарая приметил, тот стоял себе под фонарем и зубы скалил. Стайв поднял тревогу, люди выскакивали и бросились в погоню. Вор перемахнул ограду, там его конь дождался, и махнул к Волчьим Холмам. Ребята мои за ним, и уже почти настигли, клялись, что видно было, как бешено тот скачет, но потом он вдруг так резко прибавил, что и след простыл. А только Стайв клялся матерью, что признал в скакуне Ситца, лошадь Черного Джок.

Ну, я, конечно, разозлился и поговорил с брательником. Словом, решили мы подстеречь черноволосого, кто бы он ни был, и устроили засаду на склоне. Слышим — спус-

кается. Стайв на него прыгнул и почти что сбил с лошади, да гад этот кулаком ему так в лицо саданул, что разделал как отбивную. Мои парни на коней — и за черноволосым... Куда там: он рванул прямо в холмы и, зуб отдам, словно растворился в темноте.

Подхожу я к брательнику, он на земле сидит, нос зажимает и говорит мне: «Слушай, Бат, а ведь это Черный Джок был, не иначе...»

Шариф гулко захохотал. Потом велел жене принести еще один кувшинчик. Наполнив кружку и отхлебнув, спросил Баткина:

— Не помер брательник-то?

— Да нет,— ответил фермер, довольный, что вспышка шарифского гнева, кажется, миновала.— Чего ему сделается. Только губы стали что у коровы.

— Если так звездануть, не то что Черный Джок, сам Мардук может привидеться,— сказал Партер.— Но ты говорил, неизвестный преступник покушался на твою жизнь. Это как же?

— А волка подослал,— пожившись, молвил фермер.

Лицо шарифа приобрело цвет хорошо выбеленного полотна.

— Волка?

— Здоровенный волчина, белый. Никому не говорил, но вам, шариф, все поведаю. Стайв считает, что это волколак, а оборачивается им сам Черный Джок. Пошел я давеча по малой нужде, а он сидит. Я штаны расстегнуть не успел, да так и обомлел: руки опустились, стою ни жив ни мертв. А тварь сия (храни Митра наши души!) подходит и берет меня за причинное место зубами. И вижу глаза чудовища — бездонные, и искры в них полыхают... Подержал несильно, отпустил и был таков. Но что с вами, шариф? Мирта! Мирта! Шарифу плохо!

На вопли фермера в столовую вбежала жена Партера в сопровождении щуплого невзрачного человечка в сером балахоне и круглой шапочке. Шариф, закатив глаза, сидел, откинувшись на спинку кресла, усы его уныло обвисли, по щекам ползли зеленоватые пятна.

Серый замухрышка принялась отпаивать Партера настоеккой из граненого флакона, который он извлек из кожаной сумочки, висевшей на груди. Шариф застонал, не открывая глаз.

В этот момент от входа послышались шум, возня, невнятные восклицания, потом дверь распахнулась, и на пороге возник рыжеволосый великан в полном боевом вооружении. С трудом уместив длиннющее копьё поперек комнаты, исторгая удушливый запах чеснока, пришелец ударил себя в грудь и, обращаясь к бесчувственному телу шарифа, возгласил:

— Гуго Пудолапый пришел убить оборотня! Он бросит шкуру чудовища к ногам достойного Партера и избавит Тандхару от ужаса темных сил!

Глава пятая

Хотя свидание с шарифом откладывалось, Бэда Катль не особо о том сожалел. Многие он услышал из-за створок дверей, немало интересного увидел, прикикая глазом к замочной скважине. Казалось, большой сбор назначен сегодня вечером в резиденции головы Либидума.

Не успел Гуго Пудолапый опорожнить наполовину ведерную братину, закусить доброй бараньей ногой и перекинуться с очнувшимся хозяином парой словечек, как со двора снова постучали, и слуга впустил двух живописных малых: смуглого горбоносого мужчину, чей облик хранил остатки былой надменности, свидетельствовавшей о высокородном происхождении, и жилистого светловолосого проныру, перетянутого широким ремнем, на котором красовалась изящная гирлянда разномастных зубов — волчьих и пиктских вперемежку.

Завидев парочку, Гуго зарычал и потянулся к мечу, подпиравшему рукоятью потолочную балку, но был столь стремительно заключен в горячие объятия и расцелован в обветренные щеки, что прослезился и сжал протянутые ему руки так, что у новых гостей затрещали кости.

— Нергал с вами, — пробасил великан, — уж коли я вас признал, убивать не стану. Ты, Гарчибальд, и ты Гриб, людюшки хоть и хворые, но не совсем пропащие. Да и достойный Партер, думаю, не одобрил бы нашей ссоры.

— Истинно так, почтенный Гуго, — заверил шариф, ставшийся держаться подальше от Пудолапного с его чудо-

вишным чесночным запахом.— Чего нам ссориться, коли дело, собравшее всех под этим кровом, касается всех нас.

— Волк,— сказал Гуго, набивая рот очередной порцией жареного мяса.

— Волколак,— поддакнул Пленси, принимая из рук хозяйки полную кружку.

— Проклятый оборотень, достойный уничтожения,— заключил Гарчибальд Беспалый, подозрительно глядя на бледного фермера.

— Это Баткин,— поспешил представить сробевшего боссонского земледельца шариф, перехватив взгляд барона.— Достойный фермер, чья усадьба стоит аккуратно возле Волчьих Холмов. Не далее как перед вашим приходом он рассказывал о волке, появившемся на его дворе несколько дней назад...

— Пробовал осиновое древко с серебряным наконечником? — спросил Гарчибальд.

— Или лапку кролика, убитого на кладбище в полнолуние? — вставил Пленси.

— Горбуном,— добавил Беспалый.

— И непременно чтобы волосами рыжей девственницы,— уточнил барон.

— Ну, можно и не рыжей,— солидно заключил Скура-то.— Но лучше рыжей.

— Нет ничего круче чеснока,— пробасил Гуго, сплевывая на стол плохо пережеванный хрящик.— Поверьте старому охотнику на волколаков.

— С каких это пор ты записался в их ряды? — осведомился Гарчибальд.

— С тех пор, как мамки стирали твои пеленки!

— Тогда объясни, Пудолапый, зачем тебе чеснок? Ты можешь задавить оборотня своей задницей!

Великан снова зарычал, однако шариф поспешил успокоить следопытов.

— Ладно, ребята,— сказал он,— вижу, у каждого из вас есть свой метод борьбы с нечистью. Признаюсь, я послал каждому из вас по весточке не для того, чтобы вы передрались, так и не приступив к охоте на оборотня. Позвольте изложить вам суть дела. Наш друг,— тут он кивнул на фермера, судорожно

сжимавшего свою кружку,— не первый, кто видел волколака. Каждое полнолуние сей тать тревожит покой вверенных мне земель, воруя скот, пугая женщин и вызывая ярость мужчин...

— Отчего же ваши мужчины его не прикончили? — осведомился Пудолапый.

— Не все так просто. Волк появляется внезапно, режет скот и исчезает прежде, чем сторожа успевают позвать на помощь.

— Тогда откуда известно, что это оборотень, а не обычный зверь? — спросил Гарчибальд.

— Он слишком хитер для обычного зверя. Были случаи, когда волк проникал в жилища, пугал людей и словно растворялся в воздухе. Он ведет себя не как обычное животное, и хотя пока не убил никого из поселенцев, поручиться за безопасность людей я не могу.

— А как он пугает? — спросил Гуго, для которого само данное понятие являлось не совсем вразумительным.

Шариф велел Баткину рассказать, как напугал его волк. Баткин помялся, но все же рассказал. Пудолапый зашелся в громовом хохоте. Гарчибальд презрительно скривил губы. Пленси Скура-то принялся что-то перебирать в своей торбе.

Шариф подвел итоги:

— Как видим, ни одно дикое животное не способно на подобные осмысленные действия. А значит, мы имеем дело с волколаком, оборотнем. Окрестности Либидума полнятся слухами, и фермеры готовы взяться за оружие, чтобы положить конец бесчинствам нечисти, явившейся из болот...

— Из-за Черной реки,— уточнил Гуго,— там много подобной мрази.

— Я как лицо, несущее ответственность за безопасность сих мест,— продолжал шариф,— обязан не допустить самочинной охоты, чреватой ненужными жертвами, потому и вызвал вас, специалистов.

Гарчибальд и Пленси польщенно зарделись. Цвет лица Гуго не изменился, ибо был и так достаточно багров, чтобы краска чувств могла на нем отразиться. Если у Пудолапого, конечно, были какие-нибудь чувства.

— Не хотелось бы отнимать слишком много времени у столь занятого человека, как наш шариф,— светским то-

ном молвил Гарчибалд Беспальный, — но все же хотелось бы войти в курс дела. Ибо, если мне не изменяет память, близится очередное полнолуние.

— Есть наводки? — спросил Скурато.

— Кого и где будем давить? — пробасил Гуго.

— Позволь, шариф, я расскажу о бандите с Волчьих Холмов, — робко вставил Баткин.

И он поведал следопытам историю, которая уже была известна шарифу и подслушивавшему под дверьми Катлю.

— Что скажете? — спросил Партер, когда фермер кончил излагать свою историю.

— Чушы! — гаркнул рыжий верзила.

— Очень может быть, — осторожно молвил Пленси.

— Даже если Черный Джок воскрес... — начал Гарчибалд, но шариф прервал его, энергично ударив кружкой по столешнице:

— Джок! Ерунда! Джок мертв с тех пор, как получил клинок в свою дурную башку! Послушайте, месьюры, если я могу вас так называть, все это чушь. Только я доподлинно знаю, кто этот волк-оборотень! Я знал его, я верил ему, как сыну, он любил мою дочь. Он обманул меня, и я отправил его на каторгу, откуда этот прохвост недавно бежал, а потом набрался наглости явиться ко мне, дабы заверить в своей невинности. Я заключил его в яму, откуда в ночь полнолуния сей сын тьмы исчез, задрав когтями охранника. С тех пор он наводит ужас на мирных поселенцев Тандхары! Увы мне, увы, сколь близорук оказался я, избранник народа, сколь недалководен...

— И кто же сей тать? — негромко осведомился Гарчибалд.

— Назови нам его имя, дабы мы смогли помешать злодею совершать дела черные, — вкрадчиво молвил Скурато.

— Кто этот ублюдок?! — взревел Гуго.

Шариф понурил голову, отер со лба крупный пот и молвил:

— Бежал из ямы, обратившись зверем лесным и задрав моего человека, не кто иной, как Бэда Катль, убийца Черного Джокка!

Глава шестая

Заходи, Партер, садись.
— Катль? Это ты? Сынок...

— Кресло возле камина, шариф. Садись.

Шариф сел.

— Ты ведь не думаешь меня убивать, Бэда? Согласись, мало чести прикончить старика, сидящего в кресле...

— А много ли чести натравить убийц на человека, который этого не заслуживает?

— Так ты все слышал?

— Догадливый. Почему ты сделал это, шариф?

Партер хотел подняться, но, увидев тускло блеснувший хассак в руке Катля, остался сидеть.

— Сначала ты обманул меня, когда я убил Черного Джокка. Я убил его по праву поединка и по просьбе людей, которых он обидел. Ты схватил меня и отправил на каторгу.

— Я отправил тебя к губернатору, а уж он решил... — Губы шарифа пересохли, и он облизнул их, чувствуя, что и язык стал подобен сухой пемзе.

Катль смотрел ему в глаза с тем странным, оскорбительным презрением, благодаря которому он получил свое прозвище. Щеколда, опустившаяся на дверь за спиной шарифа, вынуждала Партера принимать этот взгляд, не суливший ничего доброго.

— Ты отправил меня на каторгу, потому что я любил твою дочь, — закончил Бэда. — Плохая партия, не так ли?

— Ну что ты...

— Плохая. Зачем шарифу Либидума зять-разбойник? Ты ведь не принял всерьез моих слов: что я хочу остепениться, построить ферму, зажить с Эллис чин-чинарем и все такое...

— Сынок, ты ошибаешься!

— Тогда зачем ты сдал меня после поединка с Джоком?

— Так велют законы, сынок, ты знаешь, что губернатор запретил поединки на ножах!

— Плевал ты на губернатора! Поединки! Да в Тхандаре на дуэлях убивают людей больше, чем комаров на крупе лошади за дневной перегон!

— Но я представляю власть, сынок. Подумай сам, что будет, если боссонцы утратят последние представления о крепкой руке!

— Это твоя-то рука крепкая? Если ты так в себе уверен, зачем же объявил меня волколаком и нанял убийц? Человека своего не пожалел, горло ему железными кошками разодрал, только бы представить мое бегство как побег оборотня! Зачем? А я-то, вернувшись с рудников, пришел к тебе искать справедливости! Принес доказательства виновности Черного Джока, думая, что в прошлый раз ты ошибся! Скажи, шариф, чтобы я понял тебя своей тупой головой: ты схватил меня во второй раз, бросил в яму, потом явился с ласковыми речами, убедил, что мне сочувствуешь, а неволя моя вызвана исключительно присутствием соглядатаев губернатора Бранта, предложил бежать. Я устроил подкоп и ушел в леса, туда, где мне и место. И что же я узнаю? Ты объявляешь меня оборотнем, волколаком и натравливаешь на меня следопытов, готовых усмотреть нечистое в собственной матери, лишь бы получить награду? Зачем, шариф?

— А ты уже скоблишь щеки,— сказал Партер печально.

— Я много чего повидал в каменоломнях,— откликнулся Бэда.— Так будем разговаривать?

— Ладно, Катль,— голос старого рубаки стал жестким.— Ты волен взмахнуть рукой — и я умру. Что это даст? Тебя все равно повесят. Потом в Либидуме начнется соперничество между семьями, будет куча трупов... Сейчас же придут пикты. Женщин будут насиловать, младенцев резать. Среди женщин, между прочим, твоя Эллис. Все еще любишь ее?

Катль промолчал.

— Знаю, любишь. Это хорошо. Хорошо это, ежели бы ты бандитом не был. Моя дочь знатных кровей, тебе не чета... Чего раздумываешь, давай, мечи свой ножик!

— Безоружных не убиваю,— сказал Катль, у которого рука, честно говоря, чесалась.— Ты ведь, Партер, из благородных. Я к тебе честь по чести сватался. Не как бандит, а как добропорядочный боссодец. Мог бы отказать, и дело с концом.

— Нет,— сказал шариф,— не мог. Тебе откажешь, так и девку умыкнешь. А брат у меня в Аквилонии серьезный, виконт, и племянницу любит, мне его гнева не надобно.

— Так ты трус?

— А ты? Подумаешь, волка какого-то на него списывают... Что тот волк, тварь, в общем-то, безобидная, ну скот там режет, ну по домам пошаливает...

— И потому его убить нужно?

— Для порядку. Сам посуди, ежели тварь подобная разгуливать на свободе станет, что люди обо мне подумают?

Тут Бэда улыбнулся так, что хозяин дома вцепился в подлокотник кресла и судорожно повел плечами.

— Давай,— сказал Катль,— говори, что подумают.

— Сынок...

— Ближе к теме.

— Ну, говорят, что волк этот оборотень... волколак... Его кое-кто видел, и фермеры готовят облаву. А может, и нет его, проклятого...

— Нет?

— Я говорю — может. Но люди-то боятся. А к кому люди идут? К шарифу. А шариф, он все знать обязан, всем помогать. Если люди говорят, что в окрестностях Либидума завелся оборотень, значит, так оно и есть, и власть должна силу свою явить... Сознаюсь, хотел и с тобой под шумок разделаться, да ты ведь беглый, одно слово — пропащий...

«Зубочистка» вонзилась в левое ухо шарифа.

«Зубочистка» — это такая штука, что вреда особого не причинит, но кричать вполне может заставить.

Партер завизжал.

— Значит, так, — сказал Катль, — я хочу поселиться на твоих землях. Вместе с твоей дочерью. А за это я убью волколака. Пойду в Волчьи Холмы, найду того, кто там прячется, и убью. Принесу его голову сюда, в твой дом, волчью или человеческую — все равно, а ты своей властью снимешь с меня все обвинения. Мне надоела беспутная жизнь, шариф, хочу осесть и детей нарожать. Согласен?

Шариф обернулся на дверь кабинета, в которую снаружи колотили: видно, челядь услышала вопль своего хозяина.

— Справедливо! — воскликнул Партер поспешно. — Давай, сынок, действуй, убей того, кто скрывается в Волчьих Холмах, и мы объявим его оборотнем. Управишься за два дня?

Катль ничего не ответил. Он подошел к окну на веранду и осторожно выглянул. Никого: следопыты отправились готовиться к охоте, а слуги были внутри дома.

Но прежде чем исчезнуть, Бэда Катль сделал вот что. Он опустил руки на бедра, и два тяжелых хассака со свистом пронеслись над головой обомлевшего шарифа и вонзились в большой портрет, висевший на стене комнаты. На портрете был изображен сам хозяин в полном рыцарском облачении, гордо взирающий куда-то в туманную даль из-под откинутого забрала. Ножи слегка попортили картину: их лезвия вонзились точно в глаза нарисованного Партера.

Бэда Катль недобро улыбнулся, извлек хассаки, упрятал их в ножны и только после этого бесшумно канул в темноту через окно веранды.

Дверь сотрясалась под ударами крепких кулаков, несколько голосов на разные лады звали шарифа.

Но Партер медлил. Он поднялся из кресла, проковылял в дальний угол и поднял тяжелую крышку резного, окованного медью сундука. Достал железную кошку, повертел в руках, потом решительно приставил острые «когти» к груди и рванул, разрывая тонкое полотно рубашки...

Только после этого, бросив кошку обратно в сундук и зажимая кровоточащие раны, пошел открывать дверь.

Глава седьмая

Вы и так задержали нас до самого рассвета, месьор Драган, и дали оборотню уйти достаточно далеко... — Я уже говорил вам, месьор Партер, что мне плевать на вашего оборотня, если он вообще существует!

— Ах вот как! Значит, вы ставите под сомнение мой рассказ о том, что я видел собственными глазами? Вы бы не улыбались столь насмешливо, месьор, если бы на ваших глазах лоб и щеки человека стали зарастать шерстью, нос, рот и скулы слились воедино, превращаясь в волчью пасть, а ногти стремительно начали вытягиваться и загигаться внутрь... Бр-р! Меня до сих пор холодный пот прошибает, когда вижу эти когти у своей груди, а ведь я не робкого десятка, чтоб вы знали.

— Может, вы и не робкого десятка, шариф, но выпили накануне слишком много. В комнате было темно...

— А эти раны откуда взялись? — Партер потащил вверх кольчужную рубашку, намереваясь снова продемонстрировать всем багровые рубцы на груди. — Я что, сам их себе нанес?!

— Я этого не утверждаю, — сказал месьор Драган холодно, — более того, уверен, что на вас кто-то напал. Но был ли то волколак или просто разбойник, неизвестно. Тем более что, кроме вас, волка никто не видел, зато ваш же сторож утверждает, что какой-то малый перемахнул ограду и растворился в ночи. И был он двуногим и без шерсти, если не считать волос на голове.

— Мой сторож в ту пору валялся пьяным под забором. Он уже понес наказание,— сердито огрызнулся шариф.— И вообще, я не обязан отчитываться...

Спор этот происходил ранним утром на главной площади Либидума. Небо хмурилось, накрапывал мелкий дождь, и всадники, стоявшие тремя отрядами по сторонам площади, поглубже натягивали шлемы, шляпы и капюшоны плащей.

Месьор Драган возглавлял сотню аквилонских конников, храбрых молодцев, облаченных в сверкающие кирасы с червлеными королевскими гербами на груди. Небрежно сидя в украшенных инкрустацией седлах на откормленных лошадях, они снисходительно поглядывали на людей шарифа, одетых столь же живописно, сколь и нелепо, с точки зрения вояк, привыкших гарцевать по улицам стольной Тарантии. Третий отряд составляли мрачные боссонские лучники, которые пришли вместе с аквилонцами из Тхандары.

Гарчибальд Беспалый тронул коня и выехал вперед.

— Если месьор рыцарь подвергает сомнению заявление шарифа, известного своей честностью, я готов доказать обратное в любом месте и в любое время, когда то будет угодно месьору Драгану.

Командир аквилонцев с удивлением оглядел следопыта, сказавшего это так, словно они были не посреди диких земель, а где-нибудь на светском приеме.

— Вы, кажется, не всегда скитались по Боссонским Толям, друг мой? — молвил Драган надменно.

— Вам не откажешь в проницательности,— отвечал Гарчибальд,— хотя городские миазмы и смешанные браки, говорят, отрицательно влияют на умственные способности нашей аристократии. Вы правы, месьор, под одеждой следопыта я имею честь носить баронский титул, хотя дорожку им куда меньше, чем вы использованным носовым платком.

Драган побагровел:

— Барон?! Не смешите меня! Как только человек переступает границу Боссонских Топей, он теряет право на титул...

— Этот вопрос мы тоже сможем обсудить, встретившись один на один в каком-нибудь тихом месте.

— Полагаю, барон,— криво усмехнулся аквилонец,— говоря о тихом месте, вы опасаетесь ветра, который может снести в сторону ваши метательные ножи... Я слышал, что боссонцы боятся слишком близко приближаться к противнику и потому предпочитают бросаться друг в друга железками, словно какие-нибудь мальчишки!

— Для вас, месьор, я сделаю исключение,— холодно парировал Гарчибальд.— Мой меч, может быть, не так хорош, как ваш, но кое на что сгодится.

— А моего хочешь попробовать?! — рявкнул вдруг Гуго Пудопалый, потянув из ножен свой Трипамадор.

— Это что, тоже барон? — осклабился аквилонец.— Или просто ходячий кусок обвалившейся стены?

Великан зарычал, как медведь, которому наступили на лапу.

— Оружие в ножны, месьоры! — властно крикнул Партер.— Пока я шариф Либидума, здесь будут соблюдаться законы. Не забывайте, что поединки запрещены!

— Однако это не мешает нам встретиться для дружеской беседы с учтивейшим бароном и храбрейшим Не Знаю Как Его, когда мы покончим с главным делом,— насмешливо заключил Драган.— А сейчас, шариф, наша святая обязанность — выполнить волю короля Нумедидеса и поймать негодяя, предавшего своего монарха и бежавшего от справедливого возмездия в эти дикие земли.

— Это о ком же речь? — мрачно поинтересовался Гуго. Остальные следопыты и люди шарифа вопросительно уставились на своего начальника.

Партер насупился. Он, конечно, знал, о ком идет речь и по чью душу явился сюда из Тарантии этот надменный ублюдок Драган. Явился ночью и сразу потребовал овса для лошадей, вина для солдат и подмоги в поисках преступника, скрывающегося, по его сведениям, в Волчьих Холмах.

Пришлось кое-что втолковать месьору рыцарю. А втолковывал ему Партер вещи очевидные: в Свободных Землях

живут свободные люди, а хозяин здесь, в Либидуме, он, шариф, и только ему решать, давать своих парней в подмогу аквилонцам или не давать. А так как у него есть дело более важное, чем поиски государственного преступника (тут шариф подумал, что каждый третий боссонец может считаться государственным преступником с точки зрения аквилонских судейщиков, но вслух этого не сказал), он склоняется в просьбе отказать и вообще послать аквилонцев к такой-то матери.

Месьор рыцарь на эти слова только высокомерно усмехнулся и подал шарифу свиток с печатью губернатора Тхандары, в котором светлейший Брант Дрого, чтобы пусто ему было, предписывал шарифу Либидума оказывать посланнику аквилонского короля всяческое содействие. Сам губернатор уже проявил лояльность, отрядив под начало месьора Драгана отряд боссонских стрелков.

Конечно, губернатор мог предписывать что угодно: дело шарифа было выполнять эти предписания или не выполнять. Партер уже собирался посоветовать аквилонцу использовать пергамент по срамному назначению, когда в голову ему пришла некая мысль. Он сообщил посланцу короля, что сам собирается отправиться на поиски беглого каторжника, который к тому же подозревается в оборотничестве, чему свидетельство — свежие раны на груди шарифа.

Драган сказал, что ему плевать на всех оборотней вместе взятых, а на беглых каторжников — тем более.

Партер заметил, что ему трижды плевать на государственных изменников, пусть их ловят королевские ищетки.

Рыцарь обиделся на «ищеек», и только важность предстоящего дела и доверие, оказанное ему королем, уберегло его от нарушения закона, а именно — от немедленного поединка с шарифом.

Немного еще поругавшись и прикончив остатки вина урожая прошлого года, они сошлись на том, что отправятся в Волчи Холмы двумя отрядами, и если люди шарифа первыми выследят изменника, они его схватят, а если случится так, что аквилонцы наткнутся на беглого каторжни-

ка, они его убьют. От серебряных наконечников для стрел Драган высокомерно отказался, сказав, что у его воинов есть обереги, а любого волка, будь он зверем или оборотнем, они и так одолеют.

Теперь, когда все было готово, чтобы отправиться в Волчи Холмы, Партеру предстояло объяснить этот план своим людям.

Однако Драган опередил шарифа.

Привстав в стременах, он обратился к следопытам и десятку добровольцев-фермеров голосом зычным, словно на плацу.

— Боссонцы! — прокричал рыцарь, обнажив для пущей важности меч. — Король Нумедидес считает вас добрыми подданными, настоящими героями, охраняющими границы великой державы от сонмищ кровожадных дикарей! А потому его величество ни на гран не сомневался в том, что вы окажете его посланникам необходимое содействие в поимке опаснейшего государственного преступника, изменника, бежавшего в Боссонские Топи в тщетной надежде укрыться от справедливого возмездия!

Справедливейший король Аквилонии некогда приблизил к себе этого человека и даже сделал его капитаном своего воинства, но сей презренный варвар, не имеющий никакого понятия о рыцарской чести, подло обманул нашего монарха и отплатил ему черной изменой. Я говорю «варвар», ибо этот ублюдок родом происходит из дикой Киммерии, жители которой до сих пор едят человеческую печень и являются злейшими врагами цивилизованных людей, подобно пиктам, которых вы все ненавидите. Он высок и силен, как дикий медведь, волосы черные, глаза синие, лицо покрыто шрамами. Если вы увидите этого человека, схватите его и доставите мне живым или мертвым, все милостивейший монарх наш не забудет вашей услуги!

— Мне кажется, я знаю, о ком он говорит, — шепнул Пленси на уху Гарчибальду.

— Я тоже, — ответил Беспалый. — Черные волосы, синие глаза... Кто же не помнит героя Тусцелана. Но этот

тарантийский петух, видно, рехнулся, если собирается подобными речами склонить наших парней ловить кого бы то ни было из насоливших аквилонскому королю...

Словно в подтверждение его слов, из рядов фермеров, среди которых давно уже гулял неодобрительный ропот, вышел сухопарый человек в потертой одежде. Он приблизился к посланнику короля и вежливо поклонился.

— Месьор! — воскликнул честный земледелец, ударив себя в грудь. — Когда-то я бежал из Шамары, опасаясь быть повешенным за весьма невинную частушку, которую сочинил с похмелья о нашем всемилостивейшем короле, о чем сейчас весьма сожалею. Позвольте в знак глубокого раскаяния и преданности явить вам, королевскому посланнику, знак величайшего почтения, принятый у нас в Свободных Землях.

С этими словами он повернулся к Драгану задом, спустил штаны и, наклонившись, продемонстрировал онемевшему рыцарю голую задницу, густо заросшую черным курчавым волосом.

Боссонцы, включая лучников, обидно захохотали.

Беглый сочинитель куплетов, ободренный их смехом, преданно повилял седалищным местом. Однако любовь к вниманию публики стоила ему дорого: придя в себя после столь неслыханной дерзости, Драган наклонился и со всего размаху треснул клинком плащя по ягодицам нахала, повергнув земледельца в пыль.

Люди шарифа, гневно вопя, схватились за оружие, аквилонцы, соблюдая полный порядок, обнажили мечи и окружили своего командира. Они могли бы легко расправиться с обнаглевшими простолюдинами, если бы не два обстоятельства: тяжелый двуручный Трипамадор, взметнувшийся над головой Гуго, и наконечники тяжелых боссонских стрел, обратившиеся в их сторону, — отряд тхандарских лучников без раздумий принял сторону земляков.

Шариф, оказавшийся рядом с Драганом за спинами его воинов, досадливо сплюнул.

— Не делайте глупостей, — пробурчал он, — вам не выстоять против наших.

— Ты мой заложник, — процедил рыцарь сквозь зубы, — если они нападут — тебе конец...

— А что скажет король, когда узнает, что его посланник, вместо того чтобы крепить мир с боссонцами и ловить изменника, напал на жителей одного из фортов и бесславно погиб в этой стычке?

Лицо Драгана впервые утратило надменную невозмутимость.

— Что же делать?

— А кто тянул тебя за язык разливаться насчет монарших милостей и коварных изменников? Да тут каждый третий беглый... А знаешь, что ценят свободные люди выше самой свободы? Они ценят золото. Двигай за мной, уладим это дело.

Аквилонские воины расступились, рыцарь и шариф выехали вперед.

— Ребята! — Партер поднял руку в кожаной перчатке. — Я знаю ваш горячий нрав, но, Нергал вас задери, умеете же дослушать, что вам говорят, до конца. Этот месьор, откуда бы он там ни прибыл, из Аквилонии или с самих Серых Равнин, имеет к нам вполне конкретное предложение. Начнем с тебя, Брют.

Последние слова были обращены к фермеру, все еще сидевшему на земле со спущенными штанами.

— Месьор рыцарь не слишком знаком с нашими невинными шутками, а посему предлагает за невольное нанесенную обиду вполне весомую компенсацию: двадцать золотых монет.

Драган заскрипел зубами, но все же бросил сочинителю куплетов увесистый кожаный мешочек. Боссонец подкинул его на ладони, подтянул штаны и удалился к своим с вполне довольным видом.

Шариф собирался продолжить свою речь, но тут вперед выскочил еще один свободный хлебопашец.

— Несправедливо! — возгласил он, развязывая портки. — Да за двадцать монет я буду стоять здесь с голой задницей до вечера!

На этот раз к громовому хохоту боссонцев присоединились и аквилонские воины.

— Вот и ладно,— сказал шариф, дождавшись тишины,— повеселились, а теперь к делу. Месьор Драган предлагает за поимку беглого изменника вознаграждение... э-э... скажем, в две тысячи золотых.

Королевский посланник мрачно кивнул, рассудив, что сначала следует поймать беглеца, а уж потом видно будет, кому смеяться последним.

— Значит, по рукам,— заключил шариф.— Пойдем двумя отрядами. К Волчьим Холмам есть только две тропы, которые там сходятся. Места у нас гиблые, так что никому с дороги сворачивать не советую. Аквилонцы вызвались помочь в нашем деле, а уж мы пособим воинам короля как сможем...

— Так не пойдет,— возразил Гарчибальд,— следопыты строем не ходят. У нас свои методы.

— А я вас и не подразумевал,— кивнул Партер,— вы можете хоть по дну болота ползать, только нечисть мне прикончите. Ну что, трогаем?

Всадники и пешие уже потянулись к воротам Либидума, когда сзади раздался стук копыт и на изящной белой кобыле их догнала девушка в простом дорожном платье. За ней на кургузой лошадке трусил невзрачный человечек в серой хламиде и круглой шапочке.

Драган, первый заметивший всадницу, натянул поводья.

— Кто эта прекрасная дама? — спросил он шарифа.

— Эта прекрасная дама — моя дочь Эллис,— побледнев, отвечал Партер.

— Что ты здесь делаешь, я же велел тебе остаться дома,— крикнул он, когда всадница приблизилась.— Ты нездорова...

Эллис улыбнулась, и в ее прекрасных черных глазах заиграли насмешливые искры.

— А лекарь говорит, что прогулка на свежем воздухе пойдет мне на пользу. Не правда ли, месьор Страдинадо?

Щуплый лекарь только развел руками.

— Ни под каким видом! — грозно объявил шариф.— Это опасное предприятие, я не хочу нести за тебя ответственность!

— Предоставьте это мне,— галантно поклонился Драган,— в моем отряде дама будет в полной безопасности. Позвольте, прекрасная Эллис, предложить вам меч рыцаря и незабываемое развлечение, которое нас всех ожидает!

— Вот мой платок, месьор, и если вам суждено погибнуть, вы знаете, чье имя шептать на пороге вечности.

Драган так и не понял, чего больше было в словах девушки: кокетства или насмешки. Она ударила лошадь стеком и умчалась вперед, прежде чем мужчины успели вымолвить еще хоть слово.

Мало кто видел, как, поравнявшись с шарифом, лекарь сунул тому в руку маленькую склянку, которую старый воин с отвращением понюхал, после чего поспешил вслед за своим отрядом.

Глава восьмая

Светлая полоска с восточной стороны окоема застала Катля уже проснувшимся. Бледный румянец зари все шире разливался по краю неба, но глаз Митры еще не появился, чтобы согреть озябшую за ночь землю. Низкий туман стлался среди камней, и Бэда зябко поежился, плотнее закутываясь в отсыревший во время сна плащ.

Пробуждение его было тяжелым и безрадостным. Пожалуй, так паршиво на душе не было даже на каторге, в Немедийских горах, где ему довелось перекачать на тачке немало камней. А сейчас камень словно лежал на сердце, давя тяжело и неотвратно, как взгляд орка.

Бэда не мог понять, что с ним случилось. Передряг на его долю выпадало немало, и всегда он умел найти выход, даже когда казалось, что выхода нет. Сквозь соломинку проскальзывал, а носа не вешал. Не из-за коварства же шарифа (кол ему в задницу, как любил выражаться покойный родитель) он так раскис, в самом деле? Катль был уверен, что как только старый Партер вытащит «зубочистку» из своего морщинистого уха, он велит отрядить за ним погоню, но не это волновало и заставляло сердце сжиматься в мрачном предчувствии. В чем же дело?

Вчера, выбравшись из Либидума, он во весь опор погнал украденную лошадь в сторону Волчьих Холмов, прислушиваясь, не пустились ли за ним в погоню. Погони не было, видно, старик решил обставить дело со всеми подобающими церемо-

бающими церемониями. Не каждый день волколака ловить приходится, тут подход нужен...

Бэда и сам не знал, станет ли он искать в холмах неведомого злодея, чтобы убить и принести его голову Партеру. Конечно, шарифу надо списать на кого-нибудь пропавший скот и страхи глупых женщин, и человек, скрывающийся в Волчьих Холмах, подходит как нельзя лучше. Но сдержит ли шариф слово, коли уже его нарушил? Ему выгоднее покончить с Катлем и убить двух зайцев: и от зятя-разбойничка избавиться, и народ утихомирить.

Катль мысленно уже называл себя зятем Партера, ибо был человеком прямым и бесхитростным. Всех женщин он делил на две неравные части: первую, большую и худшую, составляли шлюхи, вторую — честные жены. Бэда знал немало потаскушек, а если ему доводилось невзначай переспать с какой-нибудь фермерской женушкой, он тут же заносил ее в худшую часть.

Эллис принадлежала ему там, на лесной поляне, после битвы с оплетнем (прыщавый мальчишка был отправлен в ближайшую деревню за подмогой, дабы зарыть смердящие останки чудовища, но, конечно, подглядывал), и это была чистая, хоть и довольно безумная страсть, порыв, толкнувший спасенную красавицу в объятия благородного спасителя. Их души вознеслись к блаженным небесам, в то время как сплетенные тела мяли душистые травы земного дола...

И Бэда положил в сердце своем сочетаться с прекрасной Эллис законным браком, ибо не хотел, чтобы прекрасная Эллис присоединилась к длинной веренице распутниц, бредущих напрямиком в Юдоль Скорби.

Он вовсе не лукавил, говоря шарифу, что решил покончить с беспутной жизнью. Собственно, Бэда не был рожден для авантюры и приключений, и только дар, врученный ему кем-то из небожителей по ошибке, толкнул молодого человека на этот скользкий путь. Дюжина детей, преданная жена и крепкое хозяйство — вот что видел Бэда в своих мечтах.

После той бурной любовной сцены на лесной поляне Эллис не допускала его к себе, хотя Катль несколько раз

тайком проникал в ее комнату. Бэда блаженствовал: именно так, по его мнению, и должна вести себя честная женщина, будущая мать семейства. Они сидели в полумраке на диване, держа друг друга за руки, и почти не разговаривали. Впрочем, пару раз Эллис намекнула, что не против навсегда поселиться в Свободных Землях и зажить своим домом, избавившись от докучливой опеки отца и несносного аквилонского дядюшки, который вознамерился сделать из нее светскую даму.

«Отец, конечно, желает мне добра, позволяя лишь дважды в год приезжать к нему в гости,— сказала она,— но ты бы знал, мой милый Бэда, какая это скука — вышивать на пяльцах и смотреть с балкона, как какие-то дурни разбивают друг другу головы в твою честь. То ли дело здесь: эти леса, в которых легко заблудиться, кровожадные пикты, страшные чудовища, опасности...»

«Со мной тебе нечего бояться,— скромно отвечал Катль, потупив глаза,— мы построим дом, обнесем его крепким частоколом и заживем по-настоящему».

Девушка тихо улыбалась.

Бэда не привык откладывать дела в затерянный сундук и вскоре отправился к шарифу свататься.

Партер долго пил с ним вино, называл «сыном» и втолковывал, что его дочь ждет гораздо более светлое будущее, нежели огород, свиньи и выводок грязных карапузов. Впрочем, когда дочь устроила сцену и пригрозила, что в случае отказа уйдет жить в лес, к пиктам, обещал подумать.

Тут и подвернулся Черный Джок, кол ему в задницу. Негодяй получил свое, а шариф свое: упек опасного соискателя руки дочери на каторгу.

Бежав с рудников и вернувшись в Тхандару, Бэда узнал, что Эллис хворает со времени их разлуки, при ней неотступно находится лекарь из Зингары, и Партер склоняется к тому, чтобы навсегда запретить дочери пересекать границы Боссонских Топей. Катль со свойственной ему прямотой отправился к шарифу, представил доказательства собственной невиновности в давнем деле и потребовал объяснений относительно дочери. Партер ничего объяснять не

стал, арестовал Бэду и бросил в яму. А потом объявил волколаком.

Так и не услышав за собой погони, Катль почти загнал лошадь, бросил ее возле полуразрушенной хижины и пустился к Волчьим Холмам напрямик. Это он так думал, что напрямик, а вышло по-иному.

Когда землю уже окутали сумерки, он очутился среди каких-то камней, которым, казалось, не будет конца, и понял, что заблудился. Что-то тягостное было в этом месте, словно вперемесь с туманом разливалась тяжелая муть, незримая, но вполне ощутимая сердцем. Бэда попытался развести огонь, но собранные сырые ветки никак не хотели загораться. Решив, что утро вечера мудренее, он прикорнул возле холодного, словно лед, камня и забылся тревожной дремой.

А ночью... Да, вот оно, то, что не отпускает душу, давит мрачным предчувствием!

Он открыл глаза и увидел две зеленые точки. Они приблизились, среди ключев тумана возникла огромная волчья голова с оскаленной пастью. С желтых клыков, похожих на острые кинжалы, капала слюна. Морда была покрыта тускло блестящей в лунном свете шерстью, казавшейся медной, неподвижные зеленые глаза горели холодной ненавистью, и этот взгляд заставил Катля оцепенеть.

Только сделав огромное усилие, он метнул нож. Волк исчез. Клинок глухо ударился о камень: Бэда Катль, гроза Боссонских Топей, не сделавший ни одного неточного броска ни в одном поединке, промахнулся.

Он промахнулся!

Вспомнив об этом, Бэда застонал и закрыл глаза. Может быть — сон? Тяжелый ночной кошмар, навеянный дурным местом. Ну конечно, сон.

Он ощущал ножны за правым плечом. Они были пусты. Бэда встал и отыскал хассак. Клинок слегка затупился от удара о камень. Если волк ему и приснился, то нож он метал наяву.

В кого?

Бэда побрел между камней, настороженно поглядывая по сторонам. В утреннем свете место выглядело не лучше,

чем ночью: словно какой-то великан, забавляясь, рассыпал вокруг пригоршню скалистых обломков, превратив пологий склон в настоящий сумрачный лабиринт. Камни эти были черные и мертвые, на них ничего не росло: ни кустика в трещинах, ни мха, ни лишайников. Приложив руку к одному из обломков, Бада тут же отдернул ладонь: поверхность обожгла холодом, казалось, чем выше поднималось солнце, тем холоднее становились странные камни.

«Надо выбиратья отсюда, парень», — сказал себе Катль и постарался ускорить шаг.

Ноги были словно ватные, в голове шумело.

Он не мог бы с точностью сказать, как долго блуждал среди камней, пока впереди не показались верхушки сосен. Пожалуй, Бада обрадовался деревьям так, как радуется затерянный в открытом море корабельщик, увидев вдали узкую полоску земли. Он даже заставил себя бежать. И только оказавшись на опушке редкого леса, понял, что зря радовался.

Это было пиктское капище. Наверное, когда-то аквилонцы, оттесняя дикие племена за Черную реку, сожгли его: повсюду виднелись обугленные колья и рухнувшие почерневшие бревна, вросшие в землю. Но кто-то восстановил святилище, если и не полностью, то достаточно, чтобы вызвать дрожь у белого человека.

В центре темнела крытая листьями бревенчатая хижина на сваях с гирляндами выбеленных солнцем рыбьих голов над притолокой двери. Вход охраняли два идола, весьма искусно вырезанные из цельных стволов бука: левый изображал женщину с огромными грудями, правый — мужчину с воздетым, словно меч, детородным органом. Вокруг поляны стояли разномастные колья, увенчанные звериными и человеческими черепами. Между ними темнели кострища, и, пощупав золу, Катль понял, что одно из них совсем свежее.

Самым разумным было бы поскорее убраться отсюда подобру-поздорову, но Баду обуяло почти детское любопытство. Ходили слухи, что не все пиктские кланы ушли за Черную реку, некоторые закрепились на исконных землях,

растворившись в густых чащобах, затаившись в болотах. Но чтобы капище, да еще неподалеку от форта, среди обжитых земель!.. О таком слышать не приходилось.

Слышать не приходилось, да вот довелось увидеть собственными глазами.

Держа перед собой самый длинный хассак, Бада медленно двинулся к хижине.

В нос ему ударил отвратительный смрад. Сквозь щели в стенах пробивался неяркий свет. На полу валялись битые кувшины, пустой мех из-под вина, слежавшаяся солома, груды какого-то тряпья... Ничего себе святилище, кол в задницу этим дикарям!

Катль уже хотел выйти на воздух, но тут попавшая под ногу тряпка привлекла его внимание. Он присел и пошевелил рухлядь концом ножа. Красные, желтые, с оборками и рюшами, обрывками бантов и остатками разорванных лифов... Волосы зашевелились у него на голове: это были десятки изодранных женских платьев, частью почти истлевших, частью совсем новых. На некоторых он увидел следы крови и опрометью бросился наружу.

И приказал себе успокоиться. Те, кто теряют голову в Боссонских Топях, теряют ее навсегда. Что ж, всем известно, что пикты совершают человеческие жертвоприношения. Возможно, здешнее племя похищает женщин, убивает их, а тела сжигает. Но тогда почему молчат мужья, почему фермеры и лучники не идут в Волчьи Холмы, чтобы уничтожить жуткое место и воздать дикарям по заслугам? Что-то тут не так...

Бада взглянул на кострища, чернеющие между кольями. Каждое из них могло хранить пепел какой-нибудь несчастной. Может быть, пикты приносят женщин издалека? Похищают на дорогах, в трупобах, воруют проституток, до которых никому нет дела? Чушь! Пиктам плевать, кого приносить в жертву, не станут они ради собственной безопасности унижаться до подобных экспедиций.

Что-то не так, снова сказал себе Бада Катль.

А глянув вокруг, повторил то же самое. Вслух.

Голоса своего он не услышал. Смрадное марево выползло из хижины и разливалось по всей поляне. Солнце

было прямо над головой и начинало жечь, словно в южной пустыне. Колья с нанизанными черепами колебались, как трава под водой, и тени от них тянулись к центру поляны, к хижине на сваях. Колья склонялись внутрь, вытягивались, их концы стремились сомкнуться, словно... Да, теперь Катль понял, на что это было похоже: так пикты складывали погребальный костер.

Как только он об этом подумал, со стороны хижины раздался резкий скрип и мужской идол слегка повернул голову. Потом двинул ногой... Катль метнул хассак. Он целил истукану в лоб, но лезвие вонзилось гораздо выше деревянной головы — в бревенчатую стену. Снова заскрипело, огромные груди буковой женщины колыхнулись... Бэда услышал чей-то отвратительный визг, понял, что визжит он сам, и метнул второй нож...

Только продравшись сквозь густой кустарник, в клочья изодрав одежду и упав лицом в мягкий влажный мох, он признался себе в том, что пиктская волшебка оказалась сильнее воли небожителей и отняла его дар.

Тогда Бэда Катль, гроза Боссонских Топей, заплакал как ребенок.

Глава девятая

Н у, Пудолапый, лоб у тебя, видно, из железа. Я ж тебе между глаз из пращи засадил шагов с двадцати. Другой бы уже на Серых Равнинах Нергала под хвост целовал, а ты мясо жрешь, да не жуя глотаешь!

— Это у тебя лоб из железа, киммериец. Я по нему палицей стукнул, а ему хоть бы что.

— Да не стукнул ты, я уклонился.

— Нет, стукнул!

— Нет, не стукнул, оглоблю тебе в брюхо!

— Не стукнул, так сейчас стукну, варвар неотесанный!

— Э, бросьте, стукнул — не стукнул. Вон Грибу досталось — до сих пор очухаться не может.

— За грехи мои тяжкие, клянусь сосцами небесной коровы, не иначе за грехи. А ведь это я первым признал Конана, да и кричу Гарчибальду: не иначе, это наш капитан, герой-киммериец, с которым мы пиктов под Велитриумом колошматили. Только Беспалый мне кивнуть успел, как наш герой-киммериец — на! — камнем мне под дых и залепил. Больно мне, месьюры, и не так больно, как обидно.

— Ты скажи спасибо, что камешек тебя вскользь задел. Да и оброс ты так, что мать родная не признает. Тебя, барон, тоже. Всего-то баронского осталось, что щит с собой таскаешь. Молодец. Ловко ты им мои снаряды отражал.

— Благодарю за честь, месьюр.

— Конан. Просто Конан-варвар, предатель и изменник. Таковым меня считают в Аквилонии.

— Но мы-то, твои старые боевые товарищи, никогда в это не поверим. Правда, месьор Гриб? Дайте ему еще хлебнуть, что-то он на бледную поганку стал похож. Да приложи к животу холодное, Пленси, твои стоны портят нам праздник. Все-таки встреча старых боевых друзей, сражавшихся под одними знаменами...

— Может быть, кто и сражался под знаменами аквилонского короля, только не Гуго Пудолапый. «Мы не будем драться с нашим бывшим командиром», — говорят эти ребята. А я сразу сказал так: не хотите, дело ваше, а старине Гуго за шлем обидно, и две тысячи золотом не помешают. Еще как! Седлаю я своего боевого коня...

— Да ты с седла-то не слезал!

— Седлаю, значит, коня и выезжаю в чисто поле. «Сдавайся, — говорю киммерийцу, — или я, Гуго Пудолапый, знаменитый и непобедимый, пленю тебя силой». Не хочет. Стали биться. Тут-то и треснул я его палицей по башке...

— Да не треснул ты меня, гора потрохов!

— Еще как треснул!

Лежа на подстилке из прелых листьев, Бэда слушал эту перепалку, наблюдая за скачущими по неровным стенам пещеры тенями четырех человек, сидевших вокруг жаркого костра. Конан и Гуго переругивались вяло, умиротворенные обильным возлиянием и жирной пищей. А ведь еще недавно готовы были сразить друг друга насмерть...

Под шум дождя, вовсю хлеставшего за сводами пещеры, Катль вспоминал, как все было.

Отлежавшись на мшистой поляне и дав впервые в жизни волю слезам, он прошел негустым сосновым лесом и вскоре оказался в каменном распадке. Чем дальше вела едва заметная тропа, тем выше и круче становились откосы, усеянные щебнем и валунами. Солнце уже перевалило зенит и било в глаза, а он все брел и брел, сам не зная куда: только бы не поворачивать назад и снова не оказаться возле пиктского капища.

Он не отрывал глаз от тропинки и не смотрел по сторонам. И только когда огромная остроконечная тень легла ему под ноги, поднял голову.

Бэда ожидал увидеть прямо перед собой башню или утес, но увидел всадника в островерхом шлеме. Всадник неподвижно стоял в том месте, где тропинка терялась за гребнем подъема, солнце светило ему в спину, и оттого лошадь и человек казались высеченными из черного гранита.

Катль решил было, что столкнулся с очередным идолом, но тут длинное копьё в руке великана опустилось, и сверкнувший серебром наконечник указал в грудь Бэды.

«Трепещи, ничтожный, — прогудел человек-гора, — трепещи и приготовься к смерти, ибо нечисть, подобная тебе, оскорбляет сияющий глаз Митры!»

Тут только Катль признал верзилу Гуго, одного из следопытов, виденных им в доме шарифа. Его рука метнулась к правому плечу, но ножны были пусты. У него оставался еще один хассак, у правого бедра, но, вспомнив, при каких обстоятельствах он лишился остального оружия, Бэда только застонал от собственного бессилия.

Не лучше ли позволить убить себя? Что остается ему, затравленному со всех сторон, лишенному последней своей защиты — дара богов?

Гремя доспехами и щитом, Гуго двинул своего тяжело-воза вниз.

«Я пригвозжу тебя, как ничтожное насекомое!» — ревел он.

Эти слова заставили Катля прийти в себя. Насекомое? Ну нет! Он пока еще не потерял своего прозвища. И если кот лишился когтей, то у него остались лапы!

Бэда метнулся вверх по склону, ловко цепляясь за редкие кусты и жесткую траву, полез на откос. Что-то свистнуло над ухом, и в землю вонзилась стрела. Бэда не сомневался, что наконечник у нее серебряный.

Он обернулся через плечо. Еще двое преследователей, возникнув словно из воздуха, бежали по тропинке с той стороны, откуда он только что пришел. В руках у Пленси Гриба был маленький лук, Гарчибалд целил в беглеца из арбалета.

«Осторожней, Гуго! — услышал Катль крик Беспалого. — Он может всадить тебе нож под забрало!»

Скурато спустил тетиву, стрела пропела в воздухе и едва не угодила Бэде в плечо. Он упал на четвереньки и пополз, прячась за валунами.

Укрывшись посреди склона, он осмотрелся и оценил свое положение. Положение было отчаянным. Далее, до самого гребня откоса, место было ровное и открытое. Если он постарается вскарабкаться наверх, стрелы преследователь найдут свою цель. Пока следопыты медлят, опасаясь его ножей, он может отсиживаться за камнями, но как только они поймут, что жертва не может оказать сопротивления, ему конец.

Катль вытащил длинный тяжелый хассак и взвесил его на ладони. Почувствовал, как дрожат пальцы, и понял, что, метни он нож, бросок не достигнет цели. Что ж, придется драться врукопашную. И подороже продать жизнь.

Шорох снизу заставил его выглянуть в узкую щель между камнями. За ближними валунами на склоне мелькнула шапка Пленси. Гарчибальда видно не было, но Бэда не сомневался, что Беспалый ужом скользит вверх за своим товарищем. Гуго маячил внизу на тропинке. Он не покинул седла и держал в руках осадный арбалет, готовясь поразить оборотня стрелой, способной пробить насквозь тушу быка.

Катль еще смотрел в щель, когда Пленси снова выстрелил. Глубоко посаженные глаза Скурато были острые, как у стервятника, а рука точной. Левое предплечье Бэды обожгло, и, зажимая рану, он отпрянул, упав спиной на острый щебень.

«Я попал! — крикнул Гриб. — Гарчибальд, прикройся щитом и бегом вперед, пока он не очухался!»

«В атаку, братия!» — заревел снизу Гуго, безуспешно пытаясь заставить своего коня идти вверх по склону. Убедившись в тщетности этой попытки, Пудолапый с досады пустил стрелу, и она ударила в валун, едва не расколов его пополам.

Вот тут и полетели камни. Первый угодил Пудолапому в надбровный обруч шлема, и великан замахал рукой в железной рукавице, словно отгоняя комара. Его конь попятился и испуганно заржал.

Второй снаряд ударился в щит Гарчибальда. Барон сразу присел: щит у него был рыцарский, вытянутый книзу, так что Беспалому удалось прикрыть не только голову, но и задницу.

«Берегись! — отчаянно завопил он из-за своего укрытия. — У этого ублюдка праща!»

«Кого ты назвал ублюдком?! — услышал Бэда над головой чей-то голос и, повернув голову, увидел на гребне откоса ярко освещенного солнцем черноволосого человека, крутившего над головой кожаный ремень с укрепленным булыжником. — Я заставлю тебя жрать камни!»

Барон высунул из-за щита руку с арбалетом и спустил крючок. Хотя мишень была как на ладони, болт пролетел далеко в стороне.

Пленси что-то отчаянно закричал своему товарищу и тут же с громким воплем покатился вниз по склону, уронив лук и прижимая ладони к животу.

«Хватит с вас? — спросил черноволосый грозно. — Может, ты, со щитом, хочешь драться со мной, как подобает мужчинам, один на один?»

Барон тем временем уже отступил вниз, и Пленси, сидя на земле, что-то ему втолковывал. Гуго все еще крутил башкой, ничего не видя после удара, смявшего надбровник его шлема.

Нежданый спаситель ловко спустился к валунам, за которыми лежал Бэда, и присел рядом. От него крепко пахло потом и вином.

«Кто ты?» — спросил он, внимательно разглядывая раненого.

«Меня зовут Катль, — ответил Бэда, — почему ты меня защищаешь?»

«Не люблю, когда трое на одного, да еще безоружного, — осклабился черноволосый. — Катль... Я слышал это имя. Не тот ли ты Катль, который убил Черного Джока? Если так, где твои знаменитые ножи?»

«А ты, видно, разбойник из Волчьих Холмов...» — начал было Бэда, но тут снизу донеслось: «Капитан! Мы узнали тебя, Конан-киммериец!»

«Вот и представились, — усмехнулся черноволосый, — пойду гляну, что это за негодяи зовут меня капитаном...»

Вспоминая сцену встречи старых боевых друзей, Бэда усмехнулся. Не окажись Пленси столь дальновзорким, бывшие знакомцы могли легко прикончить друг друга. Впрочем, Гуго, не принадлежавший к их компании, немного очухавшись, не успокоился и тут же потребовал удовлетворения за порчу шлема, который, по его словам, был позолоченным и некогда принадлежал древнему ахеронскому герою.

Конан осведомился, как Пудолапый предпочитает биться: пешим или конным?

Гуго важно заявил, что никогда не дерется пешим, а седло покидает только для того, чтобы пожрать и выпить.

Киммериец свистнул, и тут же прискакал неоседланный гнедой красавец, на спину которого варвар взлетел с ловкостью истинного дикаря.

«Если уж вы хотите драться, — сказал барон, — надо делать это по всем правилам. Во-первых, найти ровную площадку, чтобы противники могли разъехаться на должное расстояние для атаки. Затем — выбрать оружие. У тебя, Пудолапый, целый арсенал, а у Конана только меч за плечами. Так что выбирай что-нибудь одно: копье, палицу или свой Трипамадор».

«Может, хочешь на кулачках?» — хмыкнул киммериец.

Гуго смерил его презрительным взглядом и молча поехал вверх по тропинке.

Конан распорядился перевязать Бэду и забрать его с собой.

«Я беру этого человека под свою защиту, — сказал он, — пока вы мне не объясните, чем он так провинился».

Поединок состоялся на широкой прогалине за гребнем распадка. Катль, сидя у поваленного дерева, наблюдал, как сошлись врукопашную два богатыря, достойные друг друга. Гуго выбрал палицу, Конан обнажил меч. Они погнались коней навстречу и сшиблись так, что земля задрожала. Красное облако пыли скрыло противников, а когда они развели коней, чтобы перевести дух, железные рукавицы

Пудолапного были пусты, а киммериец сжимал только обломок меча. Лоб варвара украшала свежая ссадина.

Барон выступил вперед и торжественно, словно то был настоящий рыцарский турнир, возгласил: «Ввиду того что противники лишили друг друга оружия, они могут завершить поединок к общему удовлетворению и без ущерба для собственной чести!»

«Зуб Нергала тебе в кишки, — прохрипел киммериец, — ты сломал мне добрый меч!»

«Не более добрый, чем мой шлем, — так же хрипло отвечал Гуго, облизывая пересохшие губы. — Хоть ты и стоишь две тысячи золотых, но я больше ценю хорошую драку, чем подачки аквилонского короля. Я удовлетворен, и если вы принимаете меня в свою компанию, не худо бы отыскать какую-нибудь ферму, чтобы зажарить барана и вышибить дно у винной бочки».

«Две тысячи золотых? — переспросил Конан удивленно. — Так вы охотитесь не за Катлем, а за мной?»

«Мы охотимся за оборотнем, — объяснил Гарчибальд, — а по твою душу из Аквилонии прибыл отряд во главе с неким месьором Драганом. Сейчас они движутся к Волчьим Холмам, чтобы обыскать их до последнего камня».

«Ладно, — сказал Конан, — считайте, что смогли распалить мое любопытство. Приглашаю всех в свою берлогу. Кстати, там найдется чем набить брюхо и утолить жажду».

Глава десятая

— **О**дно меня удручает,— сказал Гуго, сыто рыгнув и утерев лоснящиеся губы,— мои дорожные расходы. Из Орисконти сюда путь неблизкий, а я рассчитывал получить от шарифа Партера мешок монет за голову волколака. Может, ты все же оборотень, а, парень?

— Эй,— сказал Конан,— он жрал твой чеснок?

— Ну жрал...

— Надевал ему Гриб на пальцы кольца Иштар? Вешал на шею лапки зайца? Давал поддержать корень мандрагоры?

— Ну надевал, вешал, давал...

— Так каких доказательств тебе еще нужно? Ни один оборотень не выдержит подобного испытания. Да если бы Катля был волколаком, у него рука бы отсохла. Наконечник-то стрелы, которой его Пленси ранил, был серебряным.

— Может, еще отсохнет,— сказал упрямый Гуго.— Может, он не простой оборотень, а оллах.

— Это ты брось,— сказал барон,— чтобы стать оллахом и по своему усмотрению, когда захочешь, менять обличье, надо не один десяток лет служить темным богам. А Катля многие знают, он в Боссонских Топях всегда на виду был, а потом на каторге в Немедийских горах горбатился.

— Тогда кто шарифу грудь подрал? — не унимался Пудолапый.— Ты подрал, а, парень?

— Нет,— сказал Бэда.

Он все еще не доверял этим людям: ни следопытам, совсем недавно собиравшимся его прикончить, ни кимме-

рийцу, которого хотел убить сам. Поэтому старался держать язык за зубами.

— Шариф Партер — старая лиса,— задумчиво произнес Конан, разглядывая пустое дно своей кружки,— сдается мне, не все так просто, как вы тут рассказываете. Ну не хочет он Катля в зятя, так подослал бы убийц, чего огород городить. Значит, скребет что-то грудь старику, да не снаружи, а изнутри. Значит, какая-то волчара по округе все же бродит...

— О том многие говорят,— вставил Гриб, с трудом ворочая языком,— тварь скот режет и людей пугает... Да вот хоть фермер этот давеча рассказывал... Как бишь его?

— Баткин,— подсказал Гарчибальд.

— Волк, говорит, его за мужскую гордость прикусил. Несильно, правда, ничего не попортил, но пугнул изрядно.

— Я знаю этого Баткина,— сказал Конан.— И брата его Стайва знаю. Трусливые людишки. Я у них на ферме харчился, благо рядом, так они на меня засаду устроили. Пришлось Стайву этому физиономию попортить.

— А он тебя за Черного Джокя принял! — расхохотался барон.— Кстати, капитан, откуда у тебя Ситец?

— Ситец? — варвар недоуменно оглядел свою потертую одежду.— Мне больше нравится кожа.

— Ситец — это жеребец покойного Джокя. Ты на нем ездил.

— Надо же,— Конан подлил себе вина,— а я и не знал. Встретил тут как-то одного парня. Он был верхом, я на своих двоих. Несправедливо вроде бы. Потолковали, он и уступил мне конягу. Только он ее по-другому величал, а я никак не зову. Значит, братец фермера решил, что Черный Джок вернулся с Серых Равнин?

— Вроде того. Баткин шарифу жаловаться приходил, помощи просил: холмы прочесывать. А у Партера свои виды...

— Я на баткинской ферме не только харчился,— ухмыльнулся киммериец,— но и, бывало, ночевал на чердаке. Эти дурни и не ведали, какой тать у них над головами

таится. Дом у них захудалый, щели в потолке, а сквозь щели многое слышно. Так что я в курсе всех сплетен. И вот что меня удивляет: шариф нынче скачет, что блоха, а ведь больной старикашка, и лекарь от него не отходит...

— Ну, лекарь, положим, дочку шарифову пользует,— возразил Гарчибальд,— она, говорят, от несчастной любви занедужила. Как Бэду на каторгу сослали, так с ней это и приключилось.

Варвар хмыкнул.

— Вы, парни, недавно в Либидуме, а я, считай, здешний, три месяца в Волчьих Холмах хоронюсь. Знаете, что люди болтают? Что девчонку Партерову никто больной не видел, бодра и весела, и мотыльком порхает. А вот шариф сдал. Припадки у него, сказывают, случаются, и все больше ближе к полнолунию.

Следопыты удивленно помолчали, только Гуго пробормотал что-то невнятное, догрызая баранью кость.

— Ты на что намекаешь, Конан? — спросил Пленси.

— У тебя голова есть, сам думай. А чтобы легче было, скажу, что знавал когда-то лекаря, именуемого себя Страдинадо. Служил я тогда наемником у короля Зингары, который чуть было меня не повесил, но это к делу не относится. Так вот, Страдинадо лечил одного нашего офицера, которого покусала бешеная собака. Очень большая и очень бешеная собака. А может, и не собака. Разное болтали...

— Ты вот что,— пробасил тут Пудолапый, шаря вокруг в поисках винного меха,— ты говори яснее. Я так думаю: ежели волколак есть, его надо убить. Но если оборотень — сам шариф, то от кого мы получим награду?

— Давайте подсунем Партеру корень мандрагоры,— предложил Скурато.

— А я сейчас вспоминаю,— сказал Гуго,— что Партер этот все меня сторонился, когда мы с ним болтали. Не меня, видать, сторонился, а чесночного запаха...

— Так что же получается,— растерянно сказал Пленси,— шариф сам на себя охотится?

— Как говорят книжники — парадокс,— заметил барон.

— Охотится шариф за Катлем,— Конан кивнул на притихшего Бэду,— но Катль — подсадная утка. Ежели бы вы его прикончили, Партер отвел бы от себя подозрения, а там, глядишь, зингарец и избавил бы шарифа от недуга. Так я предполагаю. Но кое-что не сходится. Уж больно разное болтают об этом волке. Вот если бы порасспросить того, кто его видел...

— Я его видел,— подал голос Бэда.

Гарчибальд Беспалый поперхнулся вином и закашлялся.

Пленси Скурато принялся мучительно икать.

Гуго Пудолапый зарычал и так сдавил мех, что струя вина ударила в потолок пещеры.

Только Конан остался совершенно спокоен.

— Говори! — потребовал он.

И Бэда рассказал о своем ночном видении. Он старался не сболтнуть лишнего, но его словно прорвало, и он поведал о страшных зеленых глазах, горевших холодной злобой на морде, напоминавшей медную маску, о пиктском капище, о тряпье в бревенчатой хижине, о странных тенях и оживших идолах, которых он пытался поразить своими ножами. Что из этого вышло, он тоже не смог утаить.

Следопыты притихли. Рассказ Катля произвел на них должное впечатление. Каждый из них не раз бывал за Черной рекой. А за Черной рекой много пиктских идолов и святилищ, и что это такое, Гарчибальд, Пленси и Гуго отлично ведали.

И недоуменно уставились на Конана, когда тот, усмехнувшись, пожал плечами.

— Я знаю это место,— сказал киммериец,— и колдуна Белое Ухо знаю. Хороший пикт, полное ничтожество. Спился вконец, маски режет и продает, а на вырученное брагу покупает. Думаю, лоскуты, которые Бэда видел, ему для масок и надобны, для украшения.

— Пикт? — пробасил Гуго.— Капище в трех лигах от форта? Как такое возможно?

— Ты, наверное, знаешь, на что способны пиктские шаманы,— ответил Конан.— Они хорошо понимают камни

и могут расставить их так, что никто не пройдет к святилицу. Не могу сказать, почему Катль там оказался, может быть, случайно. А местечко и впрямь жуткое, хотя заслуга в том не нашего колдуна, а его предков, ведавших, как ладить с темными силами.

— Но ты-то как с ним познакомился? — подозрительно спросил Пудолапый.

— Не я с ним, а он со мной. Случилось так, что аквилонские ищейки почти настигли меня на границе Боссонских Топей. Я смог уйти, но был ранен, и здесь, в Волчьих Холмах, найдя подходящую пещеру, решил отлежаться. Рана моя оказалась намного серьезней, чем я думал, и Серые Равнины замаячили вполне отчетливо. Сколько провалялся в беспамятстве — сказать не могу, только Нергал зря готовил свои вины: кто-то помог мне выкарабкаться. Помню, очнувшись, почувствовал, что глотка пылает жарким огнем, а по губам течет огненная жидкость... Я протянул руку и нащупал что-то мохнатое и теплое. А когда снова пришел в себя, увидел краснорожего старика, который принес мне мяса. Это был пикт Белое Ухо в меховой безрукавке до колен, подпоясанной кожаным ремнем. Думаю, в нее-то я и запустил пальцы, когда меня поили целебным зельем.

— Поразительно! — воскликнул Гриб, столь удивленный рассказом варвара, что даже перестал икать. — Пикт спасает киммерийца!

— Я бы сказал, что мало верится в великодушие пиктов по отношению к кому бы то ни было, — задумчиво молвил Гарчибальд. — Им что киммериец, что зембабвиец — все едино. Как объяснил Белое Ухо свой странный поступок?

— А никак, — ухмыльнулся Конан. — Мы почти не разговаривали. Колдун наведывался и впоследствии, и даже оказал мне честь, пригласив в свое жилище, но, думаю, небескорыстно. Когда я окреп и стал делать ночные визиты окрестным фермерам, Белое Ухо всегда получал свой кувшинчик вина.

— Дикарь дикаря нюхом чует, — пробурчал Гуго, — ты, киммериец, хоть и был аквилонским капитаном, а якшаешься Нергал знает с кем.

— Предпочитаю перегар запаху чеснока, — парировал Конан. — Ты мне надоел, Пудолапый, и оборотни уже тоску нагоняют. Если охота — сами головы ломайте, что тут к чему. Может, и нет никакого волколака, а может, их тут целый выводок бродит. Один, с медной мордой — среди черных камней, другой — на ферме у Баткина, а третьего я и сам видел...

— Видел?! — хором вскричали следопыты. — Ты тоже его видел?

— Да крутился какой-то зверь при колдуне пиктском, пару раз с ним являлся. Только ничего жуткого я в нем не заметил. Симпатичная даже волчара, шерсть белая...

Следопыты потребовали подробностей. Конан послал их к Нергалу. Гуго возмутился и напомнил, что они здесь не для того, чтобы вино хлебать и мясо трескать, а по делу. Киммериец заметил, что их дело — это их дело, а у него есть забота поважнее. И если Гуго, Гарчибальд и Пленси помогут ему разобраться с аквилонскими вояками и месью Драганом, он, возможно, поохотится с ними хоть на оборотня, хоть на оллаха. Пудолапый хотел было бросить Конану свою железную перчатку, не нашел ее, прикончил вино и вступил в боевой союз против аквилонцев.

Пленси робко поинтересовался, как капитан собирается разгромить силы противника, имеющего численное преимущество и отряд боссонских стрелков в резерве.

— Боссонцев надо уговорить выступить на нашей стороне, — сказал Конан. — Пошлем к ним барона.

Гарчибальд подумал и кивнул:

— У них командиром Нанц Рослый, он тоже дрался под Велитриумом.

— А месью Драгану устроим славную ночь, — ухмыльнулся варвар, доставая из-под кошмы запасной меч. — Они наверняка разобьют лагерь неподалеку, и я знаю где. Сделаем так...

Когда киммериец кончил излагать свой план, тучи разошлись, и блики вечернего солнца весело заиграли на мокрых камнях.

Глава одиннадцатая

Месьор Драган заложил за воротник камзола атласный платок, украшенный его монограммой (в центре) и изображениями пышнохвостых павлинов (по углам), достал из парчового чехольчика серебряные вилку и нож, осенил лицо круговым движением ладони (в честь Митры Пресветлого) и приготовился к вкушению ужина и продолжению приятной беседы.

В шатре, разбитом на сухой поляне посреди сосновой рощи, был установлен стол, покрытый алой, с бахромой и кистями скатертью, складные кресла, походные сундуки и бронзовые подставки, в которых горели факелы. Весело потрескивал огонь, дым струйкой сочился в отверстие, устроенное в центре матерчатой крыши. За пологом входа навытяжку стояли два аквилонца с мечами наголо, охраняя покой своего командира.

Командир же наслаждался приятнейшим обществом юной дамы Эллис, чье свежее личико светилось между мрачных усатых физиономий двух сержантов, приглашенных на ужин, дабы соблюсти приличия.

— Да, приличия, — разглагольствовал Драган, аккуратно беря вилку в левую руку, — что ни говори, но мы, аристократы, должны подавать пример своим поведением. Митра лепил людей из разного материала, и нашему сословию достался самый изысканный и благородный. Если хочешь обедать за королевским столом, умея пережевывать пищу не чавкая и вовремя утирать рот платком. Но я

вижу, у вас нет столового прибора? Разрешите предложить мой запасной...

— Я не голодна, — отвечала Эллис, — съем, пожалуй, только фруктов. А если мне нужно будет что-нибудь резать, поверьте, найдется чем...

— О, простите, — галантно привстал рыцарь, — я запятовал, что вы бываете в этих диких землях лишь наездами, а большую часть времени проводите в замке своего дядюшки-виконта в Аквилонии. Не сомневаюсь, что за его столом едят по всем правилам. Ваш отец поступает весьма мудро, отправляя дочь на воспитание в благородное семейство.

Эллис поморщилась, но Драган этого не заметил.

— Хотите потешу вас историей о превратностях куртуазных наук? — спросил он и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Случилось так, что дама моего сердца, путешествуя по Немедии в сопровождении лишь небольшого отряда верных слуг, была похищена неким злодеем, имя которого недостойно даже упоминания. Верный рыцарскому долгу, пустился я в путь, дабы вызволить ее и заслужить благосклонный взгляд. При мне был оруженосец и два верных товарища со своими подручными. Мы были в двух дневных переходах от замка похитителя, когда, проезжая по некоей мрачной местности, попали в узкое ущелье и были остановлены ранее скрытыми и нежданно натянутыми цепями позади и впереди нас. Какие-то люди числом дюжин в пять окружили нас и приказали немедленно следовать за собой.

Я хотел принять бой, но мои товарищи упростили этого не делать, дабы не сложить понапрасну головы. Тем более что нас не понуждали сдаться и сложить оружие, а призвали исполнить старинный обычай и нанести визит местному месьору, хозяину тех земель.

Последовав за вассалами, мы вскоре прибыли к замку, являвшему собой вид удручающий, если не сказать убогий. Всего одна башня, окруженная толстой стеной, сложенной из неровных камней, без амбразур, с огромными зубцами наверху. Ров был узок и завален мусором, механизм моста так проржавел, что его использовали не каждую ночь, а

лишь при появлении неприятеля. Словом, будь у меня под рукой лишь небольшое войско, я взял бы это убежище за время, надобное воробью, чтобы склевать пригоршню зерен.

Владел сим строением некий Лохтер Тугоусый. Он принял нас в низкой зале, устроенной в первом этаже башни, возле огромного камина, в котором горел целый дуб. Верх очага был украшен копьями, алебардами и грубыми рельефами с гербом владельца, но эти украшения были массивны и неискusstны и не могли ласкать глаз, как чудные скульптурные произведения нашей Аквилонии, где все так тонко, изящно и художественно...

При этих словах Эллис незаметно зевнула, прикрыв рот ладошкой. Месьор Драган, занятый сложным процессом разделывания с помощью ножа и вилки куриной ножки, продолжал, не отрывая глаз от тарелки:

— В зале стоял огромный стол, полы устилал сухой камыш, и бегали многочисленные собаки. Лохтер угостил нас кабаном, причем мы были вынуждены отрезать ножами куски от целой туши. Вино, довольно кислое, подавали в кожаных кружках, размером с ночную вазу...

— Какой ужас! — воскликнула Эллис.

— Простите, если оскорбил ваш слух этим сравнением, — поднял глаза аквилонец, — мне не следовало упоминать сей предмет в присутствии дамы. Что делать, даже самые утонченные сердца грубеют от походной жизни. Еще раз простите.

— Охотно прощаю вас, месьор рыцарь, — проворковала девушка, — хотя меня потрясло не ваше сравнение, а размеры посуды, из которой вам пришлось пить вино. Вы, наверно, привыкли к серебряным бокалам...

— Серебро, хрусталь, кхитайский фарфор — каждому напитку должна соответствовать своя посуда. Только варвары способны пить из одной чаши и брагу, и пуантенское. Но самым ужасным во время нашего пребывания в замке Тугоусого было вовсе не это. Истинным кошмаром, сравнимым лишь со стигийскими изображениями темных богов, был сын хозяина.

— Он оказался уродом?

— Не то чтобы уродом, хотя и красавцем этого юношу я бы не назвал. Как у всех немедийцев, лицо у него было бледное и тупое. Суть дела не в этом. Имея в Аквилонии каких-то дальних родственников, Лохтер намерился устроить через них своего отпрыска ко двору короля Нумедидеса, дабы там этого недоросля посвятили в рыцари. Идея весьма бредовая, и мы стали заложниками мании Тугоусого.

Я и мои товарищи оказались гостями-пленниками. Нас кормили до отвала и поили допьяна, но со двора не выпускали, и двери наших комнат на ночь запирались снаружи. Условием же освобождения Лохтер, узнав, что я вхож во дворцы Тарантии, поставил следующее: обучить его сына хорошим манерам, о которых сам хозяин замка имел весьма смутное представление.

Делать нечего, пришлось взяться за воспитание отрока. Для начала я вручил ему свой резервный столовый прибор и постарался научить не хватать мясо руками. Но он все время колол себе пальцы и губы вилкой, так что пришлось вырезать деревянную, с тупыми концами, и за две седмицы сей рекрут куртуазности научился попадать ею в кусок на тарелке.

Потом я научил его сморкаться в платок, нюхать мускусные яблоки и не поминать при дамах Нергала и всех демонов преисподней. Через месяц он уже умел шаркать ножкой и заучил пару строф из Кольера...

— Простите, что вас перебиваю, — вставила Эллис, — но мне кажется, войдя во вкус педагогики, вы забыли о цели своей экспедиции.

— Ни на миг, моя красавица! Сердце мое разрывалось от воспоминаний и рвалось сквозь прутья решетки на окне моей кельи. Но что поделать, судьба бывает сильнее нас, и надо уметь ей покоряться. Кроме того, Лохтер Тугоусый обещал неплохую плату за мой скромный труд, и я намеревался использовать золото для выкупа своей дамы, если бы мне не удалось отвоевать ее силой.

— Похвальная предусмотрительность, — кивнула девушка, пряча улыбку. — И чем же кончилась эта история?

— О, я полностью преуспел в деле обучения, и наследник Лохтера отбыл в Аквилонию. Мы же отправились дальше и ясным осенним днем достигли намеченной цели.

— Вы освободили свою даму?

— Увы, я опоздал. Злодей, имя которого недостойно упоминания, склонил несчастную, и она отдала ему если не сердце, то руку. Раздосадованный, я вынужден был вернуться в Тарантию, где старался забыться, усердно служа короне. Но вы, мое дитя, должны меня понимать, как никто другой, ибо ваш возлюбленный нанес вам подобную рану... Кстати, что говорят эти грубияны Гарчибальд и Пленси? Они обнаружили следы беглеца, имевшего наглость покушаться на жизнь вашего достойного родителя?

— Нет, ни человеческих, ни волчьих.

Драган презрительно скривил тонкие губы.

— Странно. Сегодня ночь полнолуния, так что Катлю пора бы обрастать волчьей шкурой, если он не сделал этого раньше. Признаюсь, всегда считал легенды о волколаках сказками, а славу боссонских следопытов весьма преувеличенной. Они ничего не нашли! А я, аквилонец, обнаружил в холмах стоянку изменника, пещеру, в которой еще теплились угли. Беглец неподалеку, и ему никуда не деться, так как отсюда только один путь среди болот — тропа, ведущая в Долину Волчьей Пасти. Среди боссонских лучников есть два бывших охотника, они помогут мне не потерять след.

— Разрешите спросить вас, месьор рыцарь...

— О чем угодно, дорогая, о чем угодно!

— Почему его величество счел нужным послать за этим человеком вооруженный отряд? Считается, что любой преступник, пересекая границу Боссонских Топей, получает отпущение и может в борьбе с пиктами кровью искупить прежние грехи.

Лицо Драгана сделалось каменным.

— Это изменник, предавший короля и подло его обманувший! — воскликнул аквилонец грозно. — Таким нет прощенья, и я поклялся, что доставлю его в Тарантию живого или мертвого, если сам не погибну. Это дело чести, прекрасная дама, рыцарской чести!

Эллис улыбнулась и слегка надкусила сочное яблоко.

— Что ж, вы меня убедили. Клятвы, так или иначе, надо исполнять. Разрешите мне сейчас удалиться, ибо отец мой неважно себя чувствует и за ним нужен пригляд. Но напоследок, в благодарность за ваш увлекательный рассказ, хочу тоже поведать одну маленькую и весьма куртуазную историю.

— С удовольствием послушаю.

— Мой дядюшка как-то решил устроить завтрак на свежем воздухе. Съехалось много приглашенных, в том числе и одна юная пара, оруженосец и его возлюбленная. Все знали, что они сгорают от страсти, поэтому не слишком обеспокоились, когда парочка сразу же куда-то исчезла. Общество весьма чинно пировало за накрытым на поляне столом, когда фореитор решил отогнать стоявший напротив экипаж. Каково же было удивление кавалеров и дам, когда взорам их предстали два юных существа, скрытых доселе колесами повозки...

— Что же они делали? — спросил аквилонец машинально.

— *Пихались*, что же еще!

Драган поперхнулся кусочком куриной плоти, и лицо его побагровело.

— Хм, — сказал он, — как?

— О, да я вижу, вы не знаете этого боссонского словечка. Они совокуплялись, месьор, и взорам публики явилась розовая попка виконта и прелестные ножки его возлюбленной, задранные к небу... Если у вас сперло дыхание, попросите сержанта постучать вас по спине, а мне пора.

— Я провожу, — едва выдавил рыцарь.

— Не стоит беспокоиться. Если ваша солдатня вздумает хватать меня за ноги, я сумею за себя постоять.

И тонкой изящной рукой девушка извлекла откуда-то из складок платья большой железный нож с грубой рукоятью. Взяла из вазы орех, положила на стол и расколола точным ударом тяжелого лезвия. Затем, не говоря больше ни слова, вышла из шатра.

Некоторое время мужчины сидели молча, потом один из сержантов, тот, что помоложе, загоготал.

— Ай да баба! — воскликнул он, хлопая себя по ляжкам.— Что за история, Нергал меня задерж!

— Заткнись, Гайвор,— приказал Драган,— или я пересчитаю тебе зубы. Хотя, ты прав, клянусь прелестями Иштар, эта женщина произвела на меня впечатление. Ставлю сто золотых, что не далее чем послезавтра она станет моею!

— Если раньше не вспорет твое брюхо своим тесаком! — хохотнул второй сержант.

— Сто пятьдесят!

— Идет, командир, только пиши расписку: в случае чего получим у твоего душеприказчика.

Когда рыцарь вышел на свежий воздух, сердце его стучало тяжело и часто. Женщина бросила ему вызов, и он его принял. Дикая, страстная боссонская сучка...

Полная луна поднималась из-за темных ветвей сосен. С ближних болот доносилось уханье и какой-то шелест. Драган был доволен собой. Охотники отыскивали пещеру Конана, они взяли след беглеца, который имел неосторожность вступить на тропу, ведущую в каменный мешок долины со зловещим названием. Завтра они его настигнут, никуда не денется. А пока можно и передохнуть на единственном сухом и удобном месте, где он приказал разбить лагерь.

Его люди сидели вокруг костра, попивали винцо и закусывали. Пусть расслабятся, завтра трудный день.

Шариф со своей рванью разбил стоянку поодаль. Там тоже пылал костер, звенели чарки, и несколько луженых глоток нестройно орали песню боссонских охотников за оборотнями:

Тело, повиснув на деревяшке,
Станет подобно ничтожной букашке,
Коиx мужи, от рожденья убогие,
Колют булавками в доски дубовые.
Так и герой, над волшбою всесильный,
Нечисть разит чесноком и осиною!
С нами Мардук! С нами Мардук!
Каждому оллаху — в задницу сук!

«Не оллаху, а олуху,— злобно подумал Драган.— Всех бы вас, ублюдков, на кол».

Он собирался проверить посты и уже шагнул вперед, когда какой-то странный звук, долетевший сверху, привлек его внимание. Огромная ветвь отделилась от ствола ближней сосны и, чернея на фоне лунного неба, как крыло огромной птицы, стремительно понеслась прямо к шатру. Драган едва успел отскочить в сторону, когда тяжелый сук рухнул на матерчатые стены, смяв их и обрушив внутрь. Раздались вопли, ткань занялась от пламени факелов, и остатки шатра в один миг превратились в сноп яркого огня.

Аквилонцы вскочили и поспешили на помощь своему командиру, думая, что он остался внутри... И стали один за другим проваливаться под землю. Поляна наполнилась воплями и предсмертными хрипами, несущимися словно из преисподней.

— Назад! — заорал Драган во всю силу легких.— Ловушка! Здесь волчьи ямы!

Откуда взялись ямы на поляне, исхоженной только что вдоль и поперек, он подумать не успел.

Со стороны лагеря боссонцев тоже послышались шум и вопли.

Огромная тень метнулась к кустам, за которыми начинались болота. На мгновение существо оказалось в полосе лунного света, сверкнув медным отливом, и скрылось.

— Пикты! — кричал кто-то.— Там, в болоте, пикты!

Аквилонцы сгрудились у своего костра, боясь сделать шаг в сторону и угодить в ловушку. Боссонские стрелки и люди шарифа беспорядочно посылали в кусты стрелы из луков и арбалетов.

Глава двенадцатая

Но откуда они взялись? — воскликнул Пленси Скурато, горестно почесывая бородавку на остром носу. — Надо же, мы могли покончить с аквилонцами уже прошлой ночью, а пришлось снова стать их союзниками против дикарей!

— Мы вовсе не собирались уничтожить аквилонский отряд, — напомнил Конан. — Ям было всего две, и люди Драгана не настолько глупы, чтобы валиться в них стройными рядами. Правда, если бы бревно накрыло в шатре их командира, аквилонцы повернули бы назад. Во всяком случае, я на это надеялся.

— Все сработало как нельзя лучше, — кивнул Гриб. — Хотя Драган и уцелел, оба его сержанта погибли. Шуму было много, королевские вояки напуганы... Мне приходилось видеть в действии пиктские ловушки, но, признаюсь, никогда не мог уразуметь их механику.

— Система веревок и противовесов. — Киммериец отложил в сторону точильный брусок и внимательно оглядел лезвие своего меча. — Дергаешь за один конец, груз срывает укрепленное на дереве бревно, а то, в свою очередь, тянет скрытые веревки, раздвигающие под слоем дерна жерди волчьих ям. Ямы старые, я лишь слегка их подновил да укрепил колья. Сколько аквилонцев туда угодило?

— Человек восемь. Только двое остались живы. Их вместе с другими ранеными фермеры забрали с собой в Либидум.

— Значит, все люди шарифа вернулись в форт?

— Кроме одного паренька по имени Лесс. Сказал, что мечтает познакомиться с героем Тусцелана. Мы оставили его возле моста следить за аквилонцами.

— А месьор Драган отважно идет вперед...

— Рыцарь уверен, что ты снюхался с пиктами, и поклялся отомстить хотя бы ценой собственной жизни.

— Настоящий герой. Хотя он больше надеется на стрелы боссонских лучников, чем на собственный меч. Думаю, месьор рыцарь будет несколько озадачен, когда эти стрелы полетят в его воинов. Повтори-ка, что сказал Нунц Рослый.

— Когда Гарчибальд сообщил ему, за кем охотится Драган, Нунц задумался. Он хорошо помнит тебя, Конан, но человек он осторожный и предан Бранту. Если бы он напал на аквилонцев без видимых причин, это вызвало бы осложнения между губернатором Тхандары и властями метрополии.

— Я это учитывал. Потому и не остался с вами там, на поляне. В случае нашего открытого нападения Нунц со своими стрелками стал бы защищать королевских ищеек.

— Совершенно верно, — кивнул Пленси, — но если аквилонцы первыми нападут на людей шарифа, а мы с Пудолапым таковыми считаемся, Нунц встанет на нашу сторону...

— Ваши планы слишком мудрены для моего разума, — пробасил Гуго, разгребая палкой тлеющие угли костра. Это был уже третий костер из тех, которые они разжигали, отступая в глубь долины, чтобы следы стоянок не оставляли у преследователей сомнений: дичь близка. — Давайте сделаем так: я атакую аквилонских ублюдков в центре, а вы ударите с флангов...

— Ты, Пудолапый, конечно, один стоишь целого войска, — откликнулся Гриб, — но не забывай все же, что нас только трое, а у Драгана почти сотня воинов.

Гуго пожал плечами:

— Ну, может, троих и маловато. Не понимаю, зачем Гарчибальду понадобилось оставаться с боссонскими лучниками. Щит и меч у барона хоть и не так хороши, как мои, но сейчас пригодились бы.

— Как говорится: «Союзнику доверяй, да приглядывай», — хмыкнул киммериец, возвращая наточенный клинок в заплечные ножны. — Беспальный проследит, чтобы Нунц не передумал. И потом, даже четверо против сотни — это для героических баллад, а не для настоящей схватки.

— И Бэда ваш сбежал, — проворчал Пудолапый. — Подозрительный парень. Может, и не оборотень, а подозрительный...

— Катль отправился искать невесту, его понять можно. Что ему было еще делать, когда вы рассказали, что девочку и шарифа ночью похитили пикты. Или не пикты, в темноте все кошки серы...

— Как же, не пикты, — возмутился Гриб, — я сам каменный топор видел, который у одного парня между лопаток засел. Кто еще каменными топорами швыряться станет? Что же касается кошек, то их точно не было. А был здоровенный волк: промчался через поляну, сбил с ног пятерых и канул в кусты. Мы было за ним сунулись, а там болото, а в болоте — дикари. Метнули в нас свои дротики и растворились, словно призраки. А когда мы к костру вернулись — ни шарифа, ни Эллис там уже не было. Фермеры до того перепугались, что решили вернуться в Либидум, а мы с Пудолапым сюда подались.

— А может, шариф исчез еще до того, как волк появился? — спросил Конан мрачно.

— Да кто же теперь вспомнит, переполох был изрядный...

— Я тоже эту зверюгу видел, — сказал Гуго. — Большой волк, и шерсть у него блестит, что доспех начищенный... Ба, да не о нем ли Катль толковал?!

— Может, и о нем, — сказал Конан, — только что гадать попусту, у нас дело поважней есть. Пока вы с ночными видениями бились, мы с Бэдой долину эту излазили, и я прикинул, как лучше аквилонцев встретить. Поднимайтесь, вояки, пора осматривать нашу крепость.

Они растреножили коней, Пленси уместился позади киммерийца, и всадники двинулись в путь.

Долина Волчьей Пасти представляла собой бесплодную котловину, окруженную довольно крутыми откосами, на гребнях которых, словно зубы, торчали неровные камни. Может быть, их вид и надушил первых поселенцев дать этому месту столь зловещее название.

Долина постепенно сужалась, оканчиваясь тесным ущельем, сжатым отвесными каменными стенами. Возле горловины высилось некое древнее сооружение. Это были три огромных камня, черных, растрескавшихся от времени, ихлестанных дождями и ветрами. Два монолита стояли вертикально, словно колонны храма, третий лежал сверху, образуя гигантский портал, ведущий в никуда. По бокам этих мрачных ворот темнели большие каменные чаши, а между опорами был насыпан земляной вал в рост человека, осыпавшийся и поросший чахлыми кустами.

— Отличное укрытие, — кивнул киммериец в сторону постройки. — Дождемся аквилонцев, ввяжемся в драку, а потом отступим под защиту этих камней. Из-за вала можно отстреливаться, а там и лучники в тыл королевским собакам ударят.

— Две вещи мне более всего не по нраву, — прогудел Пудолапый, настороженно озираясь по сторонам, — отступление и постройки древних колдунов. Плохое это место, нутром чую.

— Плохое не плохое, — сказал Пленси, — а другого нет, и спрятаться больше негде.

— Не люблю засады, — сказал Гуго упрямо.

— Тогда какой же ты следопыт?

— Да не хуже тебя, плюгавый!

Конан пресек этот спор, напомнив, кто здесь главный. Пудолапый хотел было что-то возразить, но тут Пленси воскликнул: «Всадник!»

Облачко пыли катилось по дну долины, и вскоре юный Лесс осадил возле них взмыленную лошадь.

— Аквилонцы! — прокричал он, еще не успев соскочить с седла. — Они перешли мост над Темным Провалом, а потом мост сгорел! Боссонцы отрезаны и возвращаются в Либидум!

Глава тринадцатая

Птицы во всю распевали утренние песни, первые солнечные лучи золотили вершины скал, и месьор Драган, уверенной рукой направляя коня по каменистой тропинке, пребывал в боевом расположении духа.

А ведь еще недавно гнев, злоба и отчаяние душили рыцаря. Двое его сержантов сгорели заживо, шестеро воинов погибли, пронзенные кольями в волчьих ямах, еще трое были убиты пиктами. Драган не сомневался, что ночное нападение устроил Конан, вступивший в сговор с дикарями. Чего еще ожидать от гнусного предателя? Теперь только черноволосая голова варвара, брошенная к трону Нумедидеса, послужит оправданием потерь, которые понес аквилонский отряд.

В том, что наступит и убьет киммерийца, Драган не сомневался. Тем более сейчас, когда рядом, стремя в стремя, ехала Эллис, обеспокоенная судьбой отца и готовая провести аквилонцев в Долину Волчьей Пасти кратчайшей дорогой: через мост над Темным Провалом.

Девушка нашла командира королевских воинов, когда полная луна уже опустилась за темные болота. Куда девались ее задор и вызывающее поведение? Она была просто перепуганной девчонкой, ищущей мужского покровительства. Упала на грудь рыцаря и оросила его кольчугу обильными слезами. Заламывала руки и умоляла помочь, умоляла немедленно пуститься в погоню и отбить шарифа у похитителей. И, полагал Драган, была готова заплатить любую цену...

Что ж, он предлагал Эллис свой меч и сдержит обещание. Удел истинного рыцаря — служить прекрасной даме. Тем более что хваленые следопыты, этот неотесанный болван Гуго и замухрышка Пленси, куда-то исчезли: то ли сбежали, то ли сгнули в болоте под пиктскими топорами. Трусливые фермеры поспешно ретировались под защиту стен форта, даже не подумав спасти своего шарифа. Правда, оставался еще горе-барон, но он держался незаметно, предпочитая общество боссонских лучников.

Теперь Эллис ехала рядом, тихая и покорная. Пикты, похитившие ее отца, наверняка отступят в Долину Волчьей Пасти, говорила она. Там, ходят слухи, есть древний алтарь, на котором некогда совершались кровавые человеческие жертвоприношения. Пиктов, видимо, немного, иначе они не могли бы долго скрываться на обжитых землях. Возможно, приближается время какого-то священнодействия, и преступник, которого ищет Драган, смог убедить дикарей напасть на отряд, чтобы похитить жертву для страшного обряда, сам же надеясь поквитаться с аквилонцами и заставить их повернуть обратно.

Слова девушки казались Драгану вполне разумными. Как бы то ни было, с пиктами его люди справятся. А еще лучше приказать боссонским лучникам просто расстрелять дикарей. Конана возьмут его люди. А когда найдется шариф, живой или мертвый, он потребует у своей прекрасной союзницы плату за подвиги...

Тропа вывела их к глубокому мрачному ущелью, на дне которого шумел невидимый сверху поток. Между скалистыми стенами был перекинут веревочный мост с дощатым настилом. Скала на противоположной стороне была на добрую сотню локтей выше, и мост вел к темному отверстию тоннеля, выдолбленного в ее недрах.

— Темный Провал, — сказала Эллис, кивнув на ущелье. — На той стороне — проход, который выводит прямо в долину. Есть еще окружной путь, но он гораздо длиннее.

— А велик ли тоннель? — спросил Драган.

— Достаточно широк и высок, чтобы два всадника могли свободно ехать рядом, а тянется всего шагов на сто.

- Но там легко устроить засаду.
- Пошлите пару боссонцев на разведку.
- Нет,— сказал Драган, подумав,— я им не доверяю.

Первыми пойдут мои люди.

Он отправил двоих воинов на противоположную сторону, те скрылись в проходе и вскоре показались вновь, знаками показывая, что все спокойно.

Драган приказал отряду спешиться, и, ведя коней под уздцы, аквилонцы благополучно преодолели пропасть, один за другим скрываясь в тоннеле. Боссонские стрелки угрюмо наблюдали за переправой, держа наготове луки. Рыцарь и Эллис перешли мост последними.

Воин, встретивший командира и девушку на площадке перед входом в тоннель, держал в руке зажженную ветвь.

— Темнотица там, хоть глаз выколи, и камней полно, я чуть себе ноги не переломал.

— Хорошо,— сказал Драган,— посвети нам.

— Лучше я,— попросила Эллис,— боюсь, что какая-нибудь летучая мышь крылом заденет, а факел ее отпугнет.

Рыцарь усмехнулся, вспомнив, как храбро орудовала эта девочка своим железным ножом в его шатре. Что ж, там, в обществе сильных благородных мужчин, можно было пустить пыль в глаза, являя боссонскую спесь! Впрочем, возражать он не стал, и солдат передал факел девушке.

— Люблю огонь,— сказала она, не двигаясь с места.— А вы, месьор рыцарь?

— Бушующее пламя — лучшее зрелище для глаз настоящего воина,— отвечал Драган, несколько растерявшись от неожиданного вопроса.— Но... что это вы делаете?!

— Поджигаю мост. Сами бы могли догадаться.

Она поднесла факел к веревочным креплениям, и те вспыхнули сухим быстрым огнем. Желтые языки побежали по перекинутым через пропасть веревкам, затрещав настил, и вскоре мост превратился в пылающую арку, перекинутую над бездной.

Драган стоял, не в силах оторвать глаз от этого удивительного зрелища. Ему показалось, что прошла вечность,

хотя вздохнуть он успел не более трех раз. И только когда крепления лопнули и горящие куски настила полетели в пропасть, обернувшись, вперив безумный взгляд в своих оторопевших рубак.

— Где она? — прохрипел рыцарь, судорожно сжимая эфес меча.— Где эта боссонская сука?!

Один из воинов молча указал на вход в тоннель.

— Догнать! — взревел Драган и ринулся через темный проход.

Несколько раз упав и больно ударившись о камни, он выскочил на яркий свет и обнаружил своих людей, расположившихся в ожидании под деревьями.

— Где дочь шарифа? — яростно набросился на них командир.

— Промчалась на своей белой кобыле, словно вихрь, по тропинке,— отвечал кто-то.

— В погоню!

И, спихнув с седла ближайшего воина, рыцарь галопом погнал скакуна между редких стволов.

Вскоре роща кончилась, и тропа запетляла среди скал. За одной из них обнаружилась белая лошадь Эллис, спокойно щипавшая редкую жесткую траву.

Драган натянул поводья, растерянно озираясь. Дорога дальше расширялась, и все же девушка предпочла спешиться и бросить лошадь... Куда она подевалась?

Тут рыцарь заметил нечто, заставившее его покинуть седло и наклониться к небольшому пеньку. Это был железный нож Эллис, лезвие приколело к древесине небольшой кусок пергамента, на котором были нацарапаны несколько строк.

Драган поднес пергамент к глазам и прочел: «До встречи у пиктского алтаря, месьор. И не забудьте предать мой плагек Нергалу».

Глава четырнадцатая

И кто же поджег мост? — спросил Конан. — Я сидел на верху скалы, площадку перед входом в тоннель закрывает выступ, так что я не видел, кто это сделал, — объяснил юный Лесс. — Но мост сгорел дотла и так быстро, что я не успел сосчитать до трех.

— Значит, боссонские стрелки не смогут прийти нам на помощь, — покачал головой Скурато.

— Вот и отлично! — рявкнул Гуго. — Много ли чести стрелять врагу в спину? Атакуем королевских собак с ходу и обратим в бегство!

— Это не годится, — сказал Конан, — не хочу, чтобы наши кости гнили в столь мрачном месте.

Лесс разочарованно глянул на героя Тусцелана. Очевидно, он предполагал, что храбрый капитан первым вызовется нанести удар неприятелю.

— Сделаем так, — продолжил киммериец спокойно, — вы укроетесь за камнями, а я предложу Драгану решить дело поединком.

— Не стану я прятаться... — заворчал Пудолапый.

— Конан говорит разумные вещи, — оборвал его Пленси. — Если Драган согласится, киммериец его убьет, если нет, мы прикроем капитана стрелами, а потом уйдем через ущелье. Оно слишком узкое, чтобы конники могли нас преследовать.

— Должен тебя разочаровать, мой друг, — широко, словно сообщая презабавную новость, улыбнулся варвар, — из этого ущелья нет выхода.

Юный Лесс заметно побледнел, Скурато принялся яростно чесать бородавку. Лишь Гуго, избоченясь, смотрел вдаль из-под железной рукавицы с таким видом, словно жаждал поскорее увидеть сотню вооруженных до зубов воинов, загнавших их в ловушку.

И они появились. Сначала среди редких деревьев на краю долины возникло облако пыли, потом среди клубов заблестели наконечники копий и оковка щитов, показались морды лошадей, прикрытые чехлами с круглыми отверстиями для глаз, еще миг, и аквилонский отряд явился во всей своей грозной красе, накатываясь на застывших у подножия древнего святилища людей, как волны морского прибоя на берег.

Впереди, откинув забрало пернатого шлема, подняв раскрашенное белыми и красными кольцами копьё, прикрывшись прямоугольным щитом с изображением оскаленной львиной морды, скакал месьор Драган, решительный и беспощадный, как Перст Возмездия.

— Вы не обязаны погибать за меня, — сказал Конан своим спутникам.

Гуго зарычал, Пленси потер нос, юный Лесс побледнел, как асгардский снег, но в сторону не отъехал.

— Тогда ждите моего знака, а до того не двигайтесь, — бросил киммериец и дал шпоры Ситцу.

Он осадил коня в двух шагах от аквилонского рыцаря, который поднял руку, приказывая своим людям остановиться.

— Месьор Драган, кажется?

— Ты не ошибся, ублюдок!

— Зачем же сразу ругаться? Где ваши рыцарские манеры?

— Остались в Аквилонии! Я вежлив только с равными, а сейчас вижу перед собой безродную крысу, которую выкурил из норы.

— Так не хочешь ли попробовать содрать с нее шкуру? Давай — только ты и я...

Аквилонец презрительно скривил губы:

— Поединок? Ну нет, я не дерусь с изменниками и трусами. Ты предательски напал на меня ночью, ты подо-

слал своего человека, чтобы сжечь мост и отрезать боссонцев. Просчитался, мне не нужны их луки! Бесчестный трус, на что ты надеялся? Что справишься с сотней аквилонских всадников? Поистине, ты повредился в уме, если так думаешь, хотя и был когда-то среди наших военачальников. Да что я говорю: только подлый глупец мог оттолкнуть руку короля, одарившего его незаслуженными милостями. Собака, я затравлю тебя, как дикого зверя!

— Довольно бабской трескотни! — рявкнул Конан, обнажая клинок. — Дерись со мной, если ты мужчина!

Рыцарь захохотал и подал коня назад.

— Ату его! — крикнул он своим. — Мне нужна только голова варвара, тело — ваше!

Несколько воинов разом прищипорили лошадей и, наклонив копыта, ринулись на киммерийца.

И тут же за его спиной возле каменного портала раздался громкий хлопок, словно выбили пробку из гигантской бочки, воздух загудел, и двое всадников покатались на землю, пронзенные насквозь огромной стрелой: Гуго пустил в ход свой осадный арбалет.

Стрела из лука Пленси угодила в грудь лошади еще одного аквилонца, свалив животное и человека.

Отбив наконечник копыта, Конан разделался с третьим и, испустив яростный боевой вопль, вломился в ряды противников.

Он отлично понимал, что это его последний бой, но отступать было поздно, да и некуда. Осталась холодная ярость и только одно желание: успеть добраться до горла Драгана...

Как всегда во время битвы, голова Конана оставалась ясной, тело само делало все, что нужно: ноги сжимали бока Ситца, направляя животное, левая рука отражала клинки противников медным наручнем, правая орудовала мечом, рассекавшим шлемы и нагрудники, наносившим колющие удары под забрала и кирасы, мелькавшим, словно крылья ветряной мельницы... И в этой бешеной круговерти киммериец не упускал из виду поле боя: он видел, как прокладывает широкую улицу в рядах аквилонцев своим Трипа-

матором Гуго Пудопалый, как мечется среди лошадей юный Лесс, обрезая кинжалом подпруги, как Пленси Скурато с залитым кровью лицом пытается натянуть тетиву своего маленького лука... Варвар уже знал, что Гриб и мальчишка погибнут первыми, а их с Гуго прижмут к скалам и возьмут на копыта...

Потом он на миг увидел склон долины, сверкающий шар, катящийся вниз, и каких-то людей, бегущих следом с каменными топорами в руках. Пикты! Откуда здесь пикты? И что это за штука, блестящая на солнце медным отливом?..

Его таки достали: острие аквилонского меча полоснуло по груди, рассекая плоть почти до ребер. Обожгло, словно плеснули кипятком, но варвар умел подавлять боль. Он отбил второй выпад противника и раскроил ему голову. В тот же миг наконечник копыта пронзил шею Ситца, конь захрипел и повалился на бок, увлекая за собой седока. Конан крепко ударился головой о камень, перед глазами поплыли огненные круги, он еще успел увидеть занесенный над ним клинок, попытался поднять левую руку, чтобы прикрыться... И перестал видеть.

Глава пятнадцатая

О н летел сквозь длинную трубу, в конце которой был тусклый свет. Свет надвигался, как снежная буря, среди мелькающих хлопьев возникали и пропадали смутные лица. Они что-то неслышно шептали замерзшими губами, словно звали его к себе. Он понимал, что глаза у него закрыты и он не может их видеть, и все же они были, там, впереди, в конце узкой трубы. Потом одно из них придвинулось, бледное, со впалыми щеками, и киммериец узнал Пленси.

— Капитан! — услышал он. — Капитан!

Конан застонал и открыл глаза. Скурато сидел рядом с ним на корточках. На нем была рваная куртка, надетая прямо на голое тело, голова замотана окровавленной тряпкой.

— А, Гриб, — выдавил Конан и закашлялся. — Рад, что ты тоже здесь. Видел уже Нергала?

Скурато через силу улыбнулся:

— Зря торопишься, киммериец, мы еще живы. Хотя не знаю, надолго ли.

— Живы? — Варвар перевел взгляд на свою грудь и убедился, что она туго перевязана разорванной рубашкой Пленси. — Это самое удивительное, что я слышал за последнее время. А что, аквилонцы провалились в Нижний Мир?

— Многие уже на Серых Равнинах, другие собираются в дорогу. Мы, думаю, последние в очереди.

— Только не говори мне, что горстка пиктов, которых я успел заметить, прежде чем треснулся головой, разгромила сотню закованных в броню всадников!

— Пиктов не так уж мало, хотя они, конечно, не смогли бы одолеть аквилонцев. Их ряды разметал волк, огромный волк, покрытый медной шерстью, от которой отскакивают мечи и стрелы!

— Вот он! — услышал Конан у себя над головой бас Пудолопного. — Ох и здоровая бестия! Несется, как таран на крепостную стену... Есть! Еще трое отправились в пасть к Нергалу!

Снежная муть окончательно исчезла, глаза киммерийца приобрели прежнюю зоркость. Оглядевшись, он понял, что лежит за насыпью каменного портала, Скурато сидит рядом, а Гуго, навалившись мощным телом на чахлые кусты, озирает из-за бруствера поле боя, держа наготове свой огромный арбалет.

— Где Лесс? — поинтересовался Конан, недосчитавшись одного из бойцов своего маленького отряда.

— Ты разве не помнишь? — печально спросил Гриб.

— Что?

— Он ведь прикрыл тебя, когда ты упал. Прямо под меч бросился. Аквилонец рассек его пополам и снова замахнулся, чтобы прикончить тебя, да тут налетел волк...

— Жаль, — сказал Конан, — смелый был мальчишка.

Он поднялся на ноги, даже не покривившись от полоснувшей грудь боли, выглянул из-за земляного вала.

Каменистое дно долины было завалено трупами людей и коней. Несколько десятков аквилонских всадников в панике метались по полю, стараясь вырваться из кольца пиктов. Так, во всяком случае, Конану вначале показалось, но он быстро понял свою ошибку. Пикты вовсе не стремились сражаться с аквилонцами, они увертывались от ударов мечей, прикрываясь плетеными щитами, а когда всадники пролетали мимо, возвращались к своему основному занятию: добивали раненых.

Ужас аквилонцев был вызван вовсе не ордой дикарей. Огромный зверь летел за ними по пятам, словно на неви-

димых крыльях, всякий раз отрезая дорогу к выходу из долины и заставляя поворачивать коней. Его вздыбленная шерсть блестела, как хорошо начищенные доспехи, движения были точны и стремительны, и каждый прыжок в гущу всадников, которых он сгонял вместе с ловкостью опытной пастушечьей собаки, нес смерть сразу нескольким воинам.

— Почему они дают себя убивать, словно овцы? — удивленно спросил Конан. — Аквилонцы никогда не были трусами...

— А что им еще остается, — проворчал Гуго, — они и есть овцы. Против этой твари бессильны мечи и копья. Когда чудовище прыгнуло на меня, я успел рубануть его Трипамадором, и мой славный булатный клинок переломился, словно сухая палка... Три тысячи подземных огней, эта нежить задрала моего коня!

— А что с Драганом?

— Храбрый рыцарь пытался укрыться за спинами своих воинов, но не преуспел. Мыслю, куски его тела валяются где-то там, среди прочих. Славный гуляш, однако, приготовил себе на закуску медный демон!

— Клянусь дубиной Крома, он поплатится за то, что перебежал мне дорогу и первым достал королевского прихвостня!

Пудолапый только покачал головой.

— Остуди пыл, киммериец, — сказал он, — я тоже не привык уступать поля, но если на тебя наезжает осадная башня — умереть под ее колесами не такая уж большая честь для опытного воина. Лучше подумай об отходе. Никто не скажет, что это трусость.

— Ва! — воскликнул Конан, весело оглядывая рыжего великана. — Что это с тобой, Гуго? Видать, камень из моей пращи здорово встряхнул твои мозги, если ты заговорил об отступлении! Ладно, не рычи, сейчас не время для ссоры. Лучше помолись Митре и приготовься умереть: позади нас только узкое ущелье, запертое отвесными скалами.

— Что ж, умирать так умирать, — сказал Пудолапый неожиданно спокойно. — Палица и арбалет при мне, так что

еще немного повоюем. А там... Что ж, не век нам топтать эту землю.

— Вот это мне нравится, — хлопнул его по плечу варвар, — я хоть и не спешу на свидание с Нергалом, но всегда готов к этой встрече. Что это там булькает, хотел бы я знать?

Странные звуки доносились из-за опор портала, оттуда, где стояли каменные чаши. Пригнувшись, Гуго и Конан поспешили к той, что располагалась справа, и с удивлением увидели, что дно чаши медленно наполняется темной жидкостью. Пудолапый опустил в нее свою железную рукавицу, поднес к лицу и понюхал.

— Кровь, — сказал он растерянно, — разрази меня молния, это кровь...

Отчаянный крик Пленси, раздавшийся сзади, заставил их обернуться. Гриб лежал навзничь и из последних сил отбивался от навалившегося на него пикта. Каменный нож дикаря был в двух пядях от шеи следопыта.

Конан прыгнул, выхватывая из-за спины клинок, и вонзил его между лопаток нападавшего.

— Откуда он взялся? — спросил варвар, отпихивая ногой тело и помогая Скурато подняться.

— Из воздуха! — прохрипел Гриб. — Возник прямо на насыпи посреди этих нергалых ворот!

Конан снова выглянул из-за вала и убедился, что пикты продолжают справлять кровавую тризну в двух полетах копья от древней постройки. Может быть, один из дикарей незаметно подобрался сюда и...

Он не успел додумать свое предположение. Воздух между опорами портала задрожал, словно над горячим песком, и из марева возникли два полуголых дикаря. Потные тела украшала замысловатая татуировка, каменные топоры угрожающе занесены... Оба тут же упали мертвыми, пронзенные мечом варвара.

— Тень... — услышал Конан у себя над ухом испуганный вскрик Скурато. — Посмотри, киммериец, ее больше нет!

Солнце светило со стороны долины, и тень древней постройки еще недавно тянулась назад, падая на близкие скалы. Сейчас она исчезла.

— Гуго был прав,— пробормотал Конан,— в этих камнях заключена темная сила, и она проснулась. В чашах появилась кровь. Но что-то должно было разбудить чары... Кровь...

Он вдруг хлопнул себя по лбу:

— Ну конечно! Этот волк-оллах не зря устроил здесь побоище! Ему нужна свежая кровь... Гуго! Во имя Крома, Митры и наших задниц, разбей чаши!

Пудолапый не заставил себя упрашивать. Громко ухнув, он обрушил на зловещую купель свою тяжеленную палицу. Камень треснул и раскололся, темная, почти черная жидкость, булькая, потекла из разлома, быстро впитываясь в сухую землю.

Страшный рев донесся с бранного поля.

— Ага,— воскликнул киммериец,— не нравится! Круши вторую, приятель!

Прежде чем великан расколотил вторую чашу, из марева между камней выпрыгнули еще трое пиктов. Одному Конан снес голову, из второго вышиб дух крепким ударом кулака в грудь, а с третьим расправился Пленси, отомстив за свое недавнее унижение.

Как только осколки второй чаши опустели, жуткий вой повторился.

— Кажется, мы испортили ему требу,— довольно пропыхтел Гуго, снова устраиваясь за своим арбалетом.— Только поглядите, что там делается!

Среди пиктов произошло заметное смятение. Оставив в покое свои жертвы, они сгрудились посреди долины, яростно размахивая топорами и указывая в сторону древнего Святилища. Потом, повинувшись неслышной команде, ринулись вперед...

— Эй, Скурато, ты видишь волка? — спросил Пудолапый.

— Нет. Только, сдастся мне, нам хватит и этой орды. Их десятка три...

В это время где-то на краю долины, среди деревьев, протрубил боевой рог.

Глава шестнадцатая

Боссонцы! — радостно завопил Пленси.— Это сигнальщик Нунца!

— Видать, Гарчибальд уговорил-таки его идти нам на помощь,— пробасил Пудолапый с явным облегчением.— Но как они преодолели Темный Провал? Не иначе, барон научился летать по воздуху и остальных перетащил.

Чтобы лучше видеть, Конан взобрался на насыпь. Орда дикарей остановила свой бег и неуверенно топталась в полете стрелы от портала. Вдали виднелась цепочка боссонских стрелков, идущих вперед с луками на изготовку, а к ним, ища спасения, во весь опор мчались десятка два уцелевших аквилонских всадников.

Если стрелки Нунца, вняв уговорам Беспалого, и подоспели на помощь следопытам и Конану, желая встать между ними и посланцами короля, то, завидев пиктов, боссонцы мигом позабыли о междоусобных распрях: пикты были общим врагом, коварным и безжалостным, заставляющим вспомнить, что Боссонские Топи все же форпост Аквилонии, и долг каждого жителя Свободных Земель — сражаться с дикарями до последней капли крови. Поэтому лучники дали залп поверх голов остатков отряда Драгана и, расступившись, пропустили всадников за свои спины.

Залп был весьма успешным: тяжелые стрелы легко пробивали плетеные щиты, и с десятков пиктов упали на землю.

— Вперед! — гаркнул Пудолапый. — Посчитаем им черепушки!

И вдруг осекся.

Дикари расступились, из-за их спин вылетел медношерстый волк и огромными прыжками помчался к порталу.

— Назад, киммериец! — завопил Пленси. — Его не взять мечом!

Конан по-прежнему стоял на валу, сжимая в руке клинок. Мускулы варвара напряглись, ноги слегка согнулись в коленях — он неотрывно следил за приближающимся чудовищем, готовясь к схватке.

Два прыжка отделяло зверя от камней, когда Пудолапый выстрелил. Огромная стрела осадного арбалета ударила в грудь волка и... переломилась. Удар все же сбил оллаха с ног: яростно воя, демон упал на спину, но тут же вскочил, отряхиваясь по-собачьи и мотая огромной головой. Оскалив длинные, словно кинжалы, зубы, он снова прыгнул — киммериец напрягся, готовясь ударить в разинутую пасть, — но тут стремительно мелькнувший белый комок ударил в бок оллаха, и, сплетаясь в клубок, два существа покатались по земле, поднимая клубы пыли...

Побывав в сотне сражений, Конан вовсе не считал отступление чем-то позорным: нет, ему случалось не только отступать, но и попросту уносить ноги. Киммериец до последнего не верил, что оллаха, свалившегося неведь откуда на их головы, не взять обычным оружием, но, увидев собственными глазами, как переломилась тяжелая, окованная железом стрела осадного арбалета, он решил, что настала пора положиться на собственную резвость и постараться спрятаться в ущелье, пока не подспеют боссонские лучники. Демон не атаковал их ряды, возможно, оллах не так неуязвим, как кажется... Это была призрачная, но все же надежда.

Спрыгнув с насыпи, Конан велел Пудолапому и Пленси бежать за ним и со всех ног пустился к узкой горловине ущелья.

— Ты видел? — выдохнул на бегу Скурато. — Еще один, клянусь пятками Иштар!

— Кто?

— Да волчара! Белый, скакнул на медношерстого, свалил и был таков... О Митра, вот он!

Они уже углубились в ущелье на полусотню шагов. Отвесные каменные стены вздымались по сторонам, бросая на дно холодную густую тень. Под ногами хрустел гравий и мелкие кости каких-то животных. Конан глянул вперед, куда указывал Пленси, и увидел сидевшего на большом валу белого волка.

— Кром, — пробормотал варвар, остановившись, — я его знаю. Это тот самый, что крутился возле Белого Уха. Э, да он ранен!

Зверь держал на весу левую переднюю лапу, на белой шерсти отчетливо виднелось красное пятно. Пленси поднял лук, но киммериец толкнул его в руку, заставив опустить оружие.

— Кажется, эта зверюга недолгобливает меднолобого оллаха. Пока не стреляй, но будь наготове.

Белый волк слегка ощерил пасть, словно улыбнулся, потом спрыгнул с камня и, прихрамывая, затрусил в глубь ущелья. Конан, Пленси и Гуго осторожно последовали за ним.

Вскоре путь им преградила отвесная стена.

— Все, — сказал киммериец, — дальше хода нет.

— Тогда куда девался волк? — спросил Гуго.

В самом деле: зверя нигде видно не было.

— Под скалу он девался, — сказал зоркий Гриб, — я только что видел белый хвост вон в той дыре.

— Нет там никакой дыры, — буркнул Конан, — мы с Катлем здесь все облазили: тупик.

И все же в основании скалы обнаружился узкий лаз. Щуплый Скурато легко в него проскользнул, а вот Гуго застрял сразу и основательно. Конан посоветовал Пудолапому снять доспехи, на что тот зарычал и заявил, что лучше достанется на закуску оллаху, чем лишится последнего своего достоинства.

— Шлем помяли, — ворчал здоровяк, с трудом выбираясь задом из-под камней, — Трипамадор мой славный на куски разломился, так теперь я еще и доспех брось. Вот

ежели бы ты, киммериец, для меня головы не пожалел, да я бы за нее сундук золота огреб, тогда конечно...

Пока он рассуждал таким образом, между отвесных стен ущелья прокатился жуткий рев, полный слепой ярости.

— Если ты не перестанешь дурить, мешок с требухой, — зло бросил варвар, — обе наши головы окажутся в пасти у демона. Давай, разоблачайся и лезь вперед. Потом свое железо заберешь, не век же эта bestия будет здесь околачиваться!

Гуго внял здравому слову, скинул кольчугу и нагрудник и, захватив палицу, со страшными ругательствами скрылся в узком лазе. Варвар последовал за Пудолапым, и вскоре они оказались по другую сторону скалы, где изнывал в ожидании Гриб.

Лаз выходил к основанию каменной осыпи, взбегавшей вверх между крутых склонов и терявшейся за их поворотом. Очевидно, некогда это был конец ущелья, перегороженного впоследствии рухнувшим обломком скалы. Здесь было солнечно, на склонах кое-где росли небольшие деревца.

— А что, братия, — прогудел Пудолапый, оглыдываясь, — жить стало веселее! Одно меня гложет: не зря ли мы так поспешно уступили поле оллаху? Глядишь, тресни его посылнее в медную башку...

Страшный грохот прервал его речь: по скале побежали трещины, и из расширившейся дыры в ее основании показалась голова демона. Зеленые немигающие глаза уставились на людей.

— Вот и тресни... — охнул Пленси.

Гуго без долгих рассуждений метнул палицу. Она ударилась в медный лоб и отскочила, словно орех от стены. Оллах коротко рыкнул и полез наружу.

Теперь он медлил, наступая: поводил головой из стороны в сторону и, похоже, принюхивался. Гуго, оказавшийся безоружным, и Гриб со своим бесполезным луком карабкались вверх по осыпи, бормоча молитвы попеременно с ругательствами. Конан прикрывал отступление: он пятился, стараясь не поворачиваться к оллаху спиной, сжимая в руке меч.

Огромный зверь прыгнул. Киммериец точно рассчитал удар и вонзил клинок в оскаленную пасть. Лезвие со зво-

ном переломилось, сильный удар бросил варвара на землю, резкая боль в груди на миг лишила зрения...

Вскочив на ноги, он понял, что оказался позади оллаха, и увидел Бэду Катля, спускавшегося по осыпи навстречу чудовищу. Пленси и Гуго что-то кричали ему, размахивая руками. В голове Конана все еще стоял гул от удара, слов их он не слышал, но понял, что следопыты предостерегают Катля от бессмысленной схватки.

Бэда продолжал спускаться, сжимая в руке длинный тяжелый хассак.

«Жаль, — успел подумать киммериец, — промахнется. А если и не промахнется, все равно погибнет».

Он поискал глазами камень поувесистей, но осыпь была мелкая, ничего подходящего не обнаружилось.

Демон яростно взвыл и бросился на человека.

Катль метнул нож.

Оллах перевернулся в воздухе и тяжело рухнул на щебень. Скалы вздрогнули, с деревьев на склонах посыпались листья. Белые сполохи объяли тело чудовища, стремительно меняющее очертания...

Когда Конан подошел ближе, он увидел на камнях скорчившегося голого старика. Спина и грудь его были густо покрыты татуировками, а вместо левой половины лица темнела кровавая каша: хассак Катля вошел в глазницу по самую рукоять. И все же киммериец узнал убитого.

— Вот так бросок! — услышал он восторженный бас Гуго. — Ты, парень, врал, когда говорил, что разучился метать ножи. Ну, да я сам бы всадил стрелу в глаз оборотня, знай его уязвимое место. И кто сей ничтожный стручок, нагнавший на нас столько страха?

— Это Белое Ухо, — сказал Конан, — пиктский колдун.

— А ты, верно, ожидал увидеть на его месте меня? — раздался сверху знакомый голос.

По осыпи неторопливо спускался шариф Партер.

Рядом шла Эллис — босая, в разорванном платье, с исцарапанным лицом, на котором играла победная улыбка.

Глава семнадцатая

И все же, парень, признайся, что ты — оборотень, — сказал Гуго Пудолапый, осушив до дна полуведерную чашу. — Не оллах, конечно, но волколак — точно. Обернулся белым волчарой и подставил нас как приманку для колдуна. Я прав?

Бэда молча улыбнулся и откусил добрый кусок чесночной колбасы.

— Это ничего не доказывает, — проворчал Гуго, — видеть, и оборотни научились чеснока не бояться.

— А кольца Иштар? — спросил Пленси.

— Да иди ты со своими кольцами...

Гриб только хмыкнул и занялся куриной ножкой.

В гостиной шарифа уютно потрескивал камин, стол был уставлен блюдами с разнообразной снедью, бутылками, кувшинами и разномастными кружками. Праздновали победу над силами тьмы, над пиктской волшбой, пили во здравие хозяина, за честь боссонского оружия и даже за здоровье аквилонского короля.

— Не стоит, почтенный Гуго, строить беспочвенные предположения, — заметил Партер, утирая усы платком, — истинный оллах мертв, и убил его Бэда Катль. Он исполнил данное мне обещание отыскать настоящего оборотня и покончить с этим исчадием тьмы. И если Бэда простит мне коварство, вызванное, замечу, исключительно радением об общественных интересах, я сдержу слово и отдам за него дочь.

Эллис, сидевшая рядом с отцом, улыбнулась.

Бэда почтительно склонил голову: он уже обо всем договорился с шарифом и все еще не мог прийти в себя от суммы, назначенной в приданое племяннице дядей-виконтом. Пожалуй, о ферме придется забыть. Пожалуй, на такие деньги достойнее построить замок где-нибудь в Западной Марке...

— Мы с удовольствием погуляем на свадьбе, если нас пригласят, — заговорил Гарчибалд Беспалый светским тоном, — но все же хотелось бы узнать поподробней об этом колдуне-оллахе и его коварных замыслах. Чего он все-таки добивался, столь упорно стараясь заманить аквилонский отряд в Долину Волчьей Пасти?

— А я думал, это мы хотели поколотить там королевских ищеек, — проворчал киммериец.

— Ваши цели совпали, и колдун воспользовался этим, — сказал шариф. — Ему нужно было напитать землю долины кровью, дабы наполнились чаши древнего Святилища и свершился древний магический обряд, открывающий ворота, через которые могли пройти орды пиктов. Здесь, в болотах, скрывались лишь их лазутчики, а основные силы ждали наготове далеко за Черной рекой. Магические врата, видимо, есть и там, и мне страшно подумать, что могло бы случиться, если бы почтенный Гуго вовремя не разбил чаши.

Пудолапый польщенно хмыкнул, не став уточнять, что мысль эта первой пришла в голову Конану.

— А зачем понадобилось устраивать ночное нападение? — спросил Пленси.

— Чтобы похитить меня и Эллис, конечно! Митра Всемилостивый, до сих пор холодный пот прошибает, как вспомню себя на спине этого чудовища... Белакместрикс, известный вам под именем Белое Ухо, был настоящим оллахом и умел оборачиваться кем угодно по своему желанию, хотя и предпочитал облик медношерстого волка. В подобном обличье он был неуязвим, если не считать глаз, чем и воспользовался наш спаситель Катль в поединке с оборотнем. Укрыв меня в тайном убежище за рухнувшей скалой (тут шариф потер запястья, на которых еще виднелись следы веревок), сей пособник темных сил, угрожая со мной

расправиться, велел Эллис отправиться к аквилонцам, провести их через Темный Провал и сжечь мост.

— Но зачем? — спросил барон.

— Чтобы отрезать боссонских лучников! Наши стрелки столь искусны, что могли всадить ему стрелу в глаз с безопасного расстояния. И когда люди Нунца появились в долине, Белахместрикс понял, что пора уносить ноги...

— И атаковал нас, — проворчал Гуго. — Кстати, Беспалый, как вам удалось перебраться через пропасть? Или ты тоже не чужд колдовства и умеешь летать по воздуху?

— Мнительный ты что-то стал, Пудолапый, — усмехнулся барон. — Должен тебя разочаровать: колдовство здесь ни при чем. Для этого понадобилось всего две веревки с грузилами на конце, чтобы захлестнуть за дерево на противоположном берегу ущелья: одна выше, другая ниже. Держась руками за первую, по второй можно перейти через пропасть, если, конечно, соблюдать осторожность и не торопиться.

— Не торопиться! Да нас чуть не сожрала эта бестия, и, если бы не белый волк, взявшийся невесть откуда, словно в сказке, так бы и случилось...

— Кстати, месьоры, о сказках, — подала тут голос молчавшая до сих пор Эллис, — хотите расскажу одну, весьма занятную?

Шариф нервно заерзал и положил руку на плечо дочери:

— Уже поздно, дорогая, все устали. Пора и на покой...

— Еще не все выпито и не все съедено, — перебил его Конан, с любопытством поглядывая на девушку, — почему не послушать занимательную историю?

— Волшебную историю, — улыбнулась Эллис, — и совершенно невероятную. Слушайте. Случилось так, что в одном городе на краю земли жила некая девица, весьма пригожая собой, но своенравная и непочтительная к родителям. Она любила разгуливать по лесам в сопровождении лишь одного слуги и, конечно, попала в переплет. И спас ее некий юноша, приглянувшийся ей не столько красотой лица, сколько смелостью и независимостью нрава. Но вот беда: отец

девушки был против их брака и сделал так, что юноша сей надолго исчез в дальних горах.

И тогда наша девица, желая отомстить отцу, сбежала из дома. Долго ли, коротко ли, набрела она на тайное убежище одного колдуна. То был безобидный с виду старичок, более всего любивший попивать винцо, греясь на солнышке. Он выслушал и обласкал девушку, и научил ее разным забавным штукам...

— Кхм, кхм, — шариф многозначительно покашлял и погрозил Эллис пальцем. — Ты, кажется, забываешь, что у нас в гостях прославленные суровые воины, повидавшие всякого на своем веку. Зачем тешить их детскими выдумками?

— Нет, отчего же, — сказал барон, — очень интересно.

— Каким таким штукам? — спросил Гуго, насупившись.

— Ну, например, кувыряться через пень, в который воткнул железный нож с древними рунами на клинке, — продолжала Эллис. — Девушке очень это нравилось, и она убегала в лес на каждое полнолуние. А отец, конечно, беспокоился. И даже выписал из одной южной страны лекаря, который обещал отучить девицу от пагубного пристрастия своими микстурами. Кстати, забегая вперед, скажу, что лекарь преуспел и отбыл домой с полной сумкой золота.

Одна беда: старик-колдун вовсе не был столь безобиден, как прикидывался. Однажды среди холмов он обнаружил раненого воина, спасавшегося от погони, и оказал ему помощь. Не от чистого сердца, а по коварному расчету: умея заглядывать в будущее, колдун знал, что сей беглец, оклеветанный врагами перед лицом своего покровителя, послужит приманкой целому воинству, которое, себе на погибель, отправится в заколдованное место, чтобы напитать кровью сухую землю...

Но и колдун оказался не всеведущ: он не учел, что девушка, бывшая тогда при нем, тоже видела воина, и сердце ее больше не могло биться ровно. Нет, она не отказалась от своего суженого, но в роковое полнолуние последний раз воткнула в пень волшебный нож, чтобы прийти на помощь тому, чей образ неотступно преследовал ее во снах...

СОДЕРЖАНИЕ

О. Локнит
АЛМАЗНЫЙ ЛАБИРИНТ

Глава первая	7
Глава вторая	28
Глава третья	48
Глава четвертая	68
Глава пятая	84
Глава шестая	101
Глава седьмая	120
Глава восьмая	138
Глава девятая	157
Глава десятая	176
Глава одиннадцатая	193
Эпилог	215

ЗАПАДНЯ

К. Стайл. Дикая охота	223
А. Олдмен. Западня	351

Теперь с этим покончено, и сказка близится к счастливому концу: впереди свадебный пир на две седмицы и никаких превращений!

Стало тихо, только потрескивал огонь в масляных лампах да выл за окнами ветер — шальной ветер Боссонских Топей.

— Забавная история, — нарушил молчание Пудолапый, потянувшись за очередной кружкой, — хотя я мало чего понял. Ну, колдун, ясно, пикт, Белое Ухо или как там его, раненый воин — Конан, девушка — сама Эллис... Но что это за белый волк, напавший на оллаха и показавший нам лаз под скалой, Нергал меня задери?

— Волчица, — сказал киммериец, — это белая волчица, Гуго.

Следопыт непонимающе уставился на варвара. Потом хлопнул себя по лбу.

— Ну конечно! — воскликнул он. — Так, значит...

— Значит, что история наша подошла к концу, — прервала его Эллис. — И не забывайте, месьюры, что это всего лишь сказка.

Она улыбнулась и легко тронула тонкими пальцами тугую повязку на своей левой руке.

Литературно-художественное издание

ОЛАФ ЛОКНИТ
АНДРЕ ОЛДМЕН
КРИСТИНА СТАЙЛ

КОНАН И АЛМАЗНЫЙ ЛАБИРИНТ

Ответственный редактор *Наталья Баулина*
Главный художник *Сергей Шикин*
Художественный редактор *Екатерина Соболева*
Художник *Алексей Федоренко*
Верстка *Арсений Шмарцев*
Технический редактор *Галина Седова*
Корректор *Елена Шнитникова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 11.04.97. Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура «Школьная». Бумага типографская. Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 23,52. Тираж 20 000 экз. Заказ № 1665.

Издательство «Северо-Запад»
Лицензия ЛР № 071380.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3

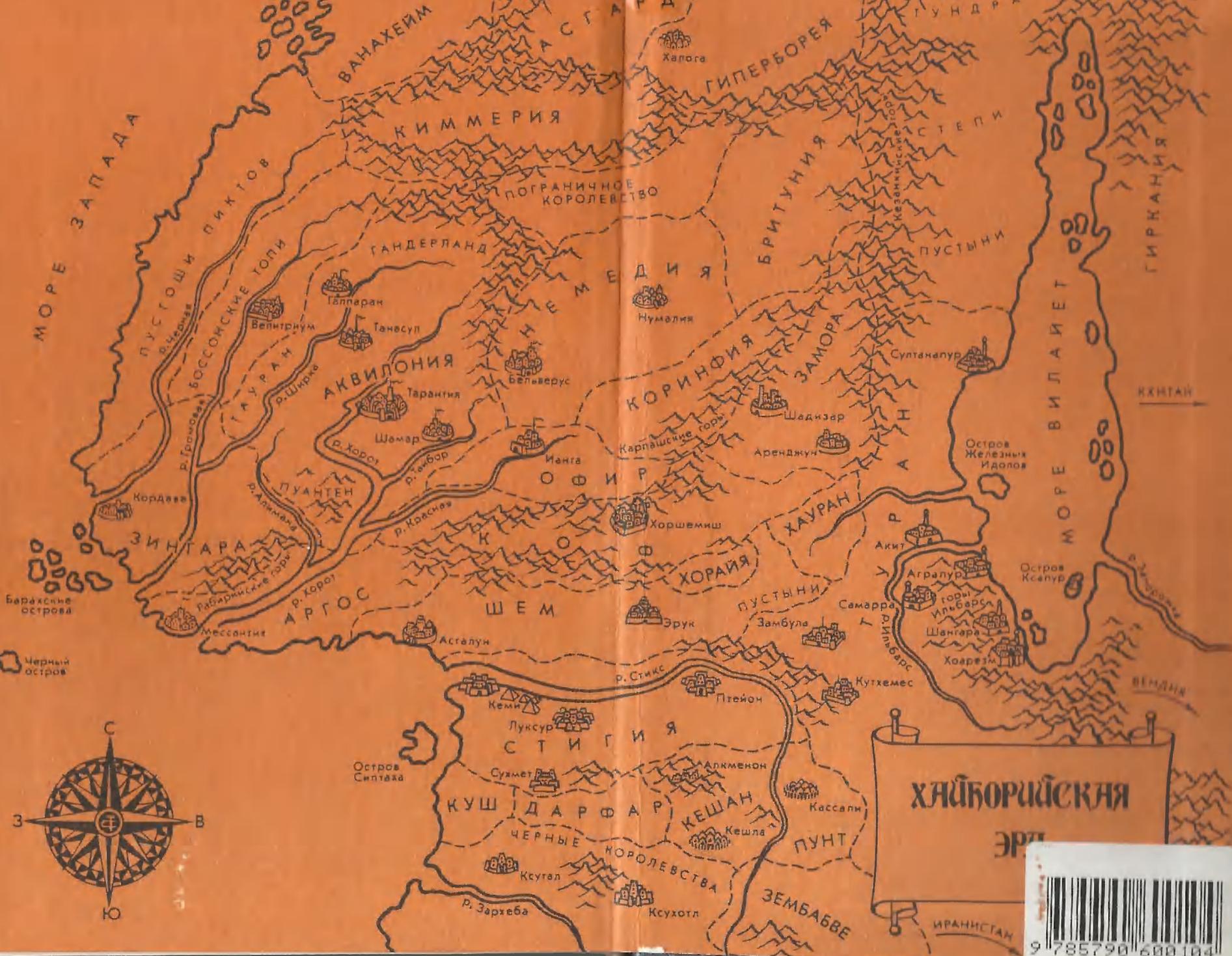
Для писем:
197110, Санкт-Петербург, а/я 171
E-mail: sevzap @inforpro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 729. 220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35-305.

При участии МППО им. Я. Коласа. Лицензия ЛП № 82. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

Качество печати соответствует качеству предоставленных издательством диапозитивов.

МОРЕ ЗАПАДА

ВАНАХЕЙМ

КИММЕРИЯ

ГИПЕРБОРЕЯ

ТУНДРА

ПОГРАНИЧНОЕ КОРОЛЕВСТВО

БРИТУНИЯ

КАЗАНЧИСКОЕ ГОРЬКО

ПУСТЫНИ

СИРКИЯ

ПУСТОШИ ПИКТОВ

БОССОНСКИЕ ТОПИ

ГАНДЕРЛАНД

НЕМЕДИЯ

Галларан

Велитриум

Танесуп

Нумалия

АКВИЛОНИЯ

Тарантия

Белверус

КОРИНФИЯ

Шадизар

Султананур

ПУАНТЕН

Шемар

Ионга

ОФИР

Аренджун

Остров Железных Идолов

ЗИНТАРА

Р. Хорос

Р. Тамбор

Хоршемиш

ХОРАИЯ

ХАУРАН

Акил

Агралур

Остров Ксанур

Барахские острова

АРГОС

ШЕМ

ПУСТЫНИ

Замбула

Самарра

Ильбарса

Шангара

Хоарезм

Черный остров

Мессантия

Асгалун

Эрук

Замбула

Кутхемес

Акил

Агралур

Ильбарса

Шангара

Хоарезм

Кеми

Луксур

Птейон

СТИГИЯ

Сузмет

Алкменон

КУШ

ДАРФАР

КЕШАН

КАССАЛИ

ПУНТ

ЧЕРНЫЕ КОРОЛЕВСТВА

Ксугал

Ксухотл

ЗЕМБАБВЕ

Р. Зартеба

Хайборийская Эра

ИРАНИСТАН

